

Латинская АМЕРИКА

VV
ВЕКА
ЛЛ

СОЦИАЛЬНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
БЕДНОСТИ

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Латинская АМЕРИКА XX ВЕКА

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ БЕДНОСТИ

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 364
ББК 66.3(70)3
Л27

Авторский коллектив:

д.полит.н. А.Н. Боровков (гл. X, Мексика), *к.и.н. Э.С. Дабагян* (гл. X, Венесуэла),
к.полит.н. Л.В. Дьякова (гл. X, Чили), *к.и.н. Ю.А. Зубрицкий* (гл. VII),
д.и.н. Б.И. Коваль (гл. I–IV, VIII – в соавторстве с проф. *С.И. Семеновым*, гл. IX),
к.и.н. Н.Ю. Кудярова (гл. IX, параграф о гражданской взаимопомощи),
к.и.н. Э.Е. Кузнецова, *к.и.н. Л.В. Пегушева* (гл. V, VI),
д.и.н. Л.С. Окунева (гл. X, Бразилия), *к.и.н. О.П. Проселкова* (гл. X, Перу),
У. Новотный (гл. X, Аргентина)

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор
Б.И. Коваль

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор *З.В. Ивановский*,
доктор философских наук, профессор *А.В. Шестопал*

Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности /
[отв. ред. Б.И. Коваль] ; Ин-т Латинской Америки РАН. – М. : Наука,
2006. – 287 с. – ISBN 5-02-035134-2.

Работа является первым комплексным исследованием вопросов бедности и нищеты в современной Латинской Америке. В отличие от традиционных методов анализа в книге развивается идея “человеческого измерения бедности” как устойчивого образа жизни большинства человечества. В работе освещаются основные теоретические стороны философии, социологии и теологии бедности, особенности социальной психологии нищеты, органическая структура бедности, общие и национальные особенности социальной политики в ряде латиноамериканских государств, положение индейского населения, женщин, молодежи.

Для всех, интересующихся вопросами современного этапа глобализации, преподавателей, студентов, широкого круга читателей.

Темплан 2006-II-82

ISBN 5-02-035134-2

© Институт Латинской Америки РАН,
2006

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	7
<i>Часть первая</i>	
МЕТАФИЗИКА БЕДНОСТИ	12
<i>Глава I</i>	
Замысел и методология исследования	12
Бедность – предмет социальной антропологии	12
Масштаб нищеты в Латинской Америке	16
<i>Глава II</i>	
Контуры общей концепции	24
Исходные позиции	24
Бедность как системное представление и общественное явление	30
Вынужденный аскетизм – универсальный образ жизни	39
<i>Глава III</i>	
Христианская этика бедности	48
Истоки религиозной антропологии	48
От 10 заповедей до Нагорной проповеди	54
Католический Катехизис, Ватикан и теология освобождения	60
Протестантская линия (В. Зомбарт против М. Вебера)	71
<i>Глава IV</i>	
Взаимосвязь народной бедности и национального богатства	81
Постановка проблемы Адамом Смитом	81
Концепция Пьера Жозефа Прудона	87
“Первоначальное накопление” продолжается	90
<i>Часть вторая</i>	
АНАТОМИЯ БЕДНОСТИ	101
<i>Глава V</i>	
Бедность: социально-экзистенциальный аспект	103
Динамика бедности	105
Рынок труда и структура занятости	112

Неформальный сектор экономики	119
Женский труд	120
Безработица	123
Труд и образование	125
Глава VI	
Проблемы семьи и молодого поколения	130
Семья и ее материальное положение	130
Молодежь: настоящее и будущее	137
Глава VII	
Судьба индейских народов	143
Глава VIII	
Трагедия пауперов (путь порока и преступлений)	153
Сопутствующий комментарий. Облик фавелы Жакарезиньо	160
Часть третья	
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ БЕДНОСТИ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ	168
Глава IX	
Идеал социальной справедливости и жизненные реалии	171
Социальная справедливость – лозунг, стимул и цель	171
Государственный патернализм	176
Благотворительность бизнеса или бизнес благотворительности?	179
Гражданская взаимопомощь	181
Новый гуманизм – ориентация на самоутверждение личности	187
Глава X	
Консолидированный опыт шести стран	193
Аргентина	195
Бразилия	203
Венесуэла	222
Мексика	232
Перу	247
Чили	256
Бедность – человеческая драма и фактор цивилизации (вместо заключения)	282

CONTENIDO

Presentación del redactor	7
 <i>Capítulo I</i>	
METAFÍSICA DE LA POBREZA	12
 <i>Artículo I</i>	
Idea y metodología del estudio	12
La pobreza como objeto de antropología social	12
La envergadura de la miseria en América Latina	16
 <i>Artículo II</i>	
Contornos de concepción general	24
Puntos de partida	24
La pobreza como noción sistémica y fenómeno social	30
Ascetismo forzado como modus vivendi universal	39
 <i>Artículo III</i>	
Ética cristiana de la pobreza	48
Orígenes de antropología religiosa	48
Del decálogo al Sermón de la Montaña	54
Catecismo católico, Vaticano y la teología de liberación	60
La línea protestante (V. Zombart contra M. Weber)	71
 <i>Artículo IV</i>	
La pobreza del pueblo versus riquezas nacionales	81
El enfoque del problema según Adam Smith	81
Concepción de Pierre Joseph Prudón	87
“La acumulación inicial” continua	90
 <i>Capítulo II</i>	
ANATOMÍA DE LA POBREZA	101
 <i>Artículo V</i>	
La pobreza: aspecto socio-existencial	103
Dinámica de la pobreza	105
Mercado laboral y estructura de la ocupación	112

El sector informal de la economía	119
Ocupación de las mujeres	120
Desempleo	123
Trabajo y enseñanza	125

Artículo VI

Problemas de la familia y de la juventud	130
La familia y su estado material	130
La juventud: su presente y su porvenir	137

Artículo VII

El destino de pueblos indígenas	143
--	-----

Artículo VIII

Tragedia de los pauperos (camino de vicios y crímenes)	153
Comentarios al respecto. La existencia de la favela Jacarezinho	160

Capítulo III

TERAPIA SOCIAL DE LA POBREZA: PRINCIPIOS GENERALES Y MODELOS NACIONALES	168
--	-----

Artículo IX

Ideales de justicia social y realidades	171
Justicia social – lema, estímulo y objetivo	171
El paternalismo estatal	176
Filantropía del business o el business filantrópico?	179
Ayuda mutua civil	181
Nuevo humanismo: problema de la autodeterminación personal	187

Artículo X

La experiencia social de seis países	193
Argentina	195
Brasil	203
Venezuela	222
México	232
Perú	247
Chile	256

La pobreza – drama del ser humano y factor de la civilización (como resumen)	282
---	-----

Масштабы социальной бедности в жизни современного мира столь велики, а нарастающее ощущение общего бессилия покончить с этим злом так остро, что ООН, другие международные организации, национальные правительства, институты гражданского общества, церковь и даже бизнес всерьез задумались о том, чтобы принять срочные меры и обеспечить сносное существование для большинства человечества. Такую огромную задачу, хотя бы отчасти и постепенно, возможно выполнить только совместными продуманными усилиями. К сожалению, необходимого уровня единства воли и действий достичь пока не удастся: каждый субъект политики и экономики ставит свой собственный эгоистический интерес и выгоду по-прежнему выше глобальных императивов. В итоге болевые симптомы бедности и нищеты большинства населения планеты все острее проявляются повсюду, даже в самых богатых государствах, но в первую очередь в странах, находящихся в стадии социально-экономической и политической модернизации. В эту группу входит Россия, страны Восточной Европы, Латинской Америки, некоторых регионов Ближнего Востока, Азии и Африки. Все “переходные общества” переживают схожие коллизии, сталкиваются с новыми вызовами, хотя каждое по-своему. Тем не менее проявляются и некоторые универсальные закономерности. К ним, в частности, относится чрезвычайная живучесть и даже обострение проблемы бедности.

Особенно вызывающе об этом свидетельствует социальный опыт крупных государств современной Латинской Америки. Именно этой темой в ее широком экзистенциальном смысле авторы и намерены заняться в этом исследовании.

В прежние годы было издано немало серьезных социэкономических работ, в которых проблема бедности так или иначе затрагивалась, но лишь как “сопутствующий элемент” макроэкономических процессов, во-первых, и как результат пауперизации трудящихся классов, во-вторых. Специального комплексного анализа бедности как особого феномена цивилизационного развития не проводилось. Теперь такая необходимость назрела.

За истекшие годы XX века многое изменилось в Латинской Америке. Существенно трансформировалось и наше мировоззрение. Отечественное обществоведение освободилось от прежних идеологических шор и диктата марксистских догм. Ученые стали ориентироваться на собственное творческое мышление и достижения мировой науки, непредвзятое изучение человека и общества в их органическом единстве. Многие положения марксистского учения сохраняют свою ценность, но они должны быть освобождены от идеологической тенденциозности и подчинения истории интересам каких-либо классов или партий.

Прежде толстым коллективным академическим трудам были присущи черты позитивистского дистанцирования от темы, некая претензия на окончательную истину, сухой стиль изложения. При таком подходе терялась всякая оригинальность мышления и стиль письма различных авторов. Все “причесывалось” под одну гребенку. Более того, ощущался некий диктат “чужой мысли”, будь то или иное высказывание классиков марксизма-ленинизма, цитата из очередного постановления ЦК КПСС или мнение кого-нибудь из официальных советских или зарубежных политических и научных “авторитетов”. Преодолеть этот шаблон очень трудно. До сих пор некоторые групповые разработки грешат подобными “пережитками”. Вот почему так важно максимально развивать авторскую свободу анализа, многообразие стилей и жанров изложения, не опасаясь возможных внутренних “несогласий” участников коллективного научного творчества. Такой подход не обедняет, а, напротив, обогащает смысл и характер исследования.

Приступая к настоящей работе, авторы исходили из взгляда на современную Латинскую Америку как на цивилизацию пограничного и синтетического типа, о чем уже говорилось подробно в наших предыдущих публикациях*. Здесь же важно подчеркнуть мысль о том, что теперь быстро развивается действительно новая Латинская Америка. Еще несколько десятилетий назад она представляла собой весьма отсталый и слабо развитый континент. Господствующие позиции в экономике занимал иностранный капитал. В политике преобладали компрадорские и консервативные силы. Острый характер носили социальные конфликты. В общем, картина выглядела достаточно тревожной.

* См. Цивилизационные исследования. М., 1996; Человек и общество в современной латиноамериканской цивилизации // Аналитические тетради ИЛА РАН. М., 2000. № 10; Латиноамериканские диаспоры в США. М., 2003; Коваль Б.И., Семенов С.И. Цивилизационная идентификация России и ибероамериканские параллели. М., 1998; Семенов С.И. Мутации левой политической культуры в цивилизационном контексте Латинской Америки. М., 1999.

Сейчас мы видим совершенно иную Латинскую Америку. Она прочно стоит на собственных ногах и занимает достойное место в мире. Крупные государства по технико-экономическому уровню, нормам политической жизни, социальной структуре и ряду других показателей мало чем отличаются от так называемых “развитых государств”. Правда, сохраняется существенное отставание от передовых держав. В ряде стран не решен аграрный вопрос. Сильно внешнее давление. В целом, однако, процесс модернизации принципиально изменил облик и образ жизни народов Латинской Америки.

Многое изменилось, да не все. Развитие цивилизации не привело к преодолению социального неравенства. Более того, пропасть между нищетой и богатством расширилась. В настоящее время почти половина всего населения континента, даже по официальным данным, живет за “чертой бедности”. В действительности доля бедного и нищего люда достигает 60%. В чем причины такой ситуации? И возможно ли в обозримой перспективе покончить с этим “социальным злом”? Как помочь обездоленным и несчастным людям? Неужели надежды на неолиберальные реформы оказались беспочвенны?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо взглянуть на проблему бедности с широких цивилизационных и социоантропологических позиций. Это тем более важно сделать, поскольку такой подход долгое время был ограничен приоритетом макроэкономического и политического (классового) анализа. Чисто экзистенциальные, этические, психологические, бихевиористские и другие аспекты феномена бедности как универсальной категории оставались на периферии обществоведения. Весь анализ строился в соответствии с идеей К. Маркса об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, безудержном росте нормы прибавочной стоимости и других “органических пороках” капитализма, с одной стороны, и на пропаганде “бесспорных преимуществ социалистического образа жизни”, с другой.

С учетом этих обстоятельств авторский коллектив сосредоточился на комплексной методике общецивилизационного и социоантропологического анализа бедности на примере современной Латинской Америки. Соответственно была построена и структура работы. Она делится на три больших блока.

Первый раздел – метафизика бедности – посвящен обоснованию новой методологии исследования и сопоставлению различных религиозно-этических и философских концепций социальной справедливости и бедности.

Вторая часть – анатомия бедности – содержит комплексный разбор социального и материального положения малоимущих и

беднейших слоев населения Латинской Америки в настоящее время. В основу положены официальные статистические и документальные материалы.

В третьем разделе – социальная терапия бедности – дается сравнительный анализ социальной политики властей, бизнеса и гражданского общества по ряду стран. Главное внимание при этом уделяется не описанию соответствующих реформ и программ, а выявлению их подлинной эффективности.

Такая структура позволяет адекватно представить масштабы, характер и динамику феномена бедности и нищеты как органической части жизни социального организма в целом. Одновременно становится возможным поставить вопрос о специфической функции бедности как фактора цивилизационного процесса в условиях современной глобализации.

Говоря более конкретно, цели проекта сводятся к следующему:

- выявить объективные и субъективные факторы наличия массовой бедности в Латинской Америке, оценить ее социально-экономические параметры и количественные масштабы, взятые в динамике и пространстве;
- определить характер нищеты как устойчивого образа жизни;
- оценить социально-энергетическое поле маргинальных групп, их психологическое состояние и отчуждение;
- охарактеризовать ценностные ориентации различных групп населения в отношении бедности и богатства и связь общественного сознания с традициями религиозно-нравственных установок в отношении земных благ и справедливости;
- выявить общий курс и смысл социальной доктрины католицизма как господствующей религии в Латинской Америке в сопоставлении с протестантским взглядом на бедность и нищету;
- оценить роль теологии освобождения и “церкви бедных” в борьбе против социального неравенства;
- раскрыть смысл и эффективность социальной политики государств и благотворительности со стороны бизнеса;
- осветить роль гражданских институтов в борьбе с бедностью;
- определить возможности использования социоэнергетического потенциала беднейших слоев в интересах общественного развития;
- и, наконец, обобщить опыт Латинской Америки по уменьшению масштабов и глубины бедности с целью выработки некоторых практических рекомендаций для России.

Эти и близлежащие проблемы, рассмотренные в своей совокупности и взаимосвязи, позволяют прояснить самые существенные аспекты темы.

К великому сожалению, один из авторов – Сергей Иванович Семенов – в самый разгар работы над книгой скончался. Это был крупный и талантливый ученый, один из выдающихся латиноамериканистов России. В известном смысле эта книга – дань признательности и уважения ему.

В заключение надо отметить, что предлагаемый читателю труд является первым комплексным исследованием проблем бедности и нищеты в Латинской Америке. Он не претендует на истину, но лишь привлекает внимание к необходимости расширения цивилизационных и социоантропологических исследований самых острых и напряженных проблем современной жизни человека и общества.

“В каждом научном исследовании, – советовал И. Кант, – следует спокойно идти своим путем со всей возможной прямоотой и тщательностью, не обращая внимания на то, в чем оно могло бы ошибиться вне своей сферы, а верно и до конца вести его, насколько это возможно, только ради его одного”^{*}.

Сфера исследования в книге – социальная антропология бедности в современной Латинской Америке. Следуя совету И. Канта, авторы старались осветить именно эту сторону проблемы, сознательно отвлекаясь от многих важных общих процессов развития. Вероятно, не всегда удавалось избежать ошибок, что, впрочем, неизбежно при всяком новом деле. Тому, кто боится ошибиться, лучше вообще не думать. Своим трудом авторы хотели поставить ряд вопросов дискуссионного характера.

Надеемся, что усилия были не бесполезны.

^{*} Кант И. Сочинения. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. 435.

Глава I

ЗАМЫСЕЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

БЕДНОСТЬ – ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

История наглядно и неоспоримо доказала, что к числу основных закономерностей всемирного цивилизационного развития относится социальная и материальная дифференциация человечества. На ранних этапах эволюции такое расслоение практически отсутствовало. Постепенно, по мере поступательного разделения труда и усложнения социальной жизни утвердилась устойчивая дихотомия богатства и бедности.

Объективных и субъективных причин именно для такого варианта исторического процесса столь много и они так глубоки и сложны, что здесь рассмотреть их просто невозможно. Достаточно признать сам факт: цивилизации без социального и материального неравенства людей нет. Она бы просто не возникла. Возможно, в далеком светлом “постцивилизационном” пространстве эта “несправедливость” будет устранена. Ответ даст только самоэволюция человечества.

Взаимосвязь бедности и богатства издавна вызывала острый интерес к объяснению и оценке данного феномена. В языческие времена идолатрии первобытные люди ожидали помощи от космических сил природы и добрых богов. В эпоху монотеизма древних евреев и христиан все воззрения о бедных и богатых строились по принципу Божьего провидения.

В ходе Возрождения и особенно Просвещения стали развиваться начала внецерковной и подлинно научной антропологии (учения о человеке). Человек в гуманистических воззрениях впервые предстал личностью, причем личностью общественной, дея-

тельной и творческой. Это позволило по-новому взглянуть на жизнь бедняков и пауперов.

В XVIII–XIX вв. утвердилась тенденция рассматривать проблему бедности как некий сопутствующий элемент макроэкономического развития. Живой человек оказался оттеснен в сторону. Он сохранил интерес лишь для религиозного сознания, этической психологии и культурологии, а также для литературы и искусства.

В общественном мнении утвердилось пренебрежительное отношение к человеку бедному и отверженному. Большой интерес вызывало богатство, капитал, государство. В итоге социальная антропология бедности, как самостоятельное научное направление, фактически до сих пор окончательно так и не сложилась. Лишь в последние десятилетия благодаря вниманию ООН к проблемам “бедного мира” изучение темы получило стимул к развитию. В СССР едва ли не самым модным было издавать книги “о положении трудящихся”, но все они, как близнецы, походили друг на друга и сводились к описанию бесчисленных примеров бедности и нищеты в капиталистических странах и особенно в регионах так называемого “третьего мира”, к которому причислялась и Латинская Америка. Каждый автор рассматривал отдельные конкретные аспекты темы, но редко кто включал сам феномен в поле общих закономерностей цивилизационного развития. Особенно не повезло именно социально-антропологическим исследованиям бедности. Для этого имелись свои основания.

Как известно, еще в середине XIX в. выдающийся французский философ и отец западноевропейского анархизма Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) попытался было разработать синтетическую “философию нищеты” и программу мирного переустройства общества на основе социальной справедливости, но был тут же подвергнут жесткой критике со стороны молодого и амбициозного К. Маркса. В дальнейшем марксисты подвергли грубому осмеянию вообще всякий антропологизм как “не соответствующий” принципам исторического материализма. Особенно резким нападкам подверглись размышления о человеке и истории Л. Фейербаха, О. Конта, Е. Дюринга, А. Шопенгауэра, М. Штирнера и других сторонников гуманистической философии жизни. Критика была серьезной и глубокой, но не всегда справедливой.

Конечно, этот удар не похоронил принцип антропологизма, хотя отстранил от него адептов марксизма.

Следует признать, что в самом антропологизме как совокупности различных учений о человеке существовала и существует целая серия антинаучных и реакционных направлений – ложных концепций о “высших” и “низших” расах, биосексуальных теорий о качественном отличии способностей, ума, воли у женщин и

мужчин, взглядов о принципиальной дифференциации между верующими и атеистами, всякого рода теософские и оккультно-мистические “школы” и т.п.

Одним словом, веер различных антропологических и около-антропологических направлений мысли чрезвычайно широк. Это обстоятельство, по-видимому, побудило советскую философию объявить все немарксистские течения антинаучными, реакционными и буржуазными по своему характеру. Как утверждалось, например, в “Философском энциклопедическом словаре”: “Несостоятельность антропологизма проявляется прежде всего в абстрактном и одностороннем понимании самого человека, в неумении учесть особенности его жизнедеятельности как общественного существа”¹.

Это мнение следовало бы рассматривать не как критику, а как самокритику. Но суть дела от этого не меняется.

На самом же деле мировая антропология и этнология предложила весьма прочную научную платформу изучения жизни реального человека и общества. Труды Дж. Локка, К.А. Гельвеция, Ш.Л. Монтескье, Л. Фейербаха, А. Шопенгауэра, З. Фрейда, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, С. Леви-Штрауса, М. Харриса, Г. Лебона, Т. Карлейля, Хосе Ортеги-и-Гассета и др. (этот список можно было бы продолжить) вошли в золотой фонд антропологической научной литературы.

В Латинской Америке этой тематикой серьезно занимались Х.К. Мариатеги, А. Ардано, Т.С. Ди Телла, Дж. Джермани, Р. Солер, Д. Рибейро, М. Сило, Л. Аман, М.Х. Каррета и др.

Если бросить общий взгляд на развитие современных антропологических изысканий, то следует провести качественное различие между отдельными направлениями и их тематикой. Упомянем хотя бы несколько главных:

- органическая (или физическая) антропология, изучающая человека как биологическую особь;
- этнологические исследования (народы, расы, племена);
- биомедицинские и демографические разработки, в том числе гендерные исследования, экологическая антропология;
- экономические школы, анализирующие проблемы материального положения людей, труд, “человеческие отношения” на производстве, распределение ВВП и т.п.;
- социопсихологические, культурологические разработки;
- собственно философская антропология;
- теологические учения о человеке;
- марксистская “школа” обществоведения;
- социал-дарвинистские и виталистские изыскания;
- оккультные и мистические “учения” и т.д.

Этот перечень можно было бы расширить, однако важнее выявить то место, которое ныне в обществоведении занимает социальная антропология бедности и можно ли рассматривать ее в качестве самостоятельного научного направления?

Проще всего, конечно, было бы назвать исследование по традиции “Проблемы бедности и нищеты в Латинской Америке”, но оно претендует на большее. В чем суть этой претензии? Что, собственно говоря, подразумевается здесь под “социальной антропологией бедности”?

Ясно, конечно, что столь широкая постановка ограничивается временем и пространством: первое – современность, второе – Латинская Америка. Сам же феномен имеет кросс-цивилизационный характер и присущ всей истории человечества. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Думается, что ему уготовано еще немалое будущее. К сожалению, какие-то непреодолимые силы стоят на пути к искоренению бедности и нищеты. Ответы на эти вопросы, как и всякое рассуждение вообще, зависят от исходной позиции. В данном случае речь идет именно о методологии социально-антропологического подхода. Его особенность и достоинство в том, что понятию “человек” придается основное мировоззренческое значение. Такой же взгляд присущ и гуманизму как широкому течению общественной мысли о человеке, счастье и справедливости, свободе и правах личности.

Истоки антропологии восходят к эпохе Древней Греции. Протагору из Абдеры (ок. 490 – ок. 420 до н.э.) принадлежит классическая формула: “человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих”². Обычно данное суждение трактуют в смысле признания греческим философом относительности любого знания: каждый человек сам для себя определяет ту или иную ценность, по-своему воспринимает действительность и делает личный выбор в “измерении” вещей, обладает субъективной способностью и глубиной отношения к богам и миру. Так оно и есть.

Однако следует напомнить, что Протагор фактически выступал против абсолютизации математических абстрактных приемов анализа, которые незадолго до него блистательно развивал Пифагор (ок. 570 – ок. 497/496 до н.э.). Протагор выдвигал на первое место чувственный опыт самого человека, предлагая “мерить” жизнь не математическими, а “человеческими” мерками (современный термин – *human dimension*).

Эту идею на свой лад восприняли мыслители-гуманисты эпохи Возрождения (Данте, Петрарка, Боккаччо, Макиавелли, Леонардо да Винчи, Эразм Роттердамский и др.), а в Новое время – Бэкон, Локк, Адам Смит и др. Адам Смит первым ввел в эконо-

мическое учение нравственный элемент, чем существенно обогатил корпус антропологии в целом. Выдающийся вклад внес, спустя 100 лет, Людвиг Фейербах, противопоставивший категорию “живого человека” абстрактным понятиям “идеи” и “духа”. В России эту линию развивали Д.И. Писарев, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Н.Г. Чернышевский и др.

Современная социальная антропология впитала в себя достижения предыдущих эпох. Отбросив крайности и обогатив метод “человеческого измерения” истории цивилизаций, она теперь претендует на междисциплинарный анализ всех сторон жизни социума и личности, включая и жизнь беднейших слоев населения. Именно с таких позиций мы и стремимся рассмотреть феномен бедности и нищеты в Латинской Америке.

МАСШТАБ НИЩЕТЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Существует множество официальных и неофициальных подсчетов масштаба нищеты, но все они разнятся между собой. По ряду “малых” стран данных вообще нет. Многие сведения фальсифицированы.

Главная причина статистических разночтений лежит в отстраненном и формальном подходе к подсчетам. За “игрой цифр” и графиков теряется всякое антропологическое содержание самой категории бедности и нищеты. На самом же деле этот феномен следует отнести к классу главных экзистенциальных коллизий всей эволюции человечества. Латинская Америка здесь выступает всего лишь одним из конкретных примеров неустранимой внутренней дисгармонии цивилизованного развития.

К сожалению, эта дисгармония, точнее, социальное неравенство как ее причина, крайне болезненно ощущается ныне и в России.

Разрыв в доходах между бедными и средними слоями российского общества, с одной стороны, и богатой элитой – с другой, столь велик, что представляется каким-то нелепым и трагическим продолжением национальных страданий. В дальнейшем мы проведем сопоставление ряда латиноамериканских и российских показателей, но для начала важно признать тот факт, что взаимозависимость и противостояние бедности и богатства есть своего рода *универсальная пружина развития мира в целом*.

Категория бедности и нищеты не только противостоит категории богатства и роскоши, но является ее неотъемлемой “изнаночной” сферой. Как раньше говорили, исподней, нижней, стыдливой стороной. На деле – это настоящая преисподняя, область

самого жалкого и позорного существования несчастного большинства человечества. Их тяжелой судьбе присущ не только социальный, но какой-то страшный мистический смысл.

Рамки материальной бедности существенно шире сферы нищеты, которая являет собой “полосу” самого убогого и ничтожного существования. Это, как часто говорится, “социальное дно”, хотя его обитатели не только оборванцы, бомжи или преступники. Ныне рядом с ними находятся массы вынужденных беженцев, безработных специалистов, нелегальных мигрантов, многие пенсионеры, инвалиды и др.

К бедным, но не нищим, можно отнести и те слои занятого населения, которые имеют сносное жилье, постоянный минимум дохода, образование, но лишены возможности полностью удовлетворять свои социальные потребности (неквалифицированные рабочие, сельские учителя и врачи, сотрудники ряда бюджетных отраслей, мелкие торговцы и др.).

Провести четкую грань между “бедными” и “нищими” трудно, поскольку она эластична и изменчива. По конфигурации ее можно представить в виде зубчатой “молнии”, которая соединяет две полы нашей одежды. Вот почему мы по ходу анализа будем то “соединять” нищету с бедностью, то “разделять” их, но всегда выделять их совокупность из общей композиции социума. Такой прием, возможно, грешит размытостью, но иного пути для “широкого” – экзистенциального, а не “узкого” – статистического анализа нет.

Итак, бедность и нищета – это огромное и единое социальное поле, которое имеет свою внутреннюю структуру, о чем речь пойдет ниже. Общество потребляет живую энергию своих членов для саморазвития, но тратит ее крайне непроизводительно и несправедливо: меньшинство поднимается вверх и паразитически парит над бытом. Большинство, или по крайней мере значительная часть, опускается в болото голода и нужды.

Эмпирическое зло бедности не растворяется само собой в пространстве, поскольку энергичный потенциал обездоленных крайне низок. Его хватает, если хватает, только на то, чтобы консервировать самое примитивное животное существование. Страдания и лишения миллионов вновь и вновь нарождаются, передаются по наследству, только в иных формах и измерениях. Новая бедность может быть фактически “богаче” прежней, но все же остается нищей по сравнению с новым богатством.

Гомеопатические реформы и жалкие дозы благотворительности “домашнего лечения” не могут вырвать корни болезни. Это прекрасно понимают власти и церковь, которые тем не менее упорно убеждают граждан, что все вскоре образуется, все станут жить лучше, наступит “народное благоденствие”.

Простодушные обыватели верят в эту ложь и тем уже чувствуют себя лучше, увереннее, веселее. В конце концов “не хлебом единым живет человек”, но и правительственными и церковными обещаниями будущего счастья. А тем временем социальное неравенство продолжает сохраняться и даже кое-где нарастает. В отдельно взятых странах встречаются исключения, но лишь на том основании, что сам уровень бедности в одном районе может выглядеть богатством в другом, при этом принципиальное неравенство в доходах и образе жизни различных стран повсюду сохраняется.

В широком экзистенциальном смысле бедность, а тем более нищета, это – явное зло, которое препятствует нормальной человеческой жизни. Только приверженцы добровольной аскезы и нищенства (Диоген и киники, древнееврейская секта ессеев, первые христианские группы эвионитов или назореев, средневековые монахи – францисканцы и вообще монашествующие люди) добровольно избирают путь пауперизма и самоотречения. Они полагают, что состояние нужды дает личности свободу и божественную силу, а главное – автоматически освобождает от любой вины, от греха.

Мы же сейчас ведем речь не об этом религиозном и сознательном отказе от имущества и обычных жизненных благ, а о вынужденной бедности миллионов и миллионов тех несчастных, которые хотели бы жить обеспеченно и достойно, но им это не под силу. Свою нужду, голод и страдания эти изгои не могут не считать самым проклятым и ужасным злом. Трагедия в том, что они не могут ни смириться с ним, ни освободиться от него. Часть общества смотрит на этих париев сочувственно, другая часть их презирает, но никто не способен изменить их жалкую судьбу.

Ситуация в Латинской Америке в этом плане весьма типична и показательна. По официальным данным Экономической комиссии по Латинской Америке (ЭКЛА), в настоящее время в Латинской Америке до 226 млн человек составляют армию обездоленных людей (44% всего населения): 150 млн человек могут тратить на жизнь не более 2 долл. в день. В одних странах абсолютные размеры бедности и нищеты сужаются, в других, напротив, расширяются, но повсюду сохраняется устойчивое и чрезмерное материальное и социальное неравенство. За последнее время число бедняков выросло на 15 млн человек³. Можно сказать, повседневные страдания этих несчастных являются ценой некоторого прогресса. Таков парадокс истории.

Феномен бедности и нищеты столь сложен по своему характеру, что требует специального и комплексного исследования.

Анализ не может ограничиваться рамками лишь социально-экономического объяснения в духе марксистской традиции или классической либеральной доктрины. Необходимо выявить не только объективные, но и субъективные, т.е. нематериальные, духовно-нравственные стороны относительного и абсолютного пауперизма.

Экзистенциальная драма отверженных люмпенов и даже тех слоев общества, которые более или менее сводят концы с концами, столь велика, что уже один взгляд на их существование порождает душевную боль и сочувствие. Нужны немалые усилия, чтобы набраться храбрости для скрупулезного и рационального анализа их образа жизни. Сами они сделать этого не в состоянии.

Мы вынуждены анализировать ситуацию в Латинской Америке, черпая информацию из “вторых” и “третьих” рук, и по крохам из разных официальных и неофициальных источников “складывать мозаику” собственного мнения. Такой подход чреват серьезными погрешностями, но иного пути для познания, увы, нет.

Методология нашего исследования строится на многофакторной оценке феномена бедности и нищеты в Латинской Америке: речь идет о проведении свободного и не искаженного идеологией действительно “человеческого” измерения этого явления.

Марксистские и либерально-позитивистские методы анализа схожи тем, что, глядя с макроэкономических позиций, “обожествляют” объективные условия – развитие производительных сил (в том числе рабочей силы), производственных отношений, рынка, технологий и проч. В этом же отстраненном стиле рассматривается социальная политика государств, деятельность частного бизнеса, общественных институтов и т.д. Любимым приемом является жонглирование среднестатистическими показателями “дохода” на душу населения и пр.

Однако ни государство, ни капитал, ни производство, ни анонимный социум не есть реальная индивидуальная жизнь самого человека. Они являются лишь условием и социальным пространством его существования. Никто и ничто не может заменить персональную действительную жизнь, даже сам Бог. Согласно библейской философии, Бог создал человека, вдунул в него душу, но живет-то на земле только сам человек, каждый конкретный индивидуум. В своей совокупности они образуют общество, мифическим образом которого мы любим заменять реальную экзистенцию. Однако социум – это не один большой организм наподобие кораллового рифа.

С рождения и до последних дней каждый живой организм вынужден так или иначе приспосабливаться к окружающей среде,

иначе он быстро погибнет. Животные принаравливаются к особенностям климата, наличию пищи и воды, угрозе быть съеденными другими и т.д. Но при этом не могут влиять на природные факторы, хотя хитро разнообразят окраску и температурный режим тела, приучаются видеть в темноте и т.д. И тем не менее их манеру адаптации условно можно назвать пассивной.

Другое дело человек. Он активно вмешивается в природу, стараясь саму ее подстроить к своим потребностям и интересам. При этом, конечно, люди полустихийно и полусознательно изменяют сами себя, свои привычки, интеллект и характер. Только такое творческое самоизменение и можно назвать экзистенцией человека в отличие от пассивного приспособления к внешней среде.

К сожалению, не все способны полностью пройти столь важную трансформацию. Всю жизнь многие люди остаются слаборазвитыми. Правда, чаще всего в этом виноват не сам индивидуум, но жестокая природа социального бытия с его насилием над свободой человека. Особенно отчетливо и трагично эта закономерность проявляется в существовании бедных и беднейших слоев.

Но, может быть, не стоит вмешиваться в естественный ход общественной жизни и не проявлять “излишней” заботы о судьбе бедняков? Может быть, как призывал Ж. Кальвин, бедняки и нищие должны “смирненно переносить свою бедность”, поскольку блага распределяются неравномерно согласно Божьему предопределению, понять которое никому из смертных не дано?⁴

Думается, что столь бессердечное отношение к беднякам никак не соответствует ни учению Иисуса Христа, ни требованиям светского гуманизма и естественного человеколюбия. Задача как раз и состоит именно в том, чтобы понять и по возможности облегчить судьбу обездоленных и неимущих людей.

Увы, но и в перспективе, вряд ли каждый член общества сможет рассчитывать на полное благополучие и высокий уровень жизни. Не случайно, по-видимому, многие предпочитают не подниматься выше мальтусовой гипотезы об ограниченности и недостаточности средств для будущего существования растущего в геометрической прогрессии человечества. Мы же ведем речь о том, что хотя этих средств сегодня вполне хватает на всех, но далеко не все почему-то живут в достатке и благоденствии. И виноваты в этом мы сами, а вовсе не природа. Логика мальтузианства лишь оправдывает наличие бедности и тем защищает богатство. Не потому ли, между прочим, все религии и философские утопии откладывают счастье смертных “на потом”. Возможно, упование на посмертное счастье облегчает душу, но не устраняет реальную нужду.

Как верно выразился современный немецкий философ Петер Слотердайк, “благо еще не существовало нигде, кроме как в человеческих желаниях и фантазиях, которые тем не менее уверенно устремляются к тому, чего еще не было и нет”⁵.

Именно подобным образом бедняки веруют в то, что когда-то обязательно разбогатеют. Светлые, но наивные упования. И тем не менее возможно и необходимо сознательно и последовательно бороться за улучшение жизни всех людей.

Нельзя отрицать, что тема бедности в принципе исследована весьма и весьма подробно, но экономический анализ чаще всего проводится вне всякой связи с религиозно-нравственными критериями жизни. И, напротив, этические разработки обычно ограничиваются выражением сострадания к несчастным. Особняком стоят психоаналитические оценки нищенского существования и порождаемых им душевных болезней, девиантного поведения и т.п. Многие видят причину нищеты в природной лени и нерадивости самих оборванцев, в их склонности к алкоголизму, попрошайничеству и подобным презренным привычкам. И этот фактор нельзя игнорировать. Не поэтому ли чувство брезгливости, осуждения, антипатии в отношении к нищему как “ничтожеству” преобладает?

Мы стремимся взглянуть на проблему бедности в современной Латинской Америке с экзистенциальных и гуманистических позиций и таким образом продвинуться хотя бы на дюйм вперед в расширении междисциплинарных цивилизационных исследований. Нас интересует, по правде говоря, не сама по себе динамика социально-экономических показателей общественного развития, хотя, разумеется, мы широко их используем. Но это всего лишь холодные обобщенные цифры, без которых никак не обойтись. Задача же в том, чтобы с их помощью дать “человеческое”, а не статистическое измерение той социальной драмы, которую мы с болью в душе называем бедностью и нищетой, отчуждением и страданием, борьбой за выживание.

Иногда, и даже довольно часто, можно слышать уничижительные мнения по адресу Латинской Америки, от которой Россия де ушла далеко вперед. Что касается развития промышленности, науки, атомной энергетики и других отраслей, это действительно так и есть. К сожалению, по масштабам бедности и нищеты мы также “обгоняем” Латинскую Америку. Ярким подтверждением этому служат официальные подсчеты размеров среднедушевого годового дохода (таблица)⁶.

При всех относительных неточностях и расхождениях в подсчетах очевидно, что Россия находится по показателю ВНД на душу населения в одном ряду с Перу и Сальвадором, уступая всей

Таблица. Среднедушевой размер годового валового национального дохода (2002 г.)

Страна	Население, млн чел.	Доход на душу населения, долл.
Латинская Америка и Карибский бассейн	527	3 280
В том числе		
Аргентина	38	4 060
Боливия	9	900
Бразилия	174	2 850
Венесуэла	25	4 090
Гаити	8	440
Гватемала	12	1 750
Гондурас	7	920
Колумбия	4	1 830
Коста-Рика	4	4 100
Мексика	101	5 910
Панама	3	4 020
Парагвай	6	1 170
Перу	27	2 050
Сальвадор	7	2 080
Уругвай	3	4 370
Чили	16	4 260
Российская Федерация	144	2 140
Великобритания	59	25 250
Германия	82	22 670
Китай	1281	940
Португалия	10	10 840
США	288	35 060
Франция	59	22 010
Испания	14	14 430

Латинской Америке, включая малые островные государства Карибского бассейна.

Учитывая это обстоятельство, равно как и почти катастрофическое отставание России от ведущих держав мира, сравнение с Латинской Америкой выглядит вполне допустимым и оправданным. Вот почему тема нашего исследования приобретает особый интерес.

В основополагающем стратегическом документе “Цели ООН в области развития на пороге нового тысячелетия” выдвигается центральная и глобальная задача на весь период до 2015 г.: “Ликвидировать крайнюю нищету и голод. Сократить вдвое до-

лю населения, имеющего доход менее 1 долл. в день. Сократить вдвое долю населения, страдающего от голода... Обеспечить существенное улучшение жизни как минимум 100 млн обитателей трущоб”⁷. Одновременно должно быть введено всеобщее начальное обучение, расширены права женщин, сокращена детская смертность, достигнута экологическая устойчивость, остановлено распространение ВИЧ/СПИДа, расширен доступ бедных людей к чистой питьевой воде и др.

Решение этих непростых задач с особой остротой встает и перед Россией, и перед Латинской Америкой. Удастся ли достичь цели? Покажет будущее. Мы смотрим на жизнь бедных групп не как на “статистический материал”, а как на личности, ничем не отличающиеся от всех других, но только силой обстоятельств поставленные в особые – нечеловеческие – условия существования. Какова их экзистенция? В чем ее смысл, возможности и перспективы? Почему общество мирится с нищетой многих своих членов? Как эти несчастные ощущают себя на земле? Какими глазами смотрят на окружающий мир?

В большинстве случаев изучение темы ограничивается констатацией “внешних” показателей – безработица, неграмотность, низкий уровень жизни и т.п., но в тени остается “внутренний” мир несчастных, их вера, мораль, душевное состояние, нравы и др. Всех экзистенциальных и духовно-этических проблем бедности не перечислить. Изучить их глубоко и полностью, да еще на примере “заморских”, далеких от России стран, конечно, невозможно. Мы и не ставим такой задачи. Цель в том, чтобы на латиноамериканском примере показать важность самой проблемы для развития всего мира.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 30.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375.

³ Panorama Social de America Latina. 2002–2003. Santiago, 2003. P. 17; см. подробнее: Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня – Россия завтра // Мир России. 2002. № 1. С. 85–89.

⁴ Calvino J. Institución de la religión cristiana. Rijswijk (Z.H.). Países Bajos, 1968. Vol. 1. P. 555; Vol. 2. P. 295.

⁵ Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 82.

⁶ Доклад о мировом развитии. 2004. Как повысить эффективность услуг для бедного населения. Издано для Всемирного банка. М., 2004. С. 325–327 (Валовой национальный доход, ранее говорили продукт, – это самый широкий показатель развития, представляет собой сумму стоимости, добавленной всеми производителями-резидентами за год, плюс любые налоги на продукты и минус субсидии).

⁷ Там же. С. 19.

КОНТУРЫ ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

Все объективные и субъективные коллизии цивилизационного развития, как в капле воды, отражаются в судьбе самых обездоленных слоев населения. Отсюда следует, что рассмотрение интересующей нас проблемы требует комплексного и междисциплинарного анализа. Можно, конечно, ограничиться только каким-либо одним или двумя, тремя аспектами, скажем, занятостью или условиями питания бедных слоев. Их жилищем и здоровьем. И это само по себе важно и необходимо, но мы претендуем на многофакторный подход – от анализа этических и психологических характеристик до выявления энергийных и экономических функций бедности как не пассивного, а активного фактора цивилизационной эволюции.

Обычно позитивистская наука ограничивается рассмотрением сугубо материальных факторов и показателей существования и забывает о нематериальной, духовной сфере. Наряду с исследованием объективных причин и следствий бедного существования мы хотим выявить его духовно-нравственные особенности и на этой основе определить ориентиры движения к простой и утилитарной цели – обеспечению “максимума блага для максимума людей” (формула И. Бентама).

Для мировой социологии бедности в принципе характерно три подхода: первый – так сказать, “потребительский”. Его сторонники оперируют показателями прожиточного минимума – самый скромный набор продуктов и вещей, необходимых для физического выживания человека в конкретных условиях того или иного района или страны. До сих пор это наиболее “простой” и распространенный метод, используемый при разработке социальной политики государств. Без него обойтись никак нельзя, но он недостаточен: человек не может ограничиться просто физическим выживанием. В отличие от животных он “наполнен” многими и различными социальными потребностями и интересами, в том числе духовными, культурными, этическими. Для их удовлетворения одного “хлеба” мало. Гармонизировать потребности плоти с устремлениями духа – вот к чему направлено саморазвитие “мыслящей” материи. И этот процесс бесконечен. В этом смысл второго, “социально-духовного” подхода.

“Жизнь истинная, – писал великий Л.Н. Толстой, – только в настоящем. Того, что было, уже нет, нет и того, что будет, есть

только то, что сейчас. И об этом, чтобы сейчас жить хорошо, только об этом всеми силами души и надо стараться. Если люди учат тому, что в этой жизни надо жить для будущей жизни, не верьте им. Жизнь мы знаем и проживаем только эту”¹.

Формально такое мнение противоречит христианской идее о “вечной жизни”, но лишь формально. На самом деле любовь и внимание к земной стезе не отрицает, а соответствует учению Христа о пути, истине и жизни, но пути и истине *этой* жизни.

На свой лад ту же идею, что и Толстой, защищал выдающийся швейцарский психолог и историк Карл Ясперс: “...суть не в мировой истории, которую никому не дано постичь, суть в нынешней – “здесь и теперь” – историчности; для меня важно, чем я действительно становлюсь, кого встречаю, кого люблю, в какой конкретной задаче нахожу свое призвание, каким представляю себе человека и его сущность, что за человеческое общество меня окружает, какому народу и отечеству принадлежу, и, наконец, как во всем этом я ощущаю само бытие и каким становится в действительности мое отношение к трансценденции, к вечности, и как является мне Ничто”².

Если с этих позиций взглянуть на базовые потребности человека – и богатого, и бедного, – то к благам материальным следует добавить и блага духовные, психологические, культурные. Это и образование, и активное соучастие в общественной жизни, и возможности досуга и отдыха, и спорт и многое другое. Измерить объем и качество этих потребностей значительно сложнее. У каждого человека свои предпочтения, но без их удовлетворения человек обречен на социальную эвтаназию, хотя физически может продолжать существовать еще какое-то время.

Чтобы выявить степень удовлетворения уровнем (потребление) и качеством жизни, приходится собирать и анализировать сумму различных субъективных самооценок и ориентаций бедного люда. Такой подход (третий) можно квалифицировать субъективной самоидентификацией личности в социальном пространстве. Часто мнения “о себе и своей жизни” расходятся с объективными показателями, что само по себе требует дополнительного размышления. Так или иначе многомерный анализ предпочтительнее каждого подхода в отдельности.

Если свести воедино основные показатели согласно различным методологиям, то можно составить некую условную матрицу критериев бедности (см. таблицу).

Эти и другие подобные характеристики образуют сложную мозаику сущностных черт бедности и нищеты как социального явления. Все элементы взаимосвязаны, одно питает другое. Ничто не стоит на месте, находится в движении, которое идет асин-

Таблица. Общая матрица критериев бедности

Экономические параметры	<p>Низкий душевой доход</p> <p>Отсутствие какой-либо существенной собственности</p> <p>Отсутствие достойного жилья</p> <p>Полная или частичная безработица</p> <p>Вынужденная миграция</p> <p>Перенаселенность</p> <p>Вредная экология</p> <p>Нищенство</p>
Социальные параметры	<p>Низкий социальный статус</p> <p>Отчуждение от общества</p> <p>Многодетные семьи</p> <p>Пассивное приспособление к ситуации</p> <p>Дискриминация детей и женщин</p> <p>Проституция</p> <p>Беспризорность детей</p>
Психологические характеристики	<p>Больная психика, агрессивность</p> <p>Замкнутость</p> <p>Обида на мир</p> <p>Преобладание эмоций над разумом</p> <p>Безволие</p> <p>Усталость</p> <p>Пассивность</p> <p>Неверие в собственные силы</p> <p>Тяга к смерти</p>
Медицинские показатели	<p>Плохое здоровье</p> <p>Низкая продолжительность жизни</p> <p>Неудовлетворительное питание</p> <p>Голод</p> <p>Хронические социальные болезни (туберкулез, рахит)</p> <p>Наркомания</p> <p>Алкоголизм</p>
Культура и образование	<p>Отстранение от высокой культуры</p> <p>Поп-культура</p> <p>Безграмотность или низкий уровень образования</p> <p>Бытовая распущенность</p>
Право и политика	<p>Бесправие</p> <p>Правовой нигилизм</p> <p>Зависимость от хозяина и бюрократии</p> <p>Хулиганство</p> <p>Девиантное поведение</p> <p>Насилие в семье</p> <p>Вера в харизматических лидеров</p> <p>Склонность к "прямому действию"</p> <p>Тяга к популизму</p> <p>Патерналистские настроения</p> <p>Предрасположенность к стихийному бунту</p>

Таблица (окончание)

Религия и этика	Повышенная бытовая религиозность в сочетании с фатализмом и языческими традициями Увлечение оккультизмом Презрение к окружающему миру Упование на спасение Групповая солидарность Неверие в добро и справедливость
-----------------	--

хронно: что-то улучшается, что-то ухудшается, но суть от этого не меняется.

Здесь крайне запутанно и противоречиво переплетаются как бессознательные, так и сознательные усилия человека и целых коллективов.

Отец протестантизма Мартин Лютер (1483–1546) в полемике с Эразмом Роттердамским исходил из идеи “рабства воли” человека, поскольку де эта воля “находится где-то посередине, между Богом и сатаной, словно вьючный скот. Если завладеет человеком Господь, он охотно пойдет туда, куда Господь пошлет..., если же владеет им сатана, он охотно пойдет туда, куда сатана пожелает”³.

Нередко в мирской жизни человек действительно оказывается в положении “буриданова осла”, не зная, что же делать. И здесь на протяжении веков именно религиозные воззрения, а следовательно, и этические предпочтения вообще, всегда и повсюду во многом определяли формы человеческого поведения. Отказ от них или их извращение, как свидетельствует опыт, ведет чаще всего к распаду личности и общества.

Тут уместно вспомнить, хотя бы в назидательных целях, одну важную мысль Фомы Аквинского. Она звучит так: “Не всегда человек обязан хотеть того, что хочет Бог, но несмотря на это, он должен хотеть того, что хочет Бог, чтобы он хотел. И человек доходит до понимания этого через Божественные заповеди. И посему человек обязан следовать во всем этим предписаниям”⁴. В этическом, а не богословском, смысле именно так и следует понимать критерии выбора жизненного пути. Проще говоря, человек и общество без духовно-нравственного саморегулирования неизбежно погружаются в порочное состояние “войны всех против всех” (термин Т. Гоббса). Творческая энергия вместо созидания тратится на самоубийство.

С другой стороны, люди не могут отказываться от конкретных потребностей своей наличной жизни ради абстрактных и даже сакральных упований на иллюзорное счастье в загробном ми-

ре. Особенно болезненно и трагически отсутствие самых элементарных условий достойной земной жизни испытывают бедные и нищие люди. Вся их энергия, если она еще не до конца иссякла, уходит на бесконечную и тяжелейшую борьбу за выживание. Но жестокие законы социальной эволюции диктуют им свою волю: всяк знай свое место. Выходит, прав был мудрый Лютер, сказавший, правда, по другому поводу, что “у человека нет свободы воли по отношению к тому, что выше его, а есть только по отношению к тому, что ниже его”⁵.

Бедный люд стоит так низко, что все в окружающей жизни находится “выше” его. Как сопротивляться ударам судьбы? Как взять ее в свои руки? Возможно ли это в принципе? Вот вопросы, которые волнуют нас. Мы не знаем выхода из создавшегося положения, но по крайней мере задумываемся об этом. Для этого и требуется социальная антропология. Этим и отличается наш подход от традиционных методик, в частности – от официальных экономико-статических обследований и расчетов, на которых и основаны все более или менее серьезные разработки.

Позитивистское отстранение от “человеческих” (экзистенциальных) интерпретаций придает официальным публикациям характер объективности, непредвзятости, достоверности, но феномен бедности при таком подходе предстает не как ужасное социальное зло, болезнь общества и цивилизации, а как простой факт, наподобие, скажем, данных о количестве осадков на прошлой неделе. Трагедия миллионов превращается в очередную холодную цифру.

Возьмем, к примеру, солидный доклад, изданный для Всемирного банка развития за 2004 г., специально посвященный положению бедных слоев населения Латинской Америки. Сведения впечатляют своей широтой и скрупулезностью по каждой из стран континента. Позиция за позицией разбираются общая численность неимущих слоев, ее динамика по годам, структура доходов и затрат бедных семей, жилищные условия, образование и т.д. Правда, составители доклада сразу же честно вынуждены признать, что несмотря на все старания и использование только официальных правительственных данных, они тем не менее “не гарантируют точность сведений” и тем более не отвечают “за последствия их использования”⁶. И это понятно, ибо правительства каждой страны стремились и стремятся всячески приукрасить ситуацию или, напротив, “пустить слезу” в расчете на помощь.

Можно согласиться с теми критериями, на основании которых Банк определяет категорию “бедняков” и “нищих”. В первую группу включаются лица, которые имеют доход менее 2 долл. в день. Тех, кто не может потратить и одного доллара,

следует считать нищими. Кроме того, сюда же относятся неграмотные, лица, “страдающие высокой заболеваемостью”, живущие в опасных экологических условиях, и жертвы неравенства полов (бедные женщины). “Фактор неравенства мужчин и женщин может исключить женщин из спроса на более качественные услуги как на уровне домашнего хозяйства, так и на уровне общественного спроса”⁷.

Именно последнее замечание и приобретает центральное значение для общей стратегии Банка в отношении борьбы с бедностью и нищетой. Бедные, по его мнению, это прежде всего плохие и слабые потребители. Задача в том, чтобы повысить их покупательную способность. Для этого следует удешевить товары и услуги. Главное – увеличить спрос, расширить доступ к услугам – водоснабжению, медицине, образованию, для чего следует развивать взаимовыгодные отношения между поставщиками услуг, государством и потребителями. Вот тогда и решится вся проблема бедности и нищеты. Просто и эффективно. Этой цели, по мнению Банка, и следует подчинить все социальные программы. “Надо дать бедным возможность постоянно отслеживать и контролировать деятельность поставщиков услуг”⁸.

Сколь правильное, столь же и неисполнимое пожелание. Во многих странах активно действуют всякие комитеты и комиссии потребителей, но масштабы бедности от этого не уменьшаются, а прибыли корпораций продолжают неудержимо расти. В итоге социальное неравенство расширяется. Банк справедливо отмечает, что для решения проблемы бедности “важен экономический рост, но одного этого недостаточно”⁹. Нужны особые дополнительные меры по развитию “человеческого потенциала” со стороны властей, бизнеса, гражданского общества и каждого человека.

Концепция Всемирного банка развития полезна и интересна, но все же исходит из принципа макроэкономической выгоды, а не разрешения микроэкономических забот нуждающейся части общества. Рост спроса за счет удешевления товаров и услуг, конечно, принесет пользу бедному населению, но в еще большей степени он выгоден капиталу.

Об этом неопровержимо свидетельствуют итоговые показатели новейшего издания “Panorama Social de America Latina” за 2002–2003 гг. Несмотря на рост экономики, увеличение объема ВВП, расширение общественных вложений “в человеческий капитал” (capital humano), особенно в образование и здравоохранение, за 1999–2003 гг. уровень бедности на континенте фактически остается прежним: был 43,8% от всего населения, стал 44%. Уровень нищеты повысился с 19,4 до 20% (половина всех бед-

ных). Речь идет о 19 странах, которые дали официальные сведения¹⁰.

Еще более впечатляет тот факт, что за эти годы общее число бедных возросло с 211,4 млн человек до 226,6 млн, т.е. на 15 млн человек, в том числе самых бедных – с 89,4 млн до 102 млн, т.е. на 12 млн человек. Выходит, что особенно быстро увеличивается зона нищеты¹¹. Иными словами, общий объем горя и страданий продолжает расти, превращая жизнь в сплошной кошмар.

По справедливому заключению ЭКЛАК, высокое неравенство в распределении общественного продукта есть одна из важнейших черт социальной ситуации в Латинской Америке. На долю 40% бедного населения приходится в среднем всего 13,6% национального дохода (в Боливии – 9,5%, в Уругвае – 21,6%); на долю 10% самых богатых приходится 42,1% в Аргентине, 41% – в Боливии, 46,8% – в Бразилии, 40,3% – в Чили¹².

Но что же означает такая констатация? Не только разницу в доходах, но принципиальное различие во всем образе жизни беднейших, средних и зажиточных слоев общества.

Все эти констатации чрезвычайно важны, но одной статистики для раскрытия социальной трагедии 226 600 000 людей недостаточно, нужны какие-то другие, так сказать, внеэкономические, внестатистические оценки. К ним следует отнести этические категории, социопсихологические критерии, культурологические характеристики. Именно эту задачу мы и ставим перед собой в целях более полного раскрытия темы.

БЕДНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Каждое явление первоначально осознается нами как некое мыслимое о нем представление. Оно может быть и ложным, и истинным, но именно представлением, образом, символом реального явления или вещи. Если явление не ощущается физически, хотя реально существует, скажем, чувство зависти или память, то иного пути понять его смысл, кроме представления, нет. Непосредственное чувственное восприятие относится только к налично данному, настоящему. Интуитивное восприятие или представление охватывает и настоящее, и прошлое, и будущее состояние в равной степени, поскольку отражает общий смысл, как сказал бы Платон, общую “идею” вещи или явления.

Парадоксально, но прежде чем о чем-то подумать, мы действительно должны хоть как-то себе представлять, о чем же мы хотим думать. Точно так же мы вынуждены прежде представить се-

бе некий образ бедности, чтобы затем раскрывать его реальное содержание. Рациональный анализ всякой “вещи в себе” может подтвердить наше начальное о ней представление или, напротив, опровергнуть его. В этом, собственно говоря, и состоит функция науки в отличие от веры. Для науки сомнение есть плюс и главное достоинство, для веры всякое смущение – ересь.

Так или иначе постараемся для начала сформулировать некие устоявшиеся общие представления о бедности и нищете. Разумеется, любое “внешнее” представление о чем-либо, как бы научно оно не выглядело, не претендует и не может претендовать на абсолютную истину, ибо всегда является субъективным. Пресловутая научная беспристрастность и объективность, по крайней мере в гуманитарных рамках, также субъективны, хотя бы потому, что сформулированы учеными, которые от других людей отличаются только знаниями и профессиональными навыками. Не случайно идет постоянная борьба различных идей и концепций, столкновение противоречащих друг другу субъективных представлений о реальной жизни. Сами же бедняки живут не представлениями о бедности, а в ней самой. Кстати сказать, их мнения о себе зачастую являются ошибочными: при опросах большинство бедных и нищих почти всегда к таковым себя не относят. И это хорошо.

Как бы то ни было, чтобы продвинуться вперед в изучении интересующего нас феномена, необходимо начать с некоторых самых общих и почти банальных, т.е. общепризнанных и привычных, о нем представлений. Ведь все неясное или неизвестное всегда следует объяснять, исходя из известного, а не наоборот, как это делает религия. Конечно, можно возразить, что бедность есть вовсе не представление о ней, а сам объективный факт, независимый от чьего-либо сознания. И это так, но оказывается, что понять смысл этого “факта” без субъекта невозможно. Наше “априорное” представление не предшествует действительности факта, но открывает дорогу к его познанию. По сути дела, это вовсе не априорные, а именно апостериорные представления, т.е. почерпнутые из прежнего опыта. Если мы сразу обращаемся к объекту, никак не представляя, что он такое, то мы через него как бы “перепрыгиваем”. Ибо все его изначальные свойства никак не мыслятся. Что же мы ищем? “Факт” остается “вещью в себе”. И хотя объект не обусловлен субъектом, последний может понять его, только имея некоторые условные, традиционные, апостериорные, априорные, ощущаемые, приблизительные представления о предмете своего анализа. Как учил Аристотель, нет ничего в разуме, чего не было прежде в ощущениях.

Уже само обозначение интересующего нас явления словом “бедность” включает в себя некий смысл. Анализ лишь шире и точнее раскрывает его содержание: начальное представление сменяется научным определением. “Вещь в себе” становится “вещью для себя” и для нас. Existencia, наконец, проявляет свою сущность – essentia: физически бедное существование представляется теперь как специфическое социальное явление.

Религиозные и светские философии изначально уравнивают человека в его естественных и социальных правах, хотя вместе с тем, как ни в чем не бывало, признают наличное неравенство людей в материальном положении и общественном статусе. Равенство мыслится, но на деле не существует. И хотя все равны перед Богом и природой, каждому уготована разная судьба. С одной стороны, социальное неравенство носит случайный характер, особенно если речь идет об отдельном индивидууме. Но, с другой стороны, разнообразие социальных статусов выглядит явлением вполне закономерным и целесообразным. Не будь такой диспропорции, то, возможно, не было бы и общественного прогресса: все застынет на одном месте. Но нас интересует не причина развития, а причина бедности, правильнее сказать – причина дихотомии бедности и богатства, их связь друг с другом.

Великий русский философ В.С. Соловьев (1853–1900) не без оснований полагал, что “равенство всех имуществ также невозможно и не нужно, как одинаковая окраска или густота волос”. Но общество обязано все же хотя бы обеспечить некоторый минимум благосостояния всех граждан, ибо наличие бедности, а тем более вопиющей нищеты, безнравственно и не необходимо. “Как это сделать – это уже вопрос не нравственности, а экономической политики”¹³. К сожалению, до сих пор решить этот вопрос еще никто не смог.

В отличие от религиозно-нравственного отношения к бедному и нищему “чаду Божьему” атеизм, связанный с просветительским рационализмом и макросоциальными экспериментами по преобразованию общества, рассматривает человека в качестве простого элемента большого социального организма.

Иную позицию занимал выдающийся русский философ-гуманист Н.А. Бердяев (1874–1948): “Не личность есть часть общества, а общество есть часть личности... Личность лишь частично принадлежит обществу”¹⁴. Мы стоим именно на этой точке зрения. Если иметь в виду самых бедных и обездоленных, то они даже частично “не принадлежат” обществу, хотя усердно обслуживают его ненасытную натуру, кто своим трудом, кто телом, кто попрошайничеством. Как же можно определить эту социальную группу или группы? Неимущими, голодными, несчастными,

больными, отверженными? Эпитетов много, но суть одна: это, так сказать, социально “лишние”, но функционально самые “необходимые” люди: на их бедности строится богатство.

Понятие “бедное существование” может иметь в русском языке, да и во многих других языках, два смысла:

материально необеспеченное, нищее, неимущее житие человека (социальный аспект);

несчастное, больное, искаженное состояние его души и тела (экзистенциальный аспект).

Именно в этих двух смыслах мы и используем термин “бедное население”: оно одновременно и голодное, забитое, страдающее, оно же и несчастное, отверженное, презираемое. Разумеется, не всякий богатч чувствует себя счастливым, но он хотя бы обеспечен и может удовлетворить любую свою прихоть. И, напротив, иной бедняк, не имея даже крыши над головой, наслаждается полной свободой от собственности и нисколько не тяготится убогой жизнью. Испокон веков встречаются отдельные личности, которые сознательно обрекают себя на нищету. Само презрение к наслаждению для таких “чудаков” есть высшее наслаждение.

Великий Диоген (конец III в. – начало II в. до н.э.) разработал целую философию кинического аскетизма как лучшего способа свободного и естественного человеческого существования. Сам о себе он с гордостью говорил:

“Лишенный крова, города, отчизны,
Живущий со дня на день нищий странник”¹⁵.

“Гражданином мира” именовал себя древнегреческий мудрец. Так, по-видимому, можно сказать о любом обездоленном и неимущем: у него нет ни родины, ни города, ни крова, ничего: он – нищий странник в этой жизни.

В отличие от Диогена и его учеников современный бедняк – не счастливый и гордый аскет, а забитый и голодный оборванец, настоящий страдалец. Он мечтает не о призрачной свободе, а о куске хлеба. Голод и счастье вообще редко сочетаются друг с другом. Большинство людей, скорее, готово отказаться от свободы ради выживания.

Вспомним притчу о сынах Израилевых, которые бежали из 430-летнего египетского рабства, но вскоре возопили к Моисею и брату его первосвященнику Аарону: “О, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеба досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом” (Исх. 16, 3). Тогда-то и ниспослал Господь несчастным беглецам манну небесную, чтобы не умерли они. Увы, никто теперь не дает нуждаю-

щимся манны небесной: у них остается только свобода умирать с голоду.

Ниже мы остановимся на теологии бедности подробно, сейчас же необходимо опуститься на землю и определить нашу интерпретацию самих понятий “бедность” и “нищета”. Литература на этот счет столь обширна, что обозреть плюрализм мнений просто невозможно. Поэтому мы, опираясь на нее, ограничимся изложением собственного представления.

Выше уже приводилась общая матрица сущностных характеристик феномена бедности. Естественно, их набор нельзя механистически распространять на типологию отдельных личностей. Она намного сложнее и богаче. Речь идет лишь о некоторых обобщающих тенденциях, но и они проявляются по-разному в жизни полубедного и абсолютно бедного люда. Одно дело низкооплачиваемый наемный работник, и другое дело человек бездомный, голодный или спившийся босяк. Тем не менее все они входят в состав бедной части населения. Если попытаться дать обобщенное и системное определение, то оно сводится к следующему.

С *экономической* точки зрения настоящая бедность есть не что иное, как самый низкий и нижайший (нищета) уровень жизни. Человек лишен средств к нормальному и активному социальному существованию: у него нет собственности, или ее размеры мизерны; нет добротного жилища, нет необходимого для здоровья семьи питания, часто он не имеет постоянной работы и т.д. и т.п. В эту категорию попадают и безработные, и низшие служащие, и мелкие ремесленники, и лица свободных профессий, и безземельные крестьяне, и попрошайки, и бомжи – все те, кто, как говорится, не столько живет, сколько выживает. Особую группу отверженных составляет нищее население. Оно обретается на самом дне и, по сути дела, вымирает, хотя общее число несчастных за счет новых “пришельцев” может расти.

С *социальной* точки зрения беднейшее население представляет неоднородную массу людей, отличающихся от “среднего класса” и богатых людей низким статусом в обществе. Они стоят как бы в стороне от него, отстранены от культуры, обретаются где-то на окраине социальной жизни. Им достаточно благотворить, давать милостыню или социальные пособия, ибо искоренять бедность, вернее, ее социально-экономические причины, не выгодно для властимущих и богачей. Социальное неравенство есть одна из основ нормального развития рыночной экономики. Для устранения несправедливости нужна иная – ангельская, а не человеческая цивилизация. Надеяться на ее “пришествие” приятно, что и греет озябшую душу бедняка. Пока же все эксперименты на этот счет, к сожалению, провалились.

С *политической* точки зрения необеспеченные группы следует отнести к армии наивной и доверчивой “пехоты” всякого рода популистских и революционно-экстремистских сил, электоральных блоков и пр. Эффективность участия бедных слоев в политике невелика, хотя именно их стихийная протестная энергия способна иногда вырываться на свободу и сметать все государственные надстройки ради удовлетворения своих жизненных потребностей. В этом плане может идти речь о социальных революциях, народных бунтах, восстаниях и пр.

С *правовой* точки зрения бедное и нищее население в древние времена и сейчас чаще всего на деле не обладает реальными гражданскими правами. Оно полностью зависит от чиновничества, полиции, местной администрации. Забитые и неграмотные люди не могут разобраться в хитросплетениях современного конституционализма и ловких властных “телодвижений”, а посему подлежат полному забвению и игнорированию.

С *культурологической* точки зрения эти слои отличаются от других отстраненностью от высокой культуры. Театр, консерватория, литература для них недоступны. В лучшем случае они могут наслаждаться карнавальными шествиями, футболом, кино, дискотеками. Такой образ “культурной жизни” накладывают неизгладимый отпечаток на весь стиль их жизни, поведение, речь, семейные отношения и т.д. Поп-культура и субкультура бедных кварталов – это особый мир человеческих судеб, развлечений и страданий.

С *религиозной* точки зрения бедное и нищее население образует основную массу верующих, но вся их вера не носит глубокого характера и чаще всего ограничивается формальной обрядностью.

Во многих случаях религиозность смешивается с языческими традициями и естественным обыденным чувством страха перед судьбой, солидарностью с соседом, заботой о семье. Подлинные религиозные устремления и экстатическое трансцендирование (соединение в душе с Богом) среди этих людей встречается не часто. В современном обществе истинное духовное просветление вообще случается крайне редко, во всяком случае, намного реже, чем в прошлые эпохи.

С *этической* точки зрения небогатые слои, впрочем, как и все другие, сочетают в себе и добродетельные, и греховные черты. Их мораль разорвана, мечется из стороны в сторону, готова легко уступить место чувству раболепия и приспособленчества к ситуации. Часто их настроение окрашено в тона зависти, желания кому-то отомстить за свою несчастную судьбу. Нередко это сопровождается наркоманией, алкоголизмом, криминалом. Но, с

другой стороны, для бедняков характерно чувство групповой солидарности и взаимопомощи.

С экзистенциальной точки зрения бедность представляется особым образом жизни, отличным от стиля и норм жизни более обеспеченных групп. Неимущие слои, особенно их самые низшие категории, привыкли к постоянной нужде, подавлению потребностей и желаний. Часть из них склонна из-за физической слабости и недоедания к пассивности, быстро пьянеет и отключается от внешнего мира. Некоторые испытывают тягу к смерти. Другая часть, особенно молодежь, напротив, активно ищет реализацию своей энергии, кто в поисках заработка, кто в бандитизме и проституции. Они всеми силами стараются выбраться наверх, но чаще всего падают еще ниже. Кое-кто нелегально бежит в соседние страны в поисках лучшей доли. Но как бы то ни было, и старые, и молодые надолго, если не навсегда, пребывают в рамках жалкого и убогого существования.

Все перечисленные и иные черты жизни бедного люда теснейшим образом связаны друг с другом, образуя более или менее цельный социальный облик наиболее массовой части мирового населения.

Цивилизационный потенциал общества определяется масштабом и уровнем соединения творческой энергии его членов. Простая витальная энергия обеспечивает только выживание организма и его приспособление к окружающей среде, но ее не хватает для обеспечения высокого уровня и качества жизни. Не столько физическая (телесная) сила, хотя и она тоже, сколько радио-энергия, сила духа и воли – вот что формирует цивилизацию и соответствующие ей общественные структуры и формы. При этом мы полагаем, что при анализе любой экзистенциальной проблемы следует исходить из той гуманистической идеи, которую наиболее удачно выразил выдающийся английский мыслитель Герберт Спенсер (1820–1903). В работе “Синтетическая философия” он писал: “Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества”¹⁶. Эта мысль звучит резко, но справедливо. По сути дела, речь идет о “правильно понятом личном интересе” в духе философии Гельвеция (1715–1771), или “разумном эгоизме”, о котором писал Н.Г. Чернышевский (1828–1889), а вовсе не о каком-то грубом и примитивном паразитизме и выгоде отдельного индивидуума. Таким образом, объективно и как бы независимо от тех или иных желаний самого человека существует тесная и неразрывная связь между личностью и обществом.

Уровни накопления и реализации социальной энергии – индивидуальной, групповой, общественной – напрямую зависят от то-

го, какая часть населения реально участвует в коллективном созидании. Измерить энергийный потенциал крайне трудно, поэтому чаще всего исследование общественной эволюции ведется *снаружи и сверху, а не изнутри и снизу*. Иначе говоря, логика анализа сосредоточивается на выявлении роли неких абстрактных и макромасштабных “структур” – социум, государство, формации, рынок, собственность и т.п. Они представляются некими автономными “живыми” субъектами истории, определяющими весь ее ход и независимыми от воли людей. Они, подобно космическим силам таинственной судьбы, парят не только в стороне от человека, но над ним. Личности в системе такого мировоззрения уготовано лишь место слуги и послушного исполнителя чужой воли: Бога, судьбы или социума.

На современном этапе подобная манера мышления проявляется, скажем, в увлечении такими понятиями, как глобализация, геополитика, “единое экономическое пространство” и т.п. Все они, разумеется, отражают какие-то стороны реального существования современных людей, но их самих берут за скобки, ставят в подчиненное положение.

Не настала ли пора перевернуть эту субординацию и взглянуть на развитие исторических процессов *изнутри и снизу*, т.е. с позиций и роли в них самого человека. Ведь человек тем и отличается от других животных, что в наибольшей степени способен *творить* свою личную и общественную жизнь. Животные ее не творят, а проживают. Это исключительное качество, разумеется, ограничено рядом объективных законов природы, но благодаря особой человеческой энергии люди постепенно раздвигают рамки своей свободы. Для этого оказывается необходимым напрячь все силы и соединить их в едином порыве “творческой эволюции” (термин А. Бергсона).

Такая синергия воли и устремлений, к сожалению, достигается редко, ибо ей постоянно противостоит отрицание – своего рода анти-синергия, им-нергия (им-потенция). По сути, это – противостояние, конфликт, взаимоотрицание противонаправленных энергий разных людей, групп и целых классов. Самым ярким проявлением являются войны, революции, перевороты, социальные и политические конфликты. Зачастую именно такие столкновения разных энергийных полюсов становятся пружиной развития.

К особому типу им-нергии относится и феномен нищеты. Особому в том смысле, что он слабо или почти вообще не участвует в синергических социальных процессах. Глядя на этот феномен с энергийных позиций, мы можем констатировать три разных проявления.

Во-первых, нищета и безработица являет собой некое постоянное погребение нереализованной социальной энергии огромных масс людей, их творческих способностей, трудовой активности, реального участия. В итоге государство лишается огромного социального потенциала и тем само затрудняет свое продвижение вперед.

Во-вторых, крайняя бедность играет роль насоса по перекачке части произведенного национального дохода в целях оказания неимущим слоям социальной поддержки, дабы они не умерли с голоду.

В-третьих, неимущие слои, как свидетельствует исторический опыт, из-за нужды и низкой культуры способны порождать самые негативные (“черные”) формы социальной энергии. К ним относятся преступность, наркомания, проституция и пр. Для подавления этих пороков общество опять же вынуждено идти на большие затраты.

Синергия социума возникает только благодаря энергийным усилиям самих индивидуумов. Это может быть либо бессознательное и даже случайное их совмещение, либо сознательное и целенаправленное объединение многих волей, устремлений и действий. Возникает эффект резонанса. Второй вариант в форме мобилизационной организации коллективных сил особенно широко используется властями в тоталитарных обществах. Аккумулируемые индивидуальные энергии превращаются в огромную социальную силу, которая ускоряет общее развитие, но за счет подавления личности и ее свободы.

Августин Блаженный (354—430) в своем знаменитом трактате “О Граде Божьем” охарактеризовал общество (град земной) как “сосредоточение человеческой греховности”. На наш взгляд, правильнее сказать “человеческой энергии”. Она может иметь и позитивное, и негативное воплощение. Важнейшим стимулом и условием эффективности всякого энергоимпульса является резонанс, сложение, сочетание различных энергий, различных особей, будь то муравейник или человеческое сообщество. Но в первом случае синергия армии муравьев не ведет к заметным качественным переменам, хотя насекомые весьма разумно приспособляются к изменению климата и окружающей среды. В отличие от них люди научаются изменять и самих себя, и свою жизнь сознательно и целенаправленно, хотя при этом часто “набивают шишки”. К счастью, творческий жизненный порыв от этого не слабеет, а становится все более напористым: старые цивилизации гибнут, но на их останках рождаются новые. Главная заслуга в этом принадлежит именно со-деятельности людей, синергии их воли, ума и действий. Один человек без другого не способен под-

нять даже камень. К сожалению, огромный энергийный потенциал беднейших слоев на протяжении веков не использовался на пользу всего общества и самих бедняков. Даже если отвлечься от всяких нравственных императивов и ограничиться чистейшим прагматизмом, приходится признать, что человечество так и не научилось разумно управлять своим энергийным потенциалом. Огромные его резервы просто теряются в пространстве.

А.И. Герцен писал: “Природа безжалостна... она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут на питание одной трети, лишь бы они развивались”¹⁷. Похоже, что и законы социального прогресса столь же “безжалостны”. Эта констатация не может, однако, служить оправданием социального бессердечия и мизантропии. При желании общество способно уменьшить размеры несправедливости, поднять уровень жизни всех своих членов, а нищету искоренить. Для этого нужны огромные усилия и много времени, но в принципе эта цель достижима. Необходима лишь высокая степень социальной синергии.

ВЫНУЖДЕННЫЙ АСКЕТИЗМ – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Бедность и нищета – это не статистические показатели уровня жизни, а сама тяжелая и убогая жизнь. Часто *вся* целиком – от рождения до кончины. Для нищего люда *она* представляется почти вполне естественной и неизбежной.

В нужде и лишениях формируется особый тип личности, своя субкультура и стиль быта, поведения, речи, мышления, групповой психологии и т.д. В своей совокупности эти черты передаются по наследству и образуют внутренний стержень родового характера. Естественно, что каждый обладает собственными личными качествами, но есть нечто общее, что объединяет этих людей. Это их скудное и несчастное состояние: “беднее всех бед, как денег нет”.

Бедняк и нищий – не синонимы. В каждом обществе имеется своя каста бедняков и свой слой нищих. Единой классификации дохода и условий жизни в мире не существует и существовать не может. Национальные и даже районные градации бедности и нищеты существуют, разумеется, и в каждой стране Латинской Америки.

В мировой социологии принято делить общество на три главных страты (или класса) по уровню благосостояния:

высшая (upper) – крупные предприниматели, помещики, высшее чиновничество и т.п.;

средняя (middle) – мелкие предприниматели, квалифицированные рабочие, лица свободных профессий, учителя, врачи и т.д.;

низшая (down) – бедное и нищее население, безработные, нелегальные мигранты и многочисленные группы всякого рода маргиналов.

В испанском языке эти страты определяются как alto, medio и bajo.

Нас интересует только последняя, хотя нельзя забывать, что ее не могло бы быть, если бы не существовали две другие страты. Задача состоит в том, чтобы “низшая” приблизилась к “средней” и расширила собой мир “среднего класса”.

Как бы то ни было, но и самая “низшая страта” весьма неоднородна и делится на три подгруппы:

менее бедная и пограничная со средней стратой (upper down, alto bajo),

средне бедная (middle down, medio bajo),

самая бедная, нищая (down down, bajo bajo).

В каждой стране имеется своя градация, свои оценки уровня жизни, признаков бедности и нищеты. Это обстоятельство затрудняет сравнительный анализ, но в грубом измерении он возможен. Весьма удачные расчеты сделаны в изданиях ООН, ЭКЛА, Всемирного банка развития, других международных и национальных публикациях. Но “средние показатели” душевого или семейного дохода маскируют реальное положение беднейших групп, поскольку их мизерная доля не составляет и 1% общего национального валового продукта. Механистическое деление ВВП по числу жителей не имеет никакого отношения к реальности, ибо доход в 10 долл. одного и 1000 долл. другого в среднем “на душу” составит 505 долл. Эта сумма в действительности не относится ни к жизни бедняка, ни к жизни богача. Она нужна только для сравнительных манипуляций с общим индексом благосостояния разных стран, но не людей.

При характеристике “иерархии бедности” необходимо максимально широко использовать не только экономико-статистические, но и экзистенциальные показатели. Возьмем для примера только семь основных критериев уровня жизни:

более или менее постоянный доход в пределах минимальных потребностей;

наличие жилья, хотя бы и самого непритязательного, но с электричеством и канализацией (в городских условиях);

постоянная или сезонная занятость по найму, на своем участке земли, в торговле и проч.;

минимально необходимый уровень питания;

наличие среднего образования;

приближенная к средненациональному уровню продолжительности жизни;

более или менее нормальное здоровье.

Если все эти условия налицо, то можно говорить о принадлежности к более обеспеченному слою бедного населения (*upper down*). Если отсутствуют хотя бы два-три из указанных показателей, то речь идет о самом массовом слое бедняков (*middle down*). Если семья не обладает большинством из необходимых условий жизни, то ее следует отнести к нищенской группе.

Разумеется, эта градация весьма условна, но она помогает провести хотя бы некоторую стратификацию бедности. Сложность состоит в том, чтобы количественные показатели (размер дохода в деньгах, затраты на питание и т.д.) перевести в качественные характеристики. Без определенного этического “камертона” это сделать невозможно. Ведь надо не только констатировать сам факт недоедания или безработицы, но дать ему моральную и ценностную оценку, а она зависит от общего мировоззрения и духовно-религиозных традиций, от всего культурного “климата” жизни того или иного общества.

Бедность как особое состояние, сохраняя свою сущность, обладает многообразием и изменением форм, масштабов и значений в зависимости от многих сопутствующих условий общественной жизни. Наиболее типические проявления этого способа существования мы будем именовать модусами (согласно философии Б. Спинозы (1632–1677), под модусами мы понимаем единичные качественные проявления единой субстанции). Главными, видимо, можно считать следующие:

модус низкого жизненного дохода: жилье есть, работа есть, а денег на нормальный быт не хватает;

модус бездомности, хотя работа и некий заработок есть;

модус голодного существования (часто сочетается с первыми двумя);

модус хронической болезненности (результат других обстоятельств);

модус общего упадка сил и постоянного пессимизма (психологический срыв);

модус безработицы (временный или постоянный);

модус бескультурья и безграмотности (сопутствующий);

модус нищенства и попрошайничества.

Они могут сочетаться друг с другом или действовать врозь. Суть дела от этого не меняется. Важно иметь в виду, что состояние бедности и ее основания (причины, поводы) могут быть самыми различными.

Возьмем продолжительность бедного состояния. Оно может быть длительным и постоянным, растянутым на всю жизнь – от рождения до смерти. Может носить временный (ряд лет) и даже сезонный характер, сменяясь периодами относительного благополучия. Малейший “подъем” вселяет надежду на везение, но, увы, быстро происходит новое “падение”. Вырваться “наверх” удастся лишь немногим счастливым: бедное существование как магнит притягивает к себе всех, кто так или иначе встретился с ним на своем пути. В итоге человек невольно опускает руки и отдается на волю судьбы.

Во многом тот или иной вариант зависит от тех факторов, которые обусловили начальный ход бедного и нищего существования конкретного индивидуума и целых групп. Эти основания можно квалифицировать следующим образом:

бедность и нищенство по рождению, наследуемые от родителей и семьи; ребенок бедняка как бы по происхождению обречен на повторение судьбы родителей;

бедность по злему року – война, природные катастрофы, тяжёлая болезнь и прочие неожиданные удары;

бедность, вызванная социальными и политическими факторами, безработица, вынужденная эмиграция, гражданские войны и революции, геноцид;

бедность, наступившая по невезению, – разорение, раздел имущества семьи между супругами или детьми;

бедность по преступлению, например, воровство, убийство, за которыми следует тюремное заключение, конфискация имущества и общественный ostracism (трудность найти работу, криминальное окружение);

бедность по глупости, слабости или азарту – проигрыш в карты, алкоголизм, зависимость от преступной группы и пр.;

бедность и нищета по собственному выбору и желанию – скитничество, монашество, кинический аскетизм, хиппи и др.

“Оснований”, как мы видим, немало, причем нередко они действуют одновременно и как бы “пучком”, почти насильно ввергая человека в унижительное и несчастное существование обездоленных, голодных и озлобленных людей.

Таким образом, бедность (и нищета) есть особое квазистатусное состояние индивидуума, семьи или группы. Люмпены в принципе отвержены от общества, опущены на его дно, отгорожены от культуры, знаний, социальной активности, в том числе от производительного труда. Вся их “работа” сводится к стихийной борьбе за выживание.

В любом случае бедность (и нищета) не может быть сведена только к материальной стороне существования. Она являет со-

бой *весь образ жизни* несчастных и обездоленных людей, в том числе их психического, физического и духовного состояния, как людей низшего сорта – черни, париев, голытьбы, бомжей, на которых и смотреть-то неприятно – так они жалки, убоги и неопытны.

Но “поле бедности” шире рамок социального дна. Низкий уровень дохода и постоянная нужда характерны для многих категорий наемного труда, ремесленничества, лиц свободных профессий – художников, поэтов, монахов, артистов, студентов и др. Страдательное состояние плоти (голод, лишения, болезни) нередко каким-то странным образом сопрягается с высоким и светлым духовным и душевным настроем. Богатые имеют все и даже больше, но сердца многих из них полны злобы, зависти, агрессии.

Каждая социальная группа, как бедного, так и богатого населения, отличается друг от друга не только материальными условиями жизни, но и особым психологическим складом, различным взглядом на жизнь и общество. Особый интерес в этом контексте представляет психоэмоциональное самочувствие низших групп. Оно, конечно, обусловлено социально-экономическими причинами, но не только ими. Огромную роль играют религиозно-этические ориентации, традиции и привычки необеспеченного существования и т.п. Одним словом, речь идет о социальной психологии бедности и нищеты (личностные и семейные отношения внутри группы нами не рассматриваются).

Мировая социальная психология под влиянием К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера привыкла рассматривать общественное сознание и эмоциональное состояние с точки зрения социально-статусного положения людей. Особенно подробно в СССР анализировались поэтому особенности формирования и развития “психологии рабочего класса”, “буржуазное сознание”, “промежуточное политическое сознание” средних слоев, а также психология крестьянства, молодежи, интеллигенции, военных и т.д. В коммунистической и социал-демократической литературе главное внимание уделялось, разумеется, идеологическим и политическим аспектам так называемого “классового сознания”. По сути дела, психоанализ заменялся политической психологией.

Особенно активно такой прием применялся в работах марксистских авторов. Психологию личности они рассматривали только как “классовую психологию”¹⁸. Многие сложные экзистенциальные коллизии и противоречия душевного самочувствия социальных групп и личности при этом упрощались до предела или вообще игнорировались. Все, что не укладывалось в узкое ложе дозволенного “наукой” политсознания и классовой идеологии, нарочито перекладывалось в ящик криминального, больно-

го, антиобщественного поведения и шизофренического бреда. Каждый класс обязан был иметь “свою” идеологию, а следовательно, и “свою” психологию, параметры которой заранее устанавливали “специалисты”. При таком подходе все промежуточные и нечетко структурированные группы населения, особенно низовые слои общества, оказывались за кадром.

Вот почему для нас важно охарактеризовать некоторые психоэмоциональные аспекты их социального бытия, в том числе и психопатические отклонения от “нормы”.

Психология бедного люда как комплекс душевных сил и способностей человека, определяющих его поведение, всегда и всюду зиждется на трех бессознательных инстинктах: чувстве *отчуждения* личности от общества (частичного или полного), *зависти* и *обиде*, а также *агрессивности* по отношению к окружающему враждебному социуму.

Именно чувство обиженности и бессилия во многом послужило толчком к зарождению в среде самого бедного и нищего люда древнего Израиля нового самосознания и веры – христианства. Если исконная традиция иудеев полагала бедность чем-то позорным и недостойным, а богатство и достаток рассматривала как Божий дар, то логика Нового Завета переворачивала эту пирамиду вверх ногами и отдавала приоритет сирым и убогим. Вся суть Нагорной проповеди Иисуса Христа исходит из одной идеи: блаженны не счастливые и сильные, не богатые, а “нищие”, “плачущие”, “кроткие”, “гонимые”, “голодные”, “слабые”, “сырые” и т.п. “Придите ко Мне все нуждающиеся и обремененные, и я упокою вас” (Мф. 11, 28). И, напротив, богатые не войдут в царство Божие и будут обречены на геенну огненную. Главный смысл нравственного переворота первых христиан, взращенных в материнском лоне иудаизма, как раз и заключается в коренном переосмотре взгляда на бедность и богатство. Мы не собираемся впадать в модную апологетику христианской антропологии, а хотим выявить ее связь с практической жизнью относительно бедных или абсолютно бедных слоев.

Чтобы достичь этой цели, представляется исключительно полезным предварительно рассмотреть психопатический феномен так называемого *Ressentiment*.

Этот французский термин не имеет эквивалента в русском языке. В английском языке под ним подразумевается только “негативный” смысл (*resentment* – негодование, чувство обиды, злобы), но утерян смысл “позитивный” – внутреннее, душевное переживание, формирование собственной реакции на среду, страдание, импульс к протесту и т.д. Психологию бедности нельзя рассматривать без анализа этого системообразующего чувства, на

основе которого только и формируется, если формируется, личность бедного и оскорбленного человека.

Наиболее глубокий анализ этому феномену был дан Ф. Ницше и его соотечественником М. Шелером. В отечественной психологии проблему разрабатывал К.А. Свасьян, составитель, редактор и автор примечаний к двухтомному изданию сочинений Ф. Ницше. Мы опираемся именно на эту концепцию Ressentiment¹⁹.

Прежде всего, по-видимому, следует признать наличие одновременно двух смыслов Ressentiment – негативный (основной) и позитивный (сопутствующий). Первый проявляется в настроении недоверия, мнительности, злобы, неприязни, обиды и других фобий, которые доходят до ненависти и агрессии. Это может быть и ревность, и зависть, и злопамятство, и мстительность – в общем, самый богатый набор отрицательного и самоотравляющего душу чувства. И это понятно, поскольку отверженный и страдающий человек никогда не способен трезво глядеть на вещи, всегда оправдывает себя и винит в несчастье всех других. Впрочем, такова общая черта всех людей – и слабых, и сильных, но обездоленной и униженной личности присуще к тому же чувство бессилия, неверия в собственные силы, а отсюда – пассивности, безразличия, апатии и т.д. Что и говорить, лицо весьма гремучая смесь бессознательных импульсов и ощущений. Они не укрепляют, а разрушают личность, сковывают волю и разум, зато стимулируют стихийный порыв к самозащите в форме болезненной раздражительности, агрессии, мстительности, “прямого действия”.

Чувство Ressentiment особенно пышным цветом расцветает в кризисные эпохи, когда переворачивается не только социальная традиция, но и вся привычная психология. Так случилось во времена разложения иудаизма и формирования новой христианской религии. Позже – в Новое время, когда принцип сословной социальной регламентации сменился принципом конкуренции, вновь возникла благоприятная обстановка для фанатизма Ressentiment. В XIX–XX вв. это чувство, порожденное углублением социальных противоречий, способствовало втягиванию бедных масс в стихийные бунты и революционные процессы. Победители, вышедшие из “низов” и отравленные фобиями Ressentiment, чаще всего мстят за свое прошлое, подозревая всех в предательстве. Не потому ли революции так склонны “пожирать своих детей”.

Человек через Ressentiment начинает впервые самоощущать себя, проявлять некую внутреннюю активность, он “просыпается”: один, чтобы перевернуться с боку на бок и вновь погрузиться в спячку, а другой встает на ноги и, как больной, шатаясь от

слабости, делает первый шаг к самоутверждению. Одновременно вырабатывается новая нравственная установка, меняется отношение к труду, появляется обида на самого себя, происходит переоценка ценностей. Без этапа *Ressentiment* такой качественный скачок для бедняка невозможен. Энергия личности впервые обращается на самую себя: бессилие постепенно сменяется “волей к жизни”. Жизнь приобретает ценность и смысл.

Для психоэмоционального настроения бедняков или, образно говоря, для духа бедности, характерно переплетение сразу трех устремлений:

традиционного, примитивного смирения, пассивности, безразличия к жизни;

активного желания выбиться в люди, приобрести собственность, получить какой-нибудь устойчивый социальный статус;

протеста, мечты о социальной справедливости, что порождает стихийную тягу к революционному и почти бессознательному радикализму.

Борьба и переплетение этих трех “сил” и составляет внутреннюю жизнь обездоленных масс, которых условно можно разделить именно по этому “духовному” принципу. Отсюда проистекают и соответствующие формы поведения. Они могут сменять друг друга или “толпиться” вместе как в групповом, так и индивидуальном поле. Соответственно своим нравственным и прагматическим ощущениям и импульсам ведет себя и каждый индивидуум и даже целая группа (сообщество). Одни действуют рационально и достигают поставленной цели. Другие поступают под воздействием случайных религиозных или групповых установок. Третьи активизируются под влиянием аффектов и настроения. И, наконец, четвертые продолжают жить по традиции и привычке.

Все эти формы поведения носят динамичный характер, сменяют друг друга, образуя живые композиции. Они не разделены, а связаны друг с другом, что чрезвычайно затрудняет типологизацию характеров. Обычно вновь прибывшие из села маргиналы составляют основную массу городской бедноты и изначально питаются, причем бессознательно, энергией прокапиталистических импульсов и отрицания прежних традиционалистских привычек. Часть из них, а именно – самое активное меньшинство, действительно “передвигается” на капиталистические рельсы, начинает заниматься торговлей, ремеслом, нанимается на работу, становится мелким предпринимателем.

Более широкая масса, увы, легко теряет первоначальный запал и приспосабливается к новому бедному существованию. Неудачники, а их особенно много, в душе своей ощущают постоян-

ный протест. Они легко поддаются под влияние всякого рода популистских протестных настроений, как “левых”, так и правых. Новая психология бедных и беднейших слоев сочетает в себе как архаичные, так и современные качества социального человека. Какие из них станут доминировать, зависит от объективной обстановки, а также от характера, темперамента, силы воли и других особенностей индивидуума.

Важнейшую роль в условиях города играют внешние обстоятельства, окружающий климат, обывательская психология. Их влияние неоднозначно: кого-то “внешние” силы подталкивают вперед и наверх, кого-то, напротив, опускают на дно. Сильные натуры выбиваются “в люди”, слабые еще больше слабеют, беднеют и разлагаются. Социализация личности или окончательная ее десоциализация в равной степени является плодом взаимодействия личных и общественных факторов жизни.

Как удачно выразился Эрих Фромм (1900–1980): “Сама жизнь есть искусство в сущности самое важное и в то же время самое трудное и сложное искусство для человека. В искусстве жить человек одновременно художник и модель, скульптор и мрамор, врач и пациент”²⁰. Проще говоря, в конечном счете человек есть творец самого себя и своей судьбы. Правда, к сожалению, далеко не каждый человек. Многие навеки застревают на стадии *Ressentiment*.

* * *

Бедность как образ жизни не имеет каких-то особых национальных или этнических черт. Это явление универсальное. Отличается не сущность, а масштабы и формы этого социального явления. Оно, конечно, обладает историзмом, но различие эпох не меняет общего смысла. При всех формациях и формах собственности, при всех режимах бедность и нищета сходны и по функции, и по характеру, и по своему месту в социуме, морали и культуре. Никогда бедняк и богатч не утратят своих качественных отличий друг от друга, хотя, конечно, могут в определенных условиях поменяться позициями: богатый пасть вниз, а нищий подняться наверх. Все, как говорится, в руках Божьих. Вот на этой сакральной ноте мы и сможем теперь плавно перейти к рассмотрению теологических интерпретаций бедности и богатства.

¹ Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении. М., 1988. С. 175.

² Ясперс К. Нищие и христианство. М., 1994. С. 53–54.

³ Лютер М. О рабстве воли. Приложение к книге “Эразм Роттердамский. Философские произведения”. М., 1986. С. 332.

- ⁴ *Santo Tomas de Aquino. Suma de Teologia. Madrid, 1993. IV. Parte II–III (B). P. 216.*
- ⁵ Лютер М. Указ. соч. С. 336.
- ⁶ Доклад о мировом развитии. 2004. Как повысить эффективность услуг для бедного населения. Издано для Всемирного банка. М., 2004. С. 4.
- ⁷ Там же. С. 41.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 20.
- ¹⁰ *Panorama Social de América Latina. 2002–2003. Santiago de Chile, 2003. Capítulo síntesis. P. 17.*
- ¹¹ *Ibidem.*
- ¹² *Ibid. P. 73–74.*
- ¹³ Соловьев В.С. Оправдание добра // Русская философия собственности. СПб., 1993. С. 477.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 306.
- ¹⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1977. С. 245.
- ¹⁶ Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997. С. 10.
- ¹⁷ Герцен А.И. С того берега // Избранные философские произведения. М., 1948. С. 52.
- ¹⁸ Подробнее см.: Социальная психология классов. Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе. М., 1985.
- ¹⁹ Ницше Ф. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 1. С. 270; Т. 2. С. 422–424; Комментарий К.А. Свастьяна к второму тому. С. 783–786.
- ²⁰ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 31–32.

Глава III

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА БЕДНОСТИ

ИСТОКИ РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Проблему бедности обычно ставят в прямую зависимость от частной собственности и системы распределения общественных благ. В принципе такая связь действительно существует, но ни частное владение, ни обобществление имущества, ни уравнительный дележ дохода сами по себе не ведут к высокому уровню жизни. В древнееврейской секте ессеев, например, “никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее” (Деян. 4, 33), а жили “братья” в равной бедности. Такое же поклонение принципу нестяжательства мы наблюдаем в нищенствующих монашеских орденах – францисканцев, доминиканцев, кармелитов. С течением времени многое изменилось в этой традиции и произошло явное обмирщение и даже обогащение церквей.

Если взять примеры из светской жизни, то и здесь известны случаи преобладания “общенародной собственности” и ускорен-

ного развития государственного сектора экономики, что не привело к всеобщему благоденствию (советская система, опыт Мексики, Чили и многих других стран).

Отсюда следует вывод о том, что бедность и нищета имеют не только экономические и правовые основания, но и какие-то другие причины. Мы имеем в виду духовно-нравственные, ментальные, психологические и иные нематериальные факторы. Среди них главное место изначально, да и в настоящее время, занимает, конечно, религиозно-культурная традиция, в том числе мораль.

К сожалению, марксисты, особенно Ф. Энгельс, постарались унижить роль морали, заменив ее силой “классового интереса”. Нематериальные “причины”, особенно религиозные и нравственные ориентации в жизни людей, – все это, по словам В.И. Ленина, не что иное, как ненужный хлам и заблуждение, в том числе и весь “вопрос о должностовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов”¹.

В группу этих “чудаков” мы с удовольствием включаем и себя, ибо полностью признаем важную созидательную роль духовного фактора вообще и, так сказать, естественного “нравственного закона” человеческого бытия, в частности. Именно эта “праздная тема” нас и интересует. Вот почему мы не соглашались с идеей Ф. Энгельса относительно того, что мораль всегда носит “классовый характер”, а “действительно человеческая мораль” станет возможной лишь после преодоления всякой социальной противоположности².

Идея исключать воздействие “действительно человеческой морали” из всемирной истории и обещать ей только “светлое будущее” удивительно напоминает этический нигилизм, чем, собственно говоря, и оказался на деле “практический коммунизм”.

Если взглянуть на бедность и нищету не предвзято, а с широких цивилизационных и антропологических позиций, то мы неизбежно придем к мысли о том, что судьба миллионов обездоленных является не просто “фактом” общественной жизни, но одной из центральных моральных проблем.

Исходя из этого постулата, мы продолжаем наш анализ с выяснения исконных духовно-нравственных оценок данного явления. Для Европы и обеих Америк, равно как и для России, речь идет, конечно же, о христианской традиции и культуре. Для Индии был бы необходим анализ буддистской философии, для мусульманских обществ – религии Корана.

Каждая цивилизация по-своему подходит к проблеме социального неравенства, но всегда базируется на этических суждениях. Сами смысловые понятия “бедность”, “нищета”, “богатство”,

“роскошь” не просто констатируют наличие принципиальной разницы в уровне жизни, но неизбежно придают сравнению определенную этическую окраску – одобрительную или негативную. Ведь речь идет не о каком-либо мертвом предмете или вещи, не о естественных инстинктах – голоде, жажде, либидо и др., а о месте бедствующего индивидуума или массовой группы в социуме, их тяжелой судьбе, которая вызывает, не может не вызывать, у других людей чувство сострадания и жалости. Сострадание (эмпатия) есть один из главных естественных инстинктов человека. Это чувство отражает действие закона внутривидовой взаимопомощи и солидарности. Именно так подходили А. Шопенгауэр, П. Кропоткин, Вл. Соловьев к этой проблеме. Нам импонирует именно эмпатия, а не антипатия. Бедность – это социальное состояние, которое нам не безразлично, поскольку касается таких же людей, как и мы сами, равных нам по праву жить по-человечески. Вот почему отношение к бедным и убогим по преимуществу является отношением этическим, а уже потом социально-практическим, сначала внутренним чувством и только затем “внешним” актом.

Здесь без нравственно-эмоциональных оценок не обойтись. Правда, выдающийся немецкий мыслитель и социолог Макс Вебер (1864–1920), поклонник контовского позитивизма, категорически исключал из своей социологии всякие этические характеристики. Там, “куда человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, – писал он, – уже нет места полному пониманию фактов”³. Такое мнение представляется слишком категоричным: ученый не может смотреть на мир безразличным холодным взором. Даже великий нигилист Фридрих Ницше признавался, что “жить без сострадания – значит быть больным душой и телом”⁴.

Бедность, если смотреть на нее через бесстрастные веберовские очки, является всего лишь реальным наличным фактом – особой нишей социального бытия, богатство – другой. Разница между ними только количественная, а не качественная, ибо никакое качество жизни нельзя измерить, если отказаться от моральных оценок.

Правда, было бы неверно только ими определять абсолютную истину. Тем не менее даже самые заядлые атеисты и защитники практического подхода, если хотят серьезно разобраться с культурой той цивилизации, которую они изучают, вынуждены каждый раз обращаться к истокам соответствующей общественной морали, которые сформулированы в Пятикнижии Моисея (Тора), Евангелии, Коране, буддистских трактатах, конфуцианском каноне.

Исходя из этой естественной необходимости мы также начинаем свой анализ с краткого рассмотрения основ христианской этики бедности и богатства. Для этого придется коснуться и некоторых аспектов иудаистской религии как предшественницы христианства. Если теологии иудаизма и христианства принципиально отличны друг от друга, то моральные заповеди в основном едины. Совпадают и многие оценки бедности и богатства, хотя, разумеется, есть и некоторые значительные отличия. Так или иначе представляется важным постоянно иметь эти обстоятельства в виду при анализе современных социальных отношений в Латинской Америке.

В наш замысел не входит рассмотрение теологических сторон христианской морали, хотя некоторых аспектов религиозного сознания коснуться придется. Главная же задача состоит в том, чтобы раскрыть социальную доктрину католицизма в ее сравнении с протестантизмом (православие в Латинской Америке развито слабо).

Разумеется, связь между религией и мирской жизнью не является прямолинейной и простой. Нравственные принципы христианства и повседневная жизнь христиан нередко не только не находятся в гармоническом единстве, но резко противоречат друг другу. Для поиска их большей взаимосвязи все три христианские церкви разработали специальные социальные доктрины.

С особой остротой эта проблема встала ныне и перед Россией и другими постсоциалистическими обществами. Не случайно Русская православная церковь, правда, с большим опозданием, но все же приняла в 2000 г. свою доктрину – “Основы социальной концепции Русской православной церкви”.

Поскольку ее рассмотрение не входит в наш замысел, напомним только, как в этом документе ставится проблема бедности и богатства. Это позволит лучше понять и позиции двух других христианских церквей – католической и протестантской.

Интересующей нас теме посвящена VII глава документа. Вот некоторые выдержки из нее:

“Церковь не определяет прав людей на собственность. Однако материальная сторона человеческой жизни не остается вне ее поля зрения. Призывая искать прежде всего “Царства Божия и правды Его” (Мф. 6, 33), Церковь помнит и о потребностях в “хлебе насущном” (Мф. 6, 11), полагая, что каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования. Вместе с тем Церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами, осуждая тех, кто обольщается “заботами, богатством и наслаждениями житейскими” (Лк. 8, 14)... Имущественное положение человека само по себе не может рассмат-

риваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу... В Священном Писании не содержится порицания богатства как такового... Владея значительным имуществом, не согрешает тот, кто использует его согласно с волей Бога, Которому принадлежит все сущее, и с законом любви, ибо радость и полнота жизни — не в приобретении и обладании, но в дарении и жертве... Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним. В то же время Священное Писание признает право человека на собственность и осуждает посягательство на нее...

Церковь признает существование многообразных форм собственности...

Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм. При каждой из них возможны как греховные явления — хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ...

Отторжение и передел собственности с попранием прав ее законных владельцев не могут быть одобрены Церковью. Исключением может быть такое отторжение собственности на основе соответствующего закона, которое, будучи обусловлено интересами большинства людей, сопровождается справедливой компенсацией. Опыт отечественной истории показывает, что нарушение этих принципов неизбежно приводит к социальным потрясениям и страданиям людей”⁵.

Не вдаваясь в анализ приведенной формулы, отметим лишь несколько принципиальных моментов в контексте нашей темы:

каждый человек достоин благосуществования;

люди имеют право на собственность;

богатство как таковое не порицается, но излишнее им увлечение не поощряется;

собственность есть “дар Божий”, но использовать ее надо “во благо себе и ближним”;

праведность не в обладании, но “в дарении и жертве”.

Прямого упоминания о заботе о бедных и сирых в документе нет. Речь идет в основном о защите интересов собственников, нежели о тяжелой судьбе неимущих. Благотворительность при этом рассматривается не как моральный долг христианина, а как “жертва” с его стороны.

Прямо скажем, несколько странная позиция. Она насквозь прагматична и принципиально расходится со смыслом Нагорной проповеди Иисуса Христа (Мф. 5, 1–13) и противоречит таким Его словам: “продай имение твое и раздай нищим... удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в

Царство Божие” (Мф. 19, 21–24). Ниже мы подробно остановимся на христианском взгляде на бедность и богатство, точнее – на моральном содержании евангельской антропологии. Безусловно, принятие “Основ социальной концепции русской православной церкви” является важным и в целом чрезвычайно полезным событием. До этого такого основополагающего документа в истории РПЦ не существовало.

В Латинской Америке, как уже подчеркивалось, православие не занимает центрального места в религиозной жизни. В Аргентине, Бразилии, Мексике, Парагвае и ряде других стран тем не менее имеется определенная славянская диаспора, члены которой исповедуют православие.

Некоторое распространение получил на континенте и ислам. В последние годы эта религия заметно активизировалась и, по-видимому, в перспективе может привлечь новых сторонников. Мусульмане в своем отношении к проблеме бедности и богатства поступают в соответствии с учением Корана. Человек мыслится как существо не только разумное, но и этическое. Вера в Аллаха сочетается с праведным и заботливым отношением к человеку и защитой добра от зла:

“Чтобы уверовать в Аллаха
И из любви к нему добром своим делиться
И с тем, кто близок по крови,
И с сиротой, и с нищим,
И с путником, и с теми, кто вызывает...”

(Коран, сура 2, 177, пер. В.Пороховой).

Ислам различает благотворительность добровольную и обязательную, своего рода налог на богатство, который идет на нужды бедных и больных. Таким образом собственность “очищается” перед Богом, которому как бы возвращается часть полученных от него благ в знак благодарности. Иначе “благочестия не обрести” (Коран, сура 3,92). В задачу не входит подробное рассмотрение социальной антропологии ислама. Достаточно и этих кратких замечаний. Важнее подчеркнуть другую мысль наших исходных позиций. Она состоит в том, что в настоящее время, в отличие от прежних времен, более ощутимо переплетаются этические постулаты различных религий. Богословие и трансцендентные постулаты о жизни и смерти, души и плоти, греха и благодати сохраняют свою идентичность, но моральные предписания во многом совпадают. Более того, развивается некий общий, так сказать, экуменический кодекс морального поведения. В мирской, а не церковной жизни люди руководствуются именно общечеловеческими, а не конфессиональными принципами.

В Латинской Америке, так же как и в других районах, происходит именно такое “перемещение” цивилизационных, религиозно-духовных и моральных ценностей и правил. Однако в каждом случае еще сохраняется доминирующее влияние именно христианского религиозного мировоззрения.

ОТ 10 ЗАПОВЕДЕЙ ДО НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ

Издавна народы мира искали защиты у высших космических и божественных инстанций. Язычники поклонялись сразу нескольким богам (идолам), но постепенно переходили к вере в единого главного бога. В древнем Израиле им стал Яхве (по-русски Иегова). Именно Его Божье провидение (или промысел) стало мыслиться в качестве вездесущей и справедливой силы, которая по своей воле предопределяет всю жизнь отдельного человека или даже целого народа. Выпала тебе бедная доля, то не ропщи, а терпи и уповай на милосердие Бога, “ибо не навсегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет” (Пс. 9, 19). Бог может в любой момент возвысить бедного и, напротив, сбросить вниз богатого. Его намерение никем “не может быть оставлено” (Иов. 42, 2).

В священных книгах древнееврейской Торы (Пятикнижие Моисея – Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), а также в канонических и неканонических текстах Ветхого Завета в целом сформулированы все требования Закона, в том числе и моральные критерии отношения к бедности и богатству.

Многие установления целиком были включены в корпус христианской этики, причем понятие “ближний” выводилось за рамки еврейского народа и братского союза единоверцев (ягвистов). Такое новшество Евангелия имело огромное историческое значение.

В Книге Экклезиаста или Проповедника подчеркивается: “И если какому человеку Бог дал богатство и имущество и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это – дар Божий” (Эккл. 5, 18). От трудов своих!

Сама собственность – вне зависимости от ее размеров – рассматривается как достойный высокого уважения результат труда. Всякая личная собственность получает “охранную грамоту” – ее неприкосновенность запечатлена в заповедях Декалога, тех десяти заповедях, которые были получены Моисеем на Синайской горе и которые стали основой основ всего ветхозаветного Закона. Отношение к собственности было зафиксировано в заповедях: “не кради” и “не желай дома ближнего твоего, не желай

жены ближнего твоего, ни поля его, раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его (ни всякого скота его), ничего, что у ближнего твоего” (Исх. 20, 15, 17). При этом если заповедь “не кради” предполагает запрет действия, то другая заповедь – запрет помысла.

Эти требования уточнялись во многих главах Торы, где рассматривались частные случаи нанесения ущерба собственности ближнего и предписывались соответствующие этим случаям наказания.

Во всех законах Торы, касающихся проблемы труда, собственности, взаимоотношений хозяев и работников, прослеживается одна общая цель – создать все условия для того, чтобы в еврейском народе не было бедности. Говоря современным языком, можно сказать, что ветхозаветное еврейское общество было призвано быть государством социальным, заботящемся о счастье и благосостоянии всех жителей. “Ни от какого нищего не отвращай лица твоего, тогда и от тебя не отвертится лицо Божие” (Тов. 4.7). Царь и начальник должны печься о подданных и рабочих.

За благочестие Бог вознаграждает богатством, а за грех наказывает нищетой: “непотребство есть мать голода” (Тов. 4,13). В этом ракурсе бедный и нищий во многом сами повинны в своем бедственном положении, в то время как богатый “заслуживает” свое благополучие. Эта мысль напоминает буддийский подход, который, правда, не рекомендует помогать страждущему, ибо это противоречило бы космическому закону кармы.

Все книги Ветхого Завета проникнуты симпатией и состраданием к бедным и нищим, “сиротам и вдовам”, всем страждущим, угнетенным и беспомощным. “Блажен, кто помышляет о бедном и нищем! В день бедствия избавит его Господь” (Пс.40,2), – говорит псалмопевец.

Отвратительный образ богачей рисует пророк Иеремия: “Как клетка, наполненная птицами, дома их полны обмана; чрез это они и возвысились, и разбогатели, сделались тучны, жирны, переступили даже всякую меру во зле, благоденствуют и справедливому делу нищих не дают суда. Неужели Я не накажу за это? Говорит Господь” (Иер.5.27–29).

Главная мысль: благоденствие – это “дар Божий” за веру в Яхве и исполнение Закона. Без этого ни о каком праведном (богоугодном) богатстве и благоденствии и речи быть не может. Вот почему самым категорическим образом осуждалось “нечестивое благоденствие” и “алчная погоня за богатством”.

Иным было отношение иудеев к бедному люду. Особенно большое внимание в Законе уделялось заботе о нищих и обездо-

ленных со стороны богатых и состоятельных. Бог Яхве, обращаясь к Моисею, признает: "...нищие всегда будут среди земли (твоей); потому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей" (Втор. 15, 11).

Такое милосердие сочеталось с требованием справедливого отношения к моральному и религиозному облику самих нищих: бедность вовсе не освобождает их от соблюдения Божьих заповедей. "Не делай неправды на суде; не будь лицепрятен к нищему и не угождай лицу великому; по правде суди ближнего твоего" (Лев. 19, 15).

В одной из притч Соломоновых звучит явное осуждение некоторых бедняков за их собственную пассивность и, напротив, похвала в адрес честного усердия: "ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает" (Притч. 10, 3–4). Последнее умозаключение особенно символично: не вся бедность достойна сочувствия.

Но как же примирить бедность и богатство? Почему они соседствуют друг с другом и даже обуславливают друг друга? Не в самом ли человеке причина или "все в руке Божией?". Ведь Он – верховный собственник, податель и распорядитель всех благ, в том числе и самой жизни.

"Какой мир у гиены с собакою? И какой мир у богатого с бедным? Ловля у львов – дикие ослы в пустыне, так пастбища богатых – бедные" (Сир. 13, 22–23).

За что же Бог так несправедливо разделил людей? – вот вопрос, который во весь рост ставит Иисус, сын Сирахов. Но ответ звучит просто: так восхотел Бог, а почему так восхотел – неисповедимо.

В книге Иова рассказывается о страданиях богача, праведность которого вознамерился проверить Господь по совету сатаны. И потерял Иов имение и скот свои, дом его разгромили савяне (жители южной Аравии), сыновья погибли в бою, скот сгорел в огне и т.д. И проклял день свой Иов и возроптал на Бога. Друзья же его укоряют за то, что сам навлек на себя беду. По словам одного из друзей Софара Нааметянина (Софар – болтун), Бог наказал Иова за то, что тот "угнетал, отсылал бедных; захватывал дома, которых не строил... и в жадности своей не щадил ничего" (Иов. 20, 19–20).

Второй друг Елифаз Феминянин (Елифаз – Бог мой – чистое золото) добавляет: "...ты брал залоги от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду. Утомленному жаждою не подавал воды напиться и голодному отказывал в хлебе, а человеку сильному ты давал землю... Вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками. За то вокруг тебя петли..." (Иов. 22, 6–10).

Казалось бы Иов за все свои прегрешения и алчность должен был быть окончательно проклят Богом, но Он прощает все порочные деяния только за то, что Иов смирился со своей карой и лишь еще больше уверовал в справедливость Яхве.

Таково (в самом кратком изложении) мировоззрение иудаизма на проблему бедности и богатства. Оно, это мировоззрение, сохраняется и поныне, оказывая весьма большое воздействие на поведение людей, в том числе и тех, кто отнюдь не является верующим иудеем, но принадлежит к богатой верхушке общества. Латинская Америка в этом отношении не исключение. В немалой степени это обусловлено активной деятельностью местного и международного еврейского капитала, но это уже иная тема. Останемся пока в рамках религиозного сознания и морали.

Теперь нас интересует собственно христианская этика бедности и богатства.

Верующие в Иисуса Христа или считающиеся приверженцами Его учения образуют самую крупную религиозную общину. По различным подсчетам ее численность, по-видимому, превышает цифру в 2,3–2,5 млрд человек. На втором месте стоят мусульмане – 860 млн человек, затем индуисты – 680 млн, конфуцианцы – 317 млн, буддисты – 309 млн, иудаисты – 18 млн человек⁶.

Конечно, эти цифры весьма условны, ибо точного подсчета никто по всему миру никогда не проводил, да и вряд ли это вообще возможно. По-видимому, речь идет о взрослом населении районов с преобладанием той или иной религии. Считается, что православные церкви объединяют в России 73,9 млн человек, в мире – в пределах 100–110 млн человек⁷.

За пять веков, прошедших с начала открытия Америки, христианская вера и культура глубоко проникла во все поры общественной, семейной и личной жизни населения континента. Соответственно формировалось и моральное отношение к жизни, в том числе к проблеме бедности и богатства.

Прежде чем коснуться этой темы, необходимо выяснить принципиальное отличие христианской (евангельской) антропологии от ветхозаветной традиции. Логика Евангелия в отношении бедности и богатства внешне как бы продолжает линию Ветхого Завета, но внутренне строится на прямо противоположном основании. Иудаизм исходит из идеи, что праведное богатство – в известном смысле награда, “дар Божий” за веру в Яхве и усердие, а бедность – Божья кара за неверие, личное злонамерение или лень. И то, и другое достается человеку не завтра, а уже сегодня – пока сам он еще жив. За гробом “все возвратится в прах... Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению... И возвра-

титься прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, который дал его. Суета сует, сказал Экклезиаст, все – суета” (Эккл. 3, 20; 9, 5; 12, 7–8).

В отличие от такой логики Евангелие исходит из идеи о бессмертии и продолжении жизни после отделения души от тела. Небесная жизнь, благодаря жертве Иисуса Христа, взявшего все грехи людей на себя, обязательно будет иной. Пирамида блага перевернется с головы на ноги: “счастливы” и роскошествующие при земной жизни, если их богатство приобретено неправедным путем, обречены вечно мучиться в преисподней, а бедные и униженные – “станут первыми” и обретут блаженство в награду за веру и терпение. Что же касается земных благ или их отсутствия, то они, по мысли Евангелия, имеют относительное значение, ибо вся земная жизнь есть лишь приуготовление к жизни вечной. Иначе говоря, на первое место выдвигалась не идея счастливой (богатой) жизни, а идея будущего спасения.

Поскольку первые христиане глубоко верили в скорый конец света и второе пришествие Иисуса Христа, постольку все религиозное сознание сосредоточивалось на жизни небесной и вечной. К чему беспокоиться о богатстве? К чему волноваться о бедности, коли завтра всему настанет конец? Отсюда призыв к аскетизму, совет раздавать собственность, воздерживаться от брака и т.д. Такое психорелигиозное состояние можно назвать бытовым эсхатологизмом (эсхатология – учение о конечных судьбах мира и человека). Вся надежда возлагалась на Иисуса Христа, который был призван спасти всех от окончательной гибели и гарантировать новую и вечную жизнь.

У древних евреев воля Божия мыслилась, так сказать, “отрицательно как суд и осуждение, обличение и ниспровержение всех безбожных языческих царств и вместе с тем всей человеческой неправды и беззакония... С другой (христианской) стороны, конечная реализация царства определяется положительно как спасение и жизнь, как обновление, касающееся духовной природы человека и самой внешней природы”⁸.

С такой оценкой, данной выдающимся религиозным философом России князем С.Н. Трубецким, нельзя не согласиться. В этом контексте особое внимание уделялось спасению бедных и униженных сынов Божьих. Первым пророчеством Нагорной проповеди Христа не случайно было обещание о будущем блаженстве людей, не обладающих богатством.

Попробуем раскрыть смысл формулы “блаженны нищие духом” и попробуем раскрыть ее смысл. В первоначальном греческом тексте Евангелия от Луки было сказано просто: “блаженны нищие”⁹. Позже стали добавлять “блаженны нищие духом”. Од-

но определение не отрицает, а дополняет другое: в любом случае речь идет именно о бедных, а не богатых людях, хотя некоторые из последних также могут обрести блаженство на небесах за свою веру и добрые дела.

Различные комментарии дают более двадцати вариантов толкования формулы: нищие, нищие духом, смиренные, принявшие на себя добровольную бедность, духовно бедные, бедные грешники, бедные души, бедные дети, люди, занимающие низкое общественное положение, притесняемые, униженные, жалкие, несчастные, нуждающиеся в помощи, благочестивые и т.д.¹⁰

В посланиях апостолов тема возвышения бедности звучит более определенно. Так, в послании Иакова читаем: “не бедных ли мира избрал Бог быть богатым верою и наследниками Царствия, которое он обещал любящим его?” (Иак. 2, 5). Обращаясь к обладателям “неправедного богатства”, апостол восклицает: “Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас” (Иак. 5, 1).

В авторитетном католическом издании “Ключ к пониманию Св. Писания” утверждается, что выражение “нищие духом” относится к “людям, сознающим скудость своей духовной жизни, смиренным, презираемым миром, отказавшимся от погони за земными благами”¹¹.

Примеры добровольного отшельничества Франциска Азисского или Сергия Радонежского, конечно, никакого отношения к реальным печалям простолюдинов-бедняков не имеют, ибо не имеющие по своей воле “отказались” от земных благ, а их “отказали”. Даже церковь частенько видит в нищей братии лишь каких-то опасных бродяг и разбойников, которых не следует пускать в “приличное общество”.

Евангелист Матфей приводит слова Иисуса о суровом наказании всех богатых, забывающих о милосердии к бедным, за что “пойдут они в муку вечную, а праведники в жизнь вечную” (Мф. 25, 46).

Не просто материально бедные люди, попрошайки и бомжи, голодные и забытые всеми люди, ибо и среди них много, очень много недостойных, злых, агрессивных и даже преступных лиц (они никогда блаженными не будут), а только те, кто внутренне обращен к Богу, не погряз в алчности, достойны Царства Божия.

Бедность не “снимает” тяжесть порока (греха) и наказания за него. Именно так разъясняет суть Нагорной проповеди св. Василий Великий (IV в. н.э.), выдающийся христианский богослов и зачинатель социально организованной благотворительности: “Не всегда нищета похвальна, а только когда она с Евангельской целью принята произвольно”¹².

По словам апостола Павла, “ни воры, ни лихоимцы, ни хищники Царства Божия не наследуют” (1 Кор. 6, 10)”.

Св. Василий Великий восклицает: “Кто обнажает одетого, назовут грабителем, а кто не одевает нагого, хотя может это сделать, тот достоин ли другого названия? Посему блажен не тот, кто беден, но кто сокровищам мира предпочитает заповедь Христову. Таковых и Господь называет блаженными, говоря: блаженны нищие духом (Мф. 5,3), – не бедные имуществом, но избравшие нищету от сердца”¹³.

Итак, те только, кто по духу внутреннего убеждения в истине Христовой и по своей собственной воле предпочел бедность, аскезу, скромность, смирение, и получают блаженство вечной жизни, а грешники, злодеи, злые, хотя бы и самые бедные, не будут спасены.

Это пояснение важно было сделать для того, чтобы понять высокий смысл того духовного и нравственного требования, которое предъявляет Новый Завет и к бедным, и к богатым.

Было бы, конечно, наивно полагать, что заповеди и советы Христа прямо и автоматически внедрены в сознание и поведение каждого верующего христианина. Конечно, нет. Сохраняется некая неизбывная дистанция между религией, ее верой и моралью, с одной стороны, и поведением верующих – с другой.

Но как бы то ни было, общая культура и религиозно-нравственная традиция христианства оказывает свое решающее воздействие на отношение к проблеме бедности в современной Латинской Америке. Это воздействие ощущается и в политике государства, и в линии католической и протестантской церквей, и в поведении самого народа.

КАТОЛИЧЕСКИЙ КАТЕХИЗИС, ВАТИКАН И ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Первые десять веков существования христианства были отмечены серьезными внутренними распрями и борьбой с ересями. В обсуждение теологических вопросов втянулись даже простые миряне, но тем не менее при всех разногласиях сохранялось некое общее духовное единство. К сожалению, в XI в. произошел раскол на Восточную и Западную ветви христианства, а в ходе Реформации XVI в. из Западной (католической) церкви выделился протестантизм. Каждая из трех современных христианских конфессий – католическая, православная и протестантская – стала претендовать на свое толкование священного Писания, свои догмы и обряды. И хотя все сохраняли единую веру в Иисуса Христа, Его учение, истина и жизнь трактовались по-разному.

Мы, естественно, не собираемся погружаться в дебри теологических споров, но не намерены игнорировать разницу между католическим и протестантским мировоззрением. В данном разделе мы кратко разберем моральные критерии и социальную доктрину католической церкви. В основу будут положены папские энциклики и принятый Вторым Ватиканским собором Катехизис католической церкви (свод главных установлений).

Если признать “естественным” деление общества на имущих и неимущих, бедных и богатых, то значит “мир земной” создается на основе несправедливости. Кто же несет ответственность за наличие этого зла? Фатум, Бог, Сатана или сам человек? Отвечая на этот вопрос, христианство предлагает так называемую “доктрину теодицеи” – оправдания Бога за все наличия зла.

Сам термин “теодицея” был придуман немецким философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем в 1710 г. Проблема в том, что если Бог, создавая “наилучший из возможных миров”, нечаянно или умышленно произвел зло, то он не благ, а если он не смог воспрепятствовать дьяволу или кому-то другому, то он не всемогущ. Выход был найден в идее, что Он и благ, и всемогущ, но ради “научения” людей добру допускает зло как следствие греха и страдательный стимул к отказу от зла.

Примерно по такой же логике со времен Августина Блаженного (354–430) оценивается и бедность, и болезнь, и голод и все иные страдания: Бог их допускает, чтобы люди внутренне совершенствовались и уповали на Божию милость. Высшей наградой будет спасение.

Теодицея теодицеей, а злоключения бедности и нищеты от этого не испаряются. Что же делать с ними? Пассивно дожидаться спасения или стараться хотя бы уменьшить их тяжесть, смягчить удар “научения” святости собственной жизнью. Католическая церковь, опираясь на дух Евангелия, перешла от созерцания, чем до сих пор “грешит” православие, к конкретному социальному делу. Как сделать так, чтобы земные блага и плоды общего труда были бы доступны в достаточной мере всем людям? Мы уже не говорим о равенстве в доходах и потреблении, как о том мечтали все великие утописты. Речь идет о разумной системе пусть неравного, но достаточного жизненного уровня для всех и каждого.

Как указывалось в Окружном послании папы Иоанна Павла II (1991), “государство не может ограничиться заботой об одной части граждан”, т.е. о богатых и процветающих, и не может “пренебречь другою, которая несомненно представляет значительное большинство социального целого: в противном случае оскорбляется чувство справедливости, требующее воздавать должное каждому”¹⁴.

Идея восходит к знаменитой Энциклике папы Льва XIII *Rerum Novarum* (1891), которая была целиком посвящена “рабочему вопросу” и “социальному милосердию”. Вот что говорится в этом историческом документе, над которым так любили глумиться все политические социалисты: “Чтобы преодолеть это зло (несправедливое распределение богатства и нищету пролетариев), социалисты подстрекают бедных к ненависти против богатых, предлагают уничтожить частную собственность и настаивают на том, чтобы личные владения превратились в общую собственность; но эта теория, помимо того, что не решает проблему, приводит лишь к тому, что терпят ущерб сами рабочие; наконец, она несправедлива по многим причинам, поскольку извращает функции государства в отношении прав законных собственников и нарушает общественный порядок”¹⁵.

Католическая церковь недвусмысленно признала “положительную роль социального конфликта”, но выступила за перевод насильственной классовой борьбы в русло “упорядоченного прения, основанного на поисках справедливости”¹⁶. Можно скептически относиться к такой примирительной стратегии, но оценивать ее как защиту неравенства никак нельзя. Весь пафос состоял именно в “преимущественном выборе в пользу бедных” согласно учению Христа.

Спустя 100 лет после *Rerum Novarum*, в 1992 г., вышел в свет новый Катехизис католической церкви, написанный в соответствии с общими установлениями Второго Ватиканского Собора (1962–1965 гг.). Важное место в этом конституционном документе современного католицизма отводится социальным (мирским) проблемам, а именно: бедности и богатству, труду, справедливости, социальному неравенству, благотворительности и др. Католики призваны руководствоваться именно этими установлениями во всей своей мирской и церковной жизни.

В Латинской Америке нравственное и мировоззренческое воздействие Катехизиса носит вполне органический и, так сказать, внутренний, а не внешний характер: кажется, что не церковь берет на себя миссию по благотворительности и заботе о сирых и забытых, а внутренние и взращенные на протяжении веков чувства и устремления верующих подтолкнули Ватикан и местное священство на выработку авторитетного компендиума религиозно-нравственных ориентаций по отношению к бедному населению. Так или иначе, представляется полезным дать самое краткое пояснение по поводу главнейших рекомендаций и требований Катехизиса.

Чтобы не исказить смысл документа, обратимся к прямому цитированию¹⁷. Католический Катехизис глаголет: “В соответст-

вии с социальной природой человека, личное благо каждого обязательно связано с общим благом... Общее благо предполагает прежде всего уважение к личности... общее благо требует социального благоденствия и развития данного общества... (власть) должна предоставить каждому то, что ему нужно, чтобы вести по настоящему человеческую жизнь: пищу, одежду, медицинскую помощь, работу, образование и культуру, соответствующую информацию, право на создание семьи и т.д... общее благо требует мира, то есть постоянства и безопасности справедливого порядка” (С. 443).

“Бог благословляет тех, кто приходит на помощь бедным, и осуждает тех, кто отворачивается от них. Любовь к бедным есть даже одна из причин, по которым мы должны трудиться, “делая добро своими руками, чтобы было из чего уделять нуждающемуся (Еф. 4, 28). Она распространяется не только на бедность материальную, но также и на многочисленные виды бедности культурной и религиозной” (С. 558).

Этот аспект имеет самостоятельное значение, хотя обычно о нем забывают. Не меньшее значение придается благотворительности. “Дела телесного милосердия состоят, в частности, в том, чтобы накормить голодного, приютить бездомных, одеть оборванных, посетить больных и заключенных, похоронить мертвых” (С. 559).

Нужно поддерживать усилия бедных стран, направленных на развитие и освобождение” (С. 557).

“Когда мы даем бедным вещи необходимые, мы вовсе не проявляем личное великодушие – мы возвращаем им то, что им принадлежит. Мы в гораздо большей степени совершаем акт справедливости, чем акт милосердия”, – учит Катехизис (С. 558).

Итак: бедный не кради, а богатый благотвори и “возвращай” бедному часть благ всеобщих, то есть своих. Только и всего: просто и справедливо. Но как достичь этого? При помощи любви к ближнему. “Отрешение от богатств необходимо, чтобы войти в Царство Небесное” (С. 579). Но кто следует этому совету? Никто.

Эти же идеи звучат и в недавно принятом (январь 2004 г.) Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании, подготовленным высшими чиновниками Русской православной церкви совместно с представителями бизнеса:

“...Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны.

Богатство – не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа. Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб...”¹⁸

Не кради, не завидуй, уважай право собственности, надейся на помощь государства, бизнеса и общества, пекись о благе ближнего, общества и Отчизны – и бедность твоя станет “блаженной”. Так можно понимать позицию РПЦ.

Выше мы упомянули тезис о том, что католическая церковь официально подчеркнула важность “поддерживать усилия бедных стран, направленных на развитие и освобождение” (С. 557). Этот вывод был сделан в ходе острой и многолетней полемики Ватикана с ересью так называемой “теологии освобождения”, которую в 70-х годах XX в. разработали самые прогрессивные группы католических священнослужителей самой Латинской Америки. В чем же смысл этой доктрины?

Внимание католической церкви к “земным задачам” в обстановке обновленческих тенденций Второго Ватиканского Собора неожиданно приняло в Латинской Америке особенно радикальное воплощение. Бедное и униженное состояние народной жизни, зависимость и отсталость экономики, бесправие “низов” – все это побудило часть местного церковного клира присоединиться к массовому протесту верующих против существующей несправедливости. Для этого понадобилось пересмотреть ряд традиционных канонов Ватикана и выработать свою теологию освобождения – от нищеты и зависимости.

Такие цели ставились и прежде как вождями популистских движений, так и “левыми” политическими партиями. Немало усилий в этом направлении предпринимали демохристианские партии и сама церковь. Но всем им не хватало некоей единой идеи. Дело ограничивалось протестом против отдельных негативных сторон жизни, даже против несправедливости социального устройства, но о духовно-нравственном преображении всего сознания речи не шло. Более того, церковь стояла на консервативных позициях и не была намерена развивать свободу совести и социальное гражданское сознание. Она, как огня, боялась каких-либо существенных перемен в духовной сфере, а тем более в самом христианском мировоззрении на человека и мир. Вот почему она с самого начала не на шутку обеспокоилась, когда на сцене появилась “новая опасная ересь” в лице теологии освобождения и ее низовых общин. В целях предотвращения неконтролируемых радикальных тенденций и “сближения” теологии с освободительной политической практикой Ватикан постарался взять инициативу обновления в свои руки.

Пастырская конституция, принятая Вторым Ватиканским Собором, заострила внимание церкви на развитии братского сотрудничества людей и народов в современном мире, проведении социальных реформ, укреплении справедливости и равенства в

личных, национальных и международных отношениях, обеспечении мира и разоружения, защиты свободы и прав человеческой личности и т.д.

В итоговом документе Собора прямо указывалось, что “христианин, пренебрегающий своими земными делами, своим долгом по отношению к ближним... подвергает опасности свое вечное спасение”¹⁹.

Официально санкционированное обновленчество все же оказалось весьма ограниченным. Более того, за его фасадом нередко скрывался консерватизм. Догматическое толкование Библии явно превалировало над смелым реформаторством. Не случайно поэтому в лоне повседневного пасторского служения, особенно среди бедных слоев в отсталых странах Латинской Америки, Азии, Африки, исподволь и довольно быстро зародилась более радикальная тенденция. Ее главное устремление состояло в практическом соединении веры и религиозной морали с активной социальной позицией. Ибо, как учил Святой Апостол Иаков, “человек оправдывается делами, а не верою только” (Иак. 2, 24).

При опоре на эту идею сложилось действительно новое и оригинальное постклассическое религиозное мировоззрение – так называемая “теология освобождения”. Ее основоположником явился перуанский священник и богослов Густаво Гутьеррес, издавший в 1971 г. книгу “Теология освобождения. Перспективы”.

Незадолго до этого, в середине 60-х годов, нечто подобное произошло в лоне протестантизма в лице так называемой “теологии революции Гарвея Кокса”. Согласно его взгляду, в современном мире важно не столько религиозное, сколько “естественное, посюстороннее измерение жизни”. Отсюда следовал вывод, который сформулировал другой протестантский мыслитель Жорж Казалис: “теология революции требует революции в теологии”. Главное состоит не в молитвах и вере, а в развитии “исконной революционности христианства” по примеру борьбы самого Христа против фарисеев²⁰. Сторонники такой линии стали связывать спасение души с борьбой против эксплуатации и всяческого зла, в том числе и с помощью насилия.

Во многом аналогичную позицию заняло и католическое движение “Христиане за социализм”, создавшее в 60–70-х годах свои группы в ряде стран Латинской Америки, Европы, Азии и Африки, а также в США и Канаде. В резолюции Первого Всемирного конгресса движения “Христиане за социализм” (1975 г.) подчеркивалось, что в нашу эпоху “международная классовая борьба должна приобретать новые формы... В условиях современного транснационального капитализма многие христиане открыли для

себя необходимость участвовать в исторической освободительной и революционной практике...”²¹.

Такая насквозь политизированная позиция, причем сформулированная под влиянием марксизма, не могла, конечно, занять ведущие позиции в процессе обновленчества католицизма. Полное подчинение веры прагматической политике, хотя бы и обусловленное (или прикрываемое) заботой о нуждах бедных и обездоленных людей и народов, не соответствовало взглядам более умеренных теологов. Они искали “свой” средний путь: не охранительный консерватизм, не левый радикализм христиан-социалистов, а новую философию народной борьбы против существующего социального зла на основе христианской веры и морали. Так естественно сложилась сама идея теологии освобождения.

Особенно пышно она расцвела в 70–80-х годах в странах Латинской Америки. Эта тенденция отчетливо проявилась кое-где в Африке (Заир, Камерун, Мадагаскар, Танзания), в Индии, на Филиппинах, в Европе (Франция, Испания, Италия, Португалия).

Бразильский архиепископ Элдер Камара, выражая общее мнение теологов освобождения, говорил: “Я против насилия, но не осуждаю священников, которые его избрали. Я их понимаю... Насилие над массами людей осуществляет кучка привилегированного и властвующего меньшинства”²². Против такого явного зла можно в исключительных случаях применить и контрнасилие. Проблема морального оправдания контрнасилия занимает центральное место в теологии освобождения.

Для движения “Христиане за социализм” каких-либо сомнений в праве на сопротивление злу насилием не существовало, поскольку изначально оно считало себя “христианством, связанным с интересами рабочего класса, альтернативного христианству, идеологически и структурно связанному с господствующей системой эксплуатации”²³.

Позиция теологии освобождения была принципиально иной, хотя и она ориентировалась на защиту бедных слоев. Для нее проблема зла и насилия была не менее сложной, чем для Толстого и всех сторонников ненасилия. Но если Толстой решал ее в духе “непротивления злу насилием”, то новая теология освобождения допускала в случае необходимости сопротивление злу насилием. И этот вариант она считала также христианским, причем не только по его направленности на защиту добра, но и по служению самым обездоленным, угнетенным и страдающим слоям народа.

Архиепископ Элдер Камара проповедовал, что “помочь детям божьим выйти из состояния нищеты, в котором они находят-

ся, значит исполнить свой человеческий и христианский долг. Состояние нищеты, действительно, унижает человека и оскорбляет Создателя”²⁴.

Эта идея звучит лейтмотивом всей теологии освобождения; которая стремилась не столько осудить эксплуатацию и богачей, сколько пробудить волю людей к борьбе против несправедливости. С другой стороны, и сама церковь должна была выйти на встречу бедному большинству. В Послании 18 епископов “третьего мира” (1969 г.) по этому поводу говорилось следующее: “Церковь не является защитницей крупной собственности. Она вместе с папой Иоанном XXIII просит, чтобы собственность была бы разделена между всеми, так как у собственности общественное предназначение”²⁵.

Такое радикальное прочтение энциклики папы вряд ли соответствовало намерению Ватикана, хотя со времен энциклики *Regum Novarum* католическая церковь старалась облегчить участь страждущих и “просила” власть развивать социальное законодательство. Но “просить” было мало: надо было активно бороться против неравенства. Эту линию и защищала теология освобождения.

Бразильский теолог Леонардо Бофф говорил: “Угнетенный человек – это не человек. Земля – дар Божий, всеобщее благо. Она была создана не для прибыли одиночек. Поэтому моя роль как христианина – быть вместе с крестьянами, несущими свой крест... Бог вместе с ними, потому что освобождение в первую очередь относится к самым бедным”²⁶.

Архиепископ Оскар Арнульфо Ромеро (убит военными в марте 1980 г.) проповедовал: “Почитаемый нами Бог – не мертвый, а живой, чувствующий, действующий, трудящийся, направляющий историю... Бог идет с нами, как шел когда-то с народом Израиля”²⁷.

Церковь должна не только проповедью, но и делом способствовать интегральному освобождению человека, включиться в борьбу бедных за свободу.

“Теология освобождения хочет показать, – утверждал падре Клодовис Бофф, – что Царство Божие должно установиться не только в душе (личностный масштаб), но и в отношениях между людьми, в социальных проектах (исторический масштаб)”²⁸.

Как мы видим, теологи освобождения исходили из идеи, что невидимое присутствие Христа доказывается не литургией, а теми деяниями, которые соответствуют его советам и откровениям. Не Бог должен доказывать свое бытие, а человеческое бытие должно доказывать присутствие Бога. Для этой истины нет необходимости в каком-либо внешнем критерии или авторитете. Этот

путь и есть сама истина, где мистическое соединяется с реальным и служит ему. В таком подходе органично сплелись экзистенциальные и религиозные нити сознания, что вело к особому духовному просветлению.

Сила теологии освобождения заключается именно в сращении веры и дела, духовного служения и душевного поведения, “аристократизма” мысли и “демократичности” участия. Пример – бразильский священник в г. Ресифи Рихалдо Велозо, образец деятельного пастыря-наставника и защитника бедных, активного участника социального протеста верующих против угнетения и несправедливости. В г. Ресифи, где он служит, десятки тысяч человек живут в фавелах – самых страшных трущобах современного мира. Неграмотные и нищие люди, многодетные семьи, сбившиеся в лачугах из старых досок, фанеры и картона, без электричества и канализации, уголовно-преступные группы, проститутки, беспризорные дети, нечистоты в узких проулочках, наркомания, бесправие и бедность – вот что наполняет повседневный быт этих несчастных. Им и среди них ежедневно от зари до полуночи служит хрупкий и благородный падре Велозо. Никто, кроме него, не заботится об этих отверженных, посему они любят и верят только ему, видят в нем своего единственного пастыря и защитника.

В спасении своей паствы от греха, в их освобождении от зла, обрушившегося со стороны общества, выявлении их человеческой сущности, в сознательном и совместном противлении тяготам жизни – вот в чем видят свое предназначение падре Велозо и сотни других приходских священников во всех странах.

Бедное и униженное состояние маргинальных групп породило теологию освобождения, и она в свою очередь возвратилась к угнетенным и оскорбленным в виде новой, человеколюбивой, а не официальной церкви, новой религиозной антропологии.

В итоге такого симбиоза на сцену вышла подлинно “народная церковь”, опирающаяся в теории на теологию освобождения, а в практике – на низовые христианские общины и добровольные группы мирян по интересам – кружки, вечерние школы начального обучения грамоте, комитеты помощи больным и детям, спортивные и молодежные клубы и т.д. Все эти формы самоорганизации и самоспасения низших социальных слоев составляют живую практику коллективного выживания. В этом и состоит главная заслуга теологии освобождения, противостоящей ложному смирению и выступающей за активную борьбу со злом. Антихрист должен быть побежден не только молитвой, но и кулаком.

Особенность христианских низовых общин в том, что они не ограничиваются сугубо религиозным просвещением, евангелизацией своих членов, а стремятся сблизить веру и деяние в обыденной жизни, открыть путь для социальной энергии верующих, включить их в жизнь всего общества. Сочувствие, взаимопонимание, совместные акции протеста, солидарность – вот что отличает дух этих коллективов.

Как и многие века тому назад апостолы, так теперь теологи-освободители, душой сросшиеся с бедным людом, стараются поднать их из грязи к свету.

Не к этому ли звал и Христос? Конечно, Иисус не поддерживал иудеев – зилотов, с оружием в руках восставших против господства Рима и его сатрапов. Он не звал никого к оружию, но укреплял волю людей к неповиновению злу, наделял их верой в свою духовную силу и право на свободу. Почему надо смиренно ждать посмертного низвержения в “огненную геенну” тех, кто в сегодняшней жизни уже доказал свою бесчеловечность и продолжает нести людям несчастье и муки? Вот вопросы, на которые отвечала теология освобождения. Да, “меч” не свят и не праведен. Меч не Крест. Он не есть оружие Христа, но в некоторых случаях его применение оправдано с точки зрения реального приостановления зла.

Такая позиция противоречила традиции и посему поначалу встретила резкое осуждение со стороны Ватикана. Папа Иоанн Павел II в послании епископату Африки (1984 г.) специально отметил, что всякое допущение насилия лишь “вредит жертвам несправедливости”²⁹. Им было дано указание Конгрегации доктрины веры (теоаналитическому центру Ватикана) заняться анализом обновленческих течений.

Спустя два года появилась соответствующая инструкция Конгрегации за подписью ее руководителя кардинала Ратцингера (6 августа 1984 г.). Ярый кардинал (теперь он папа Бенедикт XVI) тут же объявил, что все теологи освобождения под флагом заботы о бедных некритически заимствуют элементы марксистской идеологии и привносят идею классовой борьбы в “интерпретацию содержания веры и христианского существования”. “Поэтому христианский смысл бедности извращается, а борьба за права бедных преобразуется в борьбу классов... церковь бедняков получает значение классовой церкви”³⁰. Большей анафемы нельзя было и придумать, разве что организовать публичные аутодафе “новой ереси” на площади Св. Петра в Риме.

Но прошли еще два года, и Ватикан изменил свою позицию. Этому способствовали и церковные, и политические обстоятельства, а главное – рост популярности самой теологии освобождения.

ния. Не желая терять расположение многомиллионной паствы в развивающихся странах, Папа Иоанн Павел II в энциклике “Соллицитудо реи социалис” (1987 г.) впервые представил общую этическую ориентацию всех людей на бесконфликтное развитие и постепенное “преодоление изнутри логики борьбы и систематических противостояний”³¹. Но это было уже не предписание и анафема “заблуждающихся”, а мягкая рекомендация по внутреннему предпочтению ненасилия.

Проблема насилия и ненасилия всегда была одной из важнейших моральных проблем христианской философии, но вовсе не она определяла главную мысль и функцию теологии освобождения. Это было не новое богословское учение, а новая социальная позиция обновленческого крыла католической церкви в бедных и отсталых странах, своего рода адаптация к особым условиям времени.

Новая теология стремилась, таким образом, соединить воедино три уровня освобождения: 1) личностный – спасение в вере; 2) трансцендентный – спасение в загробной жизни и единение с Богом; 3) социально-исторический – гуманизация земных, посторонних отношений между людьми и народами, между человеком и обществом.

Освобождение может быть только интегральным и реальным. “Прежняя абсолютизация индивидуального спасения в мире небесном, – пишет уругвайский священник Х.Л. Сегундо, – искажает учение Христа. Он заинтересован в полном и всестороннем освобождении всех”³².

С такой теологией трудно не согласиться. Именно благодаря своему высокому нравственному началу она заняла в мировой духовной жизни современного человечества свое достойное место.

В последние годы этика справедливой самозащиты под знаменем Христа временно утратила свой первоначальный запал и популярность, но идея освобождения глубоко запала в народное сознание. В любой момент естественная тяга людей к справедливости и всем земным благам может вновь пробудить низы к активному действию под религиозными знаменами.

Сила теологии освобождения не только в соединении морали и идеологии, веры и дела, но также и в том, что она обладает особым эмоциональным настроем. Это не столько догматическая, сколько чувственная философия. Ее экзистенциальный подход к человеку и его судьбе, к бедности и освобождению от нее, к реальному злу и реальному добру – вот что создает вокруг нее светлую ауру, которая органически соединяет личность и коллектив, рождая подлинную солидарность.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЛИНИЯ
(В. ЗОМБАРТ ПРОТИВ М. ВЕБЕРА)

В отличие от радикализма теологии освобождения, с одной стороны, и политики Ватикана на мирное и постепенное расширение трудового законодательства и развитие благотворительности, с другой, протестантская церковь со времен Реформации XVI в. во главу угла ставила хозяйственную активность. Без собственных усилий бедняку никогда не подняться с колен. И это правда.

Разумеется, этика современного протестантизма серьезно трансформировалась по сравнению с эпохой его зарождения, но те основы, которые заложили Мартин Лютер, Филипп Меланхтон, Жан Кальвин, Ульрих Цвинги и другие “отцы-основатели” третьей ветви христианства, до сих пор остаются определяющими. Мы уже отмечали, что протестантизм занимает особое место в религиозной и общественной жизни Латинской Америки. Его влияние с каждым годом нарастает. По сути дела, Реформация продолжается. “Дух протестантизма” энергично внедряют в массовое сознание и реформаторы, и лютеране, и кальвинисты, и баптисты, и квакеры, и методисты, и пуритане. Всех общин и не перечислить.

Здесь не место разбираться в особенностях протестантской теологии (это и проблема *filioque*, и идея оправдания только верой – *justification sola fide*, и отрицание церковной иерархии и непогрешимости папы, признание только двух таинств – крещения и причащения, упрощенный чин богослужения и др.). Все эти темы требуют специального разговора.

Обратим внимание только на особую скрытую взаимосвязь протестантской доктрины Божьего предопределения с идеей социального призвания и личного долга верующего. Именно в этой плоскости следует искать корень того предпринимательского активизма, который отличает деловую этику протестантизма от созерцательного православия и полусозерцательного католицизма.

Опираясь на философию Августина Блаженного (354–430), главные идеологи протестантизма Мартин Лютер (1483–1540) и Жан Кальвин (1509–1564) утверждали, что человек лишен своей воли, вся она есть лишь воля Бога. Как бы человек ни старался, только своими делами он не добьется успеха: захочет Бог, и человек будет счастлив, богат, успешен, а не захочет – даже самый истый праведник и трудяга принужден будет влачить бедное и нищее существование.

Эта мысль уже достаточно ясно звучала в Ветхом Завете. В Книге Исход идея предопределения выражена в словах самого

Яхве: “Кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею” (Исх. 33, 19).

Павел и Августин, а за ними и Лютер с Кальвином, отдавали приоритет только самому Божьему предопределению. Отсюда следует: все от Бога – одним жизнь счастливая, другим – горестная. А после смерти одним – спасение, другим – гибель.

Ж. Кальвин так и пишет: “Бог создал тех, о которых Он знал наперед, что они погибнут, и Он это сделал, потому что так хотел. А почему хотел, мы не должны спрашивать и понять не можем”³³.

Если протестант, а данном случае – кальвинист, исходит из абсолютизации Божьего предопределения, то почему же человек должен сам стараться достичь успеха, стремиться к лучшему? Ведь все равно от этих стараний ничего не зависит. Казалось бы, закон предопределения должен вести к пассивному ожиданию Божьего милосердия, но, как свидетельствует практика, именно протестанты особенно энергично проявляют социальную активность. В чем тут секрет? И как “рабство воли” человека перед волей Бога может порождать интерес к личному успеху? Ответить на этот вопрос не просто, тем более что религиозная мысль Лютера и других пророков протестантизма сосредоточивалась не на мирских проблемах.

Этическая платформа и у католиков, и у протестантов общая и соответствует евангельскому образцу. Пожалуй, лишь некоторый привкус ветхозаветного интереса к имущественному богатству ощущается в протестантизме более отчетливо.

Протестант как бы восстанавливает в правах самооценку богатства и, следуя ветхозаветной логике, оправдывает и освящает его силой Божьего предопределения: Бог хочет, чтобы я был богат. Я лишь исполнитель Его воли. Всякое поползновение отдать другим то, что я имею по Божьей милости, глупо и вредно: богатство только растворится в пространстве. Вот почему даже нищим лучше не подавать милостыни. Они сами должны заработать себе на хлеб. Не хотят или не могут – это не моя вина. У каждого своя судьба. Всякая изоляция от мира, монашеская аскеза, созерцательное отношение к жизни и смерти, увлечение молитвами и обрядами, излишнее смирение и терпение – все это ведет к пассивности, безразличию, фатализму. А это есть грех, ибо порождает уныние, лишает радости жизни. Поэтому важно исполнять свое предназначение (Beruf). Такова логика рядового протестанта.

Подлинную революцию в теологии Лютер совершил не тогда, когда выступил против папы Льва X (1513–1521) и назвал его “антихристом”. Не тогда, когда отказался виниться перед Вати-

каном и потребовал отказа от позорной практики индульгенций. Даже не тогда, когда объявил “всех христиан – царским священством”. Главное его новшество состояло в отделении греха от морали и освобождении человека от требований перфекционизма – стремления к совершенству в целях спасения. “Не существует моральной добродетели, которая не была бы связана с высокомерием или с унынием, то есть с грехом”³⁴, – писал Лютер. Это значит, грех не может быть моральным или не моральным, ибо это теологическая, а не нравственная категория.

Интерпретируя эту мысль, известный немецкий историк и великолепный знаток Лютера и его доктрины Герхард Брендлер подчеркивает: Лютер имел в виду то, что “грех не имеет ничего общего с тем, что происходит между людьми. Это – не преступление, которое можно искупить. Грех может быть только перед Богом”³⁵.

Эта идея уходит корнями в Евангелие от Матфея: “всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку” (Мф. 12, 21–32). Не это ли и подразумевал Лютер, отделяя подлинный грех перед Богом от “текущего греха” перед людьми. В результате протестантская теология как бы вышла за традиционные рамки веры и морали, переплетаясь с общественной жизнью.

Отсюда вытекал и специфический взгляд на проблему бедности и нищеты. Мартин Лютер полагал, что “одной из крайних необходимостей является уничтожение всякого нищенства во всем христианстве. Никто не должен просить милостыни ради Христа... пусть каждый город позаботится о своих бедных и совершенно не допускает пришлых нищих... ни в одном занятии не бывает так много безобразий и мошенничества, как в нищенстве... Простой народ терпит много бед от этого свободного повсеместного нищенства... Вполне достаточно, если бедные будут обеспечены настолько, чтобы не умереть с голоду и холоду...”³⁶.

Лютер выступал с идеей закрытия всех нищенствующих монастырей и орденов, хотя сам принадлежал к ордену августинцев³⁷. Такая линия объяснялась тем, что чем больше развивался капитализм, тем шире становилось социальное неравенство. Оно и порождало рост бедности и нищеты на одном полюсе и богатства – на другом. Поэтому многие города составили специальные уставы о нищих и даже ввели должности особых административных “надзирателей” по проблемам нищенства. Каждый город обязан был сам заботиться о “своих” нищих и не впускать “чужих”.

«Кто хочет быть бедным, не должен быть богат. Если же он хочет быть богатым, то пусть возьмет плуг и ищет свое богатст-

во в земле. Достаточно, если бедные будут обеспечены в некоторой степени, чтобы они не умирали с голоду и не замерзали. Не годится, чтобы один благодаря работе другого бездельничал, богател и хорошо жил... Ибо святой Павел говорит, “кто не хочет трудиться, тот и не ешь”»³⁸. Этот призыв Лютера относился к нищенствующим монахам, т.е. к тем, “кто хочет быть бедным”, а не к бедному люду, невинно терпящему нужду. Не случайно к страдающему и нищему крестьянству Лютер относился высокомерно и презрительно.

Не теология Лютера, а его политика – вот что было напрямую связано с развитием буржуазного предпринимательства. Развитие свободных городов, укрепление новых капиталистических форм производства, рост торговли, пробуждение крестьянского движения – все эти коллизии эпохи Реформации нашли свое духовное отражение в протестантской доктрине. Отрицание папства, всякого рода церковных поборов и индульгенций, инквизиции, проповедь прямого общения человека с Богом, отказ от института священников, вера в собственные силы и призвание, требование закрытия нищенствующих орденов, запрет бродяжничества, сокращение числа праздников – эти и другие установки Лютера как нельзя лучше соответствовали интересам процветания бюргерства и городской буржуазии. Лютер был лишь религиозно-нравственным эхом своей эпохи. В этом состоял его личный *Veruf* (предназначение).

По сравнению с умеренным лидером Реформации Филиппом Меланхтоном (1497–1560) Лютер выглядел ярким бунтовщиком и революционером, но по сравнению с крестьянским вождем Томасом Мюнцером (1490–1525) он оставался консерватором и врагом решительных революционных действий “низов”. Мюнцер доказывал, что услышать голос Бога может только тот, чье сердце не привязано к богатствам этого мира, кто реально беден, но духовно чист и открыт добру, кто социально распростерт ниц, подвергается угнетению и обману.

Можно сказать, что Лютер хотел провести Реформацию “сверху”, Мюнцер – “снизу”, первый – для пользы народа, второй – вместе с народом. В итоге Лютер прямо осудил Мюнцера за “дьявольский дух насилия”, а восставших крестьян окрестил “бандитами” и “разбойниками”. Был бы Лютер жив, он, несомненно, осудил бы теологию освобождения.

Выступая против крестьян и защищая господ, Лютер объяснял свою позицию тем, что невозможно сделать всех людей равными, “ибо мирское царство не может стоять без неравенства людей, при котором одни свободны, другие зависимы, одни господа, другие подданные”³⁹.

Почему “не может”? Такого вопроса Лютер и не ставил, ибо его взор был обращен в сторону деятельных и сильных, а не бедных и слабых. В этом-то и проявился весь пробуржуазный пафос Реформации.

Наиболее глубокий анализ проблем протестантской этики, как известно, дал выдающийся немецкий ученый – энциклопедист Макс Вебер (1864–1920). Его взгляды формировались под влиянием позитивизма и неокантианской философии “идеальных типов”. Его фундаментальный труд “Протестантская этика и дух капитализма” (1904–1905 гг.) по праву считается классическим анализом связи хозяйственной жизни буржуазного общества с религиозным сознанием. Разумеется, далеко не со всеми выводами М. Вебера можно согласиться, особенно когда речь заходит об отношении к бедности и нищете. Сам Вебер совсем по-лютеровски холодно и высокомерно смотрит на судьбу несчастного люда, виня во всем их самих. Вся социальная доктрина протестантизма у Вебера фактически отождествляется с “духом капитализма”. В известном смысле так оно и есть, но связь между теологией и миром относительна, а не абсолютна.

Все религии и во все времена так или иначе воздействовали на мотивацию экономической деятельности людей, их отношение к бедности, богатству, труду и всем другим ценностям и целям. Пожалуй, только исихастам-молчаликам, постоянно сосредоточенным на внутреннем религиозном сознании через “очищение сердца слезами” и бессловесное моление, свойственно полное отрешение от мирских забот. Для протестантизма же связь религиозной этики с прагматизмом вполне естественна и целесообразна.

Не случайно поэтому Макс Вебер особое внимание при анализе религиозно-нравственной установки протестантов уделял их субъективно-рациональному и целенаправленному социальному поведению. По его мнению, это обусловлено общей ориентацией на достижение определенной жизненной пользы для себя лично, а следовательно, и для всего общества. При этом такое стремление представляется лютеранам не просто желанием улучшить условия своей жизни, а настоящим духовно-религиозным призванием, долгом, обязанностью.

Вебер, разбирая вопрос о связи капиталистической инициативы с протестантской этикой хозяйствования, пишет: “Стремление к предпринимательству”, “стремление к наживе”, к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посе-

тителей игорных домов и нищих – можно с полным правом сказать, что оно свойственно all sorts and conditions of men (людям всех типов сословий) всех эпох и стран мира... “Капиталистическим” мы здесь будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства. Основанное на насилии (как формально, так и по существу), приобретательство следует своим особым законам...”⁴⁰.

Во всех культурах, по Веберу, экономический рационализм зависит не только от объективных условий и исторической ситуации, но и от “предрасположенности людей к определенным видам практически рационального жизненного поведения... В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные идеи и коренившиеся в них этические представления о долге”⁴¹.

В отличие от католиков для протестантов более характерен повышенный интерес к процветанию, поэтому удельный вес протестантов в предпринимательских кругах нередко преобладает. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие протестанты виртуозно сочетают в себе черты деловитости с самой глубокой набожностью. Особенно это характерно для кальвинистов, число которых в Латинской Америке невелико.

Сочетание набожности, торгово-делового интереса и чувства свободы и самоуважения отличает все протестантские группы от иных христианских общин, предпочитающих более созерцательный образ жизни, склонность к гуманитарному образованию и смирению с судьбой. По Веберу, протестанты повсюду “проявляли специфическую склонность к экономическому рационализму, которую католики не обнаруживали и не обнаруживают...”⁴².

Этот вывод является как бы общепризнанным и справедливым, но вовсе не все серьезные аналитики безоговорочно признают правоту Макса Вебера.

Одним из самых первых и энергичных опровергателей веберовской “школы” был его соотечественник и современник Вернер Зомбарт (1863–1941). По его мысли “протестантизм означал прежде всего серьезную опасность во всех отношениях для капитализма и в особенности для капиталистического хозяйственного образа мыслей... Всякое углубление религиозного чувства должно порождать безразличное отношение ко всем хозяйственным вещам... в странах, где лютеранство становится господствующим, воздействие религии на хозяйственную жизнь – поскольку оно вообще имело место – свелось, несомненно, не к способствованию, но, безусловно, скорее к препятствованию капиталистической тенденции”⁴³.

Идея о “вреде” протестантизма вряд ли обоснованна. Тут Зомбарт явно перегнул палку. Он прав в другом – в признании “позитивной” социальной роли других религиозно-этических систем.

Задолго до Реформации в самом католицизме, по справедливому мнению Зомбарта, важное место отводилось как раз бережливости, трудолюбию, скромности. Протестантской этике оставалось лишь перенять и развить философию этих мещанских добродетелей. Другое дело иудаизм. “В еврейской же религии, – подчеркивает Зомбарт, – вообще никогда не существовало идеала бедности”⁴⁴. Поэтому и иудаизм, и католичество, и протестантизм почти в равной мере способствовали развитию и утверждению “капиталистического духа”, хотя и по разным основаниям.

Чтобы религия пустила корни и повлияла на хозяйственную этику, в народе должно существовать некое “предрасположение”. Не нравственные и религиозные чувства являются источником “капиталистического духа”, хотя этические факторы, несомненно, играют свою роль в том или ином пути социального развития. Новая протестантская тенденция не пришла откуда-то извне, со стороны, скажем, от ислама. Нет, она сформировалась внутри самой католической церкви, подобно тому, как христианство родилось из иудаизма. Можно сказать, протестантизм явился своего рода внуком ягвистской религии древних евреев.

Позиции протестантизма в Латинской Америке, как уже говорилось, существенно слабее, чем у католической церкви. Но речь идет сейчас не о численных размерах той или иной религиозной общины, а о моральной силе их социальных доктрин и традиций. В этом смысле “дух протестантизма” стал внедряться в общественную жизнь латиноамериканских стран, преодолевая огромное сопротивление со стороны католической церкви. Английские пуритане, немецкие лютеране, голландские кальвинисты и другие протестантские группы иммигрантов несли с собой в Латинскую Америку новый “капиталистический дух”. Они не строили своих храмов, не насаждали своих священников, ибо их просто не имели. Их общины действовали на свой страх и риск, часто преследовались, но упорно внедряли свои взгляды и традиции, вели постоянную и активную работу по распространению Библии и практике прямого личного общения с Богом каждого христианина. В ряде районов (Чили, юг Бразилии, Суринам, Гренада, Тринидад и Тобаго, Гайана) они заняли прочные позиции. Высокий дух предпринимательства, напряженная религиозная пропаганда, усердие и бережливость, рационализм – все это компенсировало их малочисленность по сравнению с католической церковью.

Краткий обзор христианской этики бедности и богатства сделан нами с упором на ее библейские истоки, не замутненные историческими “добавками” и “искажениями”, а также на основополагающие тексты Католического катехизиса, папских энциклик, богословских трудов М. Лютера, других идеологов протестантизма, а также трудов идеологов теологии освобождения.

В задачу не входило рассмотрение многочисленных богословских и философских интерпретаций этой проблемы отдельными, хотя бы и выдающимися, теологами и учеными. Но даже такой “усеченный” подход позволяет представить общую логику и конфессиональные различия в оценке бедности и богатства.

В христианстве, как, впрочем, и во всех иных мировых религиях, вера и мораль спаяны вместе в одно целое. Причем все нравственные требования и нормы отличаются чрезвычайной простотой и жизненной целесообразностью: будь человеколюб и добр, заботься о родителях и детях, не обижай ближних, не воруй, не убивай себе подобных и пр. Эти естественные для разумного человека нормы приобретают особое значение лишь постольку, поскольку санкционированы прямым волеизъявлением Бога. Это качество присуще и религиозному воззрению на добродетель, в частности по отношению к бедным и страдающим людям. Чем больше проявляется забота о судьбе этих несчастных, тем выше моральная культура общества и отдельной личности.

Это, разумеется, относится и к странам с преобладанием ислама, буддизма, конфуцианства и иных религий. В Латинской Америке они не оказывают заметного воздействия на общую ситуацию. Более существенна роль различных спиритических, традиционных индейских и африканских верований, оккультизма, теософии и новых сциентистских течений. Они, безусловно, влияют на динамику духовно-нравственной жизни, но анализ этой сложнейшей проблемы не входит в нашу задачу.

Если ограничиться только рамками интересующей нас темы, то следует выделить ряд существенных моментов:

наличие бедности всеми христианами признается как определенное социальное зло, с которым невозможно мириться;

сложнее обстоит дело с оценкой богатства: иудаизм и протестантизм, скорее, оправдывают его, чем осуждают; католики и православные рассматривают бедность как своего рода добродетель и осуждают несправедливо нажитое богатство в соответствии с евангелистскими установлениями;

по-разному относятся иудеи, католики и протестанты к нищенству: первые готовы ему благотворить, вторые (как и православные) проявляют постоянную заботу и развивают социальное вспомоществование, третьи осуждают и отказывают в милосты-

не, перекладывая тяготы улучшения качества жизни на самих бедняков, а нищих “распределяя” по городам и монастырям;

собственность признается нравственно нейтральной категорией, от самого человека зависит, будет ли она использована на пользу “добра” или “зла”. Обращаться с нею нужно осторожно. Она, как говорит Св. Климент, походит на змея, который, вися на кончике хвоста, качается в воздухе, не причиняя никому опасности. Точно так же и богатство – “при неискусном и неопытном прикосновении оно змеем изворачивается, обвивается вокруг собственника и его умерщвляет”⁴⁵;

бедность, как и богатство, может быть добродетельной, но и порочной; не все нищие и обездоленные станут блаженными, а лишь праведные и верующие в Иисуса Христа;

церкви не вмешиваются прямо в мирскую жизнь людей, а лишь духовно и морально ориентирует их в социальном пространстве.

Эти и другие критерии в определенной мере формируют основы общественной морали. Однако было бы ошибочно полагать, что сами христиане строго следуют этим предписаниям. Одно дело вера и мораль, другое – общественная практика и поведение людей. Конечно, большинство культурного населения соблюдает универсальные нормы христианской этики, но есть немало людей, кто выше всего ставит свой эгоистический интерес и далек от евангельских принципов любви к ближнему.

Приходится признать, что именно среди бедноты особенно распространены всякого рода аморальные и антисоциальные явления (воровство, проституция, криминал). Тяготы жизни и нищета легко побеждают все нравственные устремления и увещевания. Социально-экономическая реальность, жестокие законы мирской жизни, порождая бедность и нищету, одновременно развивают социальную несправедливость и сеют зло.

Теперь важно определиться с характером и масштабами бедности в современной Латинской Америке, а также остановиться на ее роли в приращении национального богатства.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 198.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 95–96.

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 723.

⁴ Нищие Ф. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 1. С. 821.

⁵ О социальной концепции русского православия. М., 2002. С. 304–309. Подробнее о христианском взгляде на человека, собственность и труд, включая проблему бедности и богатства, в сравнении с другими мировыми религиями см.: Арипин А.Н., Коваль Б.И., Коваль Т.Б. Личность и общество. Духовно-нравственный потенциал. М., 2003; Христианские начала экономической этики.

Сб. материалов международной интернет-конференции. М., 2001; Коваль Т.Б. Тяжкое благо. Христианская этика труда. Православие, Католицизм, Протестантизм. Опыт сравнительного анализа. М., 1994.

⁶ См. подробнее: Революция в церкви? (Теология освобождения). Документы и материалы. М., 1991. С. 318–319; Истина и жизнь. 2004. №3 и 4. С. 2.

⁷ Там же (данные за 1989 г.).

⁸ Цит. по: Христианство. Энциклопедический словарь. В 3-х т. М., 1995. Т. 3. С. 270.

⁹ См. Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания, Ветхого и Нового Завета (Изд. преемников А.П. Лопухина). Т. 3. Новый Завет (Репринтное издание. Пб., 1911–1913). Стокгольм, 1987. С. 81.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Ключ к пониманию Св. Писания. Издательство “Жизнь с богом”. Брюссель, 1982, с. 260.

¹² Творения иже во святых Отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийския. М., 1993. Ч. IV. С. 97.

¹³ Там же. Ч. I. С. 294.

¹⁴ Окружное послание Centesimus Annus – Сотый год Его Святейшества Папы Иоанна Павла II. Ватикан, 1991. С. 22–23.

¹⁵ Regum Novarum: I. С. 99.

¹⁶ Пий XI. Окружное послание. Quadragesimo. Anno III: I. С. 213.

¹⁷ Катехизис Католической церкви. М., 1996 (в тексте будут указаны только страницы).

¹⁸ Цит. по: Новая газета, 16.02–18.02 2004. № 11(941).

¹⁹ Революция в церкви? (Теология освобождения). Документы и материалы. С. 14.

²⁰ Там же. С. 16.

²¹ Там же. С. 240–243.

²² Там же. С. 16.

²³ Там же. С. 245.

²⁴ Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XVI–XX вв. (Документы и материалы). М., 1980. С. 223.

²⁵ Там же. С. 184.

²⁶ Революция в церкви? (Теология освобождения). Документы и материалы. С. 147.

²⁷ Там же. С. 112.

²⁸ Там же. С. 139.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ Там же. С. 23.

³² Segundo J.L. The Liberation of Theology. N.-Y., 1979. P. 3.

³³ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1977. Т. 1. Кн. 1 и 2. С. 227.

³⁴ Цит. по: Брендлер Г. Мартин Лютер. Теология и революция. М.; СПб., 2000. С. 73.

³⁵ Там же. С. 74.

³⁶ Лютер М. 95 тезисов. СПб., 2002. С. 65–66.

³⁷ См.: Там же. С. 323.

³⁸ Цит. по: Брендлер Г. Указ. соч. С. 150–151.

³⁹ Там же. С. 243. См. также: Митрохин Л.Н. Протестантизм. М., 1966; Он же. Баптизм: история и современность. М., 1997.

⁴⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 48.

⁴¹ Там же. С. 55–56.

⁴² Там же. С. 65.

⁴³ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. С. 192–193.

⁴⁴ Там же. С. 201.

⁴⁵ Св. Климент Александрийский. Строматы //Отцы и учителя Церкви III века. Антология. М., 1996. Т. 1. С. 199.

Глава IV

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАРОДНОЙ БЕДНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ АДАМОМ СМИТОМ

В книгах выдающегося английского мыслителя Адама Смита содержится исчерпывающий моральный и социальный анализ бедности. Но какова ее подлинная сущность? Является ли она самостоятельной экономической категорией или просто пассивно сопутствует развитию других факторов общественного развития – собственности, капитала, рынка и др.? Это вопрос не праздный, поскольку касается жизни многих и многих миллионов людей, хотя они и не обладают собственностью и капиталом.

К сожалению, приходится констатировать, что классическая политэкономия – от физиократов до неолибералов XX века – по каким-то причинам не уделила достаточного внимания специальному анализу экономической функции бедности. Точнее сказать, о ней много и часто говорили и говорят, но как-то формально, неохотно, почти стыдливо, не зная, что делать с этой болезнью. Важнее, видимо, разбираться с капиталом, товаром, деньгами, рынком и прочим, нежели думать о бедности. Она как бы существует сама по себе и нисколько не зависит ни от производства, ни от величины национального богатства, ни от наших дум. Они меняются, а материальное неравенство сохраняется.

С другой стороны, нельзя не признать великую роль пауперизма одних людей именно для производства богатства и его накопления в руках других, и без того уже богатых людей. Последние могут, конечно, делиться “излишками” с убогими и сирыми, правда, если захотят, но лишь для успокоения совести, чтобы с легкой душой продолжать наслаждаться роскошью собственного бытия.

Вот почему возникает необходимость включить в социоантропологический анализ некоторую дозу экономизма, но в его,

так сказать, “человеческом измерении”. Традиционный политэкономический подход к проблеме – и либеральный, и марксистский – страдает тем, что отрывает бедность как категорию от живого человека, абстрагируется от всякой моральной оценки или подчиняет ее прагматическому интересу. Чтобы соединить этический и практический анализ бедности, следует опереться на те принципы, которые развивал великий отец “нравственной экономики” Адам Смит (1723–1790).

К счастью, в его времена политэкономия как наука еще не выделилась из лона нравственной философии, которая включала в себя и этику, и право, и историю, и социологию и хозяйствование – все вместе. Поэтому-то Смит стремился смотреть на экономическую реальность с гуманистических, а не инструментальных позиций.

На первый взгляд, соединение этики с экономикой выглядит некой нелепостью: не могут частный интерес и власть денег сочетаться с принципами христианской морали, которая требует возлюбить других, как самого себя. Не очень вяжется с принципом равенства и жесточайшая борьба за политическую и экономическую власть с целью господства над другими людьми.

Искреннее и сильное стремление прогрессивных мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени преодолеть эти извечные противоречия и породило первые проблески гуманистического осмысления новой жизненной ситуации – ситуации первоначального накопления и ранних буржуазных революций.

В этом контексте в XVI–XVII вв. в Европе стали зарождаться новые воззрения и на проблему бедности. Они, естественно, опирались на средневековые теологические традиции, были пропитаны библейским духом, но постепенно все дальше отходили от церковной ограда и переплетались с практической хозяйственной жизнью.

Первым, кто всерьез попытался соединить мораль справедливости с экономикой, был именно Адам Смит. К сожалению, эта сторона его учения была “отодвинута” в сторону. В центр выдвинулся макроэкономический метод функционального анализа, в котором микроэкономическим заботам простого человека места не нашлось.

Адам Смит – дитя той эпохи, когда строилась первая коксовая домна, принимались в английском парламенте законы об огораживаниях, был изобретен паровой двигатель и т.д.

Согласно марксистской концепции, это был период завершения первоначального накопления и становления капиталистического способа производства.

Смит показал, что в хозяйстве раскрывается творческий труд людей, проявляется личная инициатива, создаются сами средст-

ва к существованию, и, в конечном счете, развивается цивилизация. Но почему же тогда именно экономика является полем самих античеловеческих и жестоких проявлений? Дикая эксплуатация, несправедливость, роскошь одних и бедность других, изнурительный труд и праздность, обман и преступления, алчность и предательство – все самые худшие черты человека в экономике проявляются особенно резко. В чем причина всех этих явлений?

Этой проблемой и занялся Адам Смит – молодой профессор кафедры нравственной философии Глазговского университета. Заметьте, профессор нравственной философии, а вовсе не экономики. Именно поэтому его первой серьезной работой и стала “Теория нравственных чувств”¹.

Сам Смит избрал любопытную манеру исследования: свою “Теорию нравственных чувств” он посвятил в основном раскрытию позитивных проявлений человеческого характера, или, как он говорил, “симпатической стороне”. Понятия “симпатия”, “сочувствие”, “справедливость”, “благоразумие” для него высокие и важные. “Мы проникаемся сочувствием даже к мертвым... Мы сожалеем, что они лишены солнечного света, что они не видят людей и не могут уже общаться с ними, что они заключены в холодную могилу и предоставлены в добычу червям и разложению; что они будут забыты людьми и мало-помалу изгладятся из воспоминания даже родных, самых близких и дорогих друзей”².

Самое интересное, что все эти сожаления не имеют никакого отношения к усопшим, но они важны для живых. Такого рода рассуждения явно подрывали веру в спасение и заставляли иными глазами смотреть на смысл неповторимой земной жизни, в том числе и на экономические проблемы.

Вопреки религиозной традиции А. Смит, оценивая симпатию к другим как “высшую степень нравственного совершенства”, тем не менее не отрицает позитивную роль эгоизма. Великий закон природы требует, “чтобы мы любили себя не более, чем мы любим других, или, что то же самое, не более, чем могут любить нас наши ближние”³. Это суждение противоречило Евангелию, но полностью соответствовало логике здравого рассудка и опыту жизни. Личный интерес, считал Смит, нисколько не противоречит справедливости и любви к ближнему.

Ровно за 100 лет до Дарвина Адам Смит в своей “Теории нравственных чувств” сформулировал весь будущий закон борьбы за существование: “Индивидуальное самосохранение и продолжение вида, – писал Смит, – суть две великие цели природы при создании всякого рода живых существ. Человек одарен всеми склонностями, ведущими к этим целям, и отвращением к тому, что отдаляет от них: привязанностью к жизни и страхом смерти,

стремлением к поддержанию и продлению своего вида... Голод, жажда, любовь полов, склонность к наслаждению и отвращение к страданию влекут нас к этим путям ради собственной их привлекательности, а вовсе не по сознанию той благотворной цели, которая указана им верховным Творцом природы”⁴.

В этом умозаключении поражает как глубокое проникновение Смита в законы естественного развития всех живых существ, так и интуитивное понимание сложной коллизии инстинктов и сознания в жизни человека, его социальных потребностей.

Обычно экономическое учение Смита оценивают с точки зрения раскрытия механизма производственных и рыночных процессов, динамики капитала, роли денег и труда, особенностей развития хозяйства у разных народов и т.д. И это верно. Но ограничиваться этим нельзя. Главное в теории Смита – это “человеческое измерение” экономики.

Не услышав внутренней мелодии смитовской мысли, мы обречем лишь беззвучный инструмент, на котором каждый способен бречать от души. Но что значит “человеческое” измерение? Да только то, что и в нечеловеческих, т.е. объективных, правилах экономики, Смит искал естественный исток человеческой целеустремленности и действия, во-первых, и оценивал все реальные явления с точки зрения их целесообразности и полезности для каждого человека и целых народов, во-вторых. Его интересовал не механизм, а смысл и польза хозяйствования человека на земле.

Распространение принципов симпатии и добродетели на экономику придало его учению особую теплоту. Разве не из-за “озабоченности чувствами людей мы стремимся к богатству и избегаем бедности? Что есть цель жадности и честолюбия, погони за богатством, властью и превосходством?... Какие преимущества мы приписываем тому великому стремлению человеческой жизни, которое мы называем улучшением своего положения? Привлечь внимание и заботу, быть отмеченным симпатией, довольством и одобрением – вот все преимущества, которые мы от этого можем предполагать”⁵.

Конечно, стремление к улучшению жизни определяется не сентиментальными чувствами, а материальными потребностями, о которых столь обстоятельно писал Адам Смит в своей главной книге “Исследование о природе и причинах богатства народов”. Она вышла в свет в 1776 г., спустя 17 лет после “Теории нравственных чувств”. И сразу же привлекла к себе всеобщее внимание (в России книга впервые была издана в 1802–1806 гг.).

Русский перевод смитовского труда “Исследование о природе и причинах богатства народов” (перевод П.А. Бибикова, 1886 г.) не передает все же точный смысл английского оригинала “An

Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations”. Буквально “Inquiry into” – вопрошание, расследование, проникновение внутрь; “Wealth of Nations” – благосостояние, благо народов. Может быть, упор следует сделать именно на этическом понятии “благосостояние народов”. Далеко не всегда объем национального богатства означает благосостояние граждан. Скорее даже речь идет о богатстве не народов, а государств (Nations). Можно иметь огромные природные ресурсы, сильную экономику, большой объем внешней торговли, но население будет жить в бедности, подвергаясь жестокой эксплуатации. Такой вариант poznali многие страны.

Здесь уместно вспомнить слова, высказанные за 100 лет до Смита его предшественником Томасом Манном (автором книги “Богатство Англии во внешней торговле”, 1664). Т. Манн с горечью писал: “Но то огромное изобилие, которое мы имеем, делает нас народом не только порочным и невозддержанным, расточающим средства, которые у нас есть, но также непредусмотрительным и небрежным в отношении многих других богатств, которые мы постыдно теряем... И в то же время (из-за постыдной праздности) огромное число людей обманывает, ворует, грабит, блюдолизничает, нищенствует, чахнет и преждевременно погибает...”⁶.

Как много подобных упреков мы могли бы выставить сами себе. Так разве можно “Wealth of Nations” понимать как “богатство народов”, если народы не живут в благосостоянии? Ясно, что нет.

В одном из писем Смит писал: “Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь меры, легкие налоги и терпимость в управлении, все остальное сделает естественный ход вещей”⁷.

Последнее замечание, конечно, следует понимать не как защиту стихийного экономического развития, а как принцип освождения экономики от искусственных пут и неразумных законов государства. Цель всякой экономической деятельности людей в том, чтобы обеспечить поддержание и продолжение своей жизни и жизни потомства. В соединении человека с природой, их обоюдного труда и создаются основы благосостояния народов.

Первейшим и главным источником всякой экономики выступает человеческий труд. В отличие от ряда других экономистов Смит оценивал его значимость и цену не только с точки зрения затраченного времени, но всегда учитывал и те “телесные и душевные тяготы”, связанные с трудом, которые вообще невозможно измерить. Почет и признание, по его мнению, составляют “значительную часть вознаграждения во всех особо уважаемых профессиях”⁸. Отсюда следовал вывод о том, что трудовые спо-

способности граждан образуют часть “основного капитала”, “богатства всего общества”⁹.

До Смита многие экономисты рассматривали высокую оплату труда в качестве “особого зла”, сдерживающего развитие торговли и промышленности (Петти, Темпл и др.). Смит иначе оценивал затраты на “труд, видя в них стимул производства: щедрая оплата труда является поэтому как неизбежным следствием, так и естественным симптомом роста национального богатства. Скучное существование трудящихся бедняков, с другой стороны, служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, а их голодание — что она быстро идет к упадку”¹⁰.

Этот вывод Смита следовало бы всегда иметь в виду. Ни одно общество, подчеркивает он, не может процветать, “если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна”¹¹.

Все эти рассуждения великого экономиста выглядят весьма банальными и само собой разумеющимися, но, как ни странно, именно их почему-то мы часто забываем, требуя от граждан все больших и больших трудовых затрат, не умея даже оплатить их усердие. Адам Смит, выступая против всякого расточительства, ратовал “за воздержание и неутомимое трудолюбие благоразумного человека, мужественное жертвование удовольствиями настоящей минуты и ожидание более прочных благ в отдаленном будущем”¹². При этом он решительно выступал против “чрезмерной бережливости или чрезмерно тягостного труда”¹³.

Последнее замечание особенно важно. Для Смита главное — человек и его экономическое самочувствие, а не формальные показатели инвестиций, торговли, цен и т.п. Исходя из заботы о людских интересах и потребностях, он подчеркивает, что бережливость и благоразумие в большинстве случаев могут вполне уравновесить “не только частную расточительность и неблагоразумие отдельных лиц, но и расточение общественных средств правительствами”¹⁴. Стремление людей улучшить свое положение столь могущественно и неодолимо, что способно “обеспечить естественное развитие в сторону улучшения общего положения вопреки чрезмерным расходам правительства и величайшим ошибкам управления”¹⁵.

Упоминание об ответственности правящих элит за благосостояние народов весьма показательно. Сейчас, правда, многие неолибералы исходят из идеи максимального отстранения государства от экономики, но точка зрения Смита отнюдь не сводится к расчету на стихийную победу экономической целесообразности. Роль человеческого фактора для него является решающей.

Весьма актуально звучат слова Смита о том, что “лишить человека несправедливым образом того, что принадлежит ему, и

создать свое счастье на несчастье ближнего более противно природе, чем смерть, бедность и страдание...”¹⁶. Мучения совести в этом случае будут сильнее всех других. Отсутствие же угрызений совести выходят за все пределы естественности и приличия. Увы, такой вариант беспокоит ныне очень немногих.

И еще один штрих к портрету Адама Смита. Он выступает против “преувеличенной симпатии к бедствиям, которые нам неизвестны, против искусственного соболезнования”. “Оглянись кругом: на одного страдающего и несчастного, вы найдете тридцать в полном здравии и счастье или, по меньшей мере, в сносном положении. На каком основании следует нам скорее плакать с одним, чем радоваться с тридцатью?”¹⁷. Ведь нас никогда не упрекают в слишком слабом сочувствии радости и счастью.

Этот пассаж удивителен, но справедлив. Тем не менее стоическая апатия и безразличие к судьбе ближнего не оправданы и вредны, ибо порождают бесчувственность и бессердечие. К сожалению, именно подобное ожесточение оказалось свойственным многим послесмитовским школам политэкономии.

Не пора ли вновь поискать пути к соединению нравственных чувств с экономической деятельностью?

КОНЦЕПЦИЯ ПЬЕРА ЖОЗЕФА ПРУДОНА

Спустя 100 лет после публикации “Теории нравственных чувств” Адама Смита французский философ и социолог Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) попытался построить свою концепцию бедности. В начале 40-х годов XIX в. он публикует сначала небольшую работу под титулом “Бедность как экономический принцип”, а спустя несколько лет (в 1846 г.) – двухтомное исследование “Система экономических противоречий или Философия нищеты”.

К. Маркс, как уже говорилось, сразу же обрушился на ее автора, обвиняя его в приверженности к идеалистической политической экономии¹⁸.

По-видимому, он был прав в этой оценке, но кое в чем прав и Прудон. Его формула “Собственность есть кража!” приобрела всемирную известность, хотя лишь повторяла идею средневекового монаха Цезария Гестербахского, приора монастыря близ Кельна (XIII в.): “Всякий богатый есть вор или наследник вора”¹⁹. Задолго до Прудона аналогичная мысль высказывалась и вождем французских жирондистов Жаном Пьером Бриссо в 1782 г.

Правда, Прудон считал кражей не всякую, а лишь крупную и несправедливо нажитую собственность. В “разумных размерах” она,

по его мнению, полезна и необходима. Идеал справедливости, по Прудону, возможен лишь после разрушения государства и равного распределения общественного продукта. Отсюда он выводил свою доктрину свободы, т.е. анархизма.

Весьма своеобразно трактовал он и проблему бедности, противопоставляя ее пауперизму. Бедность Прудон понимал как умеренность, а пауперизм как нищету. В принципе такой подход был верен, но формулировал свою мысль философ туманно и путано.

Исходя из посылки, что благосостояние общества зависит не столько от абсолютного количества накопленного богатства, сколько от справедливого распределения продуктов, Прудон умозаключил, что общество, по виду богатое, на самом деле может быть бедно, – если многие “страдают от пауперизма: собственник, живущий рентой, так же как и пролетарий, который перебивается только трудом своих рук”²⁰.

Прудон доказывал, что “строгое взаимоограничение нашего производства и потребления есть то, что я называю бедностью, третий наш органический закон, данный природою и который не следует смешивать с пауперизмом...”²¹.

Здравый смысл и закон природы, по Прудону, противятся тому, чтобы “производство выходило за пределы бедности”, т.е. сверх необходимого количества благ для поддержания здоровья “тела и развития души – ни более, ни менее”²².

Для достижения “земного счастья”, по его мнению, нужны три условия:

- 1) дать массам работников “новые потребности”, развивать их вкус и ум, повышать образование,
- 2) разумно организовать труд,
- 3) “прекратить паразитизм”²³.

В целях воспитания добродетельного и работающего человека надо стремиться не к роскоши и довольству, напротив, “нужно, чтобы каждый (человек) всегда чувствовал жало нужды”, жил в скромности и простоте, но имел необходимые средства для жизни. “Пауперизм есть бедность ненормальная, действующая разрушительно”²⁴.

Вот, собственно говоря, и вся “философия нищеты” Прудона, очень смахивающая на монастырскую проповедь добровольного аскетизма и трудничества, с одной стороны, и идеала распределительно-уравнительного “икарийского коммунизма”, с другой.

Особый интерес представляет позиция Прудона относительно возможных мер по преодолению нищеты. В этих целях он приводит ряд любопытных и поучительных исторических фактов (об этом чуть ниже).

Прудон совершенно справедливо пишет о том, что “во все времена раздавались жалобы на перенаселение; во все времена наличность пауперизма стесняла собственность, которая и не подзревала даже, что является единственной его причиной”²⁵.

В книге “Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти” приводятся удивительные примеры всевозможных мер сокращения бедности и нищеты:

так сказать, меры “противоестественные”, к коим можно отнести эпидемии, войны, рабство;

правительственные законы против нищих, в том числе казни, тюрьмы, изгнания и проч.;

постановления о временном помещении бродяг в монастыри и поручение общине кормить нищих;

введение специальных налогов в пользу бедных;

установление добровольных благотворительных взносов;

создание ночлежек, бесплатного питания и т.п.;

запрещение беднякам рожать детей и др.

Все средства, отмечает Прудон, тем не менее всегда оказывались безуспешными: собственность, может быть, и хотела избавиться от пауперизма, но сделать это не могла, ибо сама же его и порождала.

В этой связи важно отметить, что Прудон старался подкрепить свои рассуждения определенными статистическими выкладками. По его подсчетам, среднедушевой доход во Франции в 30-х годах XIX в. составлял всего около 1 франка в день. “Семейство, состоящее из четырех лиц, может жить на 3 франка 50 сантимов ежедневного дохода. Но, очевидно, роскоши не будет; мать и дочь не будут носить шелковых платьев, отец не станет посещать трактиров; в случае недостатка работы, болезней, несчастных случаев, в случае, если порок вкрадется в семейную жизнь, окажется недочет и вскоре нищета”²⁶. С другой стороны, меньшинство живет в роскоши и имеют дохода более 10 тыс. франков в день.

Такое “поразительное неравенство”²⁷ и побудило великого анархиста заняться проблемой собственности, богатства и бедности. “У бедняков пауперизм характеризуется медленным голодом, о котором говорил Фурье, голодом во все мгновения, круглый год, всю жизнь – голодом, не убивающим в один день, но слагающимся из всех лишений и из всех сожалений, который непрерывно разрушает тело, притупляет ум, развращает совесть, уродует поколения, порождает все болезни и все пороки, между прочим – пьянство и зависть, отвращение от труда и бережливости, подлость души, грубость совести и нравов, леность, нищенство, блуд и воровство”²⁸.

Эта характеристика в принципе верно отражает связь моральных и экономических факторов нищенской жизни, хотя берет их несколько поверхностно, фиксируя сам факт, но не раскрывая его глубинной сущности. И тем не менее концепция Прудона заслуживает внимания, поскольку пронизана именно “человеческим подходом” к экономике. Очевидно, что Прудон намного уступал Смиту в политэкономии, но обогнал его в гуманистическом порыве к свободе и благосостоянию всех людей, выдвинув идею слома несправедливого социального строя, ликвидации пауперизма и установления мирным путем нового общества без эксплуатации. Это была утопия, но по смыслу благородная и человеколюбивая.

“ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ” ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Проблема бедности и нищеты занимает немаловажное место в марксистской теории, правда, как дополнение к учению о капитале и наемном труде. В основном речь идет либо о пролетаризации угнетенных слоев, либо о пауперизации самого пролетариата.

Наиболее полно вопрос в категориальном смысле был рассмотрен К. Марксом в последних главах первого тома “Капитала”, посвященных процессу так называемого первоначального накопления.

Именно на ранней стадии зарождения капитализма феномен бедности и нищенства приобрел чрезвычайное значение и размах. Это объяснялось массовым наплывом обездоленного крестьянства в города в процессе так называемого “огораживания”. Никакой профессии и навыков городской жизни у них не было. Найти работу не представлялось возможным, поэтому большинству пришлого населения волей неволей пришлось заниматься бродяжничеством и попрошайничеством. Такое массовое явление наблюдается и ныне во всех странах Латинской Америки.

“Новорожденный капитал, – обвинял К. Маркс буржуазный строй, – источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят”²⁹. И это правда. Но и рабство, и феодализм, и “азиатский способ производства”, и “реальный социализм”, как свидетельствует история, тоже “источали” аналогичные социальные миазмы, причем не только при своем зарождении.

Генезис капитализма начался в Европе примерно в XVI в. и продолжался вплоть до XIX в., в том числе и за счет жестокой эксплуатации колоний в Новом Свете. Торгово-плантационное хозяйство, добыча золота и серебра, торговля невольниками, ис-

требление местного индейского населения – все это были самые нормальные и эффективные “внешние” методы накопления капитала в Европе. В итоге Латинская Америка была ограблена.

“Внутренним” рычагом первоначального накопления явилось отделение (выделение) производителя – крестьянина и ремесленника, обретших относительную личную свободу от средств производства. В итоге наряду с укреплением богатой буржуазии (особенно торговой) стала быстро шириться армия обездоленного и бедного люда, часть которого пополнила собой армию наемного труда, а большинство выродилось в пауперов и бродяг.

По некоторым подсчетам, обнищавшая масса в Англии XVII в. составляла от 1/4 до 1/2 всего населения страны³⁰. Невозможно, конечно, подсчитать точное число и тем более выделить бедных мелких собственников от неимущего люда. И те, и другие составляли бедноту. По определению К. Маркса, бродяжничество стало в Европе “всеобщим и длительным явлением”³¹. Смысл первоначального накопления свелся к тому, что на одном полюсе концентрировался капитал (деньги, средства производства, собственность, экономическая власть); на противоположном полюсе новый порядок превращал “народную массу в наемных рабочих, в свободных “работающих бедняков”³².

Таким образом, прежде несвободные “работающие бедняки” становились свободными “работающими бедняками”. Вот и вся разница: бедность никуда не исчезла, а лишь расширилась в масштабах в новой форме.

В Средние века главной причиной бедности считалось перенаселение. Поэтому многие экономисты и в XIX в. по традиции рекомендовали ограничивать браки среди бедных, а их самих поточески призывали воздерживаться от “единственного доступного им в мире удовольствия”³³. Таков был рецепт Мальтуса, Сисмонди, Сэя, Дроза и др.

Как бы то ни было, в XVI–XVII вв. в Западной Европе криминальные последствия бродяжничества и нищенства стали волновать имущие классы не на шутку, что побудило монаршие власти попытаться ввести некоторый юридический контроль и тем обеспечить социальную безопасность в городах. Маркс назвал политику такого рода “кровавым законодательством”. И действительно, многие юридические акты предусматривали поистине драконовские меры против “праздношатающихся бездельников”. Многие из них, по-видимому, хотели бы найти работу, но, слишком велика была армия безработных и слишком узок рынок наемной рабочей силы. В итоге несчастные пауперы поневоле вынуждены были “лениться” и страдать от голода. Никакие запре-

ты, тюрьмы, публичные порки и прочие репрессии не могли искоренить нищету и попрошайничество ни на раннем этапе капитализма, ни в последующие века.

Но это одна сторона вопроса, а есть и другая, о которой марксисты скромно умалчивают. Речь идет о том, что уже на раннем этапе капитализма, как, впрочем, и до этого, иногда предпринимались некоторые позитивные шаги для решения проблемы бедности и смягчения социального антагонизма.

Некоторые законы и указы в Англии XV–XVII вв. были весьма гуманными и вовсе не абсолютизировали грубые и насильственные меры против нищенства и связанных с ним преступлений. Иными словами, эпоха первоначального накопления – это не только кровь и тюрьма, не только гонения на согнанных с земли бедняков, но и робкие попытки хоть в чем-то облегчить их судьбу, дать им кусок хлеба, помочь найти работу.

Большой интерес в этой связи представляет социальная политика английской королевы Елизаветы I (1533–1603), последней из династии Тюдоров (правила с 1558 г.). Адам Смит назвал ее действия “неудачными попытками”³⁴, поскольку принятые акты никем не соблюдались, но замысел был весьма позитивным.

В 14-й год своего правления (1572) королева Елизавета I подписывает акт “О наказании бродяг и помощи бедным и неработоспособным”, спустя четыре года – “О посылке бедных на работу и искоренении лености”, в 1597 г. – акт “О призрении бедных”.

Первый закон предписывал должностным лицам на местах брать на учет всех неработоспособных и предоставлять им жилище и содержание. Для этого вводился специальный налог в пользу бедных. Во втором акте речь шла о необходимости трудоспособным безработным давать работу (так сказать, привлекать их на “общественные работы”) на складах сырья (шерсти, железа и др.), в обрабатывающих мастерских с оплатой их труда и т.п. По третьему декрету дети и престарелые лица должны были получать специальное содержание, кроме того, для них планировалось строительство дешевых домов на пустошах³⁵.

По статусу 1601 г. “было установлено, чтобы каждый приход заботился о своих бедных и чтобы ежегодно назначались попечители о бедных, которые должны были вместе с церковными старостами собирать путем обложения жителей прихода необходимые для этой цели суммы”³⁶.

Спустя ряд лет эта практика переросла в проблему установления постоянного местожительства бедного люда, что было закреплено в Акте об оседлости 1662 г., принятом королем Карлом II. Закон сделал невозможным свободное переселение и фактически приковывал работника к одному месту на всю жизнь.

Дальнейшее законодательство обратило главное внимание не на бродяжничество и оседлость, а на регулирование наемного труда и заработной платы, контроль над ценами и налогами и др.

И тем не менее налог в пользу бедных сохранялся, и объем его сбора рос из года в год: в 1774 г. он превысил 40 млн франков, спустя 10 лет составлял 53 млн, а в 1817 г. превысил 317 млн франков, т.е. увеличился в 8 раз³⁷. Правда, возросло и число пауперов.

По сведениям, приводимым Прудонем, в 1821 г. число бедных, приписанных к приходам, достигло 4 млн человек, что составляло около четверти или трети всего населения³⁸.

Некоторые шаги в пользу обездоленного люда делались и во Франции. Еще в 1544 г. Франциск I установил таксу вспомоществования для бедных. При Людовике XIV только в Париже насчитывалось до 40 тыс. нищих. Против попрошаек был принят строгий ордонанс. Конвент, как пишет тот же Прудон, “провозгласил помощь бедным национальным долгом. Изданный им закон не был осуществлен”³⁹.

Наполеон попытался решить проблему при помощи тюрем, но потерпел поражение.

Мы напомнили все эти факты лишь с целью восстановить истинную картину первоначального накопления. Кровавая эпоха раннего капитализма имела “на своем теле” и некоторые редкие вкрапления прагматической заботы о пауперах в целях избавления общества от опасных криминальных последствий нищеты и обеспечения буржуазии дешевой рабочей силой.

Подобное отношение к “низам” со стороны власть имущих и богатых предпринимателей мы наблюдаем и в наши дни. Эти “благодетели” думают не столько о сирых и убогих, сколько о своей мошне и выгоде.

Психологии каждого нормального человека, а тем более человека бедного и страдающего, присуща неизбывная надежда на везение и успех. Это чувство можно назвать бытовым фатализмом или верой в светлую судьбу, счастливый случай. Когда жить становится невмогуту, никакого другого утешения нет. Этим обстоятельством во все времена искусно пользовались всякого рода “благодетели” бедняков. Также и защитники богачей. И те, и другие, хотя и с разных позиций, доказывали тезис о полной возможности каждому добиться собственного персонального успеха и благоденствия. На свой лад эту идею проводила и церковь.

Если взглянуть на бедность и нищету не с макроэкономических вершин, а именно с таких утилитарных позиций личного материального успеха, то легко прийти к заключению, что сами бедняки и виноваты в том, что они бедны. Из-за своей лени, не-

расторопности, неорганизованности, склонности к сибаритству и т.п. они утратили свой шанс “выбиться в люди”, не смогли сконцентрировать витальную энергию, растеряли ее окончательно. Кого же в этом винить, кроме их самих? В итоге одни превратились в пожизненных пауперов, а многие по глупости застряли где-то в промежутке между относительно обеспеченными слоями и настоящей беднотой. Стоит только “взять себя в руки”, и все смогут добиться успеха.

Примерно так рассуждают ныне профессиональные популистские проповедники, президенты всякого рода благотворительных фондов, идеологи псевдорелигиозных сциентистских центров (дионетика) и просто политические шарлатаны. “Философия успеха” приобрела ныне повсюду, в том числе в России, большую популярность. В ней, по-видимому, содержится немалый позитивный заряд, поскольку она поначалу мобилизует человека на борьбу за свое благополучие. Правда, спустя некоторое время обнаруживается, что успех сопутствует лишь немногим счастливым: основная масса бедного люда так и остается в пределах своей социальной ниши. В итоге окончательно теряет веру в везение. Новые заклинания о светлых перспективах близкого успеха все меньше влияют на новые поколения. Они отмахиваются от красивых лозунгов, как от назойливых мух. Правда, тут же многие легко попадают в сети всякого рода эзотерических и оккультных “исцеляющих программ”. По мнению популярного в США психиатра Н. Хилла, например, каждый человек при желании способен “вымыслить” свой успех, мечту о деньгах превратить в реальность, если будет регулярно заниматься самовнушением: “я обязательно разбогатею, я могу добиться успеха, я всегда одерживаю победы” и т.п.

Такого рода “уроки менталитета успеха” призваны превзойти силу реальных тягот и неудач, обхитрить бедность и открыть двери к счастью. Подобный обман и самообман, увы, несколько не меняет жизнь к лучшему, а напротив, развивает психические неврозы. Бедность, как социальный недуг, не лечится гипнозом и медитацией.

В модных неолиберальных доктринах успеха нет никакого морального содержания, если под ним понимать идею социальной справедливости или по крайней мере утилитарного и выгодного всем гуманизма. Для рынка нравственность, справедливость, как и вера, не приоритетны.

Тем не менее бизнес развивается не в вакууме, а в определенной культурной и моральной среде. Если риск от обмана превышает выгоды, то хозяин предпочтет вести себя честно, хотя бы по отношению к партнеру. Мотивация деловой активности во

времена религиозной ментальности Средневековья объяснялась во многом идеей Beugf как своеобразного морального долга и пути к “спасению”. Особенно в протестантской этике. Это была своего рода богобоязненная форма “разумного эгоизма” с целью достижения успеха.

Теперь на первое место вышли более практические, можно сказать, сугубо меркантильные интересы, которым мораль и даже самая обычная и необременительная деловая этика лишь мешают. “Грязные практики” становятся обычным и “вполне личным” бизнесом.

Универсальная установка св. Апостола Павла: “если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (2 Фес. 2, 10), теперь все чаще интерпретируется в богатых слоях как обвинение бедного люда, который якобы “не хочет трудиться”, а потому и голодает. И, напротив, олигархии потому и роскошествуют, что с утра до ночи усердствуют и стараются. Более того, они производят новый продукт, приносят в казну налоги, дают людям рабочие места. За эти дела и получают достойное вознаграждение. Так рассуждают их платные восхвалители и защитники.

Они доказывают, что чем больше страна будет производить всякого рода товаров, чем шире будет развиваться рынок, чем значительнее станет общий объем ВВП, тем лучше и богаче будут жить все граждане, в том числе и бедняки. В итоге личный успех ставится в зависимость от общего успеха, а точнее – успеха богатого меньшинства. И в этом есть немалый смысл: все в жизни взаимосвязано, но не всегда прямо и пропорционально.

Повсюду бедные получают мизерный процент от ВВП, хотя его общий объем растет. Разумеется, несколько более значимым становится и средний доход на душу населения, но означает ли это, что бедность отступает? Иногда да, иногда нет. Все зависит от социальной политики государства и позиции частного капитала.

В итоге вся надежда на личный успех так и остается надеждой. Парадоксально, но такое положение служит своего рода залогом успешного накопления национального богатства.

Все в конечном счете прямо или косвенно связано именно с экономикой. Даже религия или личная жизнь. В этом смысле самая страшная и беспросветная нищета также несет в себе некое экономическое значение и оказывается далеко небесполезной для накопления богатства на другом полюсе.

Формально эпоха так называемого первоначального накопления закончилась пять-шесть веков назад, но само первичное накопление капитала фактически происходит постоянно и в наши дни. Мы имеем в виду процесс исходного сбережения денег и

средств с целью их превращения в капитал. Так возникает мелкий бизнес и начинается новое хозяйствование. Но это одна сторона медали.

Вторая состоит в том, что одновременно происходит разорение многих хозяев и обеднение лиц простого неквалифицированного труда, сгон мелких сельских хозяев с их земли или выкуп их наделов более богатыми хозяевами, растет масса полунищих пришлых гастарбайтеров, нелегальных мигрантов, увеличивается армия безработных и т.д. Все это и есть признаки того, что первоначальное накопление и пауперизация отнюдь не исчезли с лица земли, а, напротив, набирают силу, хоть и в новых формах. В XVI–XVIII вв. процветала работорговля, пиратство, эксплуатация колоний. Теперь рабы сами продают себя и сами же пересекают океан, чтобы бежать от нищеты в поисках более или менее оплачиваемой эксплуатации на чужбине. Для Латинской Америки бегство в США и другие богатые страны имеет особое значение.

В рамках данного исследования достаточно лишь обозначить ряд моментов в структуре экономической “миссии” бедности и нищеты, которые:

- оказывают прямое и косвенное воздействие на динамику и характер взаимоотношений между трудом и капиталом; низкий уровень жизни сбивает уровень оплаты труда и способствует росту нормы эксплуатации занятых, которые из-за страха потерять работу и скатиться вниз готовы согласиться на любые условия;

- подрывают здоровье новых поколений трудовых слоев, порождают социальные болезни, ухудшают потенции рынка труда;

- закрывают путь к росту образования и профессионализма;

- ведут к росту миграции работоспособных, но не могущих выйти на родине;

- отчуждают людей от общества, производства, рынка, превращая бедных и нищих в маргиналов, не участвующих активно в социальной и трудовой жизни страны;

- увеличивают “внутриклассовую” конкуренцию между самыми необеспеченными слоями населения, что затрудняет формирование сильного гражданского общества;

- ведут к снижению общих затрат на рабочую силу и тем повышают обогащение уже и без того богатых предпринимательских и бюрократических кругов;

- тормозят научно-технический прогресс ввиду дешевизны живой рабочей силы;

- ведут к росту преступности и коррупции и т.д.

Все это сказывается на экономической жизни и бедных, и богатых.

Существует какой-то непознанный закон сохранения энергии бедности, точнее, антиэнергии бедности. Бедность питает “богатство народов” (государств), о котором столь умно писал Адам Смит. Выходит, что народная бедность часто есть условие и источник национального (государственного) богатства.

Если посмотреть на реалии не в макроэкономические окуляры, а, так сказать, невооруженным глазом, то сразу же видна немалая разница между маленькими бытовыми интересами простого человека и стратегическими целями роста национального валового продукта. Рост ВВП на душу населения не имеет ничего общего с доходом “на тело” каждого гражданина. Это понятно, ибо бывают “души” очень большие и богатые и “души” простые, маленькие, обывательские. Вот и получается та дифференциация, которую весьма удобно прикрыть абстрактным символом “среднестатистической души”, которой, конечно, нет, но которая и есть, если опереться на данные официальных статистических публикаций. Разумеется, “среднедушевые” показатели относятся не к мертвым людям, а к живым. Но где и как они живут в действительности, эти показатели, отнюдь, не раскрывают. Более того, по-чичиковски даже скрывают правду.

Универсальной формой богатства в буржуазном обществе стал капитал. Его производство и явилось главной целью всей экономической деятельности. Производство богатства одновременно породило воспроизводство бедности. Эта идея не нова. “Рабочая сила, – писал К. Маркс, – произвела не только чужое богатство и собственную бедность, но также и отношение этого богатства как самодавляющего богатства к рабочей силе как к бедности, потребляя которую богатство впитывает новые жизненные силы и вновь используется”⁴⁰.

Такая диалектика взаимосвязи народной бедности и национального богатства существовала в прошлом, таковой она остается и сегодня. По правде говоря, речь должна идти о том, что первая есть основа второго.

* * *

Рассмотрение ряда общих философских и социоантропологических аспектов бедности приводит нас к мысли, что, по сути дела, речь идет не о социоэкономической категории, но трагедии человека, точнее – многомиллионных масс людей. Характер этой трагедии универсален, хотя ее формы и черты могут иметь разнообразие в зависимости от эпохи, этнической композиции населения, религиозных воззрений, организации хозяйства и т.д. Иными словами, бедность следует рассматривать как постоянный фактор и следствие цивилизационного развития, а не случай-

ное или временное явление. В метафизической части работы нас в первую очередь интересовали именно универсальные моменты, причем взятые в ракурсе христианской морали. Этические подходы к теме абсолютно необходимы, поскольку сама бедность есть состояние экзистенциальное, а не только материальное. Теория лишь помогает рационально его объяснить, но не дает почувствовать реальное страдание бедняков, именно оно и есть содержание бедности как особого образа жизни.

Для раскрытия этого содержания необходимо сочетание социоантропологического и социэконометрического подходов. Последний важен сам по себе, но недостаточен. Привычные и безусловно правильные определения, которыми пользуются экономисты и социологи, – “низкий уровень потребления”, “отчуждение”, “пауперизация”, “среднедушевой доход” и т.п. – не несут в себе никакого ценностного содержания, лишь констатируют сам факт материального неравенства. Важно дать этому явлению “человеческое измерение”.

Этой стороной дела в Новое время начал интересоваться Адам Смит, затем Пьер Жозеф Прудон, Евгений Дюринг, Огюст Конт, Людвиг Фейербах, Макс Штирнер и др., но победила политэкономическая школа Карла Маркса. Бедность стала рассматриваться как сопутствующий элемент развития производственных отношений между трудом и капиталом. Общий экзистенциальный смысл проблемы оказался смазан. Философия нищеты заменена политэкономией капитализма. В полемике с Л. Фейербахом К. Маркс подчеркнул, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений. Но какова сущность этой “совокупности” и как она воплощается в структуре личности и ее экзистенции? На этот вопрос ответ дан не был, и вся проблема переведена в плоскость макроэкономических процессов и “классовой борьбы”, объективных условий существования. Личная экзистенция и ее социоантропологические характеристики были забыты. Лишь благодаря Ч. Дарвину, Г. Спенсеру и Э. Дюргейму, с одной стороны, философии экзистенциализма А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, А. Герцена, с другой, и психоаналитическим открытиям З. Фрейда, К.Г. Юнга, Г. Лебона, с третьей, изучение собственно человека, а не его социальной функции, продолжалось и получило дальнейшее развитие.

Это позволило выработать некое системное представление о бедности как экзистенциальном и общеисторическом явлении, своего рода универсальном образе жизни большинства человечества во все времена. Чрезвычайно важно в этой связи было обри-

совать основы христианской антропологии бедности, на которых строилась и строится вся ценностная конструкция современного общественного сознания в странах Западного мира, в том числе в Латинской Америке и России.

Метафизический анализ завершается объяснением коренной антиномии “народной бедности” и “национального богатства”, которая (антиномия) образует движущую пружину общего социальноэкономического развития. Эта тема освещается в соответствии с принципами “нравственной политэкономии” А. Смита. Новая оценка дается и некоторым концептуальным положениям “философии нищеты” Прудона.

Таким образом, первый раздел работы представляет некое общеполитическое и этическое введение к изучению феномена бедности в ее “человеческом измерении”. Бедность – это в первую очередь сам человек, поставленный в определенные жизненные условия – условия нечеловеческие, трагические и унижительные.

Только проникшись этим сознанием и чувством, можно понять скрытый смысл многих явлений современной социальноэкономической жизни. Этому посвящен второй раздел исследования, в котором рассматриваются основные параметры того, что можно условно назвать “социальной анатомией бедности”.

¹ Полное название книги (издана в 1759 г.) “Теория нравственных чувств или Опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных”.

² Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 35.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. Кн. I–III. С. 58.

⁶ Манн Т. Богатство Англии во внешней торговле. Л., 1935. С. 176.

⁷ Цит. по: Аникин А.В. Смит. М., 1968. С. 52.

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 223.

⁹ Там же. С. 409.

¹⁰ Там же. С. 194.

¹¹ Там же. С. 203.

¹² Смит А. Теория нравственных чувств. С. 35.

¹³ Там же.

¹⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 482.

¹⁵ Там же. С. 483.

¹⁶ Смит А. Теория нравственных чувств. С. 143.

¹⁷ Там же. С. 144.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 231–232.

- ¹⁹ Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998. С. 14; См. также: Русская философия собственности (XVIII–XX вв.). СПб., 1993. С. 428.
- ²⁰ Там же. С. 204.
- ²¹ Там же. С. 206.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 209.
- ²⁴ Там же. С. 217.
- ²⁵ Там же. С. 142.
- ²⁶ Там же. С. 208.
- ²⁷ Там же. С. 216.
- ²⁸ Там же. С. 220.
- ²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 770.
- ³⁰ Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 1. С. 42.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 56.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 769.
- ³³ Прудон П.Ж. Что такое собственность? С. 143.
- ³⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 264.
- ³⁵ Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. М.; Л., 1929. С. 223–226.
- ³⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 264.
- ³⁷ Прудон П.Ж. Что такое собственность? С. 143.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 89–90.

Под “анатомией бедности” мы подразумеваем общую композицию ее, так сказать, живого “человеческого тела”. Ведь речь идет не об абстрактной категории, а о реальной жизни реальных людей. Отсюда следует, что анатомия бедности по общему своему смыслу есть социальная структура бедного человека. Это не его физиология или нервная система, а именно статусное социальное строение.

Едва возникает вопрос о бедности, мысль неотвратимо обращается к постижению человека данного типа и его судьбы. Бедность лишает личность самой главной ценности – свободы и самоидентификации как гражданина, но заменяет их квазиклассовым местоположением. Однако бедняк или нищий – это не обособленные и внесоциальные индивиды, а лица, как и все другие люди, включенные в реальный социально-исторический контекст. В контекст, но не в активную жизнь всего социума. Их связь с окружающей средой носит пассивный и страдательный характер. Социологи нередко именуют такое состояние эксклюзией, т.е. отчужденностью от социума, труда и культуры.

В каждый исторический момент и в каждом обществе “класс бедняков и нищих”, сохраняя свою типологическую социальную идентичность, тем не менее обладает национальной спецификой, особыми качественными и количественными параметрами, собственными традициями быта и поведения. Экономический базис социальной стратификации было бы ошибочно генерализировать и считать единственной причиной бедного или богатого существования. Сила власти, культуры, политические и национальные, религиозные и сословные моменты также играют огромную роль. Все зависит от конкретной ситуации. Общества без социального расслоения никогда не было и нет, хотя формы и масштабы различий между индивидами и группами не одинаковы. Проблема в том, чтобы показать качественные и количественные показатели этого явления.

С учетом этих обстоятельств раскрытие социальной анатомии бедности в Латинской Америке следует, по-видимому, вести в плане сопоставления, сравнения различных национальных ситуаций в отдельных странах и регионах. К счастью, официальная статистика о развитии экономики и материальном положении населения континента весьма обширна. Богата и научная литература по этому сюжету. Отечественная латиноамериканистика в прежние годы весьма энергично и плодотворно исследовала проблемы социально-экономического положения трудящихся. В последние годы интерес к этой теме несколько ослаб. Вот почему представляется важным обратиться к новейшим сведениям на этот счет, прежде всего к специальным исследованиям Экономической комиссии по Латинской Америке (ЭКЛА) при ООН. В данном разделе будет рассмотрен ряд основных категорий, которые можно отнести к общему понятию “социальной анатомии бедности”.

Условно массу всех относительно бедных и необеспеченных людей можно представить в образе большого совокупного социального компонента. Его “анатомические” характеристики отличаются от всех других групп. Чтобы убедиться в этом и заодно проверить верность метафизических представлений, достаточно высветить несколько основных “узлов”.

Во-первых, необходимо более или менее достоверно определить динамику общих континентальных параметров феномена бедности за последние два-три десятилетия – удельный вес соответствующих групп, их численность, размещение по городским и сельским районам, а также регионам и отдельным странам; возрастной и половой состав. Отдельный интерес представляет положение индейского (автохтонного) населения, женщин и молодого поколения.

Во-вторых, особое значение имеют изменения качественных показателей бедности и нищеты – уровень дохода, диспропорции в его распределении по децилям населения (деление на 10 групп в зависимости от объема денежного довольствия), сопоставление обеспеченности молодого и пожилого поколений и т.п.

В-третьих, чрезвычайно важно выявить сравнительную иерархию уровней и качества жизни по отдельным странам, а также специфику и опыт национальных стратегий по борьбе с нищетой и бедностью. Этот подход не противоречит общему метафизическому представлению, но дополняет его важными эмпирическими показателями. К сожалению, именно такого соединения разных методик анализа нам и не хватает.

Сочетание “метафизики” и “анатомии” при анализе феномена бедности позволяет ответить на два фундаментальных вопроса:

1) является ли этот феномен лишь нашим субъективным представлением или реальным фактором и фактом жизни?

2) развивается ли он во времени и пространстве (на латиноамериканском поле) или перед нами ложная эволюция бедности при сохранении самой его сущности как социального феномена?

Ответы на оба вопроса, как ни странно, не имеют однозначного смысла, поскольку содержат в себе одновременно два ответа: “да” и “нет”. Бедность и эволюционирует, и не изменяется как устойчивая и перманентная субстанция социального бытия. Меняются ее параметры и формы, но не суть. Она-то и выражается в форме мыслимого представления. Если с метафизикой еще можно поспорить, то с “анатомическими” показателями приходится только соглашаться: факты сильнее представления. Поэтому обратимся к фактам. Однако и к ним следует относиться бережно, т.е. с достаточной дозой сомнения. Социальная статистика, которой мы оперируем, – это, строго говоря, не прямое, а математическое и весьма условное фиксирование массы однородных фактов. Сами же последние столь многообразны и даже индивидуальны, что без их осмысления и этической оценки можно только заплутаться в цифрах и графиках. Все подсчеты носят приблизительный характер, строятся на разных основаниях, часто тенденциозно, но никаких иных обобщенных данных о состоянии бедности и числе ее жертв вообще нет.

Глава V

БЕДНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В третье тысячелетие большинство стран Латинской Америки вошли с серьезными финансово-экономическими и социальными проблемами. Начатые в конце XX в. неолиберальные преобразования выполнили часть экономических задач в русле новой стратегии развития, но оказались малоуспешны в решении социальных вопросов. Более того, на первом этапе структурной перестройки эти вопросы не были приоритетными до той поры, пока от их решения не стала зависеть судьба самих преобразований. К 1997–1998 гг. неолиберальная модель развития, по существу, исчерпала потенциал экономических достижений, привела к обострению накопившихся и возникновению новых проблем, особенно в социальной сфере.

Сложившаяся в конце прошлого и начале нового века ситуация позволила экспертам ЭКЛА оценить ее как “потерянное пя-

тилетие”, по аналогии с хрестоматийным “потерянным десятилетием” 80-х годов. Причиной кризисного положения в большинстве стран именно в этот период было сочетание ряда внешних и внутренних факторов. В числе первых – общее ухудшение на мировых финансовых рынках; существенное уменьшение прямых иностранных инвестиций, достигших самой низкой с 1989 г. отметки; снижение динамики экономического роста в США в 2001–2002 гг.

Внутренние факторы связаны с резким ухудшением социально-экономической обстановки в регионе, вследствие которого экономический рост сократился в среднем на 0,5%, ВВП упал ниже показателей 1997 г., инфляция подскочила с 6% в 2001 г. до 12% в 2002 г., уровень безработицы достиг “исторического максимума” – 9,1% трудоспособного населения (по данным МОТ – 9,9%). Даже одна из наиболее благополучных и развитых в масштабе региона стран – Чили – в 2002 г. переживала “самый трудный период со времен экономического кризиса 1982–1983 гг.”. Неблагоприятная экономическая конъюнктура повлекла за собой неизбежное снижение уровня и качества жизни населения, особенно его низших слоев. Средний показатель бедности по Латинской Америке в 2002 г. уже был выше, чем в 1997 г. (в 2000 г. – самый низкий за десятилетие), а в абсолютных цифрах число лиц с минимальными доходами выросло за “потерянное десятилетие” на 18 млн человек. Только в Аргентине (Б. Буэнос-Айрес) бедность, сократившаяся с 1990 по 1999 г. с 21,2 до 19,7%, в 2002 г. в результате серьезных экономических потрясений выросла до 41,5%. Еще больший скачок произошел в показателях нищеты: с 4,8% в 1999 г. до 18,6% в 2002 г.¹

Таким оказался итог десятилетия структурных реформ по неолиберальной модели – в экономике и социальной сфере. Наметившееся с 2003–2004 гг. улучшение социально-экономических показателей не меняет в целом вывода о периферийном неустойчивом характере экономического развития и ненадежности социальных достижений в латиноамериканских странах.

Собравшиеся в 1998 г. в Сантьяго на саммите ОАГ главы латиноамериканских государств признали ликвидацию бедности приоритетной политической задачей правительствами уровня, а стратегически важным направлением социальной политики – вложения в “человеческий фактор (потенциал)”. Правительственные программы борьбы с бедностью были вызваны к жизни во многом отрицательными или скромными итогами первого этапа модернизации в странах региона. Бедность и связанный с нею малопродуктивный, низкокачественный, минимально оплачиваемый труд стали главным тормозом на пути развития

наукоемкого и конкурентоспособного производства, нуждающегося в более сложной и образованной рабочей силе. Не только избыток дешевых рабочих рук, недалекость и своекорыстие, но и дефицит подготовленных кадров удерживали частный капитал от значительных вложений в технологические разработки и всякого рода новации. Задача ликвидации бедности, заявленная правящими кругами в качестве первоочередной, имела, таким образом, стратегическое значение: без ее решения на приемлемом уровне невозможно успешное экономическое развитие в современном мире.

Изучение опыта неолиберального этапа реформ представляется крайне важным для понимания всей сложности и недостижимости на данном этапе развития цели преодоления бедности в Латинской Америке.

ДИНАМИКА БЕДНОСТИ

Бедность в Латинской Америке – явление традиционное. Подавляющая часть семей (домохозяйств)* с тремя-четырьмя и более детьми или наличием хотя бы одного безработного всегда принадлежала к бедному сословию. Благосостояние семьи во многом зависит от соотношения между числом работающих и неработающих в рамках одного домохозяйства (*la densidad ocupacional*). Естественно, что в лучшем положении оказываются домохозяйства среднего и выше среднего дохода, члены которых имеют хорошо оплачиваемую работу. Статистика последних десятилетий свидетельствует о том, что бедные семьи составляли примерно треть от общего числа семей. В 1980 г., например, доля бедных семей в среднем по региону равнялась 34,7%, в 1997 г. – 35,5%. Более точную картину динамики уровня бедности дают абсолютные цифры: в 1980 г. число бедных и нищих составляло 135,9 млн, в 1997 г. – 203,8 млн человек².

Изучение ситуации в 12 странах, проведенное ЭКЛА в середине 90-х годов, показывает, что процент таких семей неодинаков: ниже 15% – в Аргентине и Уругвае; от 15 до 30% – в Чили, Коста-Рике, Панаме; от 31 до 50% – в Бразилии, Колумбии, Мексике, Перу, Венесуэле и больше 50% – в Боливии и Гондурасе³.

Страновой подход к исследованию причин и следствий феномена бедности, безусловно, является наиболее плодотворным и

* Мировая статистика последних лет предпочитает оперировать понятием “домохозяйство”, которое учитывает все формы семей, от униперсональных до проживающих совместно, но не связанных супружескими отношениями родственников.

точным. Но и обобщенный опыт, и усредненная статистика позволяют выявлять общие закономерности и их соотношение с национальной спецификой, облегчая тем самым анализ проблемы и поиск путей ее решения.

На первом этапе неолиберальных реформ главной задачей социальной политики, типичной для большинства стран, было принятие компенсаторных мер по смягчению сопутствующих последствий структурной перестройки экономики – массовой безработицы, резкой социальной поляризации и дезинтеграции, общего обнищания населения. С этой целью создавались Чрезвычайные фонды, Фонды социальных инвестиций и т.п. Разработка программ борьбы с бедностью осуществлялась во всех латиноамериканских странах вне зависимости от стадии и степени модернизации. Составлялись так называемые “карты бедности”, пересматривались традиционные механизмы оказания помощи малоимущим слоям, делались попытки привлечь частный капитал, неправительственные организации. Почти все государства увеличивали социальные расходы, и их доля в ВВП заметно выросла. Наиболее передовые в этом отношении Аргентина, Бразилия, Чили, Уругвай, Коста-Рика к концу 90-х годов выделяли на социальные нужды от 10 до 22,8% ВВП, более отсталые, такие как Сальвадор, Перу, Парагвай, Гватемала, – от 3,1 до 7,4%. В среднем по Латинской Америке доля государственных социальных расходов выросла в 90-е годы с 10,4 до 13,1%⁴.

В результате реформ и роста ассигнований ряд социальных показателей, или, согласно терминологии ООН, “индекс развития человеческого потенциала”, латиноамериканских стран улучшился: продолжительность жизни увеличилась с 68,6 до 70 лет; детская смертность на тысячу рожденных сократилась с 40,6 до 35,7 человек; уровень неграмотности населения от 15 лет и старше снизился с 14,9 до 11,1%. Характерно, что чем ниже показатели бедности в стране (Чили, Коста-Рике, Уругвае), тем выше “индекс развития человеческого потенциала” и наоборот⁵.

К середине 90-х годов наметился также прогресс в области инфраструктурных услуг: 9 из 10 городских жителей (сельских – половина) получали воду из водопровода; электроснабжением были охвачены в городах почти все домохозяйства, в сельских районах – 70%. Замедленно и неравномерно развивалась телефонизация. Сводные данные по инфраструктурным услугам (по стандартам развивающихся стран) могут показаться неплохими, если бы не опросы домохозяйств, которые свидетельствуют о все еще значительном неравенстве между городскими и сельскими, между бедными и обеспеченными гражданами.

В странах с низкими доходами населения (Боливия, Гватемала, Гондурас) охват услугами инфраструктуры и равенство доступа к ним заметно отставали от аналогичных показателей в странах со средним уровнем дохода, таких как Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика. Как считают эксперты Института Всемирного банка, для снижения бедности и неравенства государство должно учитывать самые необходимые для малоимущих данной страны инфраструктурные услуги и субсидировать их в первую очередь. К примеру, в Боливии – это транспорт в горной местности, в Гондурасе – водоснабжение, в Мексике – общественный транспорт и т.д.⁶

Наметившиеся в ходе модернизационного процесса позитивные перемены в области социальных показателей существенно не изменили положение с бедностью. В новых исторических условиях проблема приобрела структурный характер, и для ее решения недостаточно традиционного социального вспомоществования, каким бы значительным оно ни было. Необходимо учитывать также, что критерии бедности меняются постоянно не только по странам, но и в зависимости от экономической конъюнктуры, масштаба социального расслоения и неравенства, достижений научно-технического прогресса, улучшения инфраструктуры, повышения общего уровня жизни и т.д. Соответственно меняются представления государства о прожиточном минимуме, а людей – о мере материального неблагополучия.

В итоге бедность продолжает оставаться огромной проблемой в странах региона. В 2002 г. 221 млн человек (44% от всего населения) жили в бедности, из них 97 млн (19,4%) – в условиях крайней бедности, т.е. нищеты (табл. 1).

При сравнении показателей 2002 г. с аналогичными 1990 г. можно констатировать уменьшение процента бедности и нищеты. Однако, как уже отмечалось, более точное представление дают абсолютные цифры, которые основаны, как правило, на социологических опросах домохозяйств и учитывают демографический фактор. В результате выясняется, что в 2002 г. число бедных выросло на 21 млн человек, из которых 4 млн были нищие. Две трети бедных и более половины нищих приходилось на городские зоны, где к концу столетия в результате внутренних миграций проживало около 75% населения стран региона. Это так называемый феномен урбанизации бедности, т.е. пополнения городской бедноты за счет постоянного притока населения из сельских зон, где уровень бедности и нищеты значительно выше (что хорошо видно из данных, приведенных в табл. 1). Как в сельской местности, так и в городских кварталах жизнь в бедности и нищете заставляет людей искать работу вне традиционных сфер деятельности.

Таблица 1. Латинская Америка (18 стран региона и Гаити): бедность и нищета*

Год	Бедные и нищие**						Нищие***					
	всего		городские		сельские		всего		городские		сельские	
	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%
1980	135,9	40,5	62,9	29,8	73,0	59,9	62,4	18,6	22,5	10,6	39,9	32,7
1990	200,2	48,3	121,7	41,4	78,5	65,4	93,4	22,5	45,0	15,3	48,4	40,4
1997	203,8	43,5	125,7	36,5	78,2	63,0	88,8	19,0	42,2	12,3	46,6	37,6
1999	211,4	43,8	134,2	37,1	77,2	63,7	89,4	18,5	43,0	11,9	46,4	38,3
2000	207,1	42,5	131,8	35,9	75,3	62,5	88,4	18,1	43,8	11,7	45,6	37,8
2001	213,9	43,2	138,7	37,0	75,2	62,3	91,7	18,5	45,8	12,2	45,9	38,0
2002	221,4	44,0	146,7	38,4	74,8	61,8	97,4	19,4	51,6	13,5	45,8	37,9

* CEPAL. Panorama social de America Latina. 2004. Santiago de Chile, 2005. P. 55-56.

** Процент лиц с доходами ниже черты бедности, включая тех, кто живет в нищете.

*** Процент лиц с доходами ниже черты нищеты.

Оторванные от своих корней, от привычного труда и образа жизни сельские мигранты плохо адаптируются к новым условиям и крайне медленно интегрируются в городскую среду, создавая потенциально опасные очаги социальной напряженности.

Географически бедность на континенте распределяется неравномерно: почти половина концентрируется в двух странах – в Бразилии (30% – бедные, 25% – нищие) и Мексике (17 и 14% соответственно). В самом безвыходном положении находится коренное население региона: по оценкам ООН, 92–95% индейцев живут в бедности. Эволюция бедности в разных странах, достижения и неудачи в борьбе с этим социальным злом зависят от множества факторов, наиболее очевидным из которых является экономическое положение и конъюнктура; кроме упомянутой ранее Аргентины в период “потерянного пятилетия” можно сослаться на пример Уругвая – страны с самыми низкими в регионе показателями бедности. После их снижения в течение 90-х годов с 17,9 до 9,4% к 2002 г. они возросли на 6 п.п.⁷

В это же время в Бразилии, Коста-Рике, Сальвадоре, Гватемале, Никарагуа, Венесуэле заметных перемен в преодолении бедности не наблюдалось, а положение в Гондурасе, Мексике, Доминиканской Республике, Эквадоре несколько улучшилось. В Эквадоре оживление экономики, повлекшее за собой существенное снижение бедности и нищеты, произошло после длительного экономического застоя 90-х годов.

Особый интерес представляет опыт Чили⁸, занимающей по уровню бедности второе после Уругвая место в регионе, но где, в отличие от Уругвая, процесс уменьшения доли бедных и нищих носит устойчивый характер. В результате, если в 1990 г. в Чили проживало 38,6% бедных и 12,9% нищих, то в 2003 г. их было 18,8 и 4,7% соответственно. Успех был достигнут прежде всего за счет благоприятного экономического развития в эти годы: с 1990 по 2003 г. рост ВВП на душу населения составил 62%, при среднем ежегодном уровне экономического роста 3,8% (на три процентных пункта выше среднерегионального).

Переход от роста ВВП к действительному улучшению условий жизни населения, однако, трудно достижим без увеличения социальных инвестиций и реализации специфических программ, ориентированных на борьбу с бедностью и нищетой. В Чили социальные расходы неуклонно росли: в 1990–1991 гг. они составляли 11,7% от ВВП, в 2000–2001 гг. – 16%. Доля социальных расходов в совокупных государственных расходах также увеличилась с 60,8 до 69,7% соответственно.

По сравнению с другими латиноамериканскими странами положение бедных домохозяйств и качество их жизни в Чили отно-

сительно более благополучны. Кроме социально-экономических факторов этому способствовал фактор демографический: подобно Аргентине, Коста-Рике и Уругваю Чили относится к числу наиболее продвинутых в демографическом переходе стран, где число детей неуклонно сокращается, прежде всего в бедных домохозяйствах. Наконец, целенаправленная социальная политика позволила Чили достичь самого высокого в Латинской Америке уровня образования родителей (7,7–7,9 лет) и школьного обучения детей (6–15 лет) в бедных домохозяйствах, а также наименьшего процента жилищ с неудовлетворительными коммунальными условиями. Чили, однако, несмотря на относительные успехи в борьбе с бедностью и нищетой, остается страной с высокими показателями социального неравенства.

Исследования, проведенные в последние годы международными и региональными организациями (ООН, МОТ, Всемирный банк, ЭКЛА и др.), свидетельствуют, что даже незначительные сокращения неравенства имеют позитивное воздействие на уровень бедности. В тех немногих случаях, когда страны добивались снижения неравенства, достигались лучшие результаты в борьбе с бедностью.

Страны Латинской Америки в начале нового столетия продолжают выделяться по неравенству в концентрации доходов на мировом уровне даже среди стран с наибольшей бедностью и наименьшим социальным развитием⁹. К 2002 г., согласно децильным коэффициентам, первые четыре дециля, или 40% наиболее бедных домохозяйств, располагали 13,6% общих доходов. Следующие – пятый, шестой и седьмой децили – получали 23%, а восьмой и девятый – 27,3%. Наконец, 10% самых богатых домохозяйств распоряжались 36,1% общего дохода.

По социальному неравенству уже много лет лидирует Бразилия. В 2002 г. разница в долях участия в национальном доходе составляла 32,2 раза. Примером наименьшей разницы являлся Уругвай – 9,5 раза, за ним следовали Коста-Рика, Венесуэла, Панама и Мексика. В Боливии, Колумбии, Никарагуа, Гондурасе, Парагвае, Аргентине, Доминиканской Республике этот разрыв составлял 20 раз и выше. Таким образом, цифры говорят о том, что значительная часть населения лишена возможности иметь приемлемый уровень благосостояния.

Огромные социальные контрасты в странах континента подтверждает коэффициент Джини* (табл. 2). Из таблицы хорошо

* Коэффициент Джини рассчитывается из распределения дохода на душу в домохозяйствах, разделенных на 10 групп. Он изменяется от 0 – абсолютное равенство до 1 – абсолютное неравенство.

Таблица 2. Распределение дохода (стратификация стран согласно коэффициенту Джини)*

Уровень неравенства	1990 г.	1994 г.	1997 г.	1999 г.	2002 г.
Очень высокий 0,5800–1	Бразилия Гондурас Гватемала	Бразилия Никарагуа	Бразилия Никарагуа	Бразилия	Бразилия Аргентина*** Гондурас
Высокий 0,5200– 0,5799	Чили Панама** Боливия**** Мексика Колумбия**	Колумбия** Гондурас Чили Панама** Мексика	Колумбия** Гватемала Чили Гондурас Панама** Мексика Перу Боливия** Аргентина***	Гондурас Колумбия** Чили Доминиканская Республика Перу Мексика Аргентина*** Панама** Эквадор**	Никарагуа Колумбия** Боливия** Чили Доминиканская Республика Гватемала Сальвадор Перу
Средний 0,4700– 0,5199	Аргентина*** Уругвай** Венесуэла	Боливия** Парагвай** Аргентина*** Сальвадор Венесуэла Эквадор**	Сальвадор Венесуэла Парагвай**	Сальвадор Боливия** Венесуэла Парагвай** Коста-Рика	Панама** Мексика Эквадор** Парагвай** Венесуэла Коста-Рика
Низкий 0–0,4699	Эквадор** Коста-Рика	Коста-Рика Уругвай**	Эквадор** Коста-Рика Уругвай**	Уругвай**	Уругвай**
<p>* CEPAL. Panorama social de America Latina. 2004. P. 91.</p> <p>** Городская зона.</p> <p>*** Большой Буэнос-Айрес.</p> <p>**** Восемь главных городов выше высокого уровня неравенства.</p>					

видна динамика неравенства с 1990 г. по начало нового столетия. Очевидно, что большая часть стран располагается в группах с высокой и очень высокой концентрацией доходов. Высокий уровень неравенства в регионе является серьезным препятствием для динамичного экономического развития.

Даже незначительное сокращение неравенства может иметь позитивное воздействие на уровень бедности. Немаловажно и то, что фактор резкого имущественного и денежного неравенства обостряет напряженность в обществе, дезинтегрирует его и усиливает у наименее обеспеченных слоев чувство отверженности и непричастности к результатам общественного прогресса.

Ключевым фактором в блоке социально-экономических основ бедности является все, что связано с рынком труда и его способностью или неспособностью поглощать рабочую силу и обеспечивать необходимый уровень жизни работающего человека и его семьи.

В 90-е годы под прямым влиянием процессов экономической перестройки в Латинской Америке и более опосредованном влиянии некоторых глобальных тенденций стали меняться структура и само содержание занятости – на основе иных условий конкуренции и востребованности иных знаний и умений.

Главным объективным фактором, повлиявшим на структуру занятости и функционирование рынка труда, была трансформация роли и значения государства и традиционных секторов экономики.

Взятая в Латинской Америке за основу модернизации неолиберальная модель не только в теории, но и на практике имела антиэтатистскую направленность и предусматривала существенное сокращение экономической власти государства. Прошедшая в большинстве стран волна приватизаций не привела в дальнейшем к созданию достаточного количества рабочих мест, но существенно урезала роль государства как крупнейшего работодателя и гаранта относительно стабильного труда. Побочным эффектом антиэтатизма на практике стали закрытие и перепрофилирование предприятий и массовые увольнения и сокращения рабочих и служащих.

Модернизация экономики привела к качественным изменениям в трудовых отношениях. Прежняя трехсторонняя система взаимодействия государства, труда и капитала не работала в условиях новой модели развития. Роль государства существенно снизилась в решении трудовых проблем. Реформы трудового законодательства 90-х годов, в частности в Аргентине, Чили, Колумбии, Гватемале, Панаме, Перу, по существу, закрепили юридически уже сложившуюся де-факто новую практику и были направлены прежде всего на придание большей динамики рынку труда. При этом в первую очередь учитывались интересы капитала, особенно в вопросах найма, увольнения, а также оплаты труда.

Интересы труда в этот сложный переходный период развития теоретически должен был представлять профсоюз. На практике этот социальный институт оказался абсолютно не готовым к переговорному процессу в условиях высокой безработицы и структурной перестройки. Были подорваны основы, на которых

традиционно строилась профсоюзная деятельность: стабильный труд, регулирующая роль государства, облегчавшего переговоры и закреплявшего юридически статус и права профсоюзов.

Внутреннее состояние профсоюзного движения, как правило, раздробленного, с сильно бюрократизированным руководством, к моменту перестройки экономики также не содействовало обретению профсоюзами своего функционального места в складывавшейся системе социальных отношений. Раскол по политическим и идеологическим мотивам, характерный для профсоюзного движения почти всех латиноамериканских стран, ослабил способность наемного труда отстаивать свои интересы. Деятельность профсоюзов в 90-е годы приобрела преимущественно оборонительный характер. В постиндустриальной модели развития профсоюзы до настоящего времени не нашли своего функционального места.

Право решающего голоса в разрешении трудовых проблем в этот период получил капитал. Императивы свободного рынка и технологических инноваций понуждали его к поиску новых форм производства, управления и регулирования трудовых отношений. Острая конкурентная борьба на мировом рынке предписывала использование разнообразных средств для достижения высокой производительности, в первую очередь – за счет максимального снижения оплаты труда. С самого начала экономической перестройки эта стратегическая цель определяла эволюцию структуры занятости и формирование рынка труда.

За последнее десятилетие XX в. предложение рабочих рук в Латинской Америке в среднем росло ежегодно на 2,6%, в то время как спрос – на 2,2%. Это означает, что резерв свободных рабочих рук постоянно пополнялся. Между тем средний ежегодный экономический рост в течение этого же периода равнялся 3,2% и был не только неустойчивым, но и недостаточным для поглощения растущего пополнения рабочей силы. По расчетам ЭКЛА, для выполнения этой задачи необходимый рост ВВП должен был бы составлять не менее 6% ежегодно. Хроническое нарастающее несоответствие между спросом и предложением рабочих рук стало основной причиной обострения социальной проблемы в целом и бедности, в частности.

Большая часть экономически активного населения (ЭАН) в той или иной степени адаптировалась к новым условиям свободной рыночной экономики, найдя занятость на старых или модернизированных предприятиях, в малом и микробизнесе, сфере услуг, в неформальном секторе. К концу десятилетия ЭАН выросло на 44 млн человек, достигнув в 1999 г. 212 млн человек. Основную часть рабочей силы (76,3%) составляли жители городов (в

1990 г. – 72%), а среди 44 млн пополнения этот показатель был еще выше – 93%. Таким образом, одна из отличительных черт рынка труда в Латинской Америке – сосредоточение рабочей силы преимущественно в городских зонах, а бедности – в сельских районах.

Рабочая сила за последние годы меняла свой облик. Во-первых, наметилась тенденция к изменению возрастного состава, в частности, к росту среднего возраста рабочей силы: к концу 90-х годов возраст половины работающих во всех отраслях экономики составлял 25–44 года. Половина оставшейся части приходилась на молодежь 15–24 лет (23,4%). Заметный рост числа занятых наблюдался в возрастной группе 45–59 лет. В годы экономической перестройки к этой категории примыкали лица и более пожилого возраста, число которых в Латинской Америке постоянно росло в силу процесса демографического перехода. Низкий уровень социального обеспечения и бедность вынуждали пенсионеров (до 29%) предлагать свои услуги на рынке труда и соглашаться на мизерную зарплату.

Во-вторых, в результате реформ изменился образовательный уровень занятого населения: сократилось с 46 до 37% число работающих с образованием менее шести лет и возросла численность тех, кто обучался 10–12 лет (14–20%). В 1994–1999 гг. последняя категория увеличилась на 11,5 млн человек, и именно они заняли до 63% новых рабочих мест.

Схожие социальные последствия имела реструктуризация экономической системы, повлекшая за собой сокращение производства в первичном и вторичном секторах экономики. В промышленности, горнодобывающей отрасли, строительстве и сельском хозяйстве произошел заметный спад занятости. Среди наиболее трудоспособной части населения (25–59 лет) он составил за десятилетие 3 п.п. в среднем по региону. В одних странах этот процесс шел активно: в Мексике – 4,4%, Аргентине – 5, Чили – 4, Коста-Рике – 4,2%; в других – более медленными темпами: в Парагвае – 0,7%, Панама – 2, Никарагуа – 1,4% и т.д.¹⁰

Сокращение занятости в традиционных секторах экономики происходило на фоне резкого роста третичного сектора экономики, поглощавшего прежде всего рабочую силу низкой квалификации (до 68%), а также высококвалифицированных специалистов в области финансов, коммуникаций, обслуживания предприятий правительства, социальных и коммунальных служб (до 85%).

Весьма показательно с точки зрения нынешнего состояния экономики латиноамериканских стран, что за десятилетие тенденция к росту проявилась прежде всего в сфере торговли (на 2,7%), поглощающей в основном неквалифицированную рабо-

чую силу, и несколько снизилась (на 0,6%) в сфере высокоинтеллектуальных услуг.

Наличие огромного массива низкопроизводительного производства в странах Латинской Америки предопределяло доминирующую роль, вплоть до настоящего времени, неквалифицированного труда. Среди наиболее трудоспособной части населения (25–59 лет) его доля в 90-е годы достигала 80%, а в отдельных странах этот процент был еще выше. Так, в Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа и Доминиканской Республике неквалифицированный труд (25–29 лет) составлял 90–95%; в Колумбии, Сальвадоре, Мексике, Парагвае и Уругвае – 85–90%.

Тенденция к снижению занятости на предприятиях с низкой производительностью наблюдалась в 90-е годы только в четырех странах континента – в Аргентине, Бразилии, Чили и Уругвае. В большинстве стран число работающих на таких предприятиях неуклонно росло: например, в Боливии – с 58,8% от всех занятых в городской зоне в 1990 г. до 64,3% в 1999 г., в Венесуэле – от 39,2 до 53,7%, в Эквадоре – от 54,4 до 58,9% и т.д. Следовательно, значительная часть трудоспособного населения была обеспечена рабочими местами, но с низкой оплатой. В условиях постоянного избытка на рынке труда неквалифицированных кадров большая часть предпринимателей вместо активного внедрения научно-технических достижений в производство предпочитает и сегодня широко использовать дешевую рабочую силу и не торопится делать значительные вложения в “человеческий фактор”.

Если тенденция 90-х годов сохранится, то к 2015 г., по подсчетам ЭКЛА, только 29% наиболее трудоспособной части населения (25–59 лет) будет обладать высокой квалификацией. Значит, низкоквалифицированный труд по-прежнему будет доминировать в экономике, ограничивая перспективы развития и препятствуя решению социальных проблем бедности, безработицы, социального неравенства и т.д.¹¹ Сам по себе факт занятости не избавляет от бедности большую часть работающих как в формальном (государственном и частном), так и неформальном секторах экономики. Низкие доходы и низкий образовательный уровень продолжают оставаться главными причинами бедности в Латинской Америке. Несмотря на проведенное в 90-е годы во многих странах некоторое повышение заработной платы рабочих и служащих государственного сектора, уровень их бедности остался достаточно высоким. В Боливии, Коста-Рике, Панаме и Уругвае наемные рабочие государственного сектора составляли 10% городской бедноты (имеющей работу), а в Венесуэле – 20%.

В бедственном положении оказались и государственные служащие, особенно в таких странах, как Боливия, Гондурас, Вене-

суэла, где от 30 до 40% этой категории находились за чертой бедности. Низкооплачиваемые государственные служащие, как правило, более образованны и имеют более высокий социальный статус, поэтому они особенно болезненно воспринимают такое положение.

К низкооплачиваемым относятся наемные рабочие частного сектора, в том числе работающие на средних и крупных предприятиях. Более того, материальное положение не имевших квалификации работников этого сектора существенно не отличается от “работавших за свой счет” в неформальном секторе (в Чили, Мексике, Парагвае процент бедных среди первой категории выше, чем среди второй). Больше чем в половине стран региона от 30 до 50% наемных рабочих частного сектора жили в бедных семьях. В целом же существуют значительные колебания соответствующих показателей: от 10% в Аргентине и Уругвае до более чем 60% в Гондурасе, 10–20% в Чили, Коста-Рике, Панаме, 30–40% в Боливии, Бразилии, Колумбии, Мексике, Парагвае и Венесуэле.

Наименее обеспечены с точки зрения материального положения и перспектив его улучшения работники, занятые на производствах с низкой производительностью труда. Вместе с домашней прислугой они составляли от 25 до 40% всех имеющих работу городских бедных. Несмотря на развивающиеся в регионе процессы модернизации, удельный вес предприятий такого типа в экономике все еще очень высок¹².

Тенденция к некоторому снижению занятости на таких предприятиях наблюдалась только в Аргентине, Бразилии, Чили и Уругвае. Это означает, что значительная часть трудоспособного населения, с одной стороны, обеспечена рабочими местами, с другой – при низкой оплате труда и его нестабильном характере, недостаточном доступе к социальному обеспечению, общей неуверенности в завтрашнем дне не может преодолеть относительную бедность. Эта категория трудящихся представляет собой постоянный резерв для армии бедных и нищих или для трудовой миграции.

Неслучайно ее численность в последнее десятилетие XX в. росла особенно быстрыми темпами. Только в США за этот период въехало 13 млн латиноамериканцев. Точных данных о трудовой эмиграции с юга, естественно, не существует – нелегальная часть во много раз превышает легальную и учету не поддается¹³.

Сопоставление доходов низких слоев с доходами самых обеспеченных выявляет картину глубочайшего социального неравенства. Опросы домохозяйств в 18 странах, проведенные ЭКЛА в 1999 г., показали, что на долю 25% всех занятых на рынке труда

(четыре нижних дециля) приходится около 11% общего дохода. В то же время 5,5% от всех занятых (десятый, самый высокий дециль) располагают 21% общего дохода. Более рельефная картина вырисовывается на базе данных по странам (табл. 3).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что почти 70% работающих из беднейших слоев получают доход только в 2 раза выше черты бедности, в то время как, по расчетам ЭКЛА, семье из двух человек необходимо иметь доход, превышающий в 2,5 раза черту бедности.

Сравнение этих данных с доходами самого богатого слоя населения позволяет увидеть огромный размер социального неравенства: около 52% работающих из наиболее обеспеченных получают доход, превышающий черту бедности больше, чем в 16 раз.

* * *

Перестройка экономики внесла серьезные изменения в организацию и концепцию труда. Сверхзадача максимального удешевления стоимости рабочей силы обернулась повсеместной практикой замены постоянного наемного труда более гибкими формами использования рабочих рук. В условиях массовой безработицы и общей нестабильности нормальным стало заключение краткосрочных договоров, предоставление временной и сезонной работы (в том числе без договоров), расширение перечня причин для расторжения трудовых соглашений, уменьшение размера пособий при увольнении, ограничения права на забастовку и т.п. Так постепенно в обществе формировался обширный сегмент ненадежного, нестабильного и социально незащищенного труда. По сути дела, это особый слой бедного, но работающего люда.

Широкое распространение получила в 90-е годы форма временного найма на работу. Согласно ЭКЛА, в городских зонах доля работающих на этом основании во всей наемной рабочей силе составляла в Сальвадоре – 26,3% (1995 г.), Эквадоре – 45,1 (1997 г.), Аргентине – 17,9 (1997 г.), Венесуэле – 15,4% (1997 г.). Данные по Чили и Колумбии позволяют судить о динамике: в Чили 11 и 16,9% (1990 и 1998 гг.) и в Колумбии 6,6 и 20% (1980 и 1997 гг.). Другое проявление ненадежной занятости – труд без заключения трудового соглашения. Изучение этого вопроса показало, что, за исключением Колумбии, бесконтрактные трудовые отношения не только получили широкое распространение, но и имели выраженную тенденцию к росту. В Парагвае, Бразилии, Перу без трудового соглашения работали свыше 40% от всех наемных работников, свыше 30% – в Аргентине, Мексике, Колумбии, 22% – в Чили.

Таблица 3. Занятость и доходы лиц в возрасте 20–59 лет (городские зоны)*

Страна	Год	Рабочие, работники сферы обслуживания, домашняя прислуга – из 40% домохозяйств с наиболее низкими доходами		Дипломированные специалисты с высшим образованием – из 10% домохозяйств с наиболее высокими доходами	
		% занятых	средний доход, превышающий черту бедности, во ск. раз	% занятых	средний доход, превышающий черту бедности, во ск. раз
Аргентина	1999	75,3	3,2	58,3	21,2
Боливия	1999	66,3	1,8	46,4	14,8
Бразилия	1999	75,8	1,8	58,8	20,7
Чили	2000	75,3	2,8	74,5	33,2
Колумбия	1999	64,8	1,6	55,5	12,6
Коста-Рика	1999	69,9	3,1	60,2	16,7
Эквадор	1999	65,1	1,3	47,3	12,2
Сальвадор	1999	77,1	2,1	49,8	13,9
Гватемала	1998	67,6	1,5	62,1	15,0
Гондурас	1999	67,9	1,2	46,0	8,6
Мексика	2000	68,2	2,0	51,4	19,3
Никарагуа	1998	73,0	1,3	35,7	18,5
Панама	1999	74,0	2,7	58,1	19,7
Парагвай	1999	70,1	1,7	45,4	12,7
Перу	1999	69,3	1,6	48,8	14,0
Доминиканская Республика	1997	69,3	2,4	35,7	16,2
Уругвай	1999	74,5	3,3	53,2	17,5
Венесуэла (страна в целом)	1999	55,4	1,9	44,1	11,3
В среднем по странам	1999	69,9	2,1	51,8	16,6

* Una década de desarrollo social en America Latina. 1990–1999. Santiago de Chile, 2004. P. 209–210.

Как временный найм на работу, так и занятость без трудового контракта чаще всего использовались на микропредприятиях (менее пяти человек), в сфере услуг и касались молодежи до 30 лет, женщин и лиц с низким уровнем образования. Условия ненадежности труда позволяли работодателю выплачивать меньшую заработную плату, чем в условиях постоянной работы и с трудовым договором (в первом случае – от 57 до 66%, во втором – от 41 до 65%).

И, наконец, высшая форма ненадежности занятости – это отсутствие доступа к социальному обеспечению и, как минимум, – медицинскому страхованию. Даже к концу 90-х годов число лиц, относящихся к этой категории, в Латинской Америке было достаточно велико: свыше 60% наемных рабочих – в Боливии и Парагвае (на микропредприятиях – 90%); свыше 30% – в Аргентине, Бразилии, Сальвадоре, Мексике, Венесуэле; 20% – в Чили и Коста-Рике¹⁴.

Существование – с тенденцией к росту – целого сегмента нестабильного и социального незащищенного наемного труда в структуре занятости стало результатом общей неустойчивости латиноамериканских экономик, низкого уровня их формализации, слабого развития социального обеспечения и разрушения традиционной системы регулирования трудовых отношений.

НЕФОРМАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

В поисках выхода значительная часть безработных как в более развитых, так и в отсталых странах перетекает в так называемый неформальный сектор (семейное хозяйство, микропредприятия и др.). Этот сектор охватывает широкую сферу человеческой деятельности, как легальной – всякого рода услуги, торговля, кустарное производство, так и нелегальной, полулегальной и криминальной, включающей обслуживание наркобизнеса, контрабанду и т.д.

В социальном плане неформальный сектор экономики представляет собой сложный конгломерат различных слоев общества. В большинстве это люди с низкой квалификацией, низкой производительностью труда и невысоким уровнем образования. Их социальная энергия направлена на обустройство примитивного быта и находит свой выход в действиях, необходимых для выживания в изолированных предместьях городов.

В последнее десятилетие традиционный мир маргинального населения, мир безработных, отверженных, нищих, не адаптировавшихся в городе сельских мигрантов пополнился за счет быв-

ших государственных служащих и наемных рабочих, вытесненных из формального сектора, а также обанкротившихся мелких и средних предпринимателей, потерявших работу специалистов со средним и высшим образованием. Нельзя не отметить, что определенная часть занятых в неформальной экономике добивается достаточно высокого уровня материального благополучия.

Именно неформальный сектор является тем спасательным кругом, который помогает выжить значительной части активного населения. Не случайно в периоды кризисов или структурной перестройки и реформ неформальный сектор имеет выраженную тенденцию к расширению. Так, рост неформального сектора сыграл положительную роль в сдерживании открытой безработицы в период кризиса конца 90-х годов, когда произошло снижение спроса на рабочую силу на фоне увеличения ее предложения. Если число занятых в формальном секторе в 90-е годы сократилось с 57% (1990 г.) до 51,6% (1999 г.), то число занятых в неформальном секторе выросло с 43 до 48,4% соответственно. Особенно виден рост неформального сектора при сопоставлении новых рабочих мест, созданных в период 1990–1999 гг.: 68,5% их приходилось на неформальный сектор и только 31,5% – на формальный. Другими словами, из каждых 10 человек, включенных в рынок труда, семь работали в неформальном секторе, а это означает, что, с одной стороны, огромное число людей имеют работу, а с другой – работа нестабильна и лишена социальных гарантий и защиты¹⁵.

ЖЕНСКИЙ ТРУД

Новая и важная по своим последствиям тенденция в сфере занятости – активное включение в трудовую деятельность женщин, которое явилось следствием различных факторов: демографического, экономического, культурного. Их взаимодействие в каждой стране определялось национальными различиями в структуре занятости и уровне трудового участия. При всех национальных особенностях общим было растущее осознание женщинами своих прав и их стремление к экономической автономии. За период 1990–2002 гг. уровень трудового участия женщин в городских зонах вырос с 37,9 до 49,7%.

Не только количественные показатели свидетельствуют о возросшем спросе на женский труд. Немаловажно то, что женский труд оказался востребованным в модернизирующихся отраслях, особенно там, где требовались тонкий ручной труд, повышенное внимание и дисциплина. Например, в электронной про-

мышленности Мексики, быстро развивавшейся в конце 90-х годов, 80% принятых на работу составляли женщины, занятые ручной сборкой. При этом устанавливались жесткие ограничения по возрасту (16–40 лет) и образованию.

Активное привлечение латиноамериканских женщин для работы на современных предприятиях опиралось, как это ни парадоксально, на фактор их традиционно зависимого и угнетенного положения в семье и обществе. Как правило, и на производстве женщина продолжала играть второстепенную роль, оставаясь социально пассивной и безынициативной. Не случайно женщины оказались вовлеченными в полной мере в такие формы занятости, как субконтракты, краткосрочная работа, работа на дому и без договора.

Практически во всех странах наблюдалась прямая зависимость трудового участия женщин от уровня образования. Наиболее высокий процент занятых приходился на женщин с образованием свыше 13 лет. В трудовую деятельность к концу 90-х годов включились более 60% женщин этой категории, а в таких странах, как Бразилия и Парагвай – 79%, в Доминиканской Республике – 80%¹⁶. Экономические трудности заставляют и малообразованных женщин активно предлагать свои услуги на рынке труда.

В условиях либерализации экономики и свободного рынка заметно расширилось поле трудовой деятельности женщин: от предпринимательства до различных форм наемного труда в низкопроизводительных отраслях. Важно отметить, что число предпринимателей, все еще незначительное, продолжает увеличиваться. Если в 1990 г. женщины-предприниматели в Чили составляли 1,4% экономически активного населения (городские зоны), то в 1998 г. – уже 3%, т.е. в 2 раза больше; в Коста-Рике – соответственно, 2,3 и 4,4% (1999 г.); в Эквадоре – 2,7 и 5,0%; в Гондурасе – 0,9 и 3,6%.

Основная занятость женщин тем не менее и сегодня приходится на сектора с низкой производительностью и с низкой оплатой. И хотя в ряде стран, таких как Бразилия, Чили, Аргентина, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Уругвай, показатели такого рода занятости снизились, в целом в странах региона к концу прошлого столетия они колебались от 38,6% (Панама) до 75,3% (Боливия). Поглощение рынком женского неквалифицированного труда увеличилось с 48% в 1990 г. до 57% в 1999 г. Ситуация вряд ли улучшится, пока не будут преодолены отсталость и периферийный характер латиноамериканских экономик.

Несмотря на постоянно растущее участие в трудовой деятельности, дискриминация в отношении женщин в вопросах найма на работу, увольнений и оплаты труда продолжает сохранять-

ся. Помимо своего рода исторической традиции существуют и объективные факторы, объясняющие дискриминационное положение женщин на рынке труда. С одной стороны, это недостаточный уровень экономического развития, не позволяющий предложить удовлетворяющее количество рабочих мест, особенно требующих высокой квалификации, как для мужчин, так и в еще большей степени для женщин.

С другой – в силу неразвитости социальной инфраструктуры за женщиной, в том числе получившей высшее образование, по-прежнему закреплены ее семейные обязанности по уходу за детьми, престарелыми родителями, по содержанию дома и т.п. В силу юридической и фактической незащищенности традиционная роль женщины как домохозяйки и матери до настоящего времени ограничивает ее возможности выхода на рынок труда, занятия предпринимательской деятельностью, участия в политике и общественной жизни.

В результате сложившейся ситуации при росте числа образованных женщин более быстрыми, по сравнению с мужчинами, темпами доля работающих в соответствии с имеющейся высокой квалификацией увеличилась за десятилетие всего на 5 п.п. Даже к концу 90-х годов занятость женщин со средним техническим образованием на 14%, а с высшим университетским – на 10% была ниже, чем у мужчин. Общее число безработных среди женщин в 1999 г. на 4% превышало аналогичный показатель среди мужчин. В целом за период с 1990 по 2002 г., включая “потерянное пятилетие”, женская безработица выросла на 6%, а мужская на 3,4%.

Сравнение данных по оплате труда мужчины и женщины также складывалось не в пользу последней. Средняя заработная плата женщины в городской зоне к концу 90-х годов составляла от зарплаты мужчины в Уругвае 68%, в Венесуэле – 91%¹⁷. Необходимо уточнить, что разница в оплате существовала даже в тех случаях, когда на рынке труда предлагали свои услуги мужчина и женщина одного возраста и с одинаковым уровнем подготовки и обучения. (В последние годы в латиноамериканских странах наметилась в гендерных отношениях прогрессивная тенденция к постепенному сокращению этой разницы и к общему выравниванию социальных ролей мужчины и женщины – в семье и обществе.)

Активный выход женщин на рынок труда имеет прямое отношение к феномену бедности. Наиболее сильным стимул к трудоустройству был у женщин из бедных домохозяйств, о чем свидетельствуют социологические опросы. Динамика роста трудового участия женщин из бедных домохозяйств составляла за период 1994–2002 гг. 7%, в то время как из небедных – 4% (раньше была

противоположная тенденция). По данным ЭКЛА на 2002 г., средний уровень трудового участия в городских зонах женщин из бедных домохозяйств составлял 43% (по странам – от 28 до 53%).

Когда женщина работает, она получает больше прав на распределение дохода внутри домохозяйства, что позволяет снижать тяготы бедности более эффективно, чем когда этим занимается мужчина. (По традиции и психологическим особенностям мужчины, как правило, больше руководствуется интересами личного, нежели семейного, потребления.)

Доход, вносимый женщинами в семейный бюджет, способствовал улучшению материального положения и на 10–20% уменьшал число бедных домохозяйств (с двумя супругами)¹⁸. Такой результат в большей степени наблюдался в Уругвае, Парагвае, Перу, Эквадоре, Сальвадоре, Боливии.

БЕЗРАБОТИЦА

Самым тяжелым социальным последствием структурной перестройки экономики стала массовая безработица как в открытой, так и в скрытой форме. По данным МОТ, открытая безработица в регионе неуклонно росла: 1990 г. – 6,9%, 1995 г. – 8,3, 2000 г. – 9,7, 2002 г. – 9,9%¹⁹.

Статистические данные, собранные ЭКЛА, свидетельствуют о том, что в 90-е годы число безработных в городских зонах неуклонно увеличивалось и составило к 1999 г. в абсолютных цифрах почти 17,5 млн человек, что было на 11 млн человек больше, чем в 1990 г. В большинстве стран рост открытой безработицы среди неквалифицированной рабочей силы был выше, чем среди квалифицированной, а среди женщин – выше, чем среди мужчин.

Безработица в отдельных странах региона имеет различные характеристики, масштаб, тенденции и разное соотношение порождающих безработицу структурных и конъюнктурных факторов.

Положение, сложившееся на рынке труда в 90-е годы, хорошо прослеживается на примере стран с наиболее высокими уровнями открытой городской безработицы среди трудоспособных лиц 25–59 лет (Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Парагвай, Уругвай, Венесуэла). Например, с 1990 по 1999 г. безработица выросла в Аргентине с 4,3 до 11,9%; в Колумбии – с 6,0 до 14,5%; в Венесуэле – с 7,6 до 11,5%.

В Уругвае, по данным опроса общественного мнения, в 1999 г. 66% жителей страны считали безработицу своей главной проблемой. И действительно, на протяжении десятилетия в стра-

не отмечался ее высокий уровень – около 10%, особенно в государственном секторе экономики. С психологической точки зрения еще более важна тенденция к дальнейшему ухудшению положения: в 1999 г. уровень безработицы составил 11,8%, в 2000 г. – 13,5%, что сопоставимо с показателями последних лет военной диктатуры. Такой же отрицательный социально-психологический эффект имеет широкое распространение нестабильной, неустойчивой занятости, которой были охвачены от 48 до 52% экономически активного населения Уругвая.

Сопоставление данных начала и конца десятилетия свидетельствует о том, что средний уровень безработицы (25–59 лет) в этих странах почти удвоился (1990 г. – 5%, 1999 г. – 9,5%). В 1990 г. безработицей были охвачены 5,2% неквалифицированной и 3,8% квалифицированной рабочей силы; в 1999 г. эти показатели составили соответственно 10,2 и 6,6%, т.е. налицо были как выраженный общий рост числа безработных, так и существенная разница между обеими категориями трудоспособного населения.

Статистика подтверждает также факт заметного увеличения численности безработных женщин (1990 г. – 5,4%, 1999 г. – 11,3%) вне зависимости от вида трудовой деятельности: неквалифицированный труд – 5,8 и 12,4%; квалифицированный – 4,3 и 7,75%, соответственно в 1990 и 1999 гг. Для сравнения: в этот же период мужская безработица составляла по общим показателям 4,6 и 8,1%, среди неквалифицированной рабочей силы – 4,9 и 8,6%, среди квалифицированной – 3,3 и 5,6%.

Сходные тенденции, что и в странах с высокими уровнями безработицы, наблюдались в Центральной Америке и Мексике, где безработица была относительно невысокой. В Мексике, например, число безработных как в 1989 г., так и в 2000 г. не превышало 1,5% от экономически активного населения; в Гватемале – 2,2% (1989 г.) и 2,1% (1998 г.); в Сальвадоре – 4,6% (1995 г.) и 5,1% (1999 г.); в Гондурасе – 5,4% (1990 г.) и 3,7% (1999 г.); в Коста-Рике – 3,7% (1990 г.) и 3,7% (1999 г.)²⁰. Меньшая острота проблемы безработицы в большинстве этих стран, как и меньшее число безработных женщин по сравнению с мужчинами, в немалой степени объяснялась массовым характером трудовой миграции в США, а также широким развитием предприятий типа “макиладорас” (малых частных предприятий при крупных корпорациях), на которых получил распространение преимущественно женский труд.

Создание “макиладорас” изначально было ответом на постоянно растущий поток мексиканской миграции, попыткой ее сдерживания за счет развития производства в приграничной зоне с целью обеспечения рабочими местами потенциальных мигрантов. Эффективность “макиладорас” обусловлена тремя благоприят-

ными факторами: дешевой рабочей силой, хорошо налаженной инфраструктурой и близостью богатого североамериканского рынка. В 90-е годы транснациональные корпорации с участием американского, японского, европейского и местных капиталов превратили часть “макиладорас” в современные, высокотехнологичные производства, влияющие на рынок труда и на формирование квалифицированных кадров.

Постепенно этот тип предприятий распространился по всей Мексике и только в 2000 г., к примеру, число занятых на них составляло 1 млн 285 тыс. человек²¹. Мексиканский опыт, сочетающий интересы развития национальной экономики и увеличения миграции, был воспринят другими, прежде всего центральноамериканскими, странами.

ТРУД И ОБРАЗОВАНИЕ

Стратегия постиндустриального развития везде в мире предполагает качественное видоизменение рынка труда вследствие постепенного сокращения доли неквалифицированной и увеличения доли квалифицированной рабочей силы. Этот процесс можно наблюдать в последние годы и в Латинской Америке, хотя в большинстве стран он протекает в форме замедленной и слабо выраженной тенденции.

Растущая востребованность квалифицированных специалистов, какой бы ограниченной она ни была, является реальностью в странах региона. Все больший вес приобретают виды деятельности, связанные с развитием новых технологий, коммуникаций, информатики. Происходит некая дуализация рынка труда, когда наряду с доминирующей низкопроизводительной рабочей силой все большее значение приобретает квалифицированный труд.

Проводимые в сфере образования реформы 90-х годов добились цели не только повысить общий образовательный уровень населения, но и решить проблему подготовки кадров для модернизирующихся отраслей экономики. Число лиц с высшим университетским и специальным техническим образованием в наиболее активной части трудоспособного населения (25–59 лет) в 90-е годы увеличивалось в среднем на 7,5% ежегодно, причем среди женщин – на 8,7%, среди мужчин – на 6,4%. К концу 90-х годов каждый четвертый, предложивший свои услуги на рынке труда в городских зонах, мог претендовать на трудоустройство, соответствующее высокому уровню своей квалификации.

В этот период впервые наметилась тенденция к росту квалифицированных кадров и в сельском хозяйстве Латинской Америки. Предложение квалифицированных рабочих рук в земле-

делии, лесном хозяйстве, рыболовстве и т.д. росло даже быстрее, чем в городских зонах (за исключением Чили и Гватемалы), однако сама по себе их численность в процентном отношении была ничтожно мала – 3% от всего трудоспособного сельского населения. Включение в трудовой процесс образованных людей тем не менее содействовало развитию сельскохозяйственного производства.

Исследования ЭКЛА свидетельствуют о прямой связи между реализацией государственных программ обучения в сельской местности, с одной стороны, и повышением производительности труда и снижением уровня бедности, с другой. Получив образование, сельская молодежь либо мигрировала в города, надеясь изменить к лучшему свой статус, либо, оставаясь работать на земле, стремилась вести хозяйство на более высоком технологическом уровне.

Как показал опыт 90-х годов, на развитие рынка труда и структуру занятости в странах Латинской Америки заметное влияние оказала новая, глобальная тенденция к сокращению доли наемного труда и усилению “трудовой автономии”. Причины этого явления, затронувшего и неквалифицированный труд, но в меньшей степени, достаточно многообразны и имели национальную специфику. В одних странах превалировал фактор появления новых, автономных форм работы по оказанию услуг, связанных с информатикой, анализом, менеджментом и т.п. В других – уход квалифицированной рабочей силы из сферы наемного труда был преимущественно следствием слабости экономики, неспособности рынка обеспечить соответствующей работой. В итоге к концу 90-х годов один из каждых четырех человек с высшим образованием не был наемным работником. Иными словами, человек низших слоев, получивший высшее образование, но не имеющий работу в соответствии со своей квалификацией, был вынужден соглашаться при трудоустройстве на менее выгодные условия.

Другая новая тенденция, взаимосвязанная с первой и также оказавшая существенное влияние на развитие рынка квалифицированного труда, вызвана падением роли и веса в экономике производственных секторов и ростом третичного сектора. К 1999 г. в 15 странах региона именно этот сектор экономики поглощал до 85% квалифицированной рабочей силы (неквалифицированной – только 68%), в то время как в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве было занято 15,4%. В рамках третичного сектора половина квалифицированных специалистов работала в сфере услуг – правительственных, социальных, коммунальных, меньше – в торговле, финансовых и страховых организациях, энергетике, транспорте, коммуникациях²². Включение квалифицированных специалистов в третичный сектор является

не столько признаком его модернизации, сколько свидетельствует о недоиспользовании образованных людей по прямому назначению.

Недоиспользование квалифицированных кадров – еще одна характерная черта современного рынка труда в Латинской Америке. В 90-е годы работа каждого пятого с высшим или средне-техническим образованием не соответствовала его квалификации, в результате чего один из двадцати, а среди женщин – две из двадцати были безработными. Кроме того, продолжительность поиска работы среди квалифицированных специалистов достигала пяти с лишним месяцев у технических специалистов и почти семи месяцев – у лиц с университетским образованием (при среднем сроке для рабочей силы на рынке труда – чуть больше четырех месяцев). Затянувшийся поиск работы отрицательно сказывался на материальном положении специалистов и их семей.

Главная причина, порождающая феномен существенного недоиспользования рынком труда людских ресурсов, уже подготовленных высшим и среднетехническим образованием, коренится в слабости и недостаточном развитии экономики стран Латинской Америки (даже в периоды экономического роста), в ее несоответствии постиндустриальному этапу и стандартам высокоиндустриальных стран.

Вторая причина – недостатки системы образования, слабо реагирующей на потребности модернизированных высокотехнологичных отраслей экономики. В итоге, по данным на 1999 г., из 19 млн квалифицированных специалистов в городских зонах 18 стран региона 4,5 млн человек не использовались в соответствии с полученной квалификацией, тем самым увеличивая социально неблагополучную часть населения. В результате в 90-е годы приобрела массовый характер “утечка умов”. В Латинской Америке до сих пор недооценивается потенциальный огромный ущерб, наносимый интеллектуальной эмиграцией. Между тем дефицит высококвалифицированных кадров неизбежно и сугубо негативно скажется на дальнейшем развитии региона.

Изменения в структуре занятости и положение на рынке труда, сложившееся в последние десятилетия в Латинской Америке, стали источником постоянного процесса обнищания различных социальных слоев.

Неолиберальная модель модернизации не оправдала связанных с реформами социальных ожиданий и надежд широких слоев населения. Не случайно к концу 90-х годов, отмеченных кризисными явлениями в экономике, из лексикона специалистов и чиновников всех уровней почти исчезает термин “неолиберальный”, “неолиберализм”.

Нерешенность, а подчас и нерешаемость в ходе модернизационного процесса социальных проблем создавали предпосылки к постоянному расширению контингента лиц в пограничном с бедностью состоянии.

В зоне риска оказались государственные рабочие и служащие, значительная часть наемного труда частного сектора, все занятые на производствах с низкой производительностью. К концу 90-х годов в число социально неблагополучных людей вошла существенная часть средних слоев, которые прежде были достаточно стабильно обеспеченными и принадлежность к которым традиционно считалась престижной. Ухудшение материального положения до сближения с бедняками, как и болезненно воспринимаемый факт потери социального статуса (феномен так называемой статусной несовместимости) сделали ущербным положение в обществе этой части средних слоев.

Наличие огромной и растущей армии балансирующих на грани бедности людей заставило говорить о феномене, терминологически определяемом как “социальная уязвимость” (в крайнем выражении – “социальное отторжение”), которая означала уже не только материальные трудности и потери для населения, но была угрозой социальной безопасности для всего общества. Причина уязвимости во многом определяется несовершенством социальных политик, в том числе систем образования и здравоохранения. Несмотря на увеличение в 90-е годы бюджетных ассигнований на эти социальные нужды, они не давали гарантий существенного повышения жизни и роста социальной мобильности. Расширение частных форм образования и здравоохранения с более высоким качеством обслуживания шло на фоне ущербного развития соответствующих государственных институтов, что прежде всего затрагивало слои со средним и низким уровнем дохода. А это в свою очередь лишало их перспективы выхода за рамки уязвимости.

Немаловажную роль в появлении и сохранении феномена “социальной уязвимости” играл и такой субъективный фактор, как потенциал человека и его семьи к началу и в ходе структурных реформ. В условиях рыночной стихии в выигрышном положении изначально оказались люди с капиталом, способностями к предпринимательству, с образованием и профессиональной квалификацией, востребованной сразу и в перспективе. Среди проигравших, особенно на первых этапах реструктуризации, были те, кто связан с неконкурентоспособными по разным причинам предприятиями, отраслями и производством. В самом тяжелом положении, на грани выживания, оказались люди бедные, неимущие, малограмотные, неквалифицированные.

Адаптация к новым условиям во многом зависела и от того, какое из присущих человеку неантагонистичных психологических состояний брало верх: потребность в стабильности и надежности, традиционно ассоциировавшихся с государством, или стремление к многообразию индивидуализма, свободе выбора, опоре на собственные силы. В конце XX в. общество востребовало новый тип работника, более образованного и профессионально подготовленного, с иными социально-психологическими качествами – гибкостью, мобильностью, предприимчивостью, способностью сочетать дисциплину с инициативой, склонностью к самообеспечению. Не случайно именно этого, последнего, типа люди, прежде всего молодые, придали в 90-е годы традиционно вялому потоку трудовой миграции из Латинской Америки заметное ускорение. Психологическая установка на самореализацию и решение своих проблем собственными усилиями позволила немалой части трудоспособного населения сохранить или даже повысить свой статус.

Неспособность к восприятию новой системы ценностей и соответствующего социального поведения, напротив, могла привести к апатии, личностной деградации или уходу в криминальную среду. Низкий уровень жизни, особенно тенденция к его падению, невозможность удовлетворить элементарные потребности всегда резко снижают самооценку личности, порождают и постоянно сохраняют внутреннее состояние напряженности, униженности, озлобленности.

Способность найти свое место, прежде всего обеспечить себя материально, в условиях общей нестабильности, высокой безработицы, массового обнищания, социальной поляризации и других отрицательных последствий неолиберальных преобразований зависела от многих факторов. Огромное значение, кроме личностных качеств, имел потенциал семьи к началу и в ходе структурной перестройки, т.е. наличие или отсутствие движимого и недвижимого имущества (и других форм собственности), качество полученного образования и профессиональной подготовки, семейные связи и т.д. Это изначально предопределяло разные возможности для сохранения, роста или падения уровня и качества жизни конкретного человека и его семьи.

¹ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. Santiago de Chile, 2005. P. 59; Латинская Америка. 2003. N 4. С. 105–107.

² CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. Santiago de Chile, 2002. P. 14; CEPAL. Panorama social de América Latina. 2002–2003. Santiago de Chile, 2004. P. 50.

³ CEPAL. La brecha de la equidad: América Latina, el Caribe y la Cumbre social. Santiago de Chile, 1997. P. 24.

⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. P. 24, 268–269.

- ⁵ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2002–2003. P. 70.
- ⁶ Инфраструктурная реформа: учет последствий для малоимущего населения. Выводы из опыта Латинской Америки. М., 2003. С. 37–39.
- ⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. P. 57, 59. Tiempos del mundo. Buenos Aires, 21–27.X 2004.
- ⁸ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. P. 59, 66.
- ⁹ Ibid. P. 88–93.
- ¹⁰ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. P. 20, 88, 97, 94–95.
- ¹¹ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2001–2002. P. 83, 73.
- ¹² CEPAL. La brecha de la equidad: América Latina, el Caribe y la Cumbre social. P. 35–37.
- ¹³ См. подробнее: Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Латинская Америка: причины и последствия трудовой эмиграции // Латинская Америка. 2004. № 11. С. 21–37.
- ¹⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina. 1999–2000. Santiago de Chile, 2000. P. 97–102.
- ¹⁵ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. P. 183–184; CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. P. 200.
- ¹⁶ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. P. 96, 191; CEPAL. Panorama social de América Latina. 2001–2002. P. 69, 78–79.
- ¹⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. P. 91, 203–204, 209–210.
- ¹⁸ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2002–2003. P. 156–159.
- ¹⁹ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2000–2001. P. 88; Справедливая глобализация. Женева, 2004. С. 45.
- ²⁰ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2001–2002. P. 80–90; Revista de ciencias sociales. Montevideo. 2001. N 19. P. 109.
- ²¹ Comercio exterior. México. 2001. Vol. 51. N 11. P. 1018.
- ²² CEPAL. Panorama social de América Latina. 2001–2002. P. 20, 65, 71, 83–88.

Глава VI

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

СЕМЬЯ И ЕЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Процессы, связанные с семьей, трудно поддаются однозначным оценкам и двояко отражаются на судьбах ее членов и на эволюции всего общества. С одной стороны, повышение личной ответственности за свой выбор и поиск самостоятельного, социального поведения востребованы нынешним этапом развития производственных и общественных отношений в Латинской Америке и во всем мире. С другой – при всех дефектах традиционной семьи ее ослабление и распад усиливают социальную незащищенность человека, особенно молодого, и способствуют дезинтеграции общества, делая его менее управляемым¹.

Исторически семья, кроме традиционной функции воспроизводства потомства и его первичной социализации, осуществляет чрезвычайно важные экономические и статусные функции. Семья отвечает за распределение доходов и потребление, за обеспечение общего благосостояния своих членов и за передачу социального статуса следующему поколению. Семья является связующим звеном между индивидом и обществом, между макро- и микропроцессами в нем. Экономическое положение, семейные связи, уровень образования родителей и других домочадцев являются стартовой площадкой для развития личности. В настоящее время государство не случайно перенесло центр тяжести в своей социальной политике на семью (в отличие от прошлого, когда в фокусе был отдельный индивид). Именно семья становится основным объектом защиты всего населения.

Чрезвычайно важна роль семьи в социально-психологической и эмоциональной адаптации человека к любого рода переменам. Реализация личного потенциала начинается в семье и ею во многом определяется. С семьи начинается традиционная бедность. Если оставить в стороне возможность вмешательства в судьбу отдельного человека благоприятных внешних факторов, то бедная семья становится ловушкой, для выхода из которой человеку может не хватить целой жизни. Бедная семья изначально ставит своих членов, особенно детей и молодежь, в невыгодные экономические и социальные условия, неизбежно навязывает соответствующий социальному статусу образ жизни и поведения, закрепляет в сознании заниженную самооценку и психологические комплексы. Ранняя социализация потомства в бедной семье, как правило, протекает с нарушениями ценностных установок. Для преодоления последствий “дефектов социализации” и самого состояния бедности необходимы немалые усилия как индивида, так и всего общества.

Взаимосвязь семьи и проблемы бедности заставляет остановиться более подробно на эволюции и современном состоянии семьи. Такой подход оправдан уже потому, что социальная политика латиноамериканских государств часто исходит из традиционного представления об этом институте.

Конкретные исследования и опросы, проводимые национальными и международными организациями в последние годы в странах региона, выявили несоответствие социальной политики, традиционно опиравшейся на концепцию классической нукlearной семьи, той реальности, которая складывалась в результате эволюции института семьи. В этом одна из причин неэффективности тех мер по оказанию помощи семье и решению проблемы бедности, которые проводит власть.

Нуклеарная семья – муж, жена, дети, где мужчина добывает средства к существованию вне дома, а женщина осуществляет домашнюю неоплачиваемую работу, уход за детьми и престарелыми. На протяжении длительного исторического периода именно эта семья рассматривалась как идеальная модель. Однако к началу нового тысячелетия стала очевидной тенденция к сокращению этого типа семьи. В 2002 г. число таких семей колебалось от 53% (Никарагуа) до 71% (Мексика, Боливия)².

Истинное положение в нуклеарной семье отличается большим многообразием: один родитель (мужчина или женщина) с детьми или без, семья без детей или семья, где оба супруга имеют оплачиваемую работу. Главные перемены в нуклеарной семье происходят в связи с выходом на рынок труда женщин.

Типичными для латиноамериканского региона являются также многопоколенческие, расширенные семьи, которые включают ближайших родственников. Патриархальный тип семьи с мужским главенством и ответственностью, с подчиненным, а зачастую и бесправным положением женщин и детей, внутрисемейным насилием и невмешательством общества по-прежнему доминирует в Латинской Америке. Субъективное представление мужчины о своем праве на власть в семье логично вытекало из его реальной роли главного, а чаще единственного, кормильца. В свою очередь женщина (и дети) воспринимала свое подчиненное положение как нормальное и не выступала против традиции. Особенно это положение верно применительно к бедным семьям. В состоятельных и образованных семьях такая иерархическая структура проявляется в более мягких формах.

Однако к концу прошлого века заметно усилилась тенденция к изменению социальной роли женщины в обществе и внутри семьи. Снижение рождаемости, более позднее вступление в брак, расширение услуг по уходу за детьми и их обучением, совершенствование домашней техники способствовали частичному освобождению женщины от домашних забот. Тем самым возросли возможности ее участия в общественной жизни и работе вне дома. (Было бы преждевременным говорить о заметном выравнивании социальных ролей мужчины и женщины, поскольку в условиях экономического и социального кризисов семья, как правило, возвращается в русло традиционного распределения обязанностей и отношений.)

Под воздействием модернизационных процессов традиционные типы семьи (домохозяйства) постепенно разрушаются, уступая место гетерогенным формам и структурам. Изменения протекают такими темпами, что видны даже на протяжении жизни одного поколения. Намети́лась явная тенденция к сокращению

многопоколенческих и росту униперсональных домохозяйств. Заметно увеличилось число разводов, повторных и незарегистрированных браков, случаев раннего материнства. Неуклонно возрастает число семей, возглавляемых женщиной. В 2002 г. около пятой части нуклеарных и более трети многопоколенческих семей имели во главе женщину. Наиболее характерна такая ситуация для Боливии, Коста-Рики, Колумбии, Гондураса, Панамы и Доминиканской Республики.

Кризис института семьи в последние годы, выразившийся в тенденции к распаду традиционной семьи, росту числа разводов и семей во главе с женщиной, также негативно отразился на социализационном процессе. Пример – отстранение от воспитания отца и/или замещение его воспитательной функции другими, чаще пожилыми, родственниками. Работающая женщина и глава домохозяйства, не имеющая возможности уделять детям должного внимания и обеспечить полноценное воспитание в первые годы их жизни, часто передоверяет этот процесс также пожилым и, как правило, малообразованным родственникам. Неработающие женщины с малолетними детьми, вне зависимости от структуры и состава семьи, имеют низкий образовательный уровень, что существенно снижает их социализационный потенциал. Между тем эта категория женщин к концу 90-х годов составлял в Боливии 45%, Бразилии – 48, Гондурасе – 43, Доминиканской Республике – 33, Колумбии – 41, Мексике – 46, Сальвадоре – 41%. Лишь в Аргентине, Панаме, Уругвае, Чили и Эквадоре этот показатель не превышал 11–16%³.

Статистика свидетельствует о наличии связи между типом домохозяйства и уровнем дохода. Специальное исследование, проведенное ЭКЛА в 1997 г., выявило, что среди богатых слоев населения широко распространены униперсональные (от 9,2% в Венесуэле до 32,4% в Уругвае) и бездетные (от 7,8% в Никарагуа до 22,2% в Уругвае) домохозяйства. В то же время для бедных типичными продолжали оставаться домохозяйства с двумя супругами (от 33,5% в Доминиканской Республике до 62,5% в Мексике) и домохозяйства расширенные (от 20,8% в Боливии до 43% в Гондурасе). К категории бедных относились, как правило, все типы домохозяйств, возглавляемых женщинами. К примеру, в Аргентине бедные и нищие домохозяйства во главе с женщиной в 1990 г. составляли 38% от всех бедных и нищих домохозяйств, в 1999 г. – 65%; в Колумбии – 50 и 58% соответственно; в Чили – 45 и 51%; в Уругвае 50 и 55%, в Коста-Рике – 61 и 95%; в Боливии – 39 и 43%⁴.

К числу объективных факторов, влияющих на состав и положение семьи, следует отнести последствия демографического пе-

перехода от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. В отличие от развитых государств, где ситуация низкой смертности и низкой рождаемости сложилась уже к середине XX в., Латинская Америка (и другие развивающиеся страны) все еще находится на стадии заметного снижения смертности, в основном благодаря внедрению мировых достижений в области медицины и гигиены. В то же время рождаемость продолжает оставаться высокой, хотя и с тенденцией к снижению.

Замедленный темп демографического перехода во многом объясняет высокий уровень бедности, сохраняющийся в регионе. Тенденция к снижению рождаемости означала сокращение среднего числа членов домохозяйств, но малообеспеченных это коснулось меньше, чем богатых. К концу 90-х годов сохранялась достаточно большая разница в количественном составе семьи (особенно в Мексике, Парагвае, Уругвае и Аргентине). Одна из причин состоит в том, что в бедных семьях, как правило, рождается больше детей, чем в обеспеченных. Очевидно, что многодетность порождает бедность и наоборот. Униперсональные домохозяйства, например, не принадлежат в своем большинстве к бедным слоям, особенно в наиболее развитых странах (Аргентина, Уругвай).

Большинство семей на данном этапе имеют детей не только младшего, но и старшего возраста, которые экономически полностью зависимы от семьи, что негативно сказывается на ее благосостоянии. Более длительное пребывание в родительской семье, с одной стороны, связано с ростом продолжительности процесса обучения, что, несомненно, носит позитивный характер. Однако с другой, растущая безработица среди молодых людей, независимо от полученного образования и профессиональной подготовки, свидетельствует об ограниченной возможности молодых получить экономическую независимость и создать собственную семью (см. таблицу). Такое явление нашло отражение в официальной статистике, которая повысила возрастной ценз молодежной группы до 29 лет (раньше – до 25 лет).

Невольное иждивенчество молодых зачастую протекает в обстановке конфликта отцов и детей, так как новое содержание и формы жизни молодых вступают в противоречие с привычными нормами и критериями.

Состав семьи в период демографического перехода меняется не только количественно. Тенденция к существенному росту числа пожилых людей порождает целый ряд новых проблем в социальной жизни, которые касаются государства, общества и рыночной экономики. Среди них одна – это необходимость расши-

Таблица. С кем живет молодежь? (в %)*

	Чили	Колумбия	Боливия	Мексика
Родительская семья	87,7	84,0	68,8	80,0
Собственная семья	12,3	13,0	24,3	20,0
Без семьи	...	3,0	6,9	...
* CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. Santiago de Chile, 2005. P. 36.				

рения специальных социальных программ, прежде всего в сфере здравоохранения и социального обеспечения. Другая – регулирование рынка труда с учетом участия в нем лиц старше 60 лет, прирост которого к 2004 г. составлял 3,5% в год, превышая аналогичный показатель по молодежи до 15 лет. Экстраполируя ситуацию 2000 г., когда лица старше 60 лет насчитывали около 8%, эксперты ЭКЛА прогнозируют на 2025 г. – 14,1%, а к 2050 г. – 23,4%, что означает, что к середине нового века каждый четвертый латиноамериканец будет пожилым человеком.

Общим для Латинской Америки является некоторое превышение уровня старения в сельской местности, особенно в индейских поселениях, по сравнению с городскими зонами. И это несмотря на более высокую рождаемость и меньшую продолжительность жизни сельских жителей. Причина парадокса в том, что в последние годы население сельских районов состоит главным образом из представителей двух поколений – до 15 лет и старше 60 лет. С одной стороны, это результат процесса урбанизации, т.е. оттока дееспособной, прежде всего молодой, рабочей силы в города, с другой – частичное возвращение старых людей обратно, в места своего детства.

Другая проблема, характерная для всех стран, – бедственное материальное положение большинства пожилых людей. Как в городских, так и в сельских районах более трети лиц старше 65 лет не получают пенсий и не имеют оплачиваемой работы. Только двое из пяти человек этой категории – в городской и один из пяти, в лучшем случае, – в сельской зоне охвачены социальным обеспечением. Проведенные недавно Панамериканской организацией здравоохранения специальные опросы показали, что в большинстве латиноамериканских стран отсутствуют программы развития здравоохранения для пожилых, нет специалистов по геронтологии, более половины мужчин и женщин преклонного возраста имеют плохое здоровье (в США или Канаде – 35%)⁵.

Несмотря на реформы социального обеспечения, проводимые в последние десятилетия, реальное положение в этой сфере продолжает оставаться тяжелым. Из 16 стран, исследованных в 1999 г. ЭКЛА, в 10 пенсии или пособия получали менее 25% людей старше 60 лет. Наиболее низкий уровень охвата пожилых социальным обеспечением характеризовал такие страны, как Гондурас (8% – в городе и 2% – в сельской местности) и Доминиканская Республика (16 и 6% соответственно).

На этом фоне исключением выглядят Аргентина, Бразилия, Уругвай и Чили, где социальным обеспечением были охвачены 60% и выше лиц пожилого возраста. Вполне логично, что в странах с наиболее высоким развитием социального обеспечения, медицинского обслуживания, жилищного строительства и относительно высокими пенсиями процент пожилых людей, живущих более или менее автономно и независимо, достаточно высок.

Более типична, однако, другая картина: 40–60% пожилых людей в большинстве стран не имеют никакого дохода и составляют наиболее уязвимую часть населения. Прошедшая в ноябре 2003 г. в Сантьяго (Чили) региональная межправительственная конференция по проблемам старения была вынуждена констатировать, что “условия экономического обеспечения старости в Латинской Америке и карибских странах недостаточны, неравноправны и мало справедливы”.

Недостаточная помощь государства (или ее отсутствие) заставляет пожилых людей быть экономически активными, в противоположность тому, что происходит в развитых странах. Более того, как показывает статистика, число, например, работающих женщин старше 60 лет неуклонно растет. Если в 1990 г. они составляли 21,6% в этой возрастной группе, в 1999 г. – 26,3%, то в 2002 г. уже 38,4% включились в трудовую деятельность. Число работающих пожилых людей в среднем по региону составляет примерно 20%, несмотря на то что получаемое ими вознаграждение не превышает 10–30% от их последнего заработка.

Принадлежа в своем большинстве к поколению с низким образовательным уровнем, нуждающиеся пожилые люди, как правило, ищут работу в неформальном секторе экономики, который, как известно, не гарантирует ни стабильности, ни социальной защиты, ни хорошей оплаты. Спасательным кругом для части из них становится семья. Присутствие пожилых двояким образом затрагивает интересы семьи, видоизменяя ее структуру, социализационную функцию и экономическое положение. Что касается последнего, то там, где пожилые члены бедной семьи получают пенсии, пособия и/или заработную плату, их помощь оказывается важной частью семейного бюджета. Специальные ис-

следования показали, что финансовый вклад пожилых в семью (особенно пенсий) позволяет снижать уровень бедности. Это особенно актуально для семей с женщиной во главе, поскольку даже ее активное включение в трудовую деятельность, как правило, не дает возможности преодолеть порог бедности из-за преимущественной занятости на низкопроизводительных производствах. В тех случаях, когда живущие в семье пожилые люди не имеют никакого дохода или он незначителен, на работающих ложится дополнительная нагрузка по их содержанию, что для бедных семей означает еще большую бедность.

Наличие постепенно растущего контингента лиц пожилого возраста без достаточного их обеспечения усугубляет проблему общей бедности в Латинской Америке. Столь же неизбежное в ходе демографического перехода сокращение числа трудоспособных молодых людей, часть которых к тому же активно эмигрирует в развитые страны, создает не только в настоящее время, но и в перспективе серьезные препятствия на пути преодоления бедности.

МОЛОДЕЖЬ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Везде в мире будущие позитивные перемены зависят от потенциала молодежи. Особенность переживаемого Латинской Америкой периода состоит в переходе к постиндустриальному обществу, с которым связаны надежды на решение основных экономических и социальных проблем, включая бедность. Внедрение в производство и освоение высоких технологий, коммуникаций, информатики в полной мере доступно именно молодым. Не случайно процент пользователей Интернетом в молодежной аудитории несопоставимо выше, чем среди лиц среднего и старшего возраста. Наглядный пример – Колумбия 2002 г., где пользователи Интернетом составляли в возрастных группах 12–17 лет – 48,1%, 18–24 лет – 47,6%; 25–34 лет – 24,9%; 35–44 лет – 17,4%; 45–54 лет – 13,3%, а 55 лет и старше – всего 2,2%.

Будучи главной силой технологической модернизации, молодежь играет стратегическую роль в преодолении бедности. Успех в достижении цели находится в руках поколения образованных, материально обеспеченных, уверенных в завтрашнем дне молодых людей, передающих свой статус и мироощущение потомству. Поэтому перспективы и результаты борьбы с бедностью тесно связаны с реальным положением и проблемами молодежи.

Молодежный контингент населения весьма сложен по своей композиции. Существует огромная разница в образе жизни, положении, поведении молодых людей городской и сельской зон, из

малообеспеченных и богатых семей, в возрастной группе 15–19 лет и 20–29-летних, с низким и высоким уровнем образования, женского и мужского пола. Общей для всех молодых и наиболее важной их целью являются поиск своего места на рынке труда и своей пары для семейной жизни. Именно состояние поиска и многовариантность его итогов создают основу чрезвычайной социальной, социально-психологической, психической уязвимости молодежи. В наибольшей степени ей подвержена самая молодая (15–19 лет), наименее образованная и наименее обеспеченная ее часть. В подавляющем большинстве это выходцы из бедных семей.

Бедная молодежь – проблема особая, болезненная для индивида и опасная для общества. Как и социальное неравенство, бедность априори лишает молодого человека права на равные возможности для самореализации и удовлетворения высоких материальных и духовных запросов. Бедность в условиях резкого социального расслоения – болезненна и опасна вдвойне. Специфика молодежной реакции на социальную несправедливость состоит в склонности к иррациональным формам протеста. В отличие от лиц среднего и старшего возраста, по мере взросления в той или иной степени адаптировавшихся к своему социальному статусу, у молодых нет иммунитета к социальному злу, когда оно касается непосредственно их.

К 2002 г. процент бедной и нищей молодежи уменьшился с 43 в 1990 г. до 41 и с 17 до 15 – соответственно. (В сельской местности эти показатели всегда выше, а формы – острее.) Однако в абсолютных показателях, более близких к реальной жизни, число бедных и нищих среди молодежи выросло соответственно с 50,4 млн и 20,4 млн – в 1990 г. до 58 млн и 21,2 млн – в 2002 г. Многомиллионная армия латиноамериканской молодежи, таким образом, проходит испытание бедностью и социальным неравенством в их многочисленных проявлениях: в положении семьи, образовательном процессе, на рынке труда и т.д.

Ранняя социализация детей и подростков в условиях бедности чревата тяжелыми экономическими и психоэмоциональными последствиями, а главное – перспективой воспроизводства бедности в последующих поколениях. Основными параметрами, определяющими уровень и качество социализации детей и подростков, являются социальный статус и положение семьи, нравственный климат и образовательный уровень родителей. Зависимость детей от уровня образования родителей способствовала формированию жесткой социальной структуры, ограничивающей мобильность молодежи. Не случайно среди молодых людей, родители которых не закончили начальную школу, только 20% получили

среднее образование, в то время как этой цели достигли 60% тех, чьи родители обучались не менее 10 лет⁶.

Характерная для бедных семей малограмотность старшего поколения и родителей приводит к недооценке значения образования как основы будущего материального достатка и жизненного успеха.

Последствия ранней социализации детей в условиях бедности и малообразованности старших в полной мере проявляются в дальнейшем, в частности, на этапе школьного обучения. В этот период приобретает первый самостоятельный жизненный опыт, вырабатываются собственные представления об окружающем мире и внутрисемейной обстановке, возрастает влияние сверстников и улицы. Царящие в кварталах бедноты общие настроения и представления редко поощряют прилежное отношение к учебному процессу. Один из результатов – большое число недоучившихся и не завершивших школьное обучение детей и подростков, неоднократное прерывание учебы. Другим следствием воздействия улицы и дефектов социализации являются раннее материнство. Чтобы понять масштаб явления, возьмем пример Бразилии. Если в 1986 г. 14,4% не имеющих образования женщин 15–19 лет стали матерями, то через десять лет их было уже 50,7%. Сходная ситуация наблюдалась в Боливии, Колумбии, Гаити, Перу, Доминиканской Республике. Раннее материнство, характерное для бедных семей с низким уровнем образования, ведет к раннему воспроизводству бедности⁷. Случаи раннего материнства, согласно статистическим данным, снижаются по мере повышения уровня образования молодежи из возрастной группы 15–19 лет.

Низкое образование, бедность, безработица, социальные контрасты являются главными причинами роста насилия в латиноамериканских городах. Неблагоприятный семейный климат и дефекты раннего этапа социализации, типичные прежде всего для семей малообеспеченных, способствуют росту преступности. К такому же отрицательному результату приводит и внутрисемейное насилие (не только против женщин, но и против детей), широко распространенное до сих пор, особенно в семьях традиционного типа. По некоторым данным, к концу 90-х годов не менее 6 млн детей подвергались насилию в той или иной форме (физической, сексуальной, психологической). Чрезвычайно важно помнить, что насилие, испытанное в детстве, может умножить насилие в обществе в будущем, превращая испытавшего насилие либо в жертву (со всеми психологическими последствиями), либо в насильника, агрессора, террориста.

Альтернативой и одним из главных противовесов дефектам социализации и опасным процессам в молодежной среде являются

ся развитие всех видов и форм обучения и повышение общеобразовательного уровня населения. В последние годы наметились существенные сдвиги в этой области⁸.

Внимание государства и общества было привлечено к проблемам образования в силу ряда причин. Во-первых, уровень образования, не игравший ключевой роли в условиях доминирующего низкотехнологичного производства, со сменой стратегии развития выдвинулся на первый план как требование к рабочей силе. Необходимость получения молодежью полноценного, особенно среднего, образования диктовалась постоянно растущим спросом на квалифицированные национальные кадры.

Другой немаловажный мотив состоит в том, что образование в современном мире – один из способов решения в той или иной мере проблем бедности, нищеты и достижения большей однородности общества. По оценкам ЭКЛА на 1997 г., ликвидация неграмотности и развитие среднего образования позволяли более чем на 80% избежать бедности и в перспективе разорвать порочный круг “необразованность – бедность”. Как показал опыт отдельных стран, успех сопутствует тем из них, в социальной политике которых борьба с бедностью увязана с развитием системы образования – от начального до высшего.

Одним из достижений 90-х годов в большинстве стран стали успехи в сфере начального образования. В результате проведенных реформ образования и увеличения ассигнований начальным образованием было охвачено 86,2% всей молодежи от 15 до 29 лет – в городской и 56,6% – в сельской зоне. Заметно уменьшилось число детей и подростков, прежде всего из бедных семей, прерывавших учебу, и выросло число завершивших обучение.

В меньшей степени позитивные перемены коснулись системы среднего образования, где число недоучившихся по-прежнему велико. К 2000 г. около половины живущих в городах молодых людей в возрасте 20 лет не окончили среднюю школу, а в сельской местности – три человека из четырех. Тем не менее, например, в возрастной группе 20–24 лет число получивших среднее образование в 1990 г. составило 25,8%, а в 2002 – 34,8%. При выраженной тенденции к росту общее число лишь немногим превышает треть.

По данным ЭКЛА, в 90-е годы произошел заметный рост числа молодых людей (особенно женщин), стремящихся получить не только среднее, но и высшее образование, причем не только в городах, но и в сельской местности.

Повышение образовательного уровня молодежи в последнее десятилетие, несомненно, факт положительный, но в силу определенных причин он не сыграл той позитивной роли, которая отво-

дилась ему в социальной политике. Модернизация экономики, реструктуризация рынка труда проходили в регионе гораздо медленнее, чем реформы в области образования. Асинхронность этих процессов почувствовали и испытали на себе прежде всего молодые люди, получившие большее образование, чем старшее поколение, и лучше адаптировавшиеся к технологическим инновациям. Именно поэтому главными проблемами для молодых стало трудоустройство в соответствии с полученным образованием и профессиональной подготовкой, стабильность занятости, достойная оплата. Особую остроту эти проблемы получали в результате постоянно растущего участия молодежи в низкопроизводительном производстве (включая неформальный сектор) соответственно с низкой оплатой. Этот сектор экономики прежде всего поглощал ту часть молодежи, которая только вступала в рынок труда, не имея квалификации и опыта, что умело использовали работодатели при найме, увольнениях и оплате. За период 1990–2002 гг. трудовое участие молодых людей 15–19 лет в низкопроизводительном секторе выросло на 9,2%, в то время как во всех остальных возрастных группах трудоспособного населения – меньше чем на 6%. Фактически это означало, что те, кто должен был продолжать обучение, обрекали себя, особенно молодежь из бедных слоев, на сохранение своего социального статуса.

Невозможность найти работу на современных предприятиях вынуждала молодежь и из богатых семей трудиться на подобных производствах. Так, в 2002 г. в среднем в регионе это касалось 38,2% молодых людей (15–29 лет) из пятого квинтиля (самого высокого по доходам). В первом квинтиле (самом низком по доходам) этот процент естественно был гораздо выше – 70,5% (хотя, если сравнивать эти данные с показателями за 1990 г., то в первом случае они несколько уменьшились, а во втором – возросли)⁹.

При такой направленности развития рынка труда и высокой молодежной безработице полученное образование не играло особой роли при трудоустройстве и создании возможностей для повышения благосостояния. В 2002 г. на производстве с низкой производительностью в среднем по региону были заняты 45,6% молодых женщин и 38,1% мужчин с 10–12-летним образованием. Процент молодых людей с более низким образованием (7–9 лет) был значительно выше – 70,8% женщин и 53,9% мужчин. Это означало, что доходы большей части молодежи оставались низкими¹⁰.

Опрос, проведенный ЭКЛА в конце 90-х годов в 18 странах показал, что среди работающей молодежи (20–29 лет) достаточно высок уровень бедности. В таких странах, как Эквадор, Гондурас, Никарагуа он превышал 50%; в Боливии, Колумбии, Гватемале, Венесуэле был свыше 30%, при том, что уровень образования оп-

рошенных – 10–12 лет. Что касается дохода, то только в двух странах (Чили и Коста-Рике) он превышал в 4 раза черту бедности, что позволяло содержать семью с тремя неработающими членами.

Уровень безработицы среди молодежи в начале нового тысячелетия был в 2 с лишним раза выше, чем среди старших по возрасту – 15,7 и 6,7% соответственно, причем среди молодых женщин также в 2 раза выше, чем среди мужчин. Особенно остро встает вопрос перед беднейшей частью молодежи. Опросы домохозяйств, проведенные ЭКЛА, показали, что к 2002 г. молодежная безработица в наиболее обеспеченных слоях (пятый кинтиль) в среднем по региону составляла 8,7% (в 1990 г. – 5,9%), в то время как в беднейших домохозяйствах (первый кинтиль) – 28,1% (в 1990 г. – 25,8%). Среди молодых безработных больше всего тех, кто ищет работу первый раз или чья работа неоднократно прерывалась¹¹.

На рынке труда молодежь оказалась в худшем положении по сравнению со взрослыми, а бедные молодые люди по сравнению со своими сверстниками из обеспеченных семей. Четко обозначилась зависимость перспективы трудоустройства и благополучия от материального достатка семьи. Подобное социальное расслоение на рынке труда усиливает пессимистические настроения беднейшей части молодежи и осознание того, что она обречена на воспроизводство бедности в следующем поколении. Устойчивая безработица негативно сказывается на процессе социализации молодежи, подталкивая особо нуждающихся и не нашедших свое место в меняющемся мире к асоциальному, а зачастую и криминальному поведению.

¹ См. подробнее: Кузнецова Э.Е., Пегушева Л.В. Современная латиноамериканская семья: социальный аспект // Латинская Америка. 2003. № 4. С. 20–33.

² CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. Santiago de Chile, 2005. P. 198.

³ CEPAL. Panorama social de América Latina. 1999–2000. Santiago de Chile, 2000. P. 180.

⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina, 2000–2001. Santiago de Chile, 2002. P. 150, 233–234.

⁵ Notas de la CEPAL. Santiago de Chile. 2004. N 33. P. 6.

⁶ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. P. 158.

⁷ Ibid. P. 180.

⁸ Ibid. P. 156, 161, CEPAL. Panorama social de América Latina. 1999–2000. P. 174.

⁹ CEPAL. Panorama social de América Latina. 2004. P. 163–165.

¹⁰ Ibid. P. 189.

¹¹ Ibid. P. 163–165.

СУДЬБА ИНДЕЙСКИХ НАРОДОВ

Латиноамериканский феномен бедности – это в первую очередь трагическая судьба индейского населения. Колонизация Нового Света обернулась для миллионов коренного автохтонного мира порабощением и истреблением. Древние индейские цивилизации были разрушены. Им на смену пришли феодально-торговые и буржуазные порядки. Золото, серебро, колониальные товары задавили традиционную аграрную экономику и государственность, сломали богатую культуру и ввергли индейцев в нищету и вымирание. Такое безысходное положение продолжается и сегодня, причем даже в тех странах, где индейцы составляют большинство (Гватемала, Боливия) или значительную часть населения (Перу, Эквадор). Нельзя сказать, что вообще ничего не делается по решению “индейского вопроса”, но принципиальных сдвигов как не было, так и нет.

В 2004 г. после длительной и обобщающей аналитической работы ЭКЛАК подготовила документ, получивший название “Общие тенденции, приоритеты и препятствия в борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанных с ними формами нетерпимости в Латинской Америке и Карибском бассейне”¹.

В документе приводятся как общие оценки явлений и процессов, в которые вовлечены индейские этносы, так и конкретные данные о положении коренного населения Западного полушария, численность которого равна примерно 40 млн человек.

Распределение коренного населения неравномерно по странам (см. таблицу). В большинстве из них доля индейцев не превышает 10%, поэтому можно говорить о наличии их этнического меньшинства. К сожалению, именно его представители составляют ныне самый нищенский и забытый слой общества. Это настоящие парии. Целые семьи живут на улицах крупных городов, собирают милостыню или торгуют кустарными поделками. Полуголые дети снуют по базарам, подворовывая себе на пропитание. Многие девушки из индейских семей вынуждены заниматься проституцией.

В Мексике более 50% жилищ в индейских этнических территориях не имеют электричества, 68% – водопровода, 90% – канализации, а 76% жилищ имеют земляные полы. В той же Мексике из 316 муниципий, где имеется индейское население, было зафиксировано 209, в которых туземцы живут в условиях крайней бедности².

Таблица. Индейское население Западного полушария (конец 80-х годов)*

Страна	Численность индейцев, тыс. чел.	Доля индейцев в об- щем населении
Аргентина	477	1,5
Боливия	4 985	71,2
Бразилия	325	0,2
Венесуэла	290	1,5
Гватемала	5 423	60,3
Гондурас	168	3,4
Колумбия	708	2,2
Коста-Рика	19	0,6
Мексика	10 537	12,4
Никарагуа	66	1,7
Панама	194	8,0
Парагвай	101	2,5
Перу	8 097	38,6
Сальвадор	500	10,0
Эквадор	3 753	37,5
Чили	767	5,9
Карибские страны (Белиз, Гайана, Суринам, Француз- ская Гвиана)	56	4,1
Канада	892	3,4
США	1 959	0,8
Всего	39 317	5,8
* Statistical Abstract of Latin America. Los Angeles, 1995. Vol. 31. Part 1. P. 147.		

Безотрадны данные по Гватемале – одной их самых “индейских” стран континента. Исследователи относят к числу бедных 87% гватемальских индейцев, а к 61% коренных жителей применяют категорию “крайней бедности”. В условиях бедности и крайней бедности прозябают 66% боливийских индейцев³.

Результатом и одновременно фактором и параметром индейской бедности, по данным ЭКЛАК, является фактическая ограниченность доступа индейцев к медицинскому обслуживанию и образованию. Например, в Эквадоре лишь 53% индейского населения имеет начальное образование и 1% – высшее. В Гондурасе неграмотность среди индейцев достигает 87%.

Касаясь положения 770 тыс. чилийских индейцев, Родольфо Ставенхаген, видный мексиканский общественный деятель,

представитель ООН по делам коренного населения, заявил, что он лично убедился в существовании жестокой дискриминации индейского населения.

На широком саммите индейских этносов Южной Америки, получившем название “Второй семинар по философии, идеологии и индейской проблеме”⁴, а также в многочисленных публикациях, связанных с исполнившимся в 1992 г. пятисотлетием плавания Колумба и “встречи миров”, увидели свет тысячи материалов, имеющих большее или меньшее отношение к проблемам индейской бедности. Рассмотреть все их не представляется возможным, и это вынуждает остановиться на выделении лишь двух проблем: во-первых, исторических проблем закабаления индейцев и, во-вторых, условиях их жизни в настоящее время.

В эпоху колонизации сложилось устойчивое отношение белого населения к индейским этносам как к бедным, отсталым и примитивным.

Внеэкономическое принуждение, включавшее в себя и прямое ограбление коренного населения, и, по сути, рабовладельческая (а также феодальная и полуфеодальная) эксплуатация привели к гибели высоких цивилизаций инков, ацтеков, чибчамуисков и др. При этом беспредел во время грабежа материальных богатств часто сопровождался разгулом геноцида и этноцида.

Сам факт завоевания, конкисты, превращал индейца в “conquistado”, в завоеванного, побежденного, который хотя и становился подданным короны его (ее) величества, но не получал полных прав гражданства, был отнесен к одной из самых низких каст этнократического общества и был обязан выплачивать испанским победителям особый налог (трибуто). Царивший в колониях произвол позволял испанским чиновникам собирать трибуто по несколько раз в год. Длительное время институт трибуто сохранялся и в независимых государствах Латинской Америки, причем в некоторых из них существовала практика взимания этой подати за несколько лет вперед.

Захватив военной силой или путем вероломства огромные территории, испанцы, согласно королевским указам, стали распределять между собой земельные участки с прикрепленными к ним индейцами. Так возникла энкомьенда (попечение) – своеобразная форма феодальной эксплуатации и угнетения коренных жителей, которая просуществовала без малого три столетия. Королевская власть как бы вручала индейцев заботам и попечительству завоевателей. Распределенные таким образом индейцы в “благодарность” за все “заботы” должны были три дня в неделю работать на энкомендеро⁵.

Поистине черным пятном в истории Латинской Америки и испанского колониализма стала мита (трудовая смена). Когда-то, в эпоху инков, под этим наименованием подразумевался обычай, согласно которому в случае призыва общинника на государственную службу его земляки должны были обрабатывать закрепленный за ним участок общинной земли, содержать в порядке инвентарь и жилище. Новый сменщик (митайок) назначался лишь после возвращения предыдущего.

Испанские власти, заимствовав институт миты, исказили ее сущность, превратив в средство безудержной, по существу рабовладельческой, эксплуатации. Многократная, без соблюдения очередности мобилизация людей из одной и той же местности или общины привела к тому, что многие из них частично или полностью обезлюдели, так как митайок редко возвращался домой, погибая на рудниках Потоси. Тяжелейший труд в руднике (без выхода на поверхность в течение недель и даже месяцев), скудное питание, ветхая одежда, отсутствие медицинской помощи (кроме действий знахарей), невыдача официально декларированной зарплаты и многие другие негативные моменты вели к массовой смертности среди митайо. По оценке ряда исследователей, в колониальный период на рудниках Потоси в течение полутора веков погибло 8 млн индейцев⁶. Не случайно возник обычай справлять по уходящему на миту такой же обряд, как и по умершему.

Впрочем, мита как форма принудительного труда (иногда под другим названием) широко и жестоко применялась не только на территории Верхнего Перу. Так, на рудники Самора (Восточный район Эквадора) в течение 50 лет было послано около 20 тыс. митайо. Из них лишь 500 человек остались живы и вернулись в свои селения⁷.

Свержение испанского господства в большинстве стран Латинской Америки в первой четверти XIX в. не внесло каких-либо существенных перемен в положение коренного населения. Помещичьи латифундии стали типичным элементом социально-экономического и общественно-политического пейзажа Латинской Америки. Для индейцев была оставлена одна из самых низших ступеней социальной пирамиды. Они были лишены важнейших человеческих и гражданских прав. Большая часть индейцев, обитая в районах издревле земледельческих, в течение всего колониального периода и ряда последующих десятилетий испытывала посягательства на свои земельные владения со стороны "белых" землевладельцев. Так сложилась система долговой кабалы, носившая в разных странах различные названия (пеонаж, уасипунго, янакопахе и др.).

Обезземеливание индейцев часто сопровождалось направленными против них жестокими репрессиями вплоть до расправ с применением оружия. В ряде случаев действия карателей нового времени вполне можно квалифицировать как геноцид и этноцид.

После обретения латиноамериканскими странами независимости среди креолов и метисов стала распространяться мысль о том, что бедность индейцев проистекает из их расовых особенностей, а потому это – неполноценные люди и народы. Подчинение их силой оружия, лишение имущества и самой жизни – дело, угодное Богу.

Постепенное преодоление феодальных и рабовладельческих пут оказывало противоречивое воздействие на судьбы латиноамериканского населения в целом, индейского – в частности. Так стало складываться общественное движение, получившее название “индеанизм”. Во всеуслышание оно заявило о себе в 1857 г. в выступлении мексиканского деятеля Понсиано Арриаги, а также в неутомимой деятельности перуанцев Мануэля Гонсалеса Прады и Клоринды Матто де Турнер в 80-х годах XIX в.

Индеанизм успешно и быстро распространялся по континенту, а в 1940 г. получил официальное оформление. Был создан Межамериканский Индеанистский Институт (МИИ), который вскоре приобрел статус специализированного учреждения Организации Американских Государств. В некоторых странах Латинской Америки возникли национальные Индеанистские Институты. Была создана широкая сеть организаций и учреждений, в том числе и международных, пытавшихся оказать индейцам конкретную практическую помощь в улучшении хозяйства, в налаживании здравоохранения и школьного образования, в защите права индейцев на землю. Однако, несмотря на определенные успехи индеанизма, он не смог решить индейский вопрос и вывести большинство индейских народов за черту бедности.

Одна часть индеанистов полагала, что коренное население сможет решить свои проблемы лишь при условии обладания правом на самоопределение: территориальное, экономическое, политическое, культурное, языковое, конфессиональное.

Другая же часть, занявшая на длительный срок руководящее и ведущее положение в индеанистском движении, придерживалась мнения, что достигнуть равенства с неиндейским населением можно лишь интегрируясь с последними. Вместо проведения политики опоры на индейские народы, пробуждения их творческой энергии и самостоятельности интеграционисты стали действовать главным образом порочными методами “покровительства” туземному населению, тем самым, если не парализовав полностью, то замедлив ритмы его материального и духовного прогресса.

Теоретические установки индеанистов-интеграционистов, более чем скромные масштабы их практической помощи коренным жителям привели к появлению в индейской среде негативного отношения к самому движению, его учреждениям, их деятельности. В одном из документов их называют “неоколониалистами, которые под маской сельских учителей покушаются на все, что является индейским, следуя тому принципу, что “лучший индеец – это индеец, который перестает им быть”.

“Индейская проблема, – говорилось в резолюции Комитета Национальной индейской конфедерации Мексики, – должна решаться, следуя принципам самоопределения, что означает прямое и эффективное участие индейцев в правительствах федерации, штатов муниципий, в эксплуатации естественных ресурсов на территории индейских общин, в доходах, полученных от нее (эксплуатация недр); уважение культурных прав индейских общностей, включая традиции, родные языки, обычаи и все, относящееся к культуре; публикации на родных языках, базовое образование на туземных языках без нанесения ущерба преподаванию испанского или других языков. Одним словом, речь идет о свободе выбора индейскими общностями своего собственного пути”⁸.

Процитированный документ был не единственным, который свидетельствовал о зарождении собственно индейских движений и о характере их требований. Было положено начало новому широкому общественному течению, получившему название индианидад. Датой его выхода на широкую общественную арену можно считать 1980 г., когда в бывшей столице инков (г. Куско) состоялся Первый конгресс южноамериканских индейцев. Но еще раньше (в 50-х годах) в лекциях и публикациях отдельных деятелей – индеанистов, вставших на позиции самоопределения туземных этносов, а также самих индейцев-интеллигентов, профсоюзных и общественных деятелей возникли философские и политико-идеологические основы нового течения. Впрочем, по мысли его основателей, индианидад – это всестороннее выражение духовного состояния коренного населения американского континента, состояния, существующего с древнейших времен.

Нельзя обойти вниманием и деятельность латиноамериканских коммунистов, обозначившую факт существования в недрах индеанизма революционно-демократического направления. Примечателен в этом отношении эквадорский опыт, где еще в 40-х годах XX в. по инициативе компартии была создана Федерация индейцев Эквадора, внесшая существенный вклад в организацию кооперативного движения, способствовавшего улучшению материального положения определенной части кечуанских общин. Однако к 80-м годам из-за нечеткости позиций коммунистов и

слабости руководства Федерация, по существу, распалась. Дистанцирование индейцев от коммунистов имело место и в других странах.

Становление и рост индейских движений приняли широкие масштабы в 70–80-е годы XX в. Ряд латиноамериканских исследователей и наблюдателей в качестве одной из характерных сторон общественного бытия того времени называют “взрыв”, “извержение” индейских национальных движений и организаций, как правило, примыкающих к индианидаду”⁹.

В Мексике ситуация несколько иная. Наиболее интенсивно мероприятия по решению индейского вопроса проводились в годы правления президента Ласаро Карденаса (1934–1940). В частности, в эти годы началось объединение крестьян-индейцев в так называемые “эхидос”, которые получали от государства землю на правах пользования. Эхидальная система в Мексике в сочетании с другими формами общинного устройства, несмотря на трудности, успешно функционирует и в настоящее время.

Весьма благоприятная для индейцев в целом и для их общин, в частности, ситуация складывается в современном Чили. После длительного периода пиночетовской диктатуры, не признававшей факта существования в стране индейских народностей и стремившейся к их полной ассимиляции через приватизацию общин, индейцы встретили понимание своих проблем со стороны демократического государства. Его мероприятия в пользу индейцев многообразны, но наибольшее значение имеют те, которые касаются судеб индейской общины. Правительство не только приняло меры по ее сохранению как общественного института, но и стало передавать общинам дополнительные земельные владения, порой те самые, которые были отняты в свое время у коренных жителей. При этом правительство использует как земли, купленные у частных лиц, так и участки государственного земельного фонда.

Широкую и многогранную политику фаворитизма в отношении венесуэльских индейцев и их общинного устройства проводит администрация президента Уго Чавеса. Ее конечные результаты будут известны лишь по прошествии некоторого времени, но уже сейчас можно надеяться, что они явят собой пути в направлении улучшения общего положения индейца, уменьшения силы цепких объятий бедности и укрепления позиций общины в ее сложном и противоречивом взаимодействии с явлениями неолиберализма и глобализма.

Проведение в ряде стран аграрных реформ далеко не полностью сняло остроту аграрного вопроса, поскольку слабая техническая вооруженность, низкий агротехнический и зоотехниче-

ский уровень хозяйства индейцев не позволяет последним (за редким исключением) создать высокопродуктивное рентабельное производство. Имеют место также случаи реставрации крупной собственности в новых (капиталистических) социально-экономических условиях, чиновничьей коррупции и произвола в отношении сельских индейских тружеников.

Кроме того, аграрная проблема постепенно усложняется, обретает новые дополнительные черты в связи с тем, что помимо вопросов пользования (владения) землей и собственности на нее индианидад и другие индейские движения стали выдвигать требования об установлении справедливых закупочных цен на продукцию, произведенную индейцами, о повышении технологической вооруженности их хозяйств, о создании для индейцев доступных систем образования и здравоохранения¹⁰.

В последнее время индейские движения все настойчивей требуют рассматривать земли, занимаемые коренным населением, не только в качестве средства производств, но и как этнические территории.

Так, в заявлении крупной и влиятельной организации (“Координационный сельский центр”), призывающей отстаивать “территориальность и самоопределение индейских народов”, говорится: “Существует очевидная разница между понятием участка, надела, общинной земли, землевладения, с одной стороны, и территории – с другой. Именно на территории воспроизводятся культура, образ жизни, язык. На своей территории индейские народы должны обладать полной автономией в делах обработки земли и ее недр”¹¹.

Согласно мнению, изложенному на страницах журнала “Пуэбло индио” – главного органа индейского совета Южной Америки, – в странах, где европейская цивилизация распространена, была совершена “ошибка, которой всегда придерживался современный (европейский) человек, веря в то, что природа является как бы извечной мусорной ямой прогресса... Индеец же всегда относился к природе с уважением и любовью; он создал цивилизации инков и майя, которые не игнорировали природу, а согласовывали задачи своего развития с сохранением экологического равновесия”¹².

Критикуя многие аспекты западноевропейской культуры (включая культуру США и Канады), породившей опасность термоядерной войны и экологической катастрофы, призывая к возвращению к “изначальным истокам человечества”, лидеры индейских движений в то же время активно содействуют процессам актуализации хозяйственной, общественной и культурной деятельности индейских социумов¹³.

Стремление снизить уровень бедности путем достижения рентабельности своего сельскохозяйственного (а также ремесленного) производства и сохранения экологической ситуации находят сегодня поддержку со стороны некоторых властных структур. Одним из стимулов пробуждения сочувствия к индейским движениям служит включение ими в свои программы цели формирования так называемого “продовольственного суверенитета” – организма, противостоящего тактике и стратегии неолиберализма и глобализма.

К июлю 1989 г. МОТ подготовила документ, получивший название “Соглашение № 169”, в текст которого в качестве полноценного термина вошла формула “индейского народа”. А кроме того (и это главное), признавалось право индейских народов на самоопределение. Однако в процессе дальнейшей дискуссии под нажимом специалистов, стоящих на позициях “нации – государства” и соответственно интеграционизма, единое понятие “самоопределение” было расчленено на два: самоопределение внутреннее и самоопределение внешнее. За коренными народами Америки (в отличие от прав народов, например, Европы) закреплялось право лишь на внутреннее самоопределение, т.е. в пределах все того же “государства – нации” без права отделения от него. Вместе с тем перед индейскими народами открывался путь к самоуправлению, т.е. к автономии¹⁴.

“Соглашение № 169”, особенно после подписания его представителями ряда латиноамериканских государств, вызвало положительную реакцию со стороны многих индейских и не индейских общественных организаций и движений. По выражению Родольфо Ставенхагена, автономия индейских народов превратилась во всеобщее требование¹⁵.

Все это не означало прекращения дискуссий и полемики по вопросу индейской автономии. В некоторых странах они даже усилились. Но все чаще возникает мысль о том, что любой народ в условиях этнократического государства при прочих равных обстоятельствах, добиваясь автономии, тем самым получает возможность найти наиболее эффективные пути своего развития и устранения тех негативных явлений и их последствий, которые предопределяют факторы бедности.

В этой связи характерно, что в деятельности католической церкви также наметился рост внимания к индейской проблеме. В последние десятилетия в ее активе имеются акции и принципиальные идеологические и даже политические установки, выражающие благожелательное отношение к коренному населению, способствующие возрастанию его организованности и осуществлению его чаяний и проектов. Так, в свое время католическая

церковь Чили неоднократно выступала с разоблачениями антииндейской политики пиночетовской диктатуры, а в 1980 г. из уст римского папы Иоанна Павла Второго прозвучали слова, оказавшие существенное воздействие на сознание и деятельность как сторонников, так и противников самоопределения индейцев. Папа заявил: “Полное признание статуса наций за индейскими народами Америки должно повсюду утверждаться Римской католической церковью”¹⁶.

* * *

Краткое рассмотрение положения индейских народов в современной Латинской Америке приводит к мысли о наличии трагических сторон в их жизни. Основой столь постыдного явления служат два фактора: бедность и расизм. Тяжелейшие условия существования, безработица, отчуждение и нищета, в которых пребывает большинство индейцев, сочетаются с их унижением и бесправием как людей “низшего сорта”. Материальная бедность и этническое угнетение – таково нынешнее состояние “индейского вопроса”. Вот почему сами индейцы все активнее встают на защиту своих интересов (например, в районе Чиapas в Мексике) ради простого выживания. Общество не может оставаться равнодушным к этой, может быть, самой больной проблеме современности.

¹ О динамике концепции бедности см. *Ezequiel M. Pobreza como objeto histórico // Diálogos. Marinda – Brasil, 1998. N 2. P. 55–112.*

² *La Jornada. 5.VI 2003.*

³ *Indigenous People and Poverty in Latin America. Washington, 1994. P. 100, 57.*

⁴ II seminario de filosofía, ideología y política de la Indianidad. Cosquin, Argentina, 1986.

⁵ *Lievano Aguirre Y. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia. Bogotá, s.a. Vol. 1. P. 33–38.*

⁶ *Jornadas Indigenistas de América en Bolivia. Oruro, 1954. P. 140.*

⁷ *Pareja Diezcanseco A. Historia del Ecuador. Quito, 1934. Vol. 2. P. 27.*

⁸ *Marzo 3, Siempre. 1965. N 610. P. 4.*

⁹ *Anuario Indigenista. México, 1983. Vol. XLIX. P. 8; Mexia Pineros M.C., Sarmiento Silva S. La lucha indígena: un reto a la ortodoxia. México, 1987. P. 46.*

¹⁰ *Boletín campesino – indígena de intercambio informativo // Quito, 1997. N 43. P. 4.*

¹¹ *Ibid. P. 5.*

¹² *Pueblo Indio. Lima, 1985, N 1. P. 85.*

¹³ *Directorio de Organizaciones Indígenas de América. Madrid, 1988. P. 12, 14.*

¹⁴ *La autonomía de los pueblos indios. México, 1996. P. 48, 49.*

¹⁵ *ALAI. Quito, 19.II 1997.*

¹⁶ *Pueblo Indio. 1981. N 1. P. 3.*

ТРАГЕДИЯ ПАУПЕРОВ (ПУТЬ ПОРОКА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Социальная анатомия бедности была бы неполной, если забыть о болоте порока и преступности, в который из-за нищеты и безысходности опускаются миллионы людей во всем мире. Латинская Америка в этом смысле занимает одно из “призовых” мест.

Именно порок и преступность для многих пауперов являются самым простым и “естественным”, даже привлекательным, образом жизни. Этот путь окончательно убивает совесть и человеческий облик, но тем не менее нередко помогает выбраться из нищеты. Ни тюрьма, ни спид, ни смерть в расчет не принимаются в надежде на счастливое везение.

Естественно, мы не защищаем примитивную точку зрения, что именно нищета, и только она, порождает криминальное поведение. Нет. И в “высших сферах”, среди людей богатых и образованных, чиновничества и правящих элит, есть немало негодяев и преступников, лжецов и насильников, пьяниц и хулиганов. Порок и преступность встречаются во всех слоях общества. С другой стороны, основная масса людей малоимущих относится к порядочным и честным, нередко благородным и духовно светлым натурам. Поэтому было бы неправильным полагать, что виной всему является наследственность или социальное окружение. Все в конечном счете зависит от самой личности.

* * *

Мы не собираемся погружаться в область криминальной психологии и спорить с крупнейшим специалистом в этой области итальянским ученым Чезаре Ломброзо (1835–1909). Уже давно его теория о “врожденных преступниках” и система их антропометрии (измерение черепа, формы ушей, татуировки, почерка и пр.) вызывает сомнения и критику. Это дело специалистов, но некоторые выводы и подсчеты Ломброзо представляются верными и полезными для выявления связи быта и семейных традиций бедного населения с противоправным поведением, воровством, проституцией и т.п.

Отчасти эти явления сопрягаются с привычной “рецептивной ориентацией” (термин Э. Фромма) тех лиц, которые инстинктивно рассчитывают на постоянное получение материальных и духовных благ исключительно извне – от церкви, государства, хозяина магазина, каждого богатого человека. Ког-

да же такое ожидание повисает в воздухе, отчаявшиеся личности переходят к агрессии на внешний мир и постепенно вливаются в “преступный мир”.

Структура этой части латиноамериканского общества довольно проста. Условно можно выделить два “класса” преступлений:

первый не связан с прямым насилием, точнее, не обязательно связан, – это воровство, мошенничество, изготовление фальшивых ассигнаций, торговля наркотиками, подделка паспортов и т.п.;

второй строится на насилии, нанесении телесных увечий или даже убиении людей; это вооруженный бандитизм, заказные убийства, участие в террористических акциях, перестрелках с полицией или с соперниками по криминальному бизнесу и т.д.

“Срединное” место между этими двумя “крыльями” криминала принадлежит таким явлениям как проституция, алкоголизм и наркомания. Они, на наш взгляд, могут быть отнесены к группе социальных пороков и полупреступных деяний, ибо в ряде стран проституция легализована, а многих алкоголиков и наркоманов врачи включают в категорию “больных людей”, которые подлежат медицинскому лечению.

В крупных городах факты воровства ежедневно совершаются тысячами. В столицах стран Латинской Америки малолетние воришки и профессиональные “воры в законе” активно действуют у вокзалов, в торговых районах, на пляжах и местах массовых развлечений. Они снуют, как муравьи, по всему городу. Полиция пытается их задерживать, но толку мало – воровство как процветало, так и процветает. Жители иногда сами борются с этим злом, но факты похищения чужого имущества не иссякают. В Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе и других мегаполисах существуют целые кварталы и улицы, где проживают многодетные семьи и кланы этого пронируливого и аморального люда. Здесь же скрываются и те “крупные специалисты” своего дела, которые бежали из тюрем или полицейских участков. Тут же сбываются и краденые вещи, которые затем попадают на народные рынки и барахолки.

Самая древняя форма социального порока – проституция – пыльным цветом продолжает цвести в Латинской Америке. Сексуальная эксплуатация женщин, к сожалению, находит среди “культурной публики” своих защитников. Они считают проституцию не пороком, а самым полезным и неизбежным явлением. Она якобы даже способствует снижению числа тяжких преступлений, совершаемых из-за неудовлетворения сексуальной похоти молодыми и неженатыми мужчинами, да, хотя бы

и женатыми, но развратными или ненавидящими своих нелюбимых супругов.

Другие оправдывают проституток тем, что, дескать, они, не имея работы, вынуждены торговать своим телом.

Проститутки чаще всего рекрутируются из среды беднейших классов именно потому, что там легче и быстрее всего происходит “падение” молодых женщин в объятия сутенеров. Многие из девушек остаются на всю жизнь с детским недоразвитием, буквально ни о чем не могут говорить, ибо обладают слишком малым запасом слов, ничем не интересуются, многие неграмотны. Вместе с тем они подвержены алкоголизму, хотя весьма религиозны и суеверны, любят животных, склонны к лакомству, обожают картежные игры, обладают немалым тщеславием, целый день бездельничают.

Все эти качества Ч. Ломброзо анализирует довольно подробно и обоснованно, на основе социопсихологической криминальной антропологии. Весьма убедительно рассуждает итальянский ученый и о связи проституции с преступностью. В обоих проявлениях такого социального поведения, пишет Ломброзо, “мы находим те же самые дефекты нравственного чувства, ту же бессердечность и рано появляющуюся склонность ко злу, то же равнодушие к общественному мнению, благодаря которому один легко мирится с положением преступника, а другая – проститутки; наконец, одинаковую нерасчетливость, легкомысленность и лень, равно как одинаковое тщеславие и страсть к шумным развлечениям, кутежам и оргиям”¹. Одним словом, воровство, мошенничество, разврат, вымогательство, мстительность и т.п. – это нормальное для них поведение.

Мы не хотим сказать, что у людей этого сорта отсутствует чувство любви или стыда, что не встречается дружба и взаимопомощь. Нет, конечно. Они остаются людьми, но людьми ущербным, извращенными и примитивными. Впрочем, таковы не только они.

Одним из наиболее отвратительных и ядовитых плодов бедности является беспризорность и нищенство детей. Постоянная нужда и низкая культура семьи, невозможность послать детей в школу и дать им профессиональную подготовку, огромное давление со стороны окружающего криминального мира буквально силой толкают подрастающее поколение бедноты к попрошайничеству и воровству. В больших городах Латинской Америки беспризорные подростки кишат на центральных улицах и часто вместе со взрослым просят милостыню. Они особенно активны в тех местах, где бывают иностранные туристы, – у гостиниц, на торговых улицах, народных рынках и т.п.

Это бич вселенского масштаба, поскольку и в богатых развитых государствах наблюдается та же картина. В Латинской Америке размеры беспризорности исчисляются миллионами. Высоки и показатели попрошайничества. У нас нет под рукой проверенных статистических данных, да о них кроме полиции никто и не интересуется. Правда, существуют некоторые общественные фонды по защите детей, полиция прогоняет нищих с центральных площадей и улиц, но репрессивные меры, как и во все времена, не дают желаемых результатов.

Не меньшие и даже еще большие масштабы присущи таким порокам как алкоголизм и наркомания. В андских странах наркотики всегда играли существенную роль в жизни индейского сельского населения. Крестьяне-сборщики листьев коки с детских лет привыкали к наркотическому подавлению чувства голода и поддержанию жизненной энергии. Алкоголизм среди бедного и нищего люда также носит повсеместный и постоянный характер. Речь идет не о глубоко больных и полностью опустившихся лицах, а, так сказать, о народной привычке перманентного полупьяного состояния. Ввиду отсутствия средств бедняки потребляют всякого рода алкогольные суррогаты, что крайне отрицательно сказывается на их психике и здоровье.

Психология Resentiment под воздействием алкоголя и наркотиков приобретает открыто агрессивный характер и подчас ведет к тяжелым уголовным преступлениям. Девиантные формы поведения низших групп требуют специального квалифицированного анализа специалистов-криминалистов, ученых-психиатров и др. Для нас было важно лишь обозначить наличие этих явлений для составления общей картины социального поведения больших масс необеспеченных и испытывающих нужду слоев.

Бандитизм и террор также издавна наполняют социальную жизнь латиноамериканской цивилизации. Впрочем, как и всякой другой. В новое и новейшее время сложилась целая система многообразных и разнонаправленных форм террора. По сути дела, все классы и политические силы в той или иной мере заражены “философией насилия” – бедные и богатые, леворадикальные и правонационалистические, эксплуататорские и эксплуатируемые, сивильные и религиозные (отдельные секты). Насильственные действия регулярно используются как решающий аргумент в достижении цели. Принцип, идея, мораль легко отодвигаются в сторону.

Три фактора – бедность, отчуждение и суггестия (внушение) – буквально бросают политически неискушенных и озлобленных людей в объятия терроризма. Он подчас сулит им немалые деньги. В Латинской Америке главным подрядчиком терро-

ризма является ныне наркобизнес. Одновременно нарастает и волна повседневного уголовного насилия, особенно в крупных городах с их трупобными анклавами.

Большинство бедных и даже нищих людей не втягиваются в преступность, не бегут наниматься в террористические банды, но очень многие тем не менее все же прямо или косвенно оказываются связанными и с преступностью, и с наркобизнесом, и с международным терроризмом.

В некоторых странах (Колумбия, Перу) в крупных мегаполисах преступный элемент ведет себя как “вторая власть”, которая навязывает свою волю всем и вся, игнорирует закон, ворочает многомиллионным капиталом. Это уже не бедняки, а самые богатые богачи, но их социальной опорой остаются именно самые отсталые слои города, которые страстно желают выбиться из нищеты.

Особая опасность массовой бедности не только в том, что она служит резервуаром современной армии наемных или “стихийных” террористов, а в том, что она питает будущий терроризм: и правый, и “левый”, и религиозный, и этнический – любой. В условиях, когда терроризм превращается в глобальную угрозу, для борьбы с ним требуются уже усилия не отдельных государств, а всего международного сообщества.

Важнейшей проблемой жизни латиноамериканцы считают именно отсутствие личной безопасности. Рост повседневного насилия и преступности, особенно в крупных столичных городах, превратился в один из основных негативных факторов. К сожалению, число уголовных преступлений растет (см. таблицу)².

Особенно поражает трехкратное увеличение преступности в Колумбии и двухкратное – в Бразилии.

Согласно опросам 2003 г., 85% жителей Буэнос-Айреса, где уровень преступности выше, чем в целом по стране, считают себя потенциальными жертвами уличных грабежей или насилия и поддерживают специальную программу по борьбе с городской преступностью.

В Мексике, в столице и крупных городах, летом 2004 г. прошли массовые выступления протеста против волны похищений и убийств, захлестнувшей страну, с требованиями к правительству принять срочные и эффективные меры, “способные укрепить минимальную безопасность граждан”³.

Бразилия числится среди самых насильственных стран мира, уступая по числу убийств на душу населения только Колумбии, ЮАР и Ямайке, а Рио-де-Жанейро, по мнению газеты “El Mercurio”, переживает в настоящее время “взрыв городского насилия”⁴.

Таблица. Число преступлений на каждые 100 000 жителей

Страна	Конец 1970-х годов	Конец 1990-х годов
Аргентина	3,9	4,7
Бразилия	11,5	23,0
Чили	2,6	3,0
Колумбия	20,5	61,6
Эквадор	6,4	15,3
Мексика	18,2	15,9
Парагвай	5,1	12,3
Венесуэла	11,7	16,0

Правительство президента Лулы вынуждено было принять план “Толерантность-ноль”, в соответствии с которым наказания преступников станут более жесткими, а охрана улиц крупных городов, особенно туристических центров, – еще более строгой. При этом фактически открыто признается невозможность контролировать ситуацию в самых криминальных фавелах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, где действуют целые банды вооруженных преступников.

Достаточно очевидной становится связь между ухудшением социальных показателей, увеличением безработицы и ростом насилия. Так, согласно исследованию, проводившемуся в 2000 г. в Рио-де-Жанейро и Сантьяго, жители маргинальных кварталов чувствуют себя в большей опасности в 2–3 раза чаще, чем в целом население страны. Например, в Чили, где преступность находится на относительно низком, по сравнению с другими странами, уровне, страх перед насилием испытывают 58% жителей большого маргинального квартала в столице (район Пеньялолена). Общий показатель по стране – 22%⁵.

Увеличение бедности способствует нарастанию социальной тревоги. Нищета и отсутствие каких-либо законных путей выхода из нищеты являются опасной питательной средой для поиска других, альтернативных путей решения проблем выживания.

Некоторые представители самых бедных и отсталых слоев становятся наемными киллерами, лишь бы выбиться из нищеты и отомстить анонимным, реальным или мнимым, врагам за свою несчастную судьбу и унижения. Наемники, из которых формируется армия профессиональных убийц и террористов, смотрят на убийство других как на свое “рабочее место”, ибо война их кормит и дает деньги. По сути дела, террор становится для них бегством от действительности в мир шизофренического героизма и

коллективного преступного “братства”, но одновременно – и самым коротким путем к собственной смерти.

Международный терроризм следует выделить в особый вид террора: в нем нет никакого позитивного элемента, а лишь мазохистское и радостное рассеяние смерти, в том числе и в наибольшей степени именно смерти ни в чем неповинных простых обывателей, людей, которых никак нельзя назвать “врагами” (эту тему мы не исследуем).

Поскольку мировое сообщество на новом этапе продолжает раскалываться уже не на “три мира”, а на “два мира” – богатый миллиард и бедное большинство, постольку, по-видимому, будет нарастать сфера преступности и терроризма как выражение и отражение этого раскола, но отражение самое черное и смертельное. Нарастающая дегуманизация жизни служит предпосылкой для их дальнейшего роста. Бедность и нищета в этом процессе образуют одну из его важных предпосылок и стимулов.

В этом контексте следует переосмыслить все социальные аспекты глобализации. Необходимо провести ее “человеческое измерение” ради поиска эффективных шагов, нацеленных на удовлетворение потребностей всех людей и, следовательно, перспективное обеспечение лучших условий для всеобщей безопасности. В нынешних обстоятельствах процесс трансграничного взаимодействия и взаимосвязи набирает обороты, неся с собой как явные позитивные перемены, так и немалые отрицательные моменты, невольно придавая традиционным преступным деяниям международный характер (терроризм, изготовление фальшивых денег, наркобизнес, проституция, похищение людей и пр.).

Глобализация открыла дверь для многих благ, но одновременно способствовала интернализации зла: *de facto* произошла внеюридическая институционализация мирового терроризма, коррупции, контрабанды, торговли людьми, а также разложение морали и культуры, возросло экологическое варварство. Пока человеческое сообщество не станет единым и разумно устроенным “гражданским обществом”, преступность и терроризм будут постоянно подпитываться миазмами социальной несправедливости и бедности. Скорее всего, мы обречены на долгий и тяжелый период, в котором порок, преступность и терроризм сохраняют свое темное, но влиятельное место в мире. “Структурное зло”, к сожалению, обладает большим запасом прочности.

Академическим работам не пристало путать и соединять различные жанры познания исследуемого объекта. Наука претендует на рациональное и, как говорится, объективное объяснение явлений. Теперь, когда это требование более или менее исполнено, возможно кое-что добавить в форме свободного дополнительного комментария, чтобы несколько “оживить” картину.

“Морально-гигиеническая точка зрения нашего времени такова, – писал К.Г. Юнг, – что она хочет знать о каждой отдельной вещи вредна она или полезна, правильна или неправильна. Настоящая же психология не может заниматься этим; она довольствуется познанием того, каковы вещи сами по себе”⁶.

Для достижения этой цели возможно и нарушить привычную традицию позитивистской науки, прибавить к ней толику экзистенциально-субъективного восприятия жизни на основе личного опыта. Может, слово “опыт” здесь не уместно, лучше сказать – знакомства, контакта с отдельными обитателями бразильских фавел.

Таково первое оправдание для включения в книгу этого сопутствующего комментария.

Второе носит более философский характер и опирается на принципы экзистенциального мировоззрения, которые творчески развил Юнг в своей аналитической психологии. Он писал: “Никогда не следует забывать, – а экстравертное воззрение забывает это слишком легко, – что всякое восприятие и познание обусловлено не только объективно, но и субъективно. Мир существует не только сам по себе, но и так, как он мне является... Упустить из виду субъективный фактор значило бы отрицать великое сомнение в возможности абсолютного познания. Это привело бы на путь того пустого и пошлого позитивизма, который обезобразил конец прошлого и начало нынешнего века (XX в.), и вместе с тем к той интеллектуальной нескромности, которая предшествует грубости чувств и столь же тупоумной, сколь и претенциозной насильственности”⁷.

Именно эту “насильственность” научного отстраненного и бесстрастного анализа важно избежать при описании бедного существования незнакомых людей. Наш комментарий можно условно рассматривать как некий “case study”. Речь идет о двукратном посещении крупнейшей фавелы в Рио-де-Жанейро – Жакарезиньо. В ходе этих встреч с ее обитателями удалось провести маленькое “полевое обследование”.

Сначала несколько слов о самой фавеле. Поселок Жакарезиньо (Jacarezinho – Крокодилчик) возник давно, возможно, еще в

колониальные времена. Во всяком случае, не позднее середины XVIII в. С тех пор фавела постепенно росла и к 1968 г. насчитывала до 100 тыс. жителей. Встречается и более значительная цифра. Расположена фавела недалеко от известного стадиона “Маракана”, на тыльной стороне горы Корковадо (Corcovado – горбатый), на вершине которой воздвигнута сделанная из цемента огромная фигура Христа с распростертыми в стороны руками. Издалека она похожа на крест, особенно ночью, когда подсвечивается прожекторами.

В 1968 г. вместе с молодым французским социологом Жаном Пьером Бомпаром и американским исследователем Майклом мы изучали жизнь фавеладос. Иногда к нам присоединялся аргентинский социолог Торквадо Сальваторе Ди Телья. Майкл находился в Бразилии по линии Корпуса мира.

На работу Бомпара «Протестантские культы в одной из фавел Рио-де-Жанейро» ссылается И.Р. Григулевич в своей книге “Мятежная церковь” в Латинской Америке». Жан Пьер в ходе своих изысканий пришел к выводу о том, что протестантские миссионеры, особенно секта пятидесятников (часть баптистов), активнейшим образом проводили свою работу среди бедного населения. Бомпар писал: “Это единственные организации в фавелах, способные предложить им что-то в ответ на их нужды”⁸.

Протестанты не гнушались самой тяжелой работой среди маргиналов. Католическая церковь ставила им всевозможные препоны. Не благоволили к ним и официальные власти военного режима, но баптисты, евангелисты, пятидесятники и другие упорно и последовательно продолжали гнуть свою линию.

Протестантские миссионеры (в основном из США) строили школы, открывали лечебницы, бесплатно распространяли библию.

Католическая церковь вела себя более пассивно, сосредотачивалась на литургиях в храме, причастии, крещениях, заключении браков, молениях и пр.

И хотя большинство городского населения Рио исповедовало католицизм, в беднейших районах немалой популярностью пользовались именно протестанты.

Судя по статистике за 1950 г., из 170 тыс. жителей фавел Рио-де-Жанейро протестантов насчитывалось всего 8 тыс. человек, примерно 5% населения этих районов⁹. Активность протестантов в Жакарезиньо, как выявил Бомпар, привела к тому, что католический храм “все больше и больше теряет практикующих верующих”¹⁰. В итоге к 1968 г. ряды протестантов выросли втрое.

Протестанты, запрещая своим последователям пить алкогольные напитки, курить, сквернословить и т.д., открывали для

опустившихся личностей возможность выбраться из нищеты, начать работать и учиться. По мнению французского ученого Роже Бастида, протестантизм вообще дает определенный стимул к религиозному и моральному “восхождению” и желанию выбиться в средний класс¹¹.

Краткое знакомство с жизнью фавеладос подтверждает это мнение Бастида. В 60-х годах, по данным официального издания “Estatística do Culto Protestante do Brasil”, общее число протестантов в стране превышало 1,8 млн членов. По некоторым подсчетам, – даже 2,5 млн человек¹². В Бразилии действовало в те годы более десятка крупных протестантских объединений разного типа – баптисты, конгрегационисты, лютеране, кальвинисты, пятидесятники, методисты, пресвитериане и проч. (Христианская Конгрегация Бразилии, Ассамблея бога, Бразилия для Христа, Крестовый поход за новую жизнь и др.). Они ежегодно на стадионе “Мараканьязинья” устраивали гигантские собрания своих членов и симпатизантов. Многие обитатели фавел посещали эти сборы с большим энтузиазмом. Обо всех этих вещах мы и вели долгие и откровенные беседы с Жан Пьером и Майклом 37 лет назад.

Семья Жозе (1968 г.) проживала в самой горной части Жака-резиньо. Хозяин – “nordestino” (уроженец северо-восточного региона Бразилии, самого бедного и отсталого). Приехал в Рио в 1963 г., в 1966 г. устроился работать в муниципальную полицию. Семья состоит из шести человек: он, жена, две дочери и два сына. Старшая дочь осталась вместе с бабушкой на фазенде по выращиванию ананасов. Работает служанкой у помещика. Старший сын лет 15–16, младшие брат с сестрой в возрасте 8–10 лет. В школе никто не учится, так как она находится далеко внизу. Большинство детей посещают занятия по грамоте и математике, которые ведет приходской священник.

Как рассказывал Майкл, который хорошо знал семью Жозе, последний был связан с местным криминальным миром, нередко “прикрывал” своих соседей, задержанных за воровство или пьянство. За эту помощь полицейский получал какую-то мзду. Старший сын уже был втянут в преступный мир и вместе с крепкими парнями сопровождал в город девушек, т.е. фактически являлся подсобником сутенера.

Маленький домик Жозе был построен на крутом склоне горы, общая жилая площадь 25–30 кв. м., водопровода и канализации нет, но проведено электричество. Жозе, по-видимому, мог бы перебраться жить в город, но там надо было платить за квартиру, а здесь никто ничего не уплачивал за свои незарегистрированные примитивные жилища. Власти смотрели на такую практику сквозь пальцы.

Центральная улица верхней части фавелы в 1968 г. представляла собой довольно глубокое и крутое ущелье, по бокам которого и лепились, как ласточкины гнезда, примитивные сооружения из досок, половинок кирпичей, каких-то кусков железа и т.п. Посредине протекал грязный ручей, в который сбрасывались все нечистоты и бытовой мусор. В сухое время, а именно тогда я и посещал фавелу, все это представляло собой некую помойку, вокруг которой в пыли и иле играли дети, валялись собаки. Чем дольше нет дождя, тем грязнее становится вокруг. Но вот проливной ливень обрушивается на Рио, ручей быстро набирает силу и вода с шумом уносит весь мусор вниз, но одновременно подмывает берега и углубляет сам овраг. Бороться с природой ни у кого нет сил. Кое-кому приходится перебираться повыше.

Меня поразило то, что во всех жилищах, которые я посетил благодаря Майклу, а потом и Жозе, полкомнаты занимали большие телевизоры. Правда, многие из них не работали, но иметь аппарат считалось престижным. В домах, где была канализация, обязательно устанавливались души и биде. Жаркий климат, пыль и грязь вокруг требовали особого внимания к личной гигиене. Я думаю, что и для *prostitutas* такой туалет был абсолютно необходим.

Фавеладос Рио и других крупных городов ведут тяжелое существование. Они голодают, не имеют возможности приобщиться к жизни большого города и обречены на прозябание. Правительство Варгаса и последующие власти пытались улучшить эту убогую жизнь, но делали это вяло, как бы для виду. Тем не менее постепенно жизнь Жакарезиньо во многом изменилась, и “Крокодильчик” вырос в настоящего взрослого “Крокодила” (*Jacare*). Увеличилось его население, появились более или менее сносные кирпичные домики, открылись школы, были построены несколько церквей и т.д. Именно такой новый облик фавелы увидел я в 1995 г.

Семья Марко (1995 г.). Второе посещение фавелы мне удалось совершить в 1995 г. благодаря помощи бразильского студента Марко, руководителя молодежного гуманистического движения в Рио-де-Жанейро. С Марко я познакомился на втором конгрессе Гуманистического Интернационала, который мне и другим сотрудникам ИЛА РАН (Э. Дабагян, Т. Рютова и др.) удалось провести в Москве в октябре 1993 г. В работе этого съезда участвовало около 600 человек из 42 стран, в том числе и Марко.

Будучи в 1995 г. на научной конференции в Рио-де-Жанейро, я созвонился с Марко, и вот мы вдвоем поздно вечером, часов в 11, направились в Жакарезиньо. Машину оставили у дороги и пешком вошли в поселок. Эта его часть располагалась в самом

низу на границе с городом, у подошвы Корковадо. Марко в то время был студентом университета. Отец умер, раньше работал мастером на мебельной фабрике. Мать – домохозяйка. Две сестренки – школьницы. Марко подрабатывал грузчиком в одном из больших магазинов. Семья получала мизерное пособие. Жили бедно, но на хлеб хватало.

Квартирка в двухэтажном домике на первом этаже из двух комнат и кухоньки, всего 20–30 кв. м. Дверь из жилища выходит прямо на улицу. Обстановка самая скромная. На стене фотографии отца и родственников. За окном шум, гам. Ночная активная жизнь. Доносится музыка. Отдохнуть в такой ситуации почти невозможно. Может, суета объяснялась тем, что была суббота. В рабочие дни, конечно, потише, но ночная жизнь не прекращается.

Посидев немного дома, перекусив бутербродами, которые мы купили по дороге, снова вышли на улицу. Толпа продолжала бурлить и развлекаться. Нарядные девицы улыбались нам на каждом шагу, но по совету Марко мы не вступали с ними в разговор. Была ли это та же центральная улица, что и в 1968 г., или другая, я не знаю, но все выглядело иначе. Улица узкая и короткая, не более 1 км. Кончается неожиданно и переходит в лестницу, что ведет к верхней части фавелы.

Все уличное пространство заполнено праздной шатающейся публикой, в основном молодежью. По бокам маленькие магазинчики, закусовые, лотки и прочее, кое-где приходится буквально протискиваться бочком. Домики все кирпичные, но маленькие и примыкают друг к другу вплотную. Есть и двухэтажные дома. Двери в квартиры и окна почти все открыты. В комнатах сидят люди, кто ужинает, кто смотрит телевизор, кто просто глазеет по сторонам. Все на виду. Ощущение такое, что кругом знакомые и друзья. Детишки лет 8–12 снуют целыми табунками и умудряются как-то играть в этой сутолоке.

Мы прошлись немного, выпили по кружке пива. Поболтали с посетителями о том, о сем. Пошли дальше, постепенно поднимаясь вверх. Я обратил внимание, что по центру улицы кое-где лежат металлические щиты, хотя основная часть асфальтирована. Оказалось, что это ручей, который прежде был открыт, теперь запрятан в большую трубу. Подошли к церкви. Около нее несмотря на полуночное время толпился народ, а внутри шла служба. Я толком не разобрался но, по-видимому, это были евангелисты. Какая-то пожилая женщина тут же приветливо пригласила нас пройти внутрь. Большое помещение забито до отказа. Все сидели на скамьях, многие стояли у стен. Священник что-то вещал, мне понять было сложно.

Постояв несколько минут, мы вышли на воздух. И опять окунулись в атмосферу народного гуляния. Было уже два часа ночи, но толпа не уменьшилась, а, напротив, возросла за счет людей, возвратившихся из города. Марко рассказывал мне о жизни фавеладос, об их тяготах и проблемах, о преступности, наркомании и т.д. Я на улице не видел сильно опьяненных людей. Все были возбуждены, но вели себя вполне пристойно и миролюбиво.

Я всегда с каким-то чувством симпатии вспоминаю свои посещения Жакарезиньо, обитатели которой продолжают свое непростое житие-бытие. Теперь, по прошествии времен, я лишь утвердился в чувстве большой внутренней эмпатии (сочувствия, сопереживания) по отношению к простым и бедным обитателям фавелы Жакарезиньо. Для их психоэмоционального состояния характерно, я бы сказал, весьма терпимое (толерантное) отношение к собственному убогому образу жизни. Они привыкли терпеть нужду, даже инстинктивно оправдывать ее, как одну из неизбежных черт своей судьбы, уготованной им то ли Богом, то ли дьяволом, но не ими самими. По сути дела, большинство фавеладос – это вынужденные фаталисты. Отсюда и возникает их долготерпение и терпимость. Это особое чувство связано с надеждой на конечную гибель зла и верой, что когда-нибудь сбудется реченное в Писании, и нищие станут блаженными.

Чтобы помочь терпящим нужды и страдания уже сегодня, мы не можем оставаться толерантными, а точнее – безразличными, бездушными по отношению к судьбе всех бедных и нищих на земле.

* * *

Эти краткие заметки о двухкратном посещении Жакарезиньо в какой-то мере позволяют увидеть жизнь фавеладос. Аналогичную картину я обнаружил в Сан-Паулу и Ресифи. Разница была только в том, что в первом мегаполисе трущобные районы были разбросаны по окраинам всего города, а в Ресифи хижинки “*mosambas*” обычно строились на сваях на побережье океана. Часть их заливало водой. Во всех случаях господствовали нищета, унижение и страдание. Единственный момент счастья – это карнавал или футбол. Несмотря на нищету, фавеладос народ веселый и радушный. Все поют, танцуют самбу, забывая о несчастной судьбе.

В Бразилии общее число жителей трущоб составляет более 10 млн человек. Что ждет их впереди? Удастся ли им приобщиться к нормальной и обеспеченной жизни, никто не знает. Надеюсь, что когда-нибудь им повезет.

Анализ анатомии бедности позволяет сделать вывод о том, что ситуация в Латинской Америке не является в чем-то уникальной. Она вписывается в общую картину социального расслоения современного мира. Это, во-первых. Во-вторых, становится очевидным определенное сходство между Латинской Америкой и Россией: в первой доля бедного населения достигает 44% от его общей численности, в России – 33–35% (по официальным подсчетам). В-третьих, налицо определенная дифференциация между самими латиноамериканскими странами: в одних – преодоление отсталости и нищеты, другие еще не вырвались из их тисков. И, в-четвертых. Судьба бедняков и пауперов остается повсюду ужасной, хотя некоторые параметры обеспечения жизни относительно улучшились за последние годы (жилище, питание, образование). Остается крайне затрудненным процесс “восходящей” социальной мобильности, хотя, с другой стороны, происходит внутреннее расслоение самих маргиналов. Сложность мобильности “по вертикали” отчасти компенсируется повышенной мобильностью “по горизонтали” благодаря миграционным потокам из деревни в город, из страны в страну и из Латинской Америки в США и другие развитые государства. Как бы то ни было, дистанция между бедным населением и богатой элитой растет, что чревато непредсказуемыми последствиями.

Проведенное исследование в принципе подтвердило верность того общего представления о бедности, о котором говорилось в метафизической части работы. Таким образом, философия бедности и анатомия бедности как бы совместились друг с другом. В итоге создается целостный образ этого явления в Латинской Америке. Предложенная концепция расширяет и обогащает анализ, позволяет адекватно оценить сложившуюся ситуацию и те усилия, которые ныне предпринимаются для качественного ее изменения с целью продвижения к более гармоничному устройству жизни. Конечно, все выводы и дефиниции о бедности в Латинской Америке носят локально-темпоральный характер и не могут быть использованы для изучения обстановки в других странах. Тем не менее некоторые универсальные черты данного феномена проявились в ней довольно отчетливо. Повсюду естественный и неустранимый характер социальной стратификации наиболее остро выражается именно в противостоянии бедности и богатства. Даже если какие-то формы стратификации разрушаются, на их место приходят новые, в том числе часто они в модифицированном виде создаются руками самых ревностных сторонников социальной справедливости и равенства. Об этом, в частности, свидетельствует латиноамериканский опыт модернизации. Анализ этой проблемы будет дан в третьей части исследования.

¹ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство; Женщина преступница и проститутка; Любовь у помешанных. Сборник. Минск, 1998. С. 406.

² Stiglitz J.P. El rumbo de las reformas. Hacia una agenda para America Latina // Revista de CEPAL. 2003. N 80.

³ La Jornada. 30.06 2004.

⁴ El Mercurio. 18.06 2003.

⁵ Sperberg J., Happe B. Violencia y delincuencia en barrios pobres de Santiago de Chile y Rio de Janeiro // Nueva Sociedad. 2000. N 169. P. 52.

⁶ Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1997. С. 309.

⁷ Там же. С. 456.

⁸ Цит. по: Григулевич И.Н. "Мятежная церковь" в Латинской Америке. М., 1972. С. 292.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 294.

¹² Там же. С. 286.

Часть третья

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ БЕДНОСТИ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Под социальной терапией подразумевается весь комплекс конкретных шагов по сокращению бедности, которые предпринимают три основных субъекта политики и экономики – государство, бизнес и гражданское общество. Это могут быть широкие и долгосрочные программы по совершенствованию производства и распределения национального продукта, модернизация всей общественной системы, частичные реформы в области трудового права, “человеческих отношений” на производстве, регулирования миграции и т.п.

Иной характер носят революционно-насильственные действия, направленные на ускоренное внедрение идеалов социальной справедливости. О них в данном случае речь не идет. Нас интересует мирная и нормальная социальная политика, а не экстраординарные “скачки” истории. Сознательная социальная политика в принципе исходит из некоего идеального представления о совершенстве социума и гармонии общественных отношений. К сожалению, часто дело ограничивается всего лишь демагогией и обещаниями.

Великая Французская революция отказалась от евангельской идеи обобществления имущества и провозгласила лозунг – “свобода, равенство, братство”. В центр либерально-буржуазного сознания выдвинулась задача по утверждению взаимоотношений между личностью и обществом на началах реальной, а не утопической практики. В ее основу были положены рыночная экономика, рациональное ведение хозяйства, приоритет частной собственности, личная инициатива и ответственность, разумное вознаграждение за труд, материальная помощь бедствующим слоям, классовый мир, дисциплина и другие прагматические ориентации.

“Верхи” вещали о “государстве всеобщего благоденствия” и умышленно смазывали глубину имущественного неравенства. Левые “друзья народа”, напротив, выражали решимость в борьбе

против буржуазного строя – за новое общество без частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Сейчас не время разбираться в этих сложных проблемах, но кое-какие моменты следует включить в корпус социоантропологического анализа бедности. Проще говоря, мы намерены раскрыть смысл и значение трех главных форм социальной терапии, а именно – государственного патернализма, благотворительности со стороны имущих слоев и взаимопомощи самих граждан. В своей сумме эти три приема как бы частично компенсируют отсутствие действительной социальной справедливости. Рассмотрим этот вопрос более внимательно.

В поисках оправдания или частичного смягчения наличного неравенства были изобретены многочисленные новые теории социальной справедливости. Мы попытаемся сопоставить некоторые из них с реалиями современной Латинской Америки. Прежде всего важно иметь в виду, что государство и его институты, частный бизнес и гражданское общество действуют одновременно, причем каждый участник несет свою долю ответственности за наличие бедности и нищеты. Соответственно распределяются их роли и возможности по улучшению жизни населения.

Исторический мировой опыт свидетельствует, что государственная власть, каков бы ни был ее классовый или идеологический характер и форма правления, всегда и во всем исходит прежде всего не из высоких моральных установок, а из принципа прагматической целесообразности и выгоды сначала для самой себя, и только потом – для подданных. Эффективность национального хозяйствования, конкурентоспособность, рост ВВП есть первый императив государственных экономических программ. Второй – забота о социальной стабильности, сохранении контроля над поведением граждан, предотвращении крупных конфликтов и стихийного неповиновения. Весь пафос модернизации, которым наполнены официальные декларации и программы, подчинен именно этим двум принципам.

Волей-неволей для их реализации приходится “заботиться” и о бедной части населения, успокаивая его патерналистскими пилюлями, пенсиями, бесплатными обедами, общественными работами и пр. Для правящих элит важно, чтобы “низы” не раскатали лодку, вели себя смиренно и послушно, довольствуясь самыми скромными потребностями. Чтобы самые бедные не умерли с голода, им следует благотворить, а их нищенскую зарплату время от времени “индексировать”, делая вид, что таким путем компенсируется зло инфляции. Правда, обычно такая манера является полным обманом, ибо инфляция растет постоянно, а индексация проводится лишь ей вдогонку, спустя 6–10 месяцев, да и то лишь на часть происшедше-

го роста дороговизны. В общем, как ни крути, государство радеет о бедных подданных всегда неохотно, со вздохом, как бы лишь по доброте своей отрывая “кусочек хлеба” от себя для счастья народа. Такая политика, по образному выражению Г. Песталотти, схожа с гадким “зарыванием справедливости в помойную яму милости”¹.

Аналогичным образом можно было бы оценить и добродетель наиболее дальновидных и сердобольных “капитанов” большого бизнеса. В первую очередь их заботит собственное процветание и преданность персонала. Ради оправдания совести и создания благородного имиджа некоторые богачи тратят немалые деньги на поддержку бедняков.

Требовать от бизнеса большего невозможно. Хотя почему невозможно? Именно возможно и надо. Ведь существовали в истории примеры взимания специального “налога на бедность”. Сейчас его следовало бы наложить именно на самых богатых, а не уравнивать процент подоходного налога. Что касается гражданского общества, то оно в своей массе как раз и есть то небогатое и бедное население.

Особняком стоит благотворительность церкви и религиозных общин, в том числе сект и тайных орденов.

В обыденной жизни чрезвычайно важное значение имеет многообразная, постоянная и бескорыстная взаимопомощь самих людей – семейная и дружеская поддержка, земляческие союзы, женские группы, соседские комитеты, этнические клубы и проч. Общественная жизнь всегда наполнена духом стихийной солидарности, что отчасти компенсирует удары несправедливости.

Чтобы определиться в сложной и многообразной паутине общественных отношений, для начала важно прояснить вопрос о том, что же можно считать справедливостью с точки зрения гуманизма и солидарности, если принять эти две категории за основу подлинно благородного общества.

Без такого критерия трудно оценить реальную политику государств, бизнеса и гражданского общества в Латинской Америке. В принципе эта политика сущностно не отличается от аналогичных действий в других странах, поскольку отражает некоторые общие закономерности развития современной цивилизации.

К сожалению, для всего мира сегодня, как и вчера, категория справедливости остается сугубо мистической: она обретается где-то в небесах этического утопизма, но никак не спустится на землю. Произойдет ли ее “материализация” и когда? Ответа никто не знает. И тем не менее именно идеи и идеалы “творят мир”, помогая человеку вырабатывать ценностные ориентации и проводить целенаправленные социальные действия, в том числе и по борьбе с бедностью и нищетой.

ИДЕАЛ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЖИЗНЕННЫЕ РЕАЛИИ

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ – ЛОЗУНГ,
СТИМУЛ И ЦЕЛЬ**

Справедливость – общее понятие о должном и солидарном отношении человека к человеку, человека к обществу и общества к человеку – является категорией морально-правового сознания. На принципе справедливости строится (или должна строиться) разумная и выгодная для всех взаимосвязь между деяниями и воздаянием, трудом и его оплатой, преступлением и наказанием, производством и распределением, правами и обязанностями и пр. В реальной жизни любого общества, даже первобытного, справедливости мало, но она все же встречается. Ее относительное наличие обусловлено уровнем развития и условиями жизни людей, их религией и культурой, традициями быта и труда. То или иное, даже самое формальное, отношение к справедливости в известной мере воздействует на общество. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Ф. Энгельса, что оценка социальной действительности с точки зрения принципа справедливости “...в научном отношении несколько не подвигает нас вперед”². Скорее, напротив, – обогащает взгляд на действительность, ибо никогда общественная практика не ограничивалась только принципом “выгоды” и “интереса”.

Со времен Аристотеля (IV в. до н.э.) справедливость считается самой “многотруднейшей для смертного рода” добродетелью, “силой бессмертной, властнее злата, властнее предков, властнее сна”³. Греческий мудрец различал две стороны этого понятия: “уравнивающую” (*commutativ*) и “распределяющую” (*distributiv*). Первая тождествена принципу естественного равенства граждан и их прав на блага, одинаковую долю для всех; вторая требует адекватной оценки труда, способностей и деяний людей, получение каждым “своей” доли по заслугам: кто больше и лучше трудится, тот больше и получает. Принцип этот в своем абсолюте означает: “неравное – неравному”.

Особым (третьим) видом справедливости по Аристотелю является адекватное воздаяние за хорошие и дурные поступки.

Равенству всех людей как существ одного рода соответствует их физическое и умственное неравенство между собой, каждый индивидуум уникален. Отсюда вытекает идея взаимосвязи и взаимодополнения равенства и неравенства, а следовательно, относительности социальной справедливости как переменной жизнен-

ной величины, а не жесткой мыслительной категории. Путаница между тем и другим неизбежно приводит к вражде и насилию.

Гуманистическое понимание идеала социальной справедливости не сводится к абсолютизации “уравнивающего” или “распределительного” принципа, а исходит из необходимости их сознательной гармонизации в интересах максимального блага для всех и каждого. В реальной жизни все идеалы, увы, оказываются несбыточными, но без них жить человеку, тем более обделенному судьбой, невозможно.

В политической практике наблюдалось и наблюдается различная акцентировка на те или иные стороны социальной справедливости. Если обратиться к истории Латинской Америки XX столетия, то в качестве некоего примера можно сравнить опыт Бразилии и Аргентины. Речь идет о государственной идеологии и политике трабальизма, которую проводил бразильский президент Жетулио Дорнеллас Варгас (1930–1945, 1950–1954), и концепции хустисиализма, которую защищал и аргентинский президент Хуан Доминго Перон и его жена Ева Перон (1943–1955). Исторический экскурс будет очень краток, но он позволяет кое-что прояснить.

Трабальизм (порт. *trabalho* – труд) в большей мере воплощал принцип “дистрибутивной справедливости”. Варгас и его Кодекс о труде 1934 г. требовал пропорциональной гармонизации интересов труда и капитала, нацеливая общество на социально-корпоративный консенсус и гражданский мир, устанавливая жесткие правила трудовых отношений, определял обязанности работодателей и наемных работников и т.д.⁴

Сам Варгас любил гордо именовать себя “отцом богатых и бедных”, поскольку и те, и другие – бразильские граждане. По этой же причине он силой подавлял и “левый” (коммунистический), и “правый” (интегралистский) экстремизм, защищая интересы “всей нации”. В законе 1936 г. о минимальной оплате труда указывалось: “Каждый рабочий имеет право получать в качестве компенсации за свой труд минимум заработка, достаточный для удовлетворения (в данном районе и на определенный период) его нормальных потребностей в пище, жилище, одежде, гигиене и транспорте”⁵. Были изданы декреты о регулировании рабочего дня, пенсиях, социальной помощи, запрещении ночного труда женщин и детей, защите инвалидов и больных и др.

Можно по-разному оценивать националистический курс президента Варгаса, но отказать ему в определенной заботе о рабочем и небогатом населении нельзя.

То же самое следует признать и за Пероном с его идеологией хустисиализма (исп. *justicia* – справедливость). По его словам, Ар-

гентина становится “авангардом политики социальной справедливости” во всем мире. Мы преодолеем, говорил он, как “государственный абсолютизм”, так и “абсолютный индивидуализм”. «Наша доктрина, – продолжал он, – это концепция “глубоко гуманистическая и христианская”, она строится на принципах “сотрудничества классов”, патриотизма и “общего блага”, которое должно максимально справедливо распределяться между всеми аргентинцами»⁶.

В энциклопедическом словаре под общей редакцией известного аргентинского политолога Торкуато С. Ди Теллья (Словарь социальных и политических наук, 1989) справедливо констатируется: “В целом перонизм – это социополитическое движение, в котором с самого начала органически группировалось большинство трудовых групп средних и низших слоев общества и тех, кто до этого принадлежал к маргинальной сфере. Цель хустиализма состояла в восстановлении и развитии социальной справедливости, национального курса развития и общественной солидарности”⁷.

Такая оценка, на наш взгляд, является вполне адекватной. К сожалению, и Варгас, и Перон в силу объективных обстоятельств и собственных политических просчетов не смогли полностью осуществить свои замыслы. Нельзя переоценивать их реальный вклад в решение проблем бедности и нищеты (о реакционных сторонах их правления сейчас не говорится), но пример жетулизма и перонизма сохраняет свое значение до сих пор. Во всяком случае многие латиноамериканские правительства опираются на этот опыт.

Однако вернемся из истории в сегодняшний день. И тут же обнаружим, что за 26 веков, прошедших со времен Аристотеля, справедливости в жизни стало не больше: патриции продолжают роскошествовать, а плебеи влачить жалкое существование. Зато чрезвычайно развилось само учение о справедливости. Все о ней только и говорят.

Самыми интересными и популярными научными интерпретациями в этом отношении являются труды двух современных ученых – швейцарского протестантского пастора и философа Артура Георга Риха и американского философа и социолога Джорджа Ролза.

Теория Риха, изложенная им в книге “Хозяйственная этика” (издана в Германии в двух томах в 1984 и 1990 гг.), строится на критериях “гуманизма, исходящего из веры, надежды и любви”. Как пишет автор, “речь идет о заветах человечности и гуманности, провозглашенных Библией и ставших для принявшего их человека главными ориентирами в личной жизни и жизни общест-

ва”⁸. С этих позиций Рих смотрит и на бедность, которую относит к категории “структурного зла”. Чтобы его устранить, “недостаточно личной помощи и сострадания, необходимо изменить сами структуры”. С таким мнением мы солидарны, хотя даже изменение существующих порядков вряд ли автоматически повлечет за собой всеобщее счастье.

А. Рих, объясняя смысл максимы св. апостола Павла “если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (2 Фес. 3,10), подчеркивает, что данная норма не позволяет обвинять тех, кто “хочет” трудиться, но не имеет работы. Павел осуждает только тех “эсхатологических фанатиков” греческого города Фессалоники (современный Салоники), кто, уверовав в скорое второе пришествие Христа и, следовательно, “конец этого мира”, сознательно отказывались от всякого труда, предпочитая жить “последние времена” за счет милосердия других. Подобные паразитические настроения присущи и некоторым слоям современных тунеядцев, хотя они руководствуются отнюдь не религиозными мотивами, а животной тягой к лени и сибаритству.

А. Рих выступает как против “всеобщей трудовой повинности” по образцу Конституции РСФСР 1918 г., так и против абсолютного отказа трудиться вообще: “работать должно быть выгоднее, чем не работать”⁹. Важно, чтобы никто не оставался без работы, если “хочет трудиться”. В этом смысле общество должно быть усовершенствовано в интересах всех, в том числе его наиболее обездоленных слоев. Поэтому-то, подчеркивает Рих, столь важны “социально-антропологические моменты” в разработке курса государственной политики в целом. “Это вопрос как экономический, так и этический”¹⁰.

А. Рих подчеркивает, что принцип справедливой оплаты по труду относится лишь к работникам, занятым в производстве, но в обществе есть много людей, еще или уже не способных активно трудиться, и безработных. Как относиться к ним? Забыть или позаботиться? Помочь выжить или столкнуть в пропасть? “В социальном государстве, – пишет швейцарский ученый, – наряду с принципом оплаты по труду должен соблюдаться и принцип солидарности, ибо общество, ориентированное на гуманизм веры, надежды и любви, предполагает достойный человека уровень жизни и для представителей экономически незащищенных слоев”¹¹. К сожалению, идея Риха сводится к хорошим пожеланиям и вере в силу доброй христианской морали, в самосовершенствование человека и общества.

Определенное внимание Рих уделяет и Латинской Америке. Анализируя данные о распределении доходов в развивающихся странах, швейцарский ученый справедливо предупреждает, что

“статистически низкий доход на душу населения еще не означает массовой нищеты, так же как и статистически высокий доход на душу населения не исключает обнищания целых социальных групп”¹². Важно иметь в виду, подчеркивает он, что высокая рождаемость, характерная для самых бедных слоев, ухудшает их реальное положение. “Структурное зло”, делает заключительный вывод Артур Рих, – это реальность, с которой надо бороться: “Гуманизм веры, надежды и любви делает ответственный и решительный выбор в пользу нашего земного мира с его бедами и проблемами, ставя перед собой реальные, достижимые цели”¹³.

По правде говоря, сам А. Рих никаких четких и “реальных целей” не выдвигает, зато дает весьма развернутое богословское обоснование современной этики хозяйствования, что уже само по себе полезно для утверждения гуманистического компонента реальной политики.

Аналогичную ценность представляет теория справедливости американского философа Дж. Ролза. Она для нас интересна именно тем, что позволяет лучше понять несправедливость бедности как социального продукта жизнедеятельности несправедливого общества. Ролз, признавая сам факт имущественного неравенства, не требует его радикального устранения, но не по причине отрицания “революционного насилия”, а из-за невозможности какого-либо искусственного “исправления” мира. Тем не менее он выдвигает идею о том, что “социальные и экономические неравенства” при известных волевых усилиях постепенно могут быть частично “смягчены”. Для этого надо руководствоваться таким принципом, чтобы “неравенство возможностей увеличивало возможности людей с меньшими возможностями”¹⁴.

Такой гипотетический вариант нового “общественного договора”, по его мнению, может быть частично реализован, если соответствующим образом организовать налоговую политику, ввести “благотворительный налог” на крупный капитал, обеспечить стипендиями детей из бедных семей, стимулировать соучастие неимущих в муниципальном самоуправлении и пр. В итоге несправедливость можно было бы поставить на службу справедливости, а это в свою очередь способствовало бы снижению уровня социального неравенства.

Дж. Ролз, продолжая идею утилитаризма, соединяет тезис И. Бентама “максимум блага для максимума людей” и лозунг Дж.Ст. Милля “максимум полезного для каждого индивидуума”. Само по себе такое сложение целей вызывает симпатию, но как реализовать их на практике – не ясно. Имеется ли в виду некая уравниловка в доходах и распределении общественных благ? Нет. Ролз хотел бы добиться максимальной справедливости и

при сохранении материального неравенства при помощи принципа толерантности и солидарности, т.е. сотрудничества классов. По его мнению, дихотомия бедности и богатства не обязательно означает взаимную агрессивность, хотя их действительное примирение невозможно.

Дж. Ролз не принимает безоговорочно рыночную систему, при которой сравнительно узкий слой контролирует основную часть производственных ресурсов. “Не существует принципиальных причин, по которым нельзя добиться равного долевого распределения”¹⁵. Во всяком случае, более справедливой системе распределения следует подчинить все практические действия.

Иначе рассуждал Вильфредо Парето (1848–1923), крупнейший итальянский социолог и политэконом. Он полагал, что благосостояние общества повышается, если даже только одному его члену, неважно – богатому или бедному, повезет, при условии, что “при этом ничьи интересы не будут ущемлены”¹⁶.

Не правда ли, оригинальное суждение. Оно кажется ироничным, но именно такова прагматическая логика всех защитников принципа так называемого “народного благоденствия”: чем выше развита экономика, чем больше ВВП, тем якобы лучше для всех, но в первую очередь для самых бедных. Им автоматически достанется более “жирный кусок” от общего пирога процветания. Поэтому не бедность надо искоренять, а наращивать “богатство народов”, т.е. государств.

Не отрицая важность всемерного развития национальной экономики и производства ВВП, нельзя говорить о прямой и пропорциональной связи социальной справедливости с объемом внутреннего валового продукта.

Без признания ведущей роли личного и общего этико-практического устремления к более справедливому устройству общества ни о каких реальных шагах по сокращению пространства бедности и нищеты не приходится и мечтать. Именно поэтому возникает самая жгучая потребность в патернализме, благотворительности и гражданской взаимопомощи, с помощью которых возможно хотя бы частично смягчить пороки социального неравенства.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ

Анализируя традицию и практику государственного патернализма, ограничимся только той частью этой политики, которая ориентирована именно на поддержку бедных и не имеющих постоянного заработка граждан. Проблемы общего пенсионного обеспечения, поддержка малого бизнеса, “человеческие отноше-

ния” на производстве, развитие здравоохранения и прочее нами не рассматриваются.

Патернализм – это вынужденная политика государства, которое с помощью “пряника вспомоществования” хочет привязать к себе подданных и удержать их от открытого социального протеста. Такой расчет оказывается весьма плодотворным.

Массы, страдающие от тяжелых жизненных невзгод в свою очередь благодарны за любую льготу и помощь, как бы мизерны они ни были. Не случайно все проекты по созданию справедливого общества опирались на идею общего благосостояния и патерналистской гармонии. Первые утопии располагали свои идеалы вдали от “порочной Европы” – на чудесных островах (Т. Мор, Ф. Бэкон) или в сказочных “городах Солнца” (Т. Кампанелла). Там, неизвестно откуда и как, возникали очаги мифического социального блаженства, где все зиждилось на общем имуществе и равенстве в распределении благ, а также строгой регламентации труда и отдыха, правил семейной жизни. Управление осуществлялось самыми мудрыми и опытными жрецами и философами. Вообще жизнь счастливых напоминала хорошо организованный “казарменный рай”.

Спустя пять-шесть веков нечто подобное нашло свое воплощение в так называемом “социалистическом образе жизни”, насквозь пропитанном “парами” государственного патернализма и страха перед тоталитарной властью Левиафана. Именем этого библейского морского чудовища назвал государство великий английский философ Томас Гоббс (1588–1679). Согласно его концепции, государственная власть впервые вырвала человека из мира зверей и прекратила эпоху “войны всех против всех”, ввела людей в лоно общественного правопорядка и мирного социального сожительства. “Только в государстве, – по мнению Гоббса, – существует общая мера для добродетелей и пороков. И такой мерой могут поэтому служить лишь законы каждого государства”¹⁷. Более того, Гоббс допускал, что государство ради защиты справедливости и порядка имеет право как на самую “звериную жестокость”¹⁸, так и на щедрую отеческую заботу о своих подданных. Именно поэтому и следует поклоняться столь благородному и человеколюбивому повелителю и его патерналистскому призыву.

Против безудержного восхваления государственной бюрократии выступил соотечественник Гоббса, другой выдающийся философ Джон Локк (1632–1704), хотя и он признал полезную роль патерналистской политики. Идеальное государство, по логике Локка, это не жадный Левиафан, а само “общество людей, установленное единственно для сохранения и умножения гражданских благ”¹⁹.

При этом английский философ категорически осуждал всякое тунеядство, с сожалением констатируя, что “люди в большинстве своем бесстыдно предпочитают пользоваться тем, что добыто чужим трудом, вместо того, чтобы добывать своим собственным”²⁰. Государство в связи с этим обязано защищать право частной собственности отдельных граждан и одновременно заботиться о всем народе. Современные либеральные концепции исходят именно из этой идеи. Социал-демократическая мысль в свою очередь пытается всячески облагородить Левиафана и “приручить” его в интересах большинства.

Если сложить концепции Бэкона и Локка вместе, добавить к ним некоторую дозу христианской морали и политического прагматизма, получим некую модель того, что ныне на Западе и подразумевается под “социальным государством”. Аналогичный взгляд доминирует теперь и в Латинской Америке, прошедшей через горнило военных диктатур и вступившей на путь новоллиберальных и демократических преобразований. С этих историко-философских позиций оценивается нами конкретная практика патернализма как важной части политики социального дирижизма вообще.

В марксистской и социал-демократической литературе преобладало скептическое и даже осуждающее мнение по поводу патерналистской практики. Правящие буржуазные круги упрекали за ограниченные масштабы социальной помощи и корыстные замыслы по отвлечению масс от классовой борьбы. Народные слои, которые поддавались на патерналистскую “приманку”, в свою очередь обвинялись в политической отсталости, смирении и готовности ради куска хлеба идти на компромисс со своими угнетателями. Подобный скепсис и двойное осуждение имели под собой реальные основания, но явно недооценивали позитивный смысл патернализма. Для обездоленных слоев гораздо привлекательнее и полезнее были денежные пособия, дешевое жилье, общественные работы, доступное медицинское обслуживание и другие наличные виды помощи, нежели красивые мечты о будущем элизиуме. Вот почему только меньшинство народных масс участвовало в леворадикалистских политических движениях. Большинство предпочитало надеяться на помощь и “отеческую заботу” государства. Более того, простые люди инстинктивно тянулись именно к патернализму, а не “классовым боям”. Это был простой жизненный расчет на то, чтобы сейчас и тут, а не завтра, хоть как-то облегчить свою судьбу. И это вполне естественно.

Слабость государственного патернализма состоит не в его мизерных масштабах, а в том, что социальная помощь никоим

образом не влияет на совершенствование самой системы распределения национального богатства. Более того, частичная “социальная терапия” как бы консервирует существующий порядок вещей, скрывает ее базовые пороки. Социальная справедливость заменяется милосердием. Роль государства сводится к поощрению такого рода подачек и укреплению с их помощью социальной стабильности. Этой же цели служит и так называемое “социально ориентированное рыночное хозяйство”, основу которого, по словам одного из ее ведущих идеологов, бывшего федерального канцлера ФРГ Л. Эрхарда, составляют принципы “свободы, справедливости, благосостояния для всех”²¹.

Патернализм как идея и практика многолик и гибок. В каждом обществе существуют свои традиции и формы. Об этом отчетливо свидетельствует весь опыт Латинской Америки.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА ИЛИ БИЗНЕС БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ?

Большую пользу малоимущим семьям способна принести благотворительная помощь со стороны частного бизнеса. Многие богатые люди и крупные корпорации тратят большие деньги на строительство церквей, дешевого жилья для бедняков, покупают учебное оборудование для сиротских домов, содержат детские пансионаты, строят спортивные стадионы и проч. В тех странах, где официальное законодательство поощряет участие бизнеса в благотворительных программах, уровень массовой бедности если и не снижается, то не растет столь же быстро, как в других. Благотворительность со стороны частных лиц и акционерных компаний может носить иногда чисто альтруистический характер, но таких случаев немного. Доминируют четко рассчитанные и выгодные для самих добродетелей программы.

Во многих странах мира разработано специальное законодательство, согласно которому благотворительность оказывается выгодной для бизнеса. Налоги на прибыль уменьшаются в зависимости от размеров “социальных затрат”. В итоге, чем больше помощи оказывается беднякам, тем меньше налогов надо уплачивать. Правда, выгода оказывается незначительной – примерно 2–3% от вложенных средств. Такая же система действует и в отношении затрат на культуру, образование, медицину. Одним словом, благотворительность бизнеса при определенном маневре превращается в своего рода бизнес благотворительности. В этом состоит существенное различие между альтруистическими и “разумно эгоистическими” формами благотворительности. Как бы то ни было, любая поддержка – это прямое добро для нуждаю-

щихся. Их нисколько не волнует, из каких принципов действует благодетель. Продуманная система поощрительной благотворительности выгодна для всех: бедняк получает реальную помощь, а богач уменьшает налоговую потерю. Гораздо хуже для всех, когда благотворительность сама облагается налогами или рассматривается как преступный прием “убегания” от их полной уплаты.

К сожалению, в ряде стран налоговая система построена так, что благотворительность оказывается для бизнеса абсолютно невыгодной. Складывается впечатление, что законодатель (т.е. государство) хотел бы всех предпринимателей превратить в наивных и сердобольных альтруистов, сам при этом оставаясь на позициях бесчувственного и корыстного Закхея, начальника мытарей в эпоху иудейского царя Великого Ирода. Мытарями называли римских собирателей подати. Они пользовались в народе самой дурной репутацией (Лк. 19, 1–10). Стоит напомнить, что сам “грешный” Закхей, увидев Иисуса Христа, тут же проникся чувством сострадания к бедным: “половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо” (Лк. 19, 8). Ах, если бы этому примеру последовали и современные государственные мытари, но вряд ли чиновники способны на такой благородный поступок. Они ставят во главу угла не заботу об общем благе, а собственную корысть, правда, под благородным предлогом пополнения государственного бюджета. Если кое-что оседает в их кошельках, тем лучше.

В итоге такой политики благотворительность бизнеса не развивается в той мере, в какой это необходимо. Более того, общественное мнение нередко смотрит на меценатов и добровольных благодетелей как на чудаков и чуть ли не психически больных, в общем, как на людей “не от мира сего”.

Благородные поступки многих богатых особ порождены демонами тщеславия, самолюбования, погони за вожденной популярностью. В какой-то момент стыд перед самими собой толкает их к спасительной соломинке “заботы о ближних”. “Благоволение, – по словам Спинозы, – есть желание делать добро тому, кого нам жалко”²². Иногда в этом естественном чувстве скрывается надежда на прощение за содеянные грехи. Таков “комплекс Закхея” и в наши дни.

Верующие бизнесмены руководствуются евангельской идеей: “Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему. Ибо и Христос не себе угождал...” (Рим. 15, 2–3). Это угождение, увы, нередко крайне отрицательно сказывается на самих бедняках. Те, кто привыкает жить за чужой счет, окончательно теряют свою личность, морально деградируют и превращаются в босяков-си-

баритов. Благотворительность оказывает этому сорту людей медвежью услугу. Очень трудно определить ту грань, где добро становится злом. Все зависит от самого человека. Тем не менее нельзя ставить под сомнение общую позитивную роль благотворительной деятельности. Без нее бедность становится еще более невыносимой и губительной. Прав Б. Спиноза, когда пишет, что “забота о бедных лежит на всем обществе и имеет целью только общественную пользу”²³.

ГРАЖДАНСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

Наиболее распространенной и естественной формой преодоления острых жизненных невзгод является гражданская взаимопомощь. Она оказывается ежедневно и в большинстве случаев бескорыстно по нравственным законам дружбы и желания поддерживать ближнего, спасти его от голодной смерти и полного отчаяния. Малоимущие семьи без колебаний прибегают к такой практике, то беря у соседа какие-то деньги взаймы, то отдавая ему на время необходимую сумму. Такой простой прием имеет поистине всемирное распространение и не вызывает ни у кого удивления.

В кругу людей богатых такая манера чаще всего превращается в кредитование с процентом, т.е. прямое ростовщичество, хотя все выглядит как дружеское участие, сотрудничество. У бедных и богатых разные моральные принципы: одно дело человеческая взаимопомощь, другое – расчетливое партнерство. Вообще говоря, у каждого социального слоя свои правила жизни и нравы.

Если взглянуть на быт и порядки бедных городских окраин с их многомиллионным населением, то поначалу может показаться, что каждый бьется в одиночку за собственное выживание, за личное и семейное благополучие. Так оно и есть на самом деле, но все эти разрозненные усилия каким-то непостижимым образом сливаются в единый и внутренне спаянный поток человеческой витальной энергии. Существование бразильских фавеладос или обитателей “крысиных поселков” Буэнос-Айреса является в высшей степени коллективистским. Пользуясь дарвиновской терминологией, можно сказать, что речь идет о борьбе целого “вида” за существование в данных социально несправедливых и неблагоприятных условиях среды. Взаимопомощь в такой ситуации оказывается абсолютно необходимой и для слабых, и для сильных особей всего коллективного организма. Он имеет отличные от других страт внутренние связи, оригинальные формы приспособления. Многие из этих качеств прямо передаются по наследству от поколения к поколению.

Причины высокой степени “выживаемости” маргинального слоя объясняются не столько воздействием эктогенеза, т.е. причин, лежащих вне самого “организма” (например, постоянный приток в город сельских бедняков, социальная благотворительность), сколько за счет автогенеза, т.е. внутренних витальных сил и особой комбинации нематериальных (не физических) наследственных признаков ментальности, психологии, морали, привычек, потребностей и т.д. В этом смысле многие идеи социал-дарвинистской философии представляются обоснованными, во всяком случае – полезными для выявления форм групповой солидарности беднейших слоев.

Кроме материальной взаимопомощи друг другу для них характерно и активное “коллективное дело” по обустройству своих жилищ, строительству водопроводов, маленьких спортплощадок, организации квартальных детских садов, строительству дорог и проч. Определенную заботу в этом отношении проявляют муниципальные и городские власти, особенно если у их руководства стоят честные и порядочные граждане. Во всех случаях роль гражданской добровольной взаимопомощи незаменима.

Большую работу по поддержке малоимущих групп проводят многочисленные благотворительные частные и кооперативные фонды, церковные организации, профсоюзы. В этом отношении Латинская Америка не отличается от других стран. Особый характер солидарного поведения присущ сельским батракам и бедным крестьянам, которые совместно трудятся на крупных плантациях, живут в поселках или принадлежат к крестьянским кооперативным организациям типа мексиканских эхидос, традиционных индейских обществ в андских странах и др.

Описывать все конкретные проявления гражданской взаимопомощи невозможно ввиду их огромных масштабов и отсутствия какого-либо обобщающего статистического и документального материала. Это самая обычная повседневная жизнь. Тем не менее следует выделить одну из важнейших и имеющих особое значение видов взаимопомощи – так называемые *Remesas*. Этим термином обозначается семейная помощь, которую практикуют латиноамериканские мигранты, уехавшие на временные заработки в США и другие страны или живущие за рубежом постоянно как члены той или иной национальной диаспоры. Эти люди считают своим долгом помогать деньгами и вещами бедным родственникам, оставшимся на родине. Этот метод широко практикуют мигранты из всех относительно бедных стран.

Растущий поток денежных “семейных” переводов из США и стран Европы все отчетливее влияет на социальную ситуацию в странах Латинской Америки. Для населения некоторых из них он

стал ощутимым источником средств существования. В небольших странах Центральной Америки и Карибов уровень притока этих финансовых средств сопоставим с уровнем прямых внешних инвестиций, а в таких странах, как Гаити, Никарагуа, Сальвадор, Ямайка, Доминиканская Республика и Гайана денежные переводы мигрантов составляют более 10% от ВВП²⁴. Показательным становится пример Мексики, где в последние годы объем денежных переводов стремительно увеличивается и в настоящее время уже конкурирует с доходностью нефтяной отрасли и превышает доходы от туризма²⁵. Как отмечала в сентябре 2004 г. газета “Майами Геральд”, “экспорт нефти все еще приносит больше долларов в регион, но, возможно, именно денежные переводы более способствуют росту экономики, созданию рабочих мест и смягчению бедности”²⁶.

Суммарный показатель пересылаемых из-за рубежа денег составляет грандиозные величины и, казалось бы, должен привести к прогрессу в социальном развитии латиноамериканских стран, ведь эти деньги не принадлежат государству, а получают напрямую гражданами. Однако не все так однозначно в данном вопросе. До настоящего времени не удалось найти идеальную формулу для того, чтобы связать этот вид денежных поступлений с социальным развитием. То, что является положительной стороной денежных переводов – индивидуальный характер их потребления, – во многом затрудняет использование этих средств на какие-либо более крупные проекты.

В общем потоке денежных переводов можно выделить два основных типа: семейные (отправленные лично эмигрантом на поддержание своей семьи) и коллективные (отправляемые совместно группой мигрантов для поддержания социальных, муниципальных и других видов проектов в местах происхождения мигрантов). Подавляющее большинство переводов приходится на первый вариант. По словам экс-министра финансов Сальвадора Мануэля Хиндса, важен не только объем денежных переводов, но то, что большинство получающих их людей – это бедные люди²⁷. Во многих странах получатели платежей сконцентрированы среди тех, кто занимает низкие ступени в экономическом положении.

Деньги, направляемые членам семей, тратятся в основном на покрытие первичных жизненных потребностей (покупку продуктов, оплату жилья, медикаментов). Так, в Мексике, в основных регионах-получателях платежей (штаты Халиско, Сакатекас и Гуанахуато) в среднем расход этих финансовых средств распределяется следующим образом: 67% идет на содержание семьи, 12% – на покупку дома или земли для семьи, 13% уходит в сбере-

жения, 2% вкладывается в создание или финансирование предпринимательской активности, 5% – на другие типы вложений. При этом на образование в среднем отводится не более 7% получаемых средств²⁸. Такая структура затрат остается практически неизменной на протяжении последних десяти лет, и это является очевидным доказательством того, что без данных средств жизнь семей была бы крайне сложной.

Денежные переводы дают возможность многим семьям подняться над уровнем бедности, не скатываться в нищету. По мнению некоторых аналитиков, “любое уменьшение потока денежных переводов в первую очередь скажется на той относительно неустойчивой части общества, для которой потеря небольшого нажитого имущества может стать реальной угрозой возвращения в бедность”²⁹.

Ситуация с использованием “семейных” переводов схожа во многих латиноамериканских странах. Так, в Колумбии в районе г. Перейра (столице департамента Рисаральда), являющемся одним из регионов страны с наибольшим уровнем миграции, один из 10 человек в возрасте от 25 до 39 лет проживает за пределами родной страны. Проводимые исследования показывают, что практически каждое пятое домохозяйство в районе имеет родственников за рубежом, которые направляют им деньги. 86% этих денег тратится на каждодневные нужды. Денежные переводы превратились в фундаментальный компонент семейного дохода. В результате среди домохозяйств, получающих переводы, пропорция населения, находящегося ниже уровня бедности, меньше, так же как и уровень безработицы.

Постепенное изменение ситуации дает возможность последовательно трансформировать характер использования получаемых средств – начинает складываться отношение к переводам не только как к средству выживания семей, но и как к инструменту микрокредитования, как к средству получения образования, покупки дома и открытия собственного дела, увеличиваются вложения в покупку компьютеров, а также в приобретение грузовиков и микроавтобусов.

Улучшение благосостояния семьи подкрепляется развитием коллективной формы переводов, основанных на добровольных взносах представителей региональных диаспор. Надо отметить, что для латиноамериканских эмигрантов, работающих в США, характерно проживание по принципу землячества. Они создают организации, занимающиеся защитой их прав, поддержанием связей с родиной, трудоустройством и т.д. Наиболее известные примеры таких объединений – это клубы мигрантов из мексиканского штата Сакатекас (*Clubes Zacatecanos*) в Калифорнии,

объединения сальвадорских предпринимателей, а также объединения гондурасских семей в Луизиане.

Данный способ привлечения средств позволяет аккумулировать относительно крупные суммы – в среднем около 20 тыс. долл.³⁰ от объединения (клуба) – и вкладывать их в развитие муниципальной инфраструктуры на родине. За последние годы мигрантские объединения обрели значительную экономическую и политическую мощь и начинают оказывать все возрастающее влияние на ситуацию в их родных регионах, в том числе посредством финансирования их развития.

В большинстве случаев эти средства используются в качестве дополнения к бюджетным ресурсам местного уровня управления. Представляется, что коллективные переводы, ориентированные на стимулирование производительных программ, будут оказывать все большее влияние на ситуацию в латинокарибских странах. Среди социальных проектов в большей степени фигурируют те, что связаны с муниципальной инфраструктурой, например, с образованием, строительством водопроводов, шоссе или проселочных дорог.

При преимуществах коллективного типа переводов есть немало подводных камней, основным из которых является обеспечение их эффективного использования.

В случае с Мексикой массовое использование этого источника финансирования может создать иллюзию, что именно правительства различного уровня – федеральное, штата или муниципальное – берут на себя инициативу в поиске дополнительной поддержки от мексиканцев, проживающих за рубежом, для увеличения их бюджетных возможностей. Однако во многих случаях инвестиционная инициатива исходит в основном от мексиканцев, проживающих за границей, и от их сообществ. Именно они ведут переговоры с властями о направлении бюджетных ресурсов на общественные инвестиции для своего населения.

В мексиканском штате Сакатекас реализуется Программа “3 × 1”, когда на каждый вложенный эмигрантскими объединениями доллар федеральные и местные власти вкладывают по три доллара. В настоящий момент начинает разворачиваться уже третья редакция данной программы. В Сальвадоре при поддержке правительства действует “Программа конкурентоспособности”, направленная на создание финансовых, коммерческих и культурных связей между сальвадорцами, проживающими за рубежом, и сообществами их происхождения, что свидетельствует о признании транснационального характера мигрантских объединений. На средства этих программ осуществляется развитие инф-

раструктуры сельскохозяйственных районов, ведется строительство дорог, водопроводов³¹.

Исследователи, занимающиеся изучением феномена *remesas*, отмечают, что: а) первенство удерживают расходы на удовлетворение базовых потребностей и другие типы домашнего семейного потребления; б) увеличивается доля денежных переводов, направленных на производственные инвестиции, а также на образование и в целом на формирование “человеческого капитала”. Последнее становится одним из первичных мотивов эмиграции и самого процесса денежных переводов, направляемых мигрантами на образование своих детей (прежде всего среднее и высшее)³².

Оборотной стороной данного процесса является увеличение трудовой миграции, влекущее за собой целый комплекс проблем. В настоящее время около 25 млн латиноамериканцев и жителей Карибских островов проживают за пределами своих родных стран. При этом в регионах – получателях платежей складывается непростая ситуация, когда благосостояние семьи находится в прямой зависимости от “внешних” поступлений. В Сальвадоре и Мексике отмечались случаи, когда целые деревни оставались без взрослого мужского населения, отбывавшего на заработки. Подобная ситуация могла сохраняться от нескольких месяцев до нескольких лет. Трудовая миграция влечет за собой вымывание наиболее подготовленного (и квалифицированного) населения. В такой ситуации начинает формироваться феномен, когда население со снижающимся уровнем занятости и квалификации не сокращает, однако, своей покупательной способности.

Привычка к восприятию денежных переводов в качестве основного источника существования приводит к бездействию и зависимому положению членов семей, которые не прилагают значительных усилий для решения своих проблем. Оставшиеся семьи мигрантов начинают структурным образом зависеть от родственников, требуя взять на себя все возрастающую и диспропорциональную ответственность за существование семьи. Переводы обретают обязательный характер и продолжают подрывать предпринимательскую активность тех, кто остался на родине.

Происходит смена социальных приоритетов у молодежи, для которой не столь очевидным становится тезис о том, что учеба и профессиональная специализация могут или должны стать способом личного продвижения и социальной мобильности. Реальный опыт подсказывает им, что именно миграция за рубеж (в подавляющем числе случаев в США) даст большие возможности для роста их благосостояния. В итоге молодые люди откладывают свою учебу и ожидают наступления возраста, когда смогут эмигрировать.

Из сельскохозяйственных районов (в результате таких процессов маргинализированных и бедных), ослабленных постоянной эмиграцией, за границу уезжают наиболее подготовленные и квалифицированные работники. В подобной ситуации возможности внешних социальных инициатив и производственных инвестиций, способных создать новые вакансии, еще больше сокращаются из-за недостатка предпринимательской инициативы на местах, а также рабочих рук – как мужчин, так и женщин.

Тем не менее в настоящее время положительные факторы развития процесса денежных переводов перевешивают негативные последствия. Наблюдаемая в последние годы динамика использования этих средств дает основания полагать, что вложения в развитие “человеческого капитала” будут способствовать активизации и востребованности социальных ресурсов в жизни беднейшего населения латиноамериканских стран.

НОВЫЙ ГУМАНИЗМ – ОРИЕНТАЦИЯ НА САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Большинство практических мер строятся по принципу оказания “братской помощи” неимущим извне, со стороны – от веры в милосердие Бога, от благодеяния заботливых правителей, от справедливых законов, от благотворительности богатых или простой соседской солидарности. Человеку остается лишь с поклоном воспринимать эти дары. Правда, многие и прежде, и теперь, ссылаясь на св. апостола Павла, отказываются от сентиментальной помощи тем, кто “не хочет трудиться”. Таким лицам и в голову не приходит, что многие и многие простые люди хотели бы трудиться, но не могут найти работу. А те, кто работают, нередко не имеют такого заработка, чтобы жить безбедно. Как быть с больными, немощными, инвалидами? И им отказать в поддержке под лозунгом: “спасение утопающих есть дело самих утопающих”.

Нет, конечно. Однако главная идея всех “жестокосердных праведников” имеет немалое позитивное значение, поскольку исходит из признания персональной ответственности за свою жизнь каждого человека – и богатого, и бедного. Первый может, если хочет, помочь второму, но не обязан кормить тунеядцев и паразитов. Второй обязан, даже если не хочет, сам стараться зарабатывать на хлеб и не ждать, сложа руки, манн небесной.

Против подобного взгляда трудно что-либо возразить, но ограничиться этим постулатом было бы неправильно и недостаточно. Важно, если и не давать милостыню, то помочь “слабому” индивидууму укрепить его личную волю и характер, помочь уверо-

вать в собственные силы и стать, наконец, самостоятельной личностью. Тогда человек, попавший в беду, не будет пассивно ожидать благодеяния извне и направит свою энергию на материальное и духовное самоопределение. Именно такую линию в теории и на практике проводит так называемое новое гуманистическое движение. Оно не отрицает внешнее милосердие, но отводит этому фактору подсобное значение.

Идейные основы философии “нового гуманизма” лет 30 назад заложил аргентинский философ Марио Родригес Кобос, известный под литературным псевдонимом Сило. Первым шагом Сило и его учеников явился протест против военных режимов в Чили, Аргентине, Бразилии и ряде других стран Латинской Америки.

В дальнейшем было организовано активное молодежное движение, в ряде стран возникли небольшие гуманистические партии.

С тех пор и донныне гуманистическое движение в различных странах мира регулярно организует международные научные конгрессы и политические встречи, издает ежегодник “Основы гуманистической культуры” (на испанском, английском, французском и итальянском языках), книги, брошюры, газеты. В ряде крупных городов (Мадрид, Рим, Сантьяго, Мендоса, Буэнос-Айрес, Париж) работают небольшие радио- и телестудии, клубы, регулярно проходят образовательные занятия и беседы с молодыми людьми из средних и бедных групп населения.

Философия нового гуманизма не ограничивается этикой, хотя именно она лежит в ее основе, но охватывает самый широкий круг вопросов – экономику, политику, экологию, международные отношения, образование, информатику, культуру и т.д. Сейчас речь идет только об этической стороне этого мировоззрения и практике в плане развития социальной солидарности и самоопределения цельной и самостоятельной личности, в первую очередь в среде бедных и средних слоев населения.

Новогуманистическая концепция нашла свое воплощение в развитии массового демократического движения в мировом масштабе. Ее родиной и наиболее широким полем деятельности является именно Латинская Америка. К сожалению, до сих пор это направление не получило соответствующей оценки. В отечественной латиноамериканистике есть лишь работа Л.В. Дьяковой (кандидатская диссертация и брошюра), а также отдельные заметки Э.С. Дабагына, Б.И. Коваля и С.И. Семенова.

Чтобы конкретизировать некоторые моменты новогуманистической этики, приведем ряд ее главных постулатов. На русском языке по инициативе Московского гуманистического клуба

(президент Б.И. Коваль) был издан целый ряд работ Сило и документов Гуманистического Интернационала, но большинство публикаций, конечно, вышло в свет на иностранных языках³³.

В Декларации принципов Гуманистического Интернационала, одобренных Флорентийским конгрессом 1989 г., указывается: “Сегодня гуманизм основывается на существовании (экзистенции) человека, а не на теориях, утверждающих примат внешнего мира над жизнью людей... Мир, в котором мы родились, – это общественный мир, созданный человеческими стремлениями (интенциями)”³⁴.

В основу мироощущения ставится экзистенция личности, а не общества, причем преодолевается тезис об ограниченности ума и интенций людей лишь их способностью “отражать” объективную реальность. Человек может активно воздействовать на бытие.

“Когда человек вырабатывает свое отношение к социальным условиям, он осознает реальность исторического процесса, рамки которого шире рамок существования отдельного человека. Поэтому общественная деятельность – это непрерывная оценка истории и взятие на себя обязательств перед будущим...”³⁵. Отсюда вытекает вывод об активной созидательной роли человека. Реализация его потенций выливается в труд, социальную деятельность, человеческие отношения, воспитание и т.д. Большинство людей реализуют свои идеологические и нравственные предпочтения в самых различных партиях, движениях, религиозных общинах и т.д. Каждый избирает то, что ему по душе. Но повсюду, или почти повсюду, действуют те или иные гуманистические потребности, нравственные устремления, а не только (и не столько) эгоистический интерес. Ценностный мир человека шире и выше материальных благ и комфорта.

Особенно тяжело ощущают тяготы социальной несправедливости плохообеспеченные и малоимущие слои. Их жизнь бедна и в материальном, и в духовном отношении. Задача гуманистов в том, чтобы поднять этих людей с колен, раскрыть их собственные энергичные потенции, вооружить высокой нравственностью.

“Противоречия общественных условий, – говорится в Декларации принципов, – вызывают у человека страдания... через собственные страдания он проникается и страданиями других людей, живущих в тех же условиях”³⁶. Этот тезис повторяет один из основных постулатов экзистенциальной философии и в то же время напоминает об общем христианском взгляде на проблему добра и зла.

Здесь следует отметить тот факт, что в принципе новогуманистическая этика не воспринимает догматы религии и, скорее,

стоит на атеистических позициях. Но вместе с тем она относится к вере с большим уважением, поддерживая тезис о свободе совести и праве каждого верить или не верить в Бога.

Декларация принципов подчеркивает еще одну важную мысль: “Социальные противоречия возникают по причине насилия. Насилие представляет собой подавление человека или какого-либо человеческого сообщества. Насилие всех видов происходит от отрицания человеческой сущности другого человека”³⁷.

И это заключение абсолютно верно. Действительно, вся история сопряжена с противоречиями и насилием: одно поощряет другое. Разорвать этот порочный круг почти невозможно, но тем не менее именно эту задачу ставят перед собой все современные демократические движения.

Гуманистический Интернационал видит достижение этой цели “ненасильственными методами”, но не обязательно в духе Толстого, Ганди или Кинга. В современном мире сфера ненасильственных действий чрезвычайно широка и многообразна. Это и радио, и телевидение, и демонстрация, и кампании неповиновения, и пацифистское движение, и борьба за экологию, и многое другое. В этом смысле “борьба за гуманизацию мира (природы и общества) в своем развитии и итоге обеспечивает прогресс”³⁸.

Исходя из этих постулатов, новый гуманизм не стоит в стороне от жизни, а, напротив, активно в ней участвует. Он выступает в лице Движения и гуманистических партий в поддержку демократии, против отчуждения, насилия и дискриминации, против зависимости и диктата монополий, за разоружение и мирное сотрудничество народов, за ликвидацию бедности, в защиту экологической безопасности и т.д. Такой подход открывает путь для плодотворной и искренней коалиции со всеми другими демократическими движениями и партиями на правах взаимного уважения и равенства.

С таких общих гуманистических позиций оценивается и проблема жизни бедных и необеспеченных людей, которые нуждаются, кроме всего прочего, в моральной и психологической поддержке. Исходя из этого, гуманисты развернули широкую просветительскую и психолого-этическую работу среди населения. К числу крупных и эффективных кампаний в защиту бедных и отсталых слоев можно отнести долговременную работу гуманистов по борьбе с неграмотностью в Гаити, Парагвае, Бразилии и других странах (Кения, Шри-Ланка, Заир). Большое внимание уделяется созданию бесплатных курсов начального образования, деятельности специальных курсов для женщин по домоводству и воспитанию детей. В некоторых странах гуманисты сумели от-

крыть небольшие детские сады, организовать добровольческие общественные работы по благоустройству территории. В некоторых фавелах Рио-де-Жанейро и Ресифи, в “крысиных поселках” Буэнос-Айреса, на окраинах других столичных городов были созданы локальные организации, проводятся регулярные просветительские занятия, ведется психологическая работа по предотвращению криминального поведения подростков. Гуманисты ведут упорную борьбу против алкоголизма, наркомании и проституции.

Эти и другие акции нового гуманизма вносят большой вклад в общие усилия по борьбе с бедностью и нищетой в Латинской Америке. Конечно, ему не под силу покончить с этим злом, но тем не менее социальное саморазвитие свободной личности, в том числе живущей сегодня в бедности и нищете, поможет завтра поднять голову и шаг за шагом, постепенно, преодолевая все трудности, выбираться из болота отсталости и пауперизма и становиться активными и самостоятельными участниками общего социального процесса. В конечном счете только гуманистическая ориентация позволит обеспечить дальнейшее благородное развитие всего человечества и удержать его от физического и духовно-этического самоубийства. На этом пути реалии современного бытия начнут приближаться к идеалу социальной справедливости и устранению всякого “структурного зла”.

Особый интерес в этом отношении приобретает рассмотрение ряда национальных моделей социальной терапии. Для сравнения мы выбрали несколько стран, в опыте которых наиболее ярко проявились общие принципы и конкретное своеобразие практических шагов по сокращению бедности. В число примеров входят Мексика, Чили, Аргентина, Бразилия, Перу и Венесуэла. Для этого имеется ряд объяснений.

Мексиканская революция 1910–1917 гг. открыла новую эпоху в истории Латинской Америки и впервые конституционно закрепила социальные права всех граждан, заложив основы демократического регулирования трудовых отношений. Новаторское значение в этом отношении имели также реформы президента Ласаро Карденаса в 30-е годы XX в. и курс правившей более 40 лет Институционно-революционной партии. В последние годы в Мексике ярко проявились типические черты неолиберальной модернизации.

Своеобразным маяком эффективных шагов в борьбе с бедностью на современном этапе является Чили, прошедшая сложный путь от протосоциалистических экспериментов правительства Народного единства во главе с президентом Сальвадором Альенде (1970–1973 гг.), а затем политики военного режима генерала

А. Пиночета, до современной демократизации политического и экономического развития нации.

Большое значение в выработке социал-популистских форм правления и мероприятий по защите интересов трудового населения имеет опыт бразильского трабальизма 30–50-х годов и хусти-сиалистской политики правительства Х.Д. Перона в Аргентине.

В настоящее время пристальное внимание привлекает к себе государственная программа “Fome zero” (“голод-ноль”), провозглашенная бразильским президентом Инасио Лулой, а также новые формы самоорганизации городских низов в Аргентине, Бразилии, Чили и других странах. Особняком стоит леворадикалистский курс “боливарианского революционаризма” президента Уго Чавеса в Венесуэле. И, наконец, на примере ситуации в Перу будет освещена общая проблема бедности индейского населения андских стран.

¹ Цит. по: Рих А. Хозяйственная этика. М., 1996. С. 136.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 153.

³ См. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 207.

⁴ См. подробнее: Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857–1967). М., 1968; Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. М., 1981.

⁵ Коваль Б.И. Указ. соч. С. 288.

⁶ Diccionario de Ciencias Sociales y Politicas / Supervisión de Torquato S. Di Tella. Buenos Aires, 1989. P. 344–345.

⁷ Ibid. P. 461.

⁸ Рих А. Указ. соч. С. 114.

⁹ Там же. С. 265.

¹⁰ Там же. С. 410.

¹¹ Там же. С. 654.

¹² Там же. С. 411.

¹³ Там же. С. 688.

¹⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 267.

¹⁵ Там же. С. 250.

¹⁶ Парето В. Современные социологические теории. М., 1961 (цит. по: Рих. А. Указ. соч. С. 232).

¹⁷ Гоббс Т. Сочинения. В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 317.

¹⁸ Там же. С. 271.

¹⁹ Локк Дж. Сочинения. В 3-х т. М., 1988. Т. 3. С. 94.

²⁰ Там же. С. 121.

²¹ См. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.

²² Спиноза Б. Избранное. Минск, 1999. С. 482.

²³ Там же. С. 554.

²⁴ Bridges T. Aumentan remesas de latinoamericanos a sus países de origen // Miami Herald. 28.IX 2004.

²⁵ Arroyo A.J., Valenzuela I.C. Actividad económica, migración a Estados Unidos y remesas en el occidente de México // Migraciones internacionales. México, 2003. Vol. 2. N 1. P. 39.

²⁶ Miami Herald. 28.IX 2004.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Arroyo A.J., Valenzuela I.C. Op. cit. P. 43.

²⁹ Miami Herald. 28.IX 2004.

³⁰ Pizarro M. Panorama regional de las remesas durante los años noventa y sus impactos macrosociales en América Latina // Migraciones internacionales. Julio – diciembre de 2003. Vol. 2. N 2. P. 48.

³¹ Ibid. P. 49.

³² Tuiran R. Migración México-Estados Unidos. Hacia una nueva agenda bilateral // Migración México-Estados Unidos. Opciones de política. SG, SRE, CONAPO, noviembre de 2000.

³³ Сило. Направляемые опыты жизни. М., 1992; Он же. К вопросу о мышлении. М., 1992; Он же. Письмо к друзьям. М., 1994–1996; Он же. Гуманизировать жизнь на земле. М., 1994; Silo, Koval B., Semenov S. y otros. Diccionario del Nuevo Humanismo. Buenos Aires, 1996; Silo. Obras completas. Buenos Aires, 2001–2002. Vol. 1–2; Aportes a la cultura humanista. Anuario. Santiago-Chile, 1994–1996.

³⁴ Гуманистический Интернационал. Документы и материалы. М., 1992. С. 6.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 12.

Глава X

КОНСОЛИДИРОВАННЫЙ ОПЫТ ШЕСТИ СТРАН

Если определить общую структуру социальной политики, то во всех странах Латинской Америки, да и в других государствах “среднего уровня” развития, она, по существу, универсальна. Разница касается лишь иерархии конкретных сфер ее применения, объемов финансирования и некоторых национальных особенностей (см. табл. 1).

Перечисленные меры поддержки бедных семей и сопутствующие акции обычно финансируются из четырех различных источников – государственного и муниципальных бюджетов, специальных благотворительных фондов, в том числе и полугосударственных, сборов частных пожертвований и средств международной помощи. Эти поступления образуют весьма крупные суммы, но значительная их часть разворовывается и используется крайне неэффективно.

Тем не менее в ряде стран Латинской Америки осуществляются весьма амбициозные и успешные национальные проекты. Они не решают полностью проблему бедности, но позволяют тем не менее оказывать нуждающимся реальную помощь. По су-

Таблица 1. Типичная композиция специализированных социальных программ борьбы с бедностью и нищетой

Основные цели	Главные методы
Увеличение общего дохода бедных семей	Установление денежных пособий Компенсации за квартплату, воду, газ, электричество Льготные распродажи товаров Льготные проездные билеты Индексация пенсий и других денежных пособий Освобождение от уплаты налогов
Вовлечение маргиналов в производительный труд, создание новых рабочих мест	Организация профессионально-технического обучения Общественные работы Работа на дому Широкое использование дешевого женского труда Семейный подряд
Улучшение жилищных условий	Строительство муниципальных дешевых жилищ Переселение в новые районы освоения Развитие самостроя Ночлежные дома Льготная ипотека Служебные квартиры (для дворников, сторожей и др.) Ликвидация трущоб Обеспечение жилищных районов водой, электричеством Развитие жилищных кооперативов
Обеспечение питанием	Дешевые магазины Распределение продуктов Развитие народных рынков Бесплатные обеды Огородничество Детские обеды в школах Распределение молока
Медицинское обслуживание	Льготные лекарства Дешевые "народные" больницы Бесплатная медпомощь Меры против алкоголизма и наркомании
Образование и культура	Бесплатное начальное образование Распределение учебников Открытые по воскресеньям музеи Церковно-приходские школы Обучение грамоте взрослых Бесплатный проход детей и подростков на стадионы

Таблица 1 (окончание)

Оказание помощи наиболее беззащитным группам (инвалиды, пенсионеры, матери-одиночки, дети-сироты, беспризорные и др.)	Бесплатное первичное медицинское обслуживание Дешевые лекарства Специальные пособия Оплата ритуальных услуг Распределение сирот по детским домам Усыновление брошенных детей Приюты для беспризорных Инвалидные дома Хосписы
---	--

ти дела, всякий патернализм, который так усердно поливается грязью рьяными сторонниками “стихий рынка”, является отнюдь не благодеянием со стороны бездушного государства и его руководителей, а формой самоподдержки народом самого себя. Каждая копейка, каждый цент, который из госбюджета идет на эти цели, произведены людьми, а не государством. Оно лишь аккумулирует эти средства путем сбора налогов, внеэкономического принуждения, конфискации и т.д. Затем эти, так сказать, “народные средства” частично возвращаются в виде дотаций, субсидий, налоговых льгот и т.п. Вот и весь фокус. Государство своей патерналистской политикой лишь частично возмещает то, что оно присвоило и контролирует, т.е. использует по своему произволу: захочет – даст субсидию бедняку, захочет – бросит его на произвол.

На практике патернализм со стороны государства и благотворительность со стороны бизнеса являются лишь вынужденными мерами по “умиротворению” подданных, а не романтическим альтруизмом. Сочетание традиционных и новых форм социальной политики в каждой стране осуществляются по-разному, но в русле более или менее единых принципов и целей. Опыт некоторых латиноамериканских стран в этом отношении весьма богат и поучителен.

АРГЕНТИНА

Жизнь Аргентины в начале XXI в. ознаменовалась своеобразным рекордом. Показатель уровня бедности достиг в октябре 2002 г. исторического пика – 54,3%. Это означает, что 20 млн из 37 млн человек не в состоянии ныне обеспечить себе минимальные жизненные условия, из них 9 млн живут ниже официального уровня нищеты: на каждого приходится меньше 1 долл. в день¹. Аргентина сто лет назад привлекла огромное количество имми-

грантов из Европы, жаждущих найти работу и достойное будущее. Их потомки натурализовались и стали полноправными гражданами страны, но благосостояния не обрели. Страна погрузилась в болото затяжного экономического и социального кризиса, самого драматичного кризиса в ее истории. Теперь многие бегут из Аргентины. Как это могло случиться?

Во второй половине XIX в. и первой трети XX в. экономика Аргентины развивалась на основе экспорта сельскохозяйственной продукции. Требования европейского рынка стимулировали модернизацию агропромышленного комплекса, что позволило стране стать одним из лидирующих поставщиков зерна и мяса. Одновременно стала развиваться и национальная промышленность. Тем не менее социальное расслоение несколько не уменьшилось, а, напротив, возросло.

Введение более справедливого распределения национального дохода стало возможным только после прихода в 1943 г. к власти националистической группировки Хуана Доминго Перона. Вначале, занимая пост Секретаря труда и социальной помощи, он стал принимать определенные меры в поддержку трудящихся и их прав, давая в то же время возможность проправительственным профсоюзам участвовать в разработке социальных законов. Под контролем перонистов широкие масштабы приняло профсоюзное движение, что впоследствии позволило Перону выиграть выборы 1946 г. и стать легитимным президентом страны.

В годы правления Перона уровень жизни и социальной защищенности граждан несколько вырос. Пропаганда так называемого “государства справедливости” и решительная индустриальная политика, включая создание первых крупных государственных предприятий тяжелой индустрии, были главными чертами политико-экономического развития Аргентины в 50-х годах. Трудовая занятость и восходящая социальная мобильность во многом определили жизнь и ожидания людей². В этом контексте бедность постепенно удалось сократить. Ситуация в целом тем не менее оставалась сложной и противоречивой.

Чередование военных правительств, начиная с переворота 1955 г., поставило крест на процветании “государства справедливости”. За этим последовала эпоха неолиберальных реформ, открытие свободного импорта товаров, кризис отечественной индустрии и, как следствие, рост безработицы. Этот период Аргентина переживает и сегодня (табл. 2).

В ходе неолиберальных реформ наиболее значительным стал этап масштабной передачи государственной собственности в частные руки, в основном транснациональным компаниям. Этот

Таблица 2. Динамика роста бедности и нищеты в Большом Буэнос-Айресе (в %)

Год	Бедные	Нищие	Год	Бедные	Нищие
1974	4,7	2,1	1992	17,8	3,2
1980	8,3	1,8	1993	16,8	4,4
1983	19,1	5,4	1994	19,0	3,5
1984	14,9	5,0	1995	24,8	6,3
1985	17,7	3,6	1996	27,0	7,5
1986	12,7	3,5	1997	26,0	6,4
1987	20,6	6,2	1998	25,9	6,9
1988	32,3	10,7	1999	26,7	6,7
1989	47,3	16,5	2000	28,9	7,7
1990	33,7	6,8	2001	35,4	12,2
1991	21,5	3,0	2002	54,3	24,7

курс особенно активно проводили с 1991 по 1996 г. правительство Менема и особенно министр экономики Кавальо. В эти годы происходило и самое значительное сокращение занятости.

Президент Карлос Менем пришел во власть под лозунгом “Производительной революции” (“Revolución productiva”), обещающая народу резкое повышение зарплаты (“el salarizazo”) и интенсивное создание новых рабочих мест. Однако, находясь во власти, он начал действовать в прямо противоположном направлении, тщательно следуя указаниями Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ). В итоге резко возросла диспропорция в распределении доходов между узким слоем богатых и массой бедняков.

Главный отличительный фактор, характерный для “новой бедности” в условиях неолиберальной системы, можно обобщить понятием *temporalidad* – “временности”. Здесь имеется в виду прежде всего нестабильность занятости из-за угрозы так называемой “флексibilización” (эластичности в новых законах о труде).

На деле это выражается в заключении трудовых договоров сроком всего на шесть месяцев с “возможностью” продления контракта еще на шесть месяцев. Речь идет также о социальной и юридической незащищенности трудящихся, которые вынуждены постоянно менять место работы, причем без возможности получить поддержку от профсоюзов, которые вообще имеют тенденцию к исчезновению. Раньше, плохо или хорошо, они защищали права и интересы своих членов. Теперь последние предоставлены сами себе.

Другой значительный фактор – это падение реальной зарплаты. В итоге возникло понятие “бедных с работой”. Согласно информации, распространенной в 2005 г. Министерством экономики, 20% трудящихся частного сектора Аргентины, которые работают “по-белому”³ (2,3 млн человек), получают менее 250 долл. в месяц, оказываясь, таким образом, за чертой бедности. Среди этих трудящихся 20% (475 тыс. человек) из-за низкой зарплаты опускаются в болото полной нищеты: на всю семью в месяц приходится менее 120 долл.⁴

Быстро растет армия так называемых “cuentapropistas”, работающих “по-черному”. Это в основном не зарегистрированные рабочие, которые не платят налоги в пенсионный фонд и часто вообще не имеют фиксированной зарплаты. Они стараются выжить, занимаясь мелким бизнесом в неформальных рынках и на улицах главных городов или оказывая “моментальные услуги” (например, чистка автомашин при красном свете светофоров). Это явление, достаточно распространенное в Латинской Америке, достигло в Аргентине невиданного масштаба.

С другой стороны, социальная несправедливость угрожает не только самим беднякам, но также и зажиточным группам, которые испытывают страх перед окружающим бедным большинством и возможностью массовых возмущений. Безопасность стала ежедневной головной болью средних и богатых слоев общества, которые начинают переезжать в закрытые городки, далекие от центра столицы.

Уровень преступности в обществе возрастает изо дня в день. Психологическое состояние людей сегодня таково, что страх перед призраком бедности, тесно переплетающийся со страхом перед одиночеством, болезнями и смертью, укрепляется в настроениях всех социальных групп. Это во многих случаях ведет к росту пессимистических настроений, наркомании и самоубийствам.

В период декабрьского экономического кризиса 2001 г. социальное напряжение достигло предела. Резко обострился протест среднего класса, потерявшего свои сбережения и право пользоваться наличными деньгами в сумме более 100 долл. в неделю (так называемое банковское “корралито”). Президент де ла Руа в этой обстановке ввел в столице комендантский час. Возмущенное население спонтанно вышло на улицы с кастрюлями, образуя одно из наиболее любопытных социальных протестов современного времени: “касероласос”. Президент и правительство 20 декабря 2001 г. вынуждены были уйти в отставку.

Значение этого события состоит не только в росте гражданского протеста бедных, но в масштабности требований: возмущенное население потребовало смещения как исполнительной,

так и законодательной власти, судов и экономической элиты. Все это было ярко выражено в основном лозунге всенародного выступления: “Все – вон!” (“Que se vayan todos!”).

Первые недели января 2002 г. были отмечены ежедневным выходом на улицу тысяч граждан с кастрюлями, нападением на банки, пикетированием безработными улиц и главных магистралей, зданий судебной палаты, парламента и правительства, домов главных чиновников. В ходе борьбы возникло новое социальное явление: самоорганизованные “ассамблеи граждан”. Они объединяли тысячи рядовых граждан самых разных профессий и возрастов, вне зависимости от их партийной принадлежности, для совместного обсуждения самых горячих вопросов. Эти “ассамблеи” занимались сначала организацией “касероласос”, пикетированием или другими формами протеста, а затем стали проявлять интерес к главным проблемам гражданской жизни и функционирования общества. Инициатива людей, объединенных вокруг “ассамблей”, иногда приводила к созданию коллективных предприятий, групп защиты юридических прав граждан, даже самоуправляемых клиник для обеспечения здравоохранения безработных и трудящихся. Более 300 гражданских ассамблей работали постоянно в Буэнос-Айресе и главных городах Аргентины в течение первых месяцев 2002 г.⁵

Адекватный анализ деятельности ассамблей был сделан в специальном докладе на форуме ЮНЕСКО “Мост Аргентина 2002”: «...граждане спонтанно строят **новые** формы общественных отношений доверия. Они не знают, как **охранять** или **возвращать** утерянные деньги. Тогда они начинают устанавливать личные прогрессивные связи, основанные на взаимности, организовывать собрания соседей (ассамблеи). Собрания соседей **появляются** не только из-за “корралито”. Они возникают также как производные формы политического появления демократии. Впервые складывалось новое гражданское отношение между людьми. Это были люди разных типов – безработные, государственные работники, врачи государственных больниц, учителя, пенсионеры, “пикетерос”, экспроприированные граждане среднего класса. Бедные и средние классы **устанавливают** контакты через Интернет, работают вместе в собраниях соседей, организуют клубы обмена, участвуют в опытах **партиципативного** бюджета и также в области кооперативных структур, где с давних пор практикуются прозрачные и демократичные способы управления общественными фондами»⁶.

Феномен “пикетерос” (пикетчиков, **перекрывающих** дороги) появился в начале 90-х годов в **противостоянии** процессу приватизации государственных предприятий. Ныне в этом дви-

жении участвуют более 35 000 активистов по всей стране. В бедных городских кварталах они создают и поддерживают общественные столовые и развивают различные кружки, проводят учебные курсы для детей, чем помогают улучшать качество школьного образования. Движение “пикетерос” приобрело большое социальное значение не столько из-за его способности к организации протеста среди безработных, сколько как способ самоорганизации наиболее страдающих секторов аргентинского общества. Правительство и даже международные финансовые организации вынуждены были признать их влияние и установить прямой диалог в поисках новых путей решения социального конфликта.

Картину современной социальной действительности Аргентины дополняет целая армия так называемых “картонерос”. Это тысячи людей, бродящих по улицам мегаполиса ночью, собирающих мусор из бумаги и картона. “Картонерос” являются современным вариантом старых сборщиков металлолома, которые образовали целое экономическо-социальное движение в поисках способа выживания и преодоления кризиса. По данным INDEC, их число достигает 40 000 только в Буэнос-Айресе. Значение этого нового явления выражено самим фактом принятия парламентом столицы закона, регулирующего их деятельность. Этот закон включает также специальный “Регистр собирателей вторичного сырья”, тем самым упорядочивая организацию “картонерос” в кооперативах и маленьких предприятиях для последующего распределения зон работы⁷. По сути дела, в этом проявляется практика “общественных работ”.

Интересным примером самоорганизации низовых слоев общества может служить также кооперация работников деприватизированных самоуправляемых предприятий, которые охватывают самые разные области – от металлургии до образования и здравоохранения. Сегодня их уже более ста. Еще сотня предприятий находится в процессе формирования⁸. Рабочие обанкротившихся фабрик и предприятий сами защищают свои рабочие места, несмотря на преступное во многих случаях поведение их легальных владельцев. Новые социальные явления влияют на изменение трудовой структуры, правила управления производством и юридическую систему. В основе проблемы лежит конфликт между двумя конституционными правами: правом частной собственности и правом на достойную работу и жизнь.

Особенно остро все эти проблемы касаются молодежи. В мае 2002 г. 66,6% населения в возрасте до 18 лет жили ниже уровня бедности, а половина из них (4 млн) – даже ниже уровня нищеты. Важно отметить, что 56,3% всех бедных – это молодежь до

24 лет⁹. Она стремится к активному протесту, принимает участие в социальных действиях гражданского общества.

Характерно, что молодежь, даже принадлежащая к состоятельным слоям общества, проявляет ныне иное отношение к бедности и к бедным людям. Многие испытывают искреннюю солидарность, сочувствие, стремление к человеческому партнерству с другими людьми. К примеру, можно упомянуть события, прошедшие в мае 2003 г. в городе Сайта-Фе во время наводнения, лишившего жилья одну треть населения (около 300 000 человек) в самых бедных районах города. Стихия, разбушевавшаяся глубокой ночью, оставила тысячи людей без крова, пищи и света. Спасателями, явившимися на место катастрофы, были солдаты... и студенты! Они совместно работали всю ночь, собирая людей в каноэ и грузовики и перебрасывая их на стадионы, в школы, на вокзалы и любые подходящие места в безопасной части города. Появились в дальнейшем и благотворительные организации, федеральные учреждения и даже международные организации, которые вместе с личными пожертвованиями жителей города, страны и зарубежных государств способствовали выходу из катастрофической ситуации.

Все это повлияло и на внимание правящих групп к проблеме бедности. Социальная помощь правительства, начиная с кризиса декабря 2001 г., сконцентрировалась в программе “Помощь домохозяйствам”, а также во введении школьных стипендий для учащихся средних школ и в программе “План семья”¹⁰. Другой вид социальной поддержки был ориентирован на преодоление нехватки питания. Это – “Программа чрезвычайного пищевого положения”, направленная на финансирование общественных столовых.

Нынешнее правительство президента Нестора Карлоса Киришнера создало консультативный национальный Совет социальной политики под председательством министра Алисии Киришнер, состоящий из предпринимателей, представителей профсоюзов, церкви и организаций безработных. Совет отвечает за положение 6 млн человек. Женщины, у которых три ребенка или более, получают 70 долл. ежемесячно. В настоящее время 1 622 826 человек получают из программы “Помощь домохозяйствам” месячную субсидию в размере 50 долл.¹¹, но правительство рассматривает возможность отказаться от выдач этих субсидий и заменить их другим видом материальной поддержки.

Министерством социального развития осуществляется “План локального развития и социальной экономики”, включающий программы для поддержания различных производственных инициатив:

- индивидуальные и семейные – это субсидии в размере до 500 долл., направленные на покупку орудий производства, материалов и сырья;

- ассоциативные – направленные как на покупку машин, орудий производства, сырье, так и на повышение квалификации персонала; программа предусмотрена для артикуляции хозяйственной деятельности различных производственных инициатив;

- коммерческие – для поддержания групп предприимчивых людей в развитии инициатив в сфере производства, коммерциализации и услуг; группа должна состоять как минимум из трех человек и может получать финансовую помощь в размере до 5000 долл., погашение займа осуществляется в виде пожертвования государству 20% общего объема годовой продукции;

- программа “Орудия производства взамен на работу”, предлагающая также финансовую помощь в размере до 5000 долл. для групп более трех человек, но участвующих в социальной программе “Помощь домохозяйствам”; материальная поддержка направлена на покупку машин, орудий производства и сырья;

- наконец, проект “Банки доверия” предлагает займы в размере до 170 долл. для индивидуальных и семейных инициатив в сфере производства или услуг, которые должны быть возвращены в течение шести месяцев.

В свою очередь Министерством труда был выдвинут план, ориентированный на обеспечение безработного населения и лиц, занятых в государственных социальных программах, большим числом рабочих мест и лучшим качеством трудоустройства.

На наш взгляд, аргентинский кризис поставил под вопрос способность неолиберальной системы, действующей в последние десятилетия, к решению фундаментальных задач, с которыми сегодня столкнулось общество.

Как подчеркивает П.П. Яковлев в книге “Аргентина: тенденции развития и сотрудничества с Россией” (М., 2005), “в целом нынешнее положение в социальной сфере Аргентины остается тяжелым. Аргентинское общество еще далеко не полностью оправилось от кризисных потрясений начала века. Сохраняется, хотя и падает, высокий уровень безработицы (на начало 2005 г. – 12,1% трудоспособного населения), около 40% все еще живут за чертой бедности (в 2002 г. их было 50%), имеется питательная почва для многочисленных антиобщественных и откровенно преступных акций. Борьба с этими опасными явлениями – в числе первоочередных задач правительства Н. Кишнера.

Официальный Буэнос-Айрес отдает себе отчет в первостепенной важности эффективной социальной политики, способной ощутимо ослабить общественное противостояние и нормализо-

вать обстановку в стране. В данном контексте деятельность государства развивается по следующим основным направлениям:

создание дополнительных рабочих мест и сокращение безработицы;

повышение минимальной заработной платы;

сдерживание инфляции и роста цен;

реализация программы социальной помощи малоимущим;

требование проведения социально ответственной политики национальным бизнес-сообществом, выстраивание механизма постоянных консультаций и сотрудничества в социальной сфере между государством, предпринимателями и профсоюзами”¹².

Все эти существенные и в значительной степени новые элементы государственной политики, бесспорно, имеют позитивное содержание. Однако, отдавая должное сделанному, не следует переоценивать результаты деятельности кабинета Н. Киршнера в социальной области. Успехи пока весьма скромные, а ждущие своего решения вопросы чрезвычайно сложны.

¹ SIEMPRO, на основе данных EPH-INDEC: www.cambiocultural.com.ar/actualidad/pobreza 1.htm

² См. подробнее: *Maria del Carmen Feijoo*. Nuevo país, nueva pobreza // Fondo de Cultura Económica, 2º edición, 2003.

³ Работа “по-белому” означает соблюдение предприятием всех указаний закона, регистрацию рабочих, оплату налогов и т.д.

⁴ Diario “Clarín”. 18. 02 2005.

⁵ Investigación del Centre de Estudios para la Nueva Mayoría – <http://www.nuevamayoria.com/ES>

⁶ <http://wwwv.inesco.org/most/argentina2002.htm#sociedad>

⁷ www.surcapitalino.com.ar, 14-05-03

⁸ <http://www.emprendedorasenred.com.ar>

⁹ Informe “Argentina: una comunidad en riesgo”, Claudio Lozano – Central de los Trabajadores Argentinos – <http://www.eta.org.ar/instituto/comuriesgo.html>

¹⁰ *Maria del Carmen Feijoo*. Nuevo país, nueva pobreza // Fondo de Cultura Económica, 2º edición, 2003.

¹¹ <http://www.desarrollosocial.gov.ar/site/Informacion/index.asp> (sitio oficial Ministerio de Desarrollo Social).

¹² Аргентина: тенденции развития и сотрудничества с Россией. М., 2005. С. 46–47.

БРАЗИЛИЯ

В современной Бразилии на любом политическом цикле социальные проблемы всегда находились в центре внимания. В небольшой степени это было обусловлено наличием глубокого социального расслоения и дезинтеграции общества. Важным момен-

том явилось и осознание наиболее дальновидными и реалистически мыслящими бразильскими лидерами той истины, что от решения проблемы бедности зависит успех модернизации страны и ее поступательного развития, обновления социальных и политических структур, переход из сферы “третьего мира” в группу современных развитых государств.

* * *

С начала XX в. трудящиеся Бразилии развернули борьбу за такое социальное законодательство, которое гарантировало бы им право на труд и достойный заработок. В 30-е годы закладываются основы бразильского трабализма, отводившего основную роль в решении социальных проблем государству. Правительство Ж. Варгаса, пришедшее к власти в ходе “либеральной революции” 1930 г., впервые осуществило широкое социальное и трудовое законодательство, главной частью которого явилась “рабочая политика”. Она начинается все в большей степени наполняться корпоративистским содержанием: создаются смешанные комиссии, институты социального страхования, вводится система коллективных договоров. Весь этот комплекс мер, дополненный важным законом о праве трудящихся на создание профсоюзов, был включен в качестве неотъемлемой части в Конституцию 1934 г.¹

Важный этап эволюции рабочей политики Варгаса наступает в годы “Нового государства” (1937–1945). Был взят курс на создание своего рода “государства-благодетеля”. Появились концепции о необходимости достижения “социального мира и гармонии”. Идеологи режима заговорили о необходимости защиты рабочего как главного субъекта производства, для чего государство, исходя из “принципов социальной справедливости”, должно взять его под свою защиту, создавать на предприятиях “атмосферу братства, солидарности рабочих и хозяев”. Принятый в 1943 г. Кодекс законов о труде зафиксировал важнейшие социальные завоевания эпохи первого правления Варгаса: 8-часовой рабочий день, равная оплата за равный труд без различия пола, оплачиваемые отпуска, декретный отпуск для женщин, сокращенный рабочий день для занимающихся тяжелым физическим трудом, социальные гарантии (прежде всего невозможность увольнения) рабочего, проработавшего более 10 лет, и др.²

Опыт социальной политики Варгаса был продолжен в годы правления Ж. Кубичека (1956–1960): трижды повышался уровень минимальной зарплаты, в 1958 г. были заморожены цены на предметы первой необходимости, расширено пенсионное обеспечение. Лозунг “социальной интеграции нации” как необходимого

условия быстрого прогресса продолжал оставаться стержнем государственной политики³.

Новый импульс получила социальная политика в период правления Ж. Гуларта (1961–1964) – активного политического сподвижника Варгаса. Он издает декреты о социальном страховании для сельскохозяйственных рабочих (что имело большое значение в контексте борьбы за аграрную реформу), о повышении минимума зарплаты, о введении скользящей шкалы зарплаты для государственных служащих и рабочих, о регулировании цен на жилье. На митинге 13 марта 1964 г. в Рио-де-Жанейро Гуларт выступил с широкой программой преобразований, поддержал требование глубокой аграрной реформы; вскоре была опубликована предварительная программа Народного Фронта (который еще предстояло образовать). Народное движение было на подъеме⁴. Однако 31 марта 1964 г. развитие страны по пути национал-реформистской альтернативы было прервано. Военный переворот означал наступление нового политического цикла – периода авторитаризма.

На первом этапе своего функционирования военный режим носил открыто террористический и репрессивный характер. В области социальной политики это выразилось в отмене всех реформ и социальных декретов Гуларта. В первый же день переворота были арестованы левые профсоюзные лидеры, а сами профсоюзы поставлены под строгий контроль правительства. Профсоюзные и социальные права были резко сужены. Снижение зарплаты (а реальная зарплата трудящихся в 1964–1969 гг. была снижена на 40%, в 1969 г. 2/3 из них получали зарплату ниже установленного минимума) привело к тому, что даже в условиях диктатуры руководство профсоюзов крупных штатов пошло на такой шаг, как организация “движения против затягивания поясов”. Уже в период правления Г. Медиси (1968–1974) – во времена экономического роста, так называемого “бразильского экономического чуда”, – военные пересматривают свою социальную доктрину. Начинается процесс повышения зарплаты (в том числе в 1974–1975 гг. вводится “14-я зарплата” для наиболее нуждающихся), введения различного рода премий, выплат, расширения системы социального страхования, бесплатной профессиональной подготовки. В 1970 г. был принят План социальной интеграции, который предусматривал участие трудящихся в прибылях через так называемые “фонды участия”⁵.

С середины 80-х годов Бразилия вступила в качественно новый этап политического развития. Это был период перехода от череды военных правительств к гражданскому правлению, от авторитарной политической модели к демократии.

Первый гражданский президент после череды военных правительств Т. Невис провозгласил двуединую задачу – модернизация и реформы. Она претворялась в жизнь президентом Ж. Сарнеем. Первый этап реформ нашел свое закономерное воплощение в Конституции 1988 г., провозгласившей Бразилию правовым демократическим государством и гарантировавшей целый комплекс социальных и политических прав. Курс правительства Сарнея был основан на “социальном пакте” – своего рода трехстороннем соглашении между государством, предпринимательскими организациями и профсоюзами. Началась программа по борьбе с голодом, созданию новых рабочих мест, по улучшению медицинской помощи; были приняты планы аграрной реформы и по развитию сельских районов⁶.

Политический и интеллектуальный поиск, сопутствовавший начальному этапу переходного периода, подготовил общество к восприятию идеи о необходимости решительных практических шагов с целью вывести страну из тисков всеобъемлющего кризиса⁷.

В период президентства Ж. Сарнея страна постепенно отходила от авторитарных форм правления, однако время коренных преобразований наступило с победой на президентских выборах 1989 г. Ф. Коллора, провозгласившего программу радикальных реформ. Вместе с тем итоги коллоровской политики “национальной реконструкции” оказались весьма плачевны. Политика “шоковой терапии” окончилась провалом. В социальной и политической областях это означало рост социальной напряженности, активизацию забастовочного движения, резкое снижение популярности правительства. Провал стабилизационного плана Коллора обнажил и слабость его политической поддержки, и авторитарный стиль осуществления либеральных по своему духу реформ, и отсутствие консенсуса по ключевым вопросам реформирования страны⁸.

Бразилия вновь оказалась перед необходимостью осмысления и последовательного решения социальных проблем.

* * *

Сложные процессы демократизации второй половины 80-х – начала 90-х годов вызвали к жизни острые дебаты об альтернативах дальнейшего развития страны. Не случайно, что важнейшее место занял анализ социального неравенства и поляризации. Именно эти два компонента социальной панорамы страны были расценены большинством бразильских политологов и социологов как одно из главных препятствий на пути модернизации и демократизации общества.

Сторонники как левых, так и правых взглядов явно осознавали потенциальную угрозу, которую несет в себе крайняя социальная дезинтеграция общества.

«С трудом можно представить себе, – писал в книге “Бразилия: реформа или хаос” известный социолог Нелсон ду Валле-э-Силва, – что люди, испытывающие голод и материальные лишения, были бы способны к индивидуальной самореализации или хотя бы к умозрительному осознанию сущности политической свободы»⁹.

Социальное неравенство, по оценке исследовательского центра им. Ж. Варгаса, превратилось в 80-90-е годы в острую политическую проблему. Несмотря на то что в 80-е годы доход на душу населения вырос в Бразилии на одну треть, распределение доходов еще более усилило неравенство. В руках 1% наиболее богатых в 1990 г. было сконцентрировано на 5% больше национального дохода, чем 10 лет до того, а доля 10% наиболее богатых увеличилась на 7%. В то же время доходы наименее обеспеченных слоев снизились на 3%.

Разрабатывая теорию “социального дуализма”, крупнейший бразильский социолог и политолог Э. Жагуарибе указывал, что его причины не являются порождением противоречий современной “парадигмы развития”¹⁰, а уходят своими корнями в особенности исторического пути Бразилии. Воспроизводство невежества и нищеты, писал Э. Жагуарибе, прошло через четыре поколения, которые отделяют современных бразильцев от эпохи отмены рабства, которое и породило дуализм между теми, кто участвует в жизни общества, и теми, кто исключен из цивилизации¹¹.

Жагуарибе на материалах конкретных социологических исследований раскрыл картину парадоксального усиления социальной атомизации общества. В исследовании середины 80-х годов он давал следующую классификацию доходов: 30% населения занято в современном секторе экономики (т.е. относятся к более обеспеченным слоям), 30% получают одну минимальную зарплату и последняя треть получает менее двух минимальных зарплат, т.е. находятся на уровне абсолютной бедности. Таким образом, две трети населения живет на пороге нищеты и лишь одна треть относительно обеспечена. Концентрация доходов в Бразилии, отмечал Э. Жагуарибе, была наиболее поляризованной в мире: 10% наиболее богатых владели 50% ренты, а 50% имели 10% ренты (в 1972 г. 20% “низших слоев” имели 2% ренты, а 10% “высших слоев” – 50,6%)¹².

Особое внимание придавалось изучению “низших классов”. Бразильскими исследователями была разработана методология анализа нищеты, определены рамки понятий “абсолютная” и

“относительная” нищета. В качестве критериев берется уровень и качество жизни, уровень потребления, доступ к образованию, качество питания, обеспеченность жильем. Специальные методики подсчета учитывают процентное выражение неравномерного распределения ВВП¹³. Сущностные характеристики бедности определяются тем, что она связана с низкой производительностью труда и с участием в неформальной экономике.

В развитие своей концепции социального дуализма Жагуарибе указывал, что если “современное общество” в Бразилии включает ничтожно малую часть населения, то 60% его включено в “традиционное общество”¹⁴. Причем в отличие от прежних эпох, когда доминировал экономико-географический принцип размещения этих секторов (“современный” был обычно связан с городом, а “традиционный” – с деревней), ныне, в условиях массовых миграций из села в город, эти два общества “сосуществуют в одних и тех же городах и на одних и тех же улицах”¹⁵. Примером могут служить район Мурумби в г. Сан-Паулу, где кричащая бедность наиболее запущенных фавел вплотную соседствует с вызывающей роскошью самых привилегированных особняков, и “знаменитая” фавела Росинья в г. Рио-де-Жанейро, примыкающая непосредственно к наиболее фешенебельным отелям на океанском побережье.

Нищета и бедность естественным образом порождают неграмотность. Половина детей и подростков до 15 лет не имели начального образования. Данные Э. Жагуарибе и Н. ду Валле-э-Силва были таковы: 20% населения были полностью неграмотны, 40% населения могли быть отнесены к категории “относительная неграмотность”; 75% бедных и 46% семей находились в состоянии “критической бедности”, где глава семьи не имел даже одноклассного образования¹⁶. Со всем вышеперечисленным Жагуарибе связывал и низкое качество жизни малообеспеченных слоев. Половина “жилого фонда” в бедных кварталах не имела электричества, 71% – канализации, 79% – холодильника. В наибольшей степени низкое качество жизни было характерно для Северо-Востока, где жила почти половина бразильской бедноты¹⁷.

Э. Жагуарибе и Н. ду Валле-э-Силва указывали на жизненную необходимость положить конец нищете, включив большинство населения в такую модель развития, которая предполагала бы становление современного общества. Чтобы покончить с нищетой и невежеством, рекомендовали они, следует проводить политику полной занятости, обеспечить полнокровную социальную защиту. Однако ассигнованные немалые средства на социальную безопасность, жилье и высшее образование не только не попада-

ют представителям “низших классов”, но, наоборот, используются в своих интересах “лучше поставленными слоями” (*as camadas melhor posicionadas*)¹⁸.

Маргинальные слои – традиционная тема социологических исследований – продолжали оставаться одним из основных объектов изучения в проблематике “нищеты и бедности”. Отмечалось, что маргинализация масс происходит, помимо прочего, и из особенностей географического положения Бразилии, где на огромных пространствах рассеяны массы людей, лишенных минимальных социальных удобств. Огромный неформальный сектор экономики, в котором занято 37 млн человек (по сравнению с 23 млн человек, занятых в “формальной экономике”¹⁹), поглощая миллионы выходцев из трудящихся слоев других “низших” классов, также множил количество маргинализированных. Кроме того, нищета и бедность, как отмечал Н. ду Валле-э-Силва, характерны для занятых в сельском хозяйстве, в горнодобывающих отраслях и в сфере услуг. В аграрно-промышленном секторе – это участь мужчин, а в сфере услуг – женщин. Обследования показывали, что именно эти группы в наибольшей степени попадали в разряд нищеты и бедности, именно они составляли так называемое “население с низким уровнем доходов” (*população da baixa renda*), и хотя наибольшие показатели давал Северо-Восток, подобная ситуация характерна для всех регионов²⁰. Так, С. Гонзага отмечал рост неформального сектора в Рио-де-Жанейро, где массы уличных торговцев ведут драматичную борьбу за выживание²¹. Ряды пауперов пополняли выходцы из “трудящихся классов”, которые, становясь безработными, ведут ежедневную борьбу за существование²².

Социолог Л. Коварик писал, что если вначале концепция “маргинальности” являлась лишь синонимом слов “фавела”, “бариада”, “поселок нищеты”, то затем это понятие стало обозначать “образ жизни и жизненное положение”, главной характеристикой которых стали низкий уровень доходов и образования, полная и скрытая безработица, разрушение семейных связей, отсутствие социального участия. В этом смысле фавела является тем “зеркалом, которое отражает структуры общества и идущие в нем процессы”²³.

С близких позиций рассматривал фавелу Р. Боши: “Фавела есть социальная система, соединяющая разнородные черты” и функционирующая по собственным законам. Формулируя свою концепцию по проблематике фавелы, он приводил социологические разработки американских авторов²⁴. Согласно поддерживаемой ими теории “массового общества”, ускоренный процесс индустриализации и урбанизации, по мере разрушения традицион-

ных общин, ведет к разложению устоявшихся связей и тех каналов, которые являются посредниками между обществом и индивидуумом. Таким образом, состояние маргинальности предстает как результат изоляции индивидов. Р. Боши критиковал данный подход, показывая, что “маргинальный сектор”, состоящий по преимуществу из бедняков и сельских мигрантов, способен выработать определенную самозащиту против воздействия урбанизации и индустриализации, создавая собственную “субкультуру” по типу “закрытого общества”²⁵.

Таким образом, полемика по вопросу о степени устойчивости фавелы как особого социокультурного и исторического образования была тесно связана с более общей проблематикой сущности факторов модернизации. Растущая маргинализация и пауперизация масс являются как результатом исторического прошлого, так и порождением модернизации.

Квинтэссенция этой позиции была выражена в словах видного ученого, лидера Партии бразильской социал-демократии и в тот момент сенатора от этой партии Ф.Э. Кардозу: “Главная проблема Бразилии – проблема социального неравенства. Удастся нашим политикам решить ее, сократить зияющую социальную пропасть, разрывающую страну на две части, приблизить наиболее обездоленную (и наиболее многочисленную) часть населения к человеческим условиям существования – будет обеспечен мощный прорыв Бразилии в XXI век, не удастся – груз социальных проблем потащит нас назад”. В этих словах, произнесенных в 1990 г. в беседе с автором данного раздела, отразились мощные общественные настроения, охватившие страну в первой половине 90-х годов.

* * *

С личностью Кардозу в бразильском обществе были связаны многие надежды. Будучи одним из основателей и лидеров Партии бразильской социал-демократии (ПСДБ), он провозгласил в качестве одной из важнейших целей будущего реформирования страны уменьшение социальной дезинтеграции, сокращение огромного разрыва между двумя полюсами бразильского общества. Лейтмотивом первой предвыборной кампании Кардозу в 1994 г. стала его идея о том, что Бразилия нуждается в новой модели развития в сочетании с социальной справедливостью; это породило эпоху больших ожиданий в обществе (всю Бразилию и весь мир облетели тогда его слова о том, что “Бразилия – это не слаборазвитая, а несправедливая страна” и она нуждается в “социальной справедливости”). Проблемы социальных отношений, социального неравенства всегда находились в центре внимания Кардозу и как исследователя, и как политика²⁶.

В целом за годы правления Кардозу (1995–2002) было реализовано около 50 социальных программ. Помимо традиционных программ по развитию образования и здравоохранения правительство ввело в практику программы пополнения доходов, предусматривавшие адресную поддержку наименее обеспеченных семей путем перевода средств федерального бюджета на решение конкретных социальных задач. В частности, по программе искоренения детского труда семьи с доходами на одного члена ниже минимальной зарплаты получали ежемесячно до 45 реалов в городах и до 25 реалов в сельской местности. Низкооплачиваемые семьи получали также пособия на содержание детей (не более трех), субсидии на оплату газа. Расходы на реализацию этих программ составили в 2002 г. 2,6 млрд реалов²⁷.

Крупнейшей социальной программой, проведенной Кардозу, была программа “Солидарное содружество”, позволившая в определенной мере сократить нищету и улучшить многие социальные показатели. Программа была создана в 1995 г., с приходом к власти правительства Кардозу (и реализовывалась под патронажем его супруги, известного социолога Рут Кардозу), как инструмент привлечения граждан к общественной жизни и выработки новых форм партнерства между государством и гражданским обществом. В самой философии программы была заложена идея необходимости привлечь институты гражданского общества – прежде всего неправительственные, некоммерческие организации, ассоциации, объединения – для решения социальных проблем. При их участии реализовывались проекты по вовлечению наиболее социально уязвимых слоев населения в общественную жизнь, законодательно закреплялись механизмы сотрудничества между неправительственными общественными организациями (НПО), частным сектором и государством в деле эффективного и адресного распределения бюджетных ресурсов для неимущих. Главными в рамках программы стали образовательные проекты – “Солидарная профессиональная подготовка” (в рамках проекта начали работу 40 НПО, а к 2000 г. их число выросло до 1800 в девяти крупных городах страны) и проекты по ликвидации неграмотности среди молодежи. В реализации проектов приняли участие университеты, частные предприятия, местные органы власти при активной поддержке населения. Претворялись в жизнь проекты “Солидарный университет” и “Молодежная сеть”²⁸.

На всех этих направлениях были достигнуты немалые и достаточно зримые результаты. Однако практическая реализация идеи глубинных, структурных реформ с самого начала столкнулась с большими трудностями. И хотя с именем Кардозу связано

немало позитивных результатов, в целом замедление темпов экономического роста привело к сокращению внешних инвестиций, росту безработицы, обострению социальных проблем.

* * *

“Восьмилетие Кардозу” закончилось. К власти пришло правительство левых во главе с лидером Партии трудящихся (ПТ) Луисом Инасиу Лулой да Силва, в четвертый раз боровшимся за президентский пост и победившим на выборах 2002 г. Он вступил в должность в обстановке высоких общественных ожиданий и надежд. Его победа явилась весьма закономерной и предсказуемой. И дело не только в том, что он боролся за президентское кресло в четвертый раз и что за него проголосовали 52 млн человек (61,3% всех участвовавших в голосовании), хотя само по себе это беспрецедентное событие. Важной особенностью социально-психологического климата страны, предопределившего победу Лулы, явилось осознание бедными слоями того факта, что впервые в истории страны президентом стал “один из них” – человек, вышедший из низов и испытавший на протяжении своей жизни все тяготы и невзгоды, включая голод, нужду и невозможность получить достойное образование. Победа Лулы впервые в истории Бразилии нарушила традицию верховенства традиционных политических элит и олигархических кланов²⁹.

«Перемены: вот ключевое слово, вот грандиозное послание бразильского народа, которое Лула адресовал тем, кто его избрал в октябре, – писала газета “Эстаду ди Сан-Паулу”. – Надежда победила страх, и общество удостоверилось в том, что настал час проложить новые пути развития»³⁰.

Главной целью своего первого президентского срока Лула объявил стремление вовлечь народ в “великий гражданский поход против голода”. Одновременно он обратился к традиционной для Бразилии идее “социального пакта”, заявив, что облегчить проведение реформ призван именно союз, в рамках которого объединились бы труд и производительный капитал.

Главной задачей правительства Лулы была заявлена триединая формула борьбы с бедностью, с голодом и за снижение вопиющего социального неравенства. Именно на это были нацелены как провозглашенный им курс на возобновление экономического роста, на создание новых рабочих мест (эта линия была поддержана национальными предпринимательскими элитами, в противовес финансовой буржуазии), так и основные реформы, наиболее приоритетные из которых – пенсионная и налоговая. С февраля 2003 г. стала воплощаться в жизнь широкомасштабная, получившая громкий международный резонанс программа “Нет

голоду” (“Fome Zero”), призванная охватить десятки миллионов голодающих. “Я буду счастлив, – заявил Лула в триумфальный для него день победы на выборах, – если через четыре года моего президентского срока все без исключения бразильцы смогут питаться три раза в день”.

Выступая на конференции Всемирного банка в Шанхае (май 2004 г.), Лула выдвинул важный тезис о том, что “пока проблема борьбы с голодом будет рассматриваться как узкосоциальная, она сможет стать лишь темой диссертаций или красивых речей, поэтому следует превратить ее в проблему большого политического и экономического масштаба и звучания, в приоритетную проблему для всех правительств мира”. В сентябре 2004 г. в Нью-Йорке, в рамках ООН по инициативе Бразилии и при поддержке правительств Испании, Франции и Чили состоялась встреча на высшем уровне по проблемам борьбы с голодом, на которой присутствовали более 50 глав государств и правительств. Лула заявил: голод – это социальная проблема, которую надо решать как проблему политическую; голод ставит под вопрос самое главное право человека – право на жизнь. Подчеркнув, что одним из главных современных вызовов является необходимость искоренения структурных причин голода и слаборазвитости, президент указал, что путем к этому является сокращение асимметричного характера мировой экономики, сбалансированная мировая торговля и уменьшение давления на развивающиеся страны.

Без преувеличения, программа “Нет голоду” имеет жизненное значение для Бразилии, где недоедает около трети населения, половина сельского населения имеет доход в 1 долл. в день, а в целом насчитывается, по разным оценкам, от 44 млн до 46 млн голодающих³¹. Подобная ситуация была признана правительством абсолютно недопустимой, особенно на фоне того, что в 2003 г. Бразилия превратилась в крупнейшего мирового экспортера мяса и сои и достигла рекордной отметки сбора урожая зерна в 120 млн т, т.е. стала страной, способной полностью обеспечить свое население продовольствием³². Программа “Нет голоду” стала первым политическим решением Лулы и была названа им поистине “исторической задачей”.

Для ее реализации были созданы специальные органы – Национальный совет по продовольственной безопасности и Чрезвычайное министерство продовольственной безопасности, оба с самыми широкими полномочиями. Президент провозгласил, что к концу его президентского мандата в 2006 г. программа “Нет голоду” должна охватить 11,4 млн семей. Самим ходом реализации программа призвана содействовать объединению всей нации, как это уже случалось в периоды природных катастроф и других бедствий.

Одним из первых шагов новых министерств стало проведение своего рода социальной переписи, т.е. выявление наиболее критических зон, так называемых “зон риска”, где проживают самые нуждающиеся.

Программа “Нет голоду” увязывает “продовольственную безопасность” с общей стратегией социально-экономического развития, важным компонентом которой является стремление уменьшить социальное неравенство всех слоев бразильского общества и обеспечить их “социальную включенность”. Она предусматривает целый спектр проектов, призванных обеспечить “количество включенных, качество и регулярность доступа к продовольствию” бразильской бедноты.

Цель программы “Нет голоду” виделась ее авторам не столько в сиюминутной раздаче еды голодным (хотя реалии Бразилии таковы, что нужно и это), сколько в том, чтобы способствовать внедрению новой модели, ориентированной на экономический рост, развитие внутреннего рынка, создание новых рабочих мест, повышение зарплат и т.д.³³ В соответствии с этим программа носила комплексный характер и включала в себя три группы социальных проектов.

1. Структурная политика, направленная на искоренение наиболее глубоких причин голода и нищеты, включала следующие пункты: политика занятости, аграрная реформа, пенсионное обеспечение, доступ к кредитам, развитие “семейных подрядов” в деревне, в целом поддержка семей (программа “Bolsa Familia” – “Семейная корзина”), продовольственная безопасность и обеспечение качественного питания, доступ к образованию, здравоохранению, ликвидация неграмотности.

2. Специальные программы, нацеленные непосредственно на наиболее нуждающиеся семьи: обеспечение минимальной ренты, школьные обеды, определение минимума продовольственной корзины и “чрезвычайной корзины” самых необходимых продуктов, искоренение голодания малолетних детей и их матерей, организация “народных столовых”, создание специальных “продовольственных программ” для имеющих работу, но не способных обеспечить себе элементарный уровень пропитания.

3. Специальные продовольственные программы на местах, на микроуровне – в префектурах, муниципиях, маленьких городках: организация альтернативных каналов продажи продуктов для малообеспеченных путем заключения договоров с супермаркетами и оптовыми рынками, создание потребительских кооперативов, продажа продовольствия без посредников, стимулирование семей производить продовольственные продукты для собственного потребления³⁴.

Для осуществления столь масштабной программы было необходимо изыскать источники финансирования. В начале 2003 г. они были найдены в госбюджете, который – уже в первые дни после инаугурации правительства – подвергся сокращению, пришлось даже отказаться от выполнения ранее заключенных контрактов по закупке вооружения, было также санкционировано резкое снижение расходов министерств, не имеющих отношения к социальным программам. Сокращение государственных расходов имело место и в начале 2004 г. (Немалую роль играет помощь Межамериканского банка развития и Всемирного банка, который обязался в течение шести лет выделить на эти цели 2 млрд долл.³⁵)

В октябре 2003 г. для повышения эффективности программ непосредственной финансовой поддержки беднейших слоев населения программа “Продовольственный пакет” (Cartão Alimentação) была объединена с оставшимися от прежнего правительства проектами помощи детям и снабжения газом в новую программу “Семейная корзина” (“Bolsa Família”). С 2004 г. к ней добавились проекты по ликвидации детского труда и повышения уровня социального и гуманитарного развития молодежи. В 3,5 раза увеличились пособия для бедных семей. В 2003 г. затраты на данную программу составили 4,3 млрд реалов. В 2004 г. начались переговоры правительства, штатов и муниципалитетов об объединении усилий по преодолению бедности и формированию “Единой системы социальной поддержки”, что позволило бы увеличить выплаты на семью до 115 реалов и включить в программу “Семейная корзина” около полумиллиона семей в штатах Акре, Баия, Гойяс, Мату-Гроссу-ду-Сул и Рио-де-Жанейро³⁶.

Правительство осознавало, что по-настоящему глубокая политика по реорганизации экономических и социальных структур общества, заявленная в программе “Нет голоду”, может быть эффективной только в случае мобилизации всех общественных сил, организаций и институтов гражданского общества и целью которой является не благодетельствование нескольких беднейших семей, а обеспечение доступа десяткам миллионов граждан страны к образованию, здравоохранению, занятости, ликвидации неграмотности. Гражданское общество с энтузиазмом поддержало данную программу: в момент ее объявления 87% населения высказалось в ее поддержку и заявило о готовности внести свой вклад в ее реализацию. С этой целью был создан целый ряд организаций – Содружество обществ по борьбе с голодом, Гражданское действие и др., – включенных в Национальный совет продовольственной безопасности. Активную роль играли также муниципальные и региональные комитеты и многочисленные неправительственные организации³⁷.

Свою лепту в дело реализации программы внесла бразильская армия, заявившая о том, что она не останется в стороне от столь важного общенационального социального проекта. В частности, в каждом штате были созданы определенные воинские подразделения, обязанностью которых стал сбор продовольствия для немущих³⁸.

Самым активным образом поддерживали программу предпринимательские элиты (позиция которых в целом сыграла важнейшую роль в победе кандидата от левой оппозиции на выборах 2002 г.). Практически все крупные национальные организации бразильских предпринимателей рассматривали борьбу с голодом как ведущий социальный проект общенационального масштаба. Позиция делового мира была в общей форме выражена в декларации крупнейшей бразильской компании – нефтяного гиганта “Петробраз”, заявившей о том, что важной целью предпринимательского сообщества является социальная ответственность бизнеса, а “Нет голоду” – ее существенная часть, наряду с правами человека и экологической безопасностью³⁹.

Ведущие предпринимательские организации и компании – Федерация промышленников штата Сан-Паулу, Федерация бразильских банков, Торговая палата штата Минас-Жерайс, Бразильская ассоциация производителей тары, группа “Пао-ди-Асукар”, компании “Нестле”, “Бразил Телеком”, “Глобу”, “Банку ду Бразил”, та же “Петробраз” и др. – сами провозглашали широкий спектр социальных проектов в рамках программы “Нет голоду” (организация курсов по ликвидации неграмотности, поддержка школьного образования и т.д.), учреждали премии за наиболее эффективные проекты, создавали новые рабочие места⁴⁰. Так, “Петробраз”, реализуя проекты для бедных, занимался проблемами образования, семейного подряда (поощрение семей, находящихся на самообеспечении, помощь в сбыте их продукции, обеспечение их новыми технологиями, помощь в проведении ирригационных работ, обеспечении питьевой водой) и планировал довести количество “опекаемых” им таким образом семей до 10 тыс. к 2006 г.

В ходе своей встречи 27 декабря 2003 г. с активистами программы “Партисипасао” (привлечение предпринимателей в “компании солидарности” по сбору добровольных пожертвований в рамках “Нет голоду”) президент приводил факты участия крупных компаний в сборе продовольствия (так, группа “Пао-де-Асукар” собрала более 3 т продуктов и распределила их среди нуждающихся через специальные магазины) и в проектах модернизации сельскохозяйственного производства (Федерация бразильских банков вложила свои средства в сооружение 90 тыс. водо-

хранилищ и водоемов в засушливых регионах; это немного, сказал Лула, но это лишь первый шаг, правительство собирается создать 1 млн водоемов).

По данным бразильского Института прикладных экономических исследований, 96% бразильских компаний (как крупных, так и малых), поддерживая концепцию “социальной ответственности бизнеса”, передают часть своих средств на общественные цели. 87% компаний вкладывают средства в образовательные проекты. На Северо-Востоке вовлеченность фирм в социальные программы возросла на 35%, в штате Минас-Жерайс – на 81%, в целом предприятия ежегодно инвестируют в социальную сферу 4,7 млрд реалов (что, впрочем, составляет лишь 0,43% ВВП)⁴¹.

Эта сторона бразильского опыта доказывает, что при определенных усилиях и общем росте чувства гражданской ответственности крупный и средний бизнес способен преодолеть эгоистические интересы и реально включиться в процесс реализации социальных реформ в целях борьбы с бедностью.

Предварительные итоги реализации программы носят двоякий характер. С одной стороны, она ознаменовала важный шаг на пути снижения социального неравенства. За 2003 г. срочную помощь (в основном это ежемесячная “продовольственная корзина” стоимостью в 50 реалов – около 20 долл., а также скромное денежное пособие, которое, впрочем, увеличилось втрое по сравнению с предыдущим периодом) получили более 1 млн 200 тыс. беднейших семей. К концу 2003 г. было запланировано увеличение расходов на программу с 5 млрд до 5,3 млрд реалов с целью охватить 3,6 млн семей. Министерство продовольственной безопасности занято разработкой еще 20 проектов в рамках программы, ассигнованы средства на развитие системы “народных столовых” и подсобных хозяйств. В регионах Севера и Северо-Востока программой охвачено более 1200 муниципий. На начало 2004 г. программа охватывала 8 млн человек в 2300 муниципиях⁴². Лула отметил, что за этот период сделано гораздо больше первоначально намеченного; было преодолено немало трудностей, неизбежных для работы в глубинных структурах общества. На конец 2004 г. программой “Семейная корзина”, ставшей самой крупной в истории Бразилии программой финансирования семейного сельского производства, было охвачено около 5 млн семей (что равно как минимум 20 млн человек), было выделено 5,9 млрд реалов. С января по апрель 2004 г. было создано 543 тыс. новых рабочих мест, что явилось наилучшим показателем с 1992 г. Школьное питание получали 36 млн детей из бедных семей, были уменьшены федеральные налоги на продукты первой необходимости. Одновременно с этим, подчеркнул президент,

в истории Бразилии не было момента, когда само гражданское общество, мобилизовав бизнес-сообщество, столь активно включилось бы в осуществление подобных социальных проектов, обеспечив общественный контроль над их реализацией⁴³.

Социальная стратегия правительства Лулы сочеталась с выполнением восьми социальных программ ООН, принятых на “Саммите тысячелетия” в 2000 г. и рассчитанных на период до 2015 г. (искоренение голода и крайней нищеты, развитие начального образования, равенство полов, сокращение детской и материнской смертности, излечение смертельных болезней, сохранение окружающей среды, санитарное улучшение жилья и защита лесов). Вместе с тем Лула заявил, что если в целом Бразилия сумеет к 2015 г. выполнить большинство целей (особенно в области начального образования, равенства полов, борьбы со СПИДом и малярией), то трудновыполнимым к данному сроку является пункт о сокращении наполовину нищеты и голода⁴⁴.

С другой стороны, в реализации программы “Нет голоду” выявилось немало трудностей. Так, ее активно поддерживали далеко не все штаты: лишь пять штатов объединили свои усилия в реализации программы поддержки семьи (“Семейная корзина” — программа, параллельная программе “Нет голоду”), самые же богатые штаты, по данным газеты “Эль Паис”, остались в стороне. Трудность была и в дублировании действий штатов и центра, в результате чего в разных регионах страны программа получала разное материальное наполнение⁴⁵. Было выявлено немало фактов разбазаривания средств, забюрократизированности программы и медлительности в ее реализации⁴⁶.

Подобно всей социальной политике правительства, программа “Нет голоду” находилась в центре острой и достаточно жесткой критики, в основном слева, со стороны так называемого “радикального крыла” Партии трудящихся. Программу критиковали за ее “слабость”, “неадекватность главным целям развития страны”, “пропагандистский характер”⁴⁷. По мнению левых оппонентов Лулы, его правительство проводило “неолиберальную”, “антинародную” политику, а программа “Нет голоду” выполнялась лишь в ее несущественной части (срочная помощь голодающим). Вторая же часть, ориентированная на структурные реформы (занятость, создание новых рабочих мест, аграрная реформа, наполнение бюджета), не реализовывалось (о слабой реализации аграрной реформы постоянно напоминал лидер “Движения безземельных” Ж.-П. Стедиле)⁴⁸. Да и конкретную часть критиковали справа и слева: распределение “корзин с едой” рассматривалось как устаревшая социальная практика, с одной стороны, завязанная на неизбежном при любом распределении

благ клиентелизме, а с другой – напоминавшая “борьбу за голоса” в ходе избирательных кампаний⁴⁹.

Одна из главных причин, тормозящих проведение программы, видится в отсутствии аграрной реформы. Действительно, в отличие от ряда других латиноамериканских стран она в Бразилии не состоялась, а та, что намечена нынешним правительством, рассчитана на три года (на самом деле она может растянуться на 10 и более лет), сильно забюрократизирована и не имеет шансов на быструю реализацию. (Ж.-П. Стедиле приводил такие данные: за два первых года были предоставлены земельные участки лишь 55 тыс. семей, а в целом аграрная реформа не стала проектом национального развития, а, напротив, агробизнес превратился в модернизированной крупную земельную собственность)⁵⁰.

Правительство само видит главную причину трудностей. Влиятельный советник президента Марко Аурелио Гарсиа считает, что программы, подобные “Нет голоду”, могут помочь лишь в частностях, но не в состоянии полностью изменить облик Бразилии. Ведь основные массы бедноты сосредоточены не в сельской местности, а в крупных мегаполисах и в прилегающих к ним “поясах нищеты”. Для того же чтобы преодолеть эту нищету, нужно нечто больше, чем “просто” социальная политика, – необходимо коренное изменение инфраструктуры, создание такой производственной среды, в которую было бы вовлечено все общество. Решение же данной задачи требует времени⁵¹.

* * *

Правительству Лулы не только удалось удержать Бразилию от дальнейшего сползания в пучину экономического и социального кризиса, но и вывести ее на позитивные макроэкономические показатели, а главное – вернуть доверие к стране, констатировал бывший председатель ПТ Ж. Женоину, подводя итог “ста дням” новой власти. “Если в прошлом в Бразилии имел место экономический рост без перераспределения ренты (а в недавние годы не было ни того, ни другого), то ныне главной задачей правительства является экономический рост и перераспределение ренты”. Важным шагом на пути реализации социальных программ стало создание таких новых государственных институтов, как министерства по делам городов, по делам женщин, социального вспомоществования, института по обеспечению расового равенства⁵².

Однако во второй половине 2003 г. правительство в проведении своей социальной политики столкнулось с немалыми трудностями. Его деятельность, буквально каждый его шаг находились в фокусе острейшей идейной и политической борьбы. Суть жест-

кой критики Лулы со стороны “радикалов” из ПТ сводилась к тому, что, по их мнению, Лула “отступил от своих предвыборных обещаний” и проводил недостаточно радикальный курс, который окрестили как “неолиберальный”, “продолжающий стратегию прежнего правительства”. В знак протеста против подобной политики ПТ, трактуемой ими как неприемлемая для “подлинно народной, всегда выступавшей с боевых позиций базового синдикализма, выражавшей интересы широких социальных движений и несшей в себе социалистический потенциал” партии, целый ряд ее видных деятелей и идеологов, многие из которых стояли у ее истоков и были в числе ее руководителей (Ф. ди Оливейра, Р. Антунес, Н. Коутинью, Л. Кондер и др.), заявили о выходе из ее рядов.

Представители радикальных течений ПТ называли правительство Лулы “буржуазным”, предпринятые им реформы – “антинародными”, проводившимися “в интересах финансового капитала”. Политика Лулы, по их мнению, являлась не более чем продолжением политики кабинета Ф.Э. Кардозу (“третий срок кабинета Кардозу”).

Огромный удар по проводимым реформам нанес крупнейший коррупционный скандал, разгоревшийся во второй половине 2005 г. и потрясший сами основы политической системы страны. Общество испытало огромный психологический шок от обнаруженных фактов коррупции, в которой оказались замешаны, за исключением самого президента, высшие руководители государства и ПТ. Коррупционный скандал спровоцировал обширный политический кризис, который, с одной стороны, отвлек общество от обсуждения путей и методов борьбы с бедностью, а с другой – существенно затормозил сам ход социального реформирования и прежде всего реализацию программ по борьбе с бедностью и голодом.

Однако, как бы ни сложилась дальнейшая судьба левого правительства Бразилии, непреложным фактом является предпринятая им масштабная политика по преодолению бедности. Острая полемика вокруг реформ обнажила сложнейшую задачу: пройти в буквальном смысле слова по острию бритвы, проводя достаточно радикальные (и достаточно болезненные для, например, среднего класса) реформы и вместе с тем избегая изоляции Бразилии в мире. Но решение главной задачи – ускорение экономического роста, привлечение национальных и иностранных инвестиций, создание беспрецедентно огромного количества новых рабочих мест, концентрация на этой базе средств в руках правительства и направление их на проведение глубоких социальных реформ, удовлетворение ожиданий огромных слоев обездоленных – еще впереди.

¹ Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. М., 1975. С. 110; Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. М., 1981. С. 61, 78–79, 83–84, 187, 191, 214–215; As peripécias do artífice na reforma sindical // Jornal do Brasil. Rio de Janeiro. 16.03 2005.

² Коваль Б.И. Указ. соч. С. 110–113; Калмыков Н.П. Указ соч. С. 165–167, 171–172; As peripécias.... // Jornal do Brasil. Rio de Janeiro, 16.03 2005.

³ Строганов А.И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995. С. 174; Коваль Б.И. Указ. соч. С. 131.

⁴ Коваль Б.И. Указ. соч. С. 141, 143–144; Строганов А.И. Указ. соч. С. 177.

⁵ Строганов А.И. Указ. соч. С. 178, 199–200; Сосновский А.А., Забелина Т.Ю. Бразилия до и после “чуда”. М., 1986. С. 57, 63–64, 120; Калмыков Н.П. Указ соч. С. 4; Коваль Б.И. Указ. соч. С. 160; Господствующие классы Латинской Америки. М., 1978. С. 292, 296, 298–299; Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983. С. 212.

⁶ Караванов А.П. Институционализация политической демократии (бразильский опыт) // МЭМО. 1991. № 5; Сосновский А.А., Забелина Т.Ю. Указ. соч. С. 141–142.

⁷ Подробнее см. Окунева Л.С. Модернизация политической структуры Бразилии // Бразилия: реформы и прогресс. М., 1997. С. 44.

⁸ Подробнее см. Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. М., 1994. Кн. 1. С. 142–171.

⁹ См. Jaguaribe H. et al. Brasil: reforma ou caos. Rio de Janeiro, 1991. P. 63.

¹⁰ Ibid. P. 19.

¹¹ Ibid. P. 20.

¹² Jaguaribe H. Para um novo pacto social. Rio de Janeiro, 1985. P. 10; Folha de S. Paulo. 19.12 1990; Isto é/Senhor. 26.12 1990. P. 49.

¹³ Jaguaribe H. et al. Brasil: reforma ou caos. P. 64.

¹⁴ N. do Valle e Silva. A situação social ao fim da “década perdida” // O Estado social da Nação: um balanço dos anos recentes. Rio de Janeiro. IUPERJ. Cadernos da conjuntura, 1991. N 47. P. 12.

¹⁵ Jaguaribe H. et al. Brasil: reforma ou caos. P. 17.

¹⁶ Ibid. P. 18; N. do Valle e Silva. Op. cit. P. 11–12.

¹⁷ Jaguaribe H. et al. Brasil: reforma ou caos. P. 18.

¹⁸ Ibid. P. 20–21; N. do Valle e Silva. Op. cit. P. 1, 12.

¹⁹ J.P. dos Reis Velloso. Modernização política e desenvolvimento: primeira aproximação. Rio de Janeiro, 1990. P. 37.

²⁰ Jaguaribe H. et al. Brasil: reforma ou caos. P. 77–78.

²¹ Rio de todas as crises // Rio de Janeiro. IUPERJ. Cadernos da conjuntura, 1990. N 80. P. 17.

²² São Paulo. Trabalhar e viver. 1989. P. 9.

²³ Kowarick L. Marginalidade urbana e desenvolvimento: aspectos teóricos do fenómeno na América Latina. Tese de doutorado. Faculdade de filosofia, letras e ciências históricas da USP, 1972. P. 3–5.

²⁴ Kornhauser W. Discontinuities in Community // The Politics of Mass Society. SL., S.A. P. 142–148; Wirth L. Urbanism as a Way of Life. S.L., S.A.; Lewis O. Urbanization without Breakdown: a case study // A. Heath, R.A. Adams. Contemporary cultures and Societies. N.Y., S.A.

²⁵ Boschi R.R. Marginalidade urbana, educação e aspiração: uma contribuição à teoria do comportamento político. Tese de mestrado. Instituto Universitário de

pesquisas de Rio de Janeiro, 1976; *Idem*. O Arco-Iris da modernidade: do Brasil Novo à República Velha // O governo Collor em questão: problemas e perspectivas. Rio de Janeiro. IUPERJ. Cadernos da conjuntura. 1990. N 34/35. P. 4.

²⁶ Подробнее о научных и политических взглядах Ф.Э. Кардозу см.: Окунева Л.С. Президент Бразилии Ф.Э. Кардозу: взгляды ученого и политика реформ (1994–2002) // В мире лузофонии. СПб., 2003.

²⁷ Окунева Л.С., Теперман В.А. Социальные проблемы – приоритетная задача // Бразилия: перемены и постоянство. Аналитические тетради ИЛИА РАН. 2004. № 15. С. 53, 55–56.

²⁸ Кардозо Р. Социальная политика может быть эффективной // Латинская Америка. 2002. № 2. С. 30–33.

²⁹ Le Monde. 1.01 2003.

³⁰ Estado de São Paulo. 2.01 2003.

³¹ Como as empresas podem apoiar e participar do combate à fome. São Paulo, 2003. P. 19.

³² Ibid. P. 5.

³³ www.pt.org.br/site/noticias/fomezero.asp

³⁴ Ibidem; Como as empresas podem apoiar e participar do combate à fome; Segurança alimentar: a contribuição das entidades empresariais. São Paulo, 2003.

³⁵ См.: Окунева Л.С., Теперман В.А. Указ. соч. С. 60.

³⁶ Там же. С. 59–60.

³⁷ Programa Fome Zero. Portal da cidadania.htm; Mattar M.E. Brasil: Fome Zero e as organizações da sociedade civil // www.fomezero.org.br.

³⁸ Participação do exército no Programa Fome Zero // www.fomezero.org.br

³⁹ Como as empresas podem apoiar e participar do combate à fome. Op. cit.; Segurança alimentar: a contribuição das entidades empresariais. Op. cit.

⁴⁰ www.fomezero.org.br

⁴¹ Folha de São Paulo. 31.03 2005.

⁴² Folha de São Paulo. 14.01 2004.

⁴³ Folha de São Paulo. 31.03 2005.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ El País. Madrid, 4.10 2003.

⁴⁶ Folha de São Paulo, 9.02 2004; El País, 4.10 2003.

⁴⁷ Folha de São Paulo. 1.02 2004; Petras J. Brazil and Lula: Year Zero. S. L., 2003. P. 79.

⁴⁸ Petras J. Op. cit. P. 79; Entrevista con J. P. Stedile 5/04/2005 – www.rebelion.org

⁴⁹ Ruth Cardoso. Entrevista // Tiempos del mundo. Buenos Aires, 18–24.09 2003.

⁵⁰ Бразилия: реформы и прогресс. М., 1997. С. 131–140; Le Brésil de Lula. Paris, 2003. P. 177, 178; Entrevista con J.P. Stedile 5/04/2005 – www.rebelion.org

⁵¹ El País. 4.10 2003.

⁵² Folha de São Paulo. 09.04 2003.

ВЕНЕСУЭЛА

Проблема преодоления бедности в Венесуэле столь же актуальна, как и в большинстве других стран континента. В то же время это специфическая страна. Она обладает огромными нефтяными ресурсами и соответственно неплохими материальными предпосылками для решения этой жизненно важной проблемы.

Достаточно указать, что в середине 70-х – начале 80-х годов по объему ВВП на душу населения, превысившего 2,5 тыс. долл., страна вышла в число лидеров на континенте¹. Это обстоятельство позволило значительно улучшить положение среднего класса, особенно его верхушки.

Относительно благополучным являлось материальное положение наемных работников, занятых на государственных предприятиях и в частном секторе. В основе трудовых отношений лежала система коллективных соглашений между работодателем и профсоюзами. В них были скрупулезно прописаны условия труда и обязательства предпринимателей, способы разрешения возникающих конфликтов, социальные гарантии наемных работников, включая медицинское обслуживание, льготные путевки в дома отдыха².

В тот период Венесуэла представляла собой некое подобие анклава демократии, окруженного военно-диктаторскими режимами. Однако ахиллесовой пятой представительной демократии являлась неспособность правящих кругов интегрировать в социально-экономическую систему маргинальные слои населения, оказавшиеся отстраненными от большинства благ, которыми пользовались другие группы населения. Как точно подметил известный венесуэльский ученый К. Бланко, правящие партии были партиями среднего класса, организованных трудящихся, государственных служащих, но не маргиналов, субпродукта того типа развития, которому следовала страна³.

Неустроенное материальное положение низших страт резко ухудшилось в условиях неблагоприятной нефтяной конъюнктуры, катастрофического падения цен на углеводородное сырье на международных рынках⁴.

Попытки правительства К.А. Переса отказаться от нефтеэкономической модели развития, перейти на рельсы открытой рыночной экономики, повести страну по пути неолиберализма натолкнулись на сопротивление и верхов, и низов. Принятие в феврале 1989 г. пакета мер, согласованных с МФВ, вызвало протест жителей маргинальных кварталов, вылившийся в стихийный бунт, жестко подавленный властью. Это создало благоприятную почву для выхода на авансцену выходцев из вооруженных сил, ведомых ярко выраженным популистом У. Чавесом, выступившим за создание условий для достойной жизни большинства народа.

Бедняки, говорил Чавес, “не могут покупать мясо: они довольствуются едой из банановой кожуры. Дают ее своим детям вместо мяса, так как у них больше ничего нет. Стоимость еженедельной продовольственной корзины равна 60 тыс. боливаров.

Большинство работающих получают меньше 20 тыс. Как они могут питаться, когда недостает еды”⁵.

С начала 1999 г. на политической арене Венесуэлы доминируют так называемые боливарийцы, приверженцы и последователи борца за независимость от испанского колониализма Симона Боливара, пришедшие к власти посредством электоральных процедур. Их лидер Чавес провозгласил необходимость построения демократии участия, справедливого общества, в котором не будет бедных, искоренения нищеты любой ценой, даже за счет благополучия обеспеченных слоев, нивелирование уровня жизни.

После прихода Чавеса к власти приоритетом должна была стать социально-экономическая деятельность, ориентированная на улучшение положения широких масс населения, особенно жителей поселков нищеты, опоясывающих крупные города. На практике же все оказалось не совсем так.

Первые полтора года ушли на реорганизацию политической системы. Осуществлялся тотальный демонтаж институтов представительной демократии, функционировавших на протяжении четырех десятилетий. На референдуме в декабре 1999 г. была одобрена Конституция, согласно которой страна обрела название Боливарианской Республики. В июле 2000 г. прошли выборы всех органов власти снизу до верху. Произошла легитимация левонационалистического неопопулистского режима. Чавес вновь с тем же результатом избирается президентом, теперь уже на шесть лет. С этого момента начинался отсчет его мандата на власть. Однако экономика оставалась заложницей политики. Социальные вопросы фактически отодвинулись на второй план. На это обстоятельство акцентировал внимание соперник Чавеса на выборах Ф. Ариас Карденас, бывший ближайший соратник по путчу. Тем не менее избиратели продолжали верить харизматическому лидеру и вторично оказали ему поддержку. Причины этого феномена венесуэльские ученые Л. Ландер и М. Лопес Майя усматривали не в рациональной, а в эмоциональной плоскости. В подтверждение своего тезиса они цитировали фразу, принадлежавшую участнику демонстрации пенсионеров. Он говорил буквально следующее: “Коррупция унесла все деньги. Перед президентом стоит трудная задача. Действительно, денег нет. Но президент ищет их, и, я знаю, найдет. Потому что он очень умный человек”⁶.

В начале 2001 г. глава государства получил у парламента особые полномочия на разработку законов в социально-экономической сфере. Однако медлил. Наконец они обрушились на общество в одночасье, без обсуждения в высшем законодательном органе, без предварительной квалифицированной экспертизы.

Это явилось вопиющим нарушением базовых принципов демократии участия и вызвало возмущение различных секторов общества. Непосредственной реакцией стала массовая акция гражданского неповиновения, организованная в конце 2001 г. по инициативе предпринимателей и профсоюзов.

Далее последовала череда политических катаклизмов, острых схваток между властью, дрейфовавшей в направлении авторитаризма, и оппозицией, сопротивлявшейся углублению наметившейся тенденции. Своеобразным пиком противостояния стала так называемая бессрочная забастовка в конце 2002 – начале 2003 г., длившаяся 63 дня. Она нанесла огромный урон народному хозяйству. Экономические показатели 2002 г. оказались удручающими. Страна находилась на грани коллапса, который властям с трудом удалось преодолеть, прибегнув к чрезвычайным мерам. Правительство действовало решительно, уволило 15 тыс. нефтяников и капитанов танкерного флота, заменив их штрейкбрехерами, установило контроль над предприятиями пищевых отраслей, отменило свободное хождение доллара, установив фиксированный курс иностранной валюты по отношению к боливару.

В этих условиях не приходилось и думать о внятной социальной политике. Таким образом, в силу совокупности объективных и субъективных факторов первые пять лет оказались фактически потерянными.

Тем не менее был взят курс на реализацию проекта альтернативного развития, отличающегося как от неолиберального, так и от социалистического. Осуществлен ряд мер, направленных на улучшение материального положения незащищенных слоев населения. Стимулировалось и поощрялось создание кооперативных форм в городе и на селе, безземельным крестьянам предоставлялись участки без права продажи, в их распоряжении выделялись техника и семена.

Стремясь наверстать упущенное, власть в 2004 г. после достижения относительной стабилизации осуществила массированное вливание средств в эту сферу. Вот некоторые совокупные данные, озвученные президентом в послании Национальной ассамблее. В 2004 г. 20 тыс. кубинских медиков провели 76 млн консультаций. Свыше 3 млн 800 тыс. взрослого населения охвачено кампанией по ликвидации неграмотности. В ней активное участие принимают кубинские учителя. Численность студентов высших учебных заведений возросла на 400 тыс. и составила 1 млн 400 тыс.

Образована сеть магазинов, торгующих продовольствием по фиксированным ценам. В 2004 г. они обслужили свыше 9 млн человек, объем продаж вырос в 14 раз. Регулярно проводятся яр-

марки на улицах и площадях столицы и других крупных городов, куда непосредственно из глубинки, минуя посредников, завозятся продукты питания. Большую роль в этом играют военные.

Создана сеть финансовых институтов, призванных кредитовать на льготных условиях малоимущие категории населения, включая инвалидов, матерей-одиночек. Среди них – Женский банк, выдавший 12 тыс. кредитов на сумму 10 млрд боливаров малым предприятиям. Банк суверенного народа, выделивший свыше 5 тыс. кредитов на сумму почти в 22 млрд, Фонд микрофинансового развития, выдавший 6 тыс. кредитов на сумму около 25 млрд⁷.

Повышена минимальная заработная плата рабочих⁸ и служащих в частном и государственном секторах, увеличено денежное довольствие военнослужащих. В 2004 г. из бюджета государственной нефтяной компании “PDVSA” на осуществление социальных программ выделено 1,7 млрд долл. На настроениях обитателей беднейших кварталов позитивно сказалось завершение выплаты компенсаций жертвам февральских событий 1989 г. Общая сумма составила 5 млн долл.⁸

Не приуменьшая значимости этих вложений, не трудно усмотреть в них политическую подоплеку. Они были приурочены к инициированному оппозицией референдуму по досрочному прекращению полномочий президента, который состоялся в августе 2004 г., и принесли хорошие плоды. За продолжение мандата главы государства высказались около 60% избирателей⁹.

Приведенные президентом в докладе цифры впечатляют, создавая ощущение особой заботы властей о неимущих слоях. Но если к ним присмотреться повнимательнее, то картина получается не столь радужной. Вот данные Национального института статистики. К моменту прихода к власти команды Чавеса процент бедности составлял 42,8, а к концу 2004 г. он достиг 53%. В 1999 г. в нищенских условиях проживало 16,6% семей, а в 2004 г. – 25%. Это означало, что четверть населения не обладает средствами, достаточными для покрытия расходов на питание¹⁰.

Острейшей проблемой сегодняшней Венесуэлы является безработица. По состоянию на март 2005 г. 48,5% трудоспособного населения, т.е. 4 млн 900 тыс. человек, трудились в неформальном секторе; 1 млн 600 тыс., или 13,5%, не имели никакой работы¹¹.

Было бы неверным говорить, что в этом направлении ничего не делается. Но само по себе создание рабочих мест отнюдь не решает проблему. Предприятия надо создавать не только для того, чтобы снизить безработицу. Необходимо, чтобы они выпускали конкурентоспособную продукцию, пользующуюся спросом на рынках, в том числе и международных. В противном случае

вложенные деньги, не принося отдачи, тратятся впустую. То же касается и многочисленных субсидий, которые быстро испаряются, а их получатели превращаются в иждивенцев, порой довольствующихся жалкими пособиями. При этом многие из них отнюдь не склонны проявлять интерес к труду. Получается своеобразный замкнутый круг. В конечном итоге это развращает население.

Одним из способов смягчить безработицу стало создание так называемых Центров временной занятости. Их особенность заключаются в следующем. С нанимаемыми работниками заключаются трудовые контракты, они наделяются всем, чем пользуется постоянный персонал. На них заводятся трудовые книжки, распространяются социальные гарантии. Это первый шаг на пути трансформации неформала в полноценного работника. В свою очередь предприятия, берущие на работу такой персонал, пользуются заметными налоговыми послаблениями. В отличие от Европы, где подобная форма широко практикуется, в Венесуэле она еще только начинает внедряться. Способность создать такие места пока ограничиваются 100 тыс. человек¹².

Власти утверждают, что особо заботятся о жилье для малоимущего населения. Приводят цифры, способные сбить с толку людей. Но данные экспертов показывают, что на эти нужды ассигнуется лишь 12% от суммы, предназначенной на покупку вооружений¹³.

Одним из важнейших направлений социальной политики является выделение средств на создание условий для получения образования детьми из малообеспеченных семей. Им оказывается адресная помощь, предоставляются специальные квоты и стипендии.

Но здесь следует обратить внимание на такую деталь. Львиная доля средств, предназначенных на просвещение, идет напрямую боливарианским школам, лицам, университетам, где молодежь проходит ускоренный курс обучения, цель которого – не столько изучение общеобразовательных предметов, сколько патристическое воспитание в духе преданности идеалам боливарианской революции. Так ускоренными темпами штампуются недоучки. Значительные контингенты юношей и девушек направляются в учебные заведения Кубы, откуда они выходят идеологически подкованными. Параллельно урезаются ассигнования на развитие традиционных университетов, в частности Центрального университета Венесуэлы и Университета им. Симона Боливар. Согласно оценкам независимых экспертов, на нужды этих двух учебных заведений ассигнуется лишь 12% от суммы, предназначенной на покупку вооружений¹⁴.

Первоначально У. Чавес с известной долей самоуверенности полагал, что острые социальные проблемы можно решить с ходу, легко и просто, поскольку де причина крылась в неэффективности прежних администраций. Позднее он понял, что решить эти проблемы кавалерийским наскоком невозможно. И теперь называет более поздние сроки, выходящие за пределы его второго мандата, оговоренного Конституцией, т.е. за пределы 2013 г. Из этого делается своеобразный вывод. Он готов согласиться продлить свои полномочия, если народ попросит. А потом уже передаст преемнику бразды правления страной, где будет искоренена бедность и прочие язвы капитализма.

Осознавая недостаточную эффективность социальной политики, власть в 2005 г. вознамерилась резко увеличить расходы на эти нужды. Речь шла об использовании средств резервного фонда, образовавшегося вследствие высоких доходов от нефти. Вокруг их предназначения в рамках правящей элиты развернулась острая дискуссия. Руководство Центрального банка исходило из необходимости держать эти суммы про запас, президент настаивал на передаче определенной части в распоряжение исполнительной власти.

Как образно выразился американский исследователь А. Коэн, государственная нефтяная корпорация “PDVSA”, над которой У. Чавес установил полный контроль, “по сути, превратилась в президентский кошелек”¹⁵. В аналогичном духе высказался и лондонский журнал “The Economist”. В статье, рассматривающей судьбу сверхдоходов от нефти, подчеркивается, что Центральный банк вынужден передать в распоряжение главы государства по меньшей мере 5 млрд долл. Они будут расходоваться исключительно по его усмотрению, превратившись в некое подобие “черной” кассы. А это прямое нарушение ст. 314 Конституции. В ней четко прописано: “Запрещаются расходы любого типа, не предусмотренные Законом о бюджете”¹⁶.

Оборотной стороной поддержки неимущих стало небрежение интересами средних слоев, положение которых значительно ухудшилось за период правления боливариЙцев. Они теряли прежнюю уверенность, многие стремились, хотя бы временно, эмигрировать. В Майами образовался свой “маленький Каракас”. Всего же в США, по некоторым оценкам, миграция из Венесуэлы вышших и средних слоев составила около 300 тыс. человек. Вдобавок ко всему верхи культивируют классовую ненависть, натавливают бедных на богатых. Улучшение положения одних категорий граждан достигается путем ухудшения других.

Особенностью социальной политики является то, что она финансируется посредством целевых специальных программ, на-

званных в честь видных деятелей освободительного движения. Так “Программа Робинсон” предназначена для обучения малограмотного взрослого населения. “Программа Сукре” ориентирована на поддержку студентов и т.д. Особняком стоит “Программа внутри квартала”, посредством которой осуществляется бесплатная медицинская помощь жителям поселков нищеты, где созданы специализированные, хорошо оснащенные диагностические центры. В них оперативно можно пройти полное обследование, получить экстренную помощь.

Именно благодаря этим мерам, отмечал упомянутый выше К. Бланко, Чавес превратился в выразителя интересов обездоленных слоев населения и открыл им путь к трансформации в социальную силу. И они стали главной опорой правительства, которое в известной степени является их заложником¹⁷.

Однако социальная политика во многом носит импульсивный характер, густо замешана на популизме, на широковещательных обещаниях, зачастую невыполнимых в краткосрочной перспективе. Специфика социальной политики состоит в том, что она проводится исключительно силами государства, командно-административными методами, без опоры на самодеятельные организации масс, без участия традиционного гражданского общества и католической церкви, накопившей немалый опыт в этой сфере. Это объясняется тем, что боливарианцы, будучи левыми радикалами, отрицают все ранее сделанное и решили начать буквально с чистого листа, полностью игнорируя достижения прошлого. Сверхзадача социальной политики – консолидация режима, укрепление монополии новых руководителей на власть.

На первоначальном этапе предполагалось, что в стране станет внедряться промежуточная модель развития между неолиберализмом и коммунизмом. Так, выступая в январе 1999 г. на встрече с предпринимателями, глава государства отмечал: “Да, коммунизм отвергнут, но это не означает победы капитализма”. Наша цель, продолжал он, искать точку равновесия на основе формулы: “Столько государства, сколько необходимо, и столько рынка, сколько возможно”¹⁸. В ходе последующей идейно-теоретической эволюции Чавес пришел к выводу о необходимости построения социалистического общества и призвал своих последователей принять участие в разработке социализма, отвечающего вызовам и реалиям XXI в. При этом он всячески подчеркивает, что его сограждане не намерены копировать какие-либо модели, а постараются пойти собственной непроторенной дорогой, опираясь на известное высказывание Симона Родригеса, учителя Боливара, который подчеркивал необходимость творческого, самобытного подхода к выбору путей национального развития.

Вопрос о том, какой социализм намерены строить венесуэльцы, пока еще далеко неясен. Но его профиль тем не менее просматривается. Это прежде всего сосредоточение в руках государства командных высот в ключевых отраслях экономики, в частности, в топливно-энергетическом комплексе. Жесткий контроль над денежными потоками в нефтяной корпорации "PDVSA".

В то же время сохраняется крупная, средняя и мелкая частная собственность на орудия производства, существуют негосударственные средства массовой информации, хотя они и подвергаются массивному прессингу со стороны власти. Принимая во внимание особую близость с кубинским режимом, возникает опасность дрейфа в этом направлении со всеми вытекающими последствиями.

Во всяком случае, резюмируя, можно сказать, что социальная политика нынешних властей осуществляется преимущественно социалистическими методами. На это обстоятельство обращают внимание и венесуэльские аналитики.

Рассматривая философские, концептуальные отличия в подходах приверженцев социализма и христиан к проблеме ликвидации бедности, публицист А. Сукре подчеркивает: для первых именно государство играет важнейшую роль в решении этой проблемы. По их убеждению, стихия рынка поработочает человека, делает его рабом капитала и потребительства. Безработица и нищета – следствие доминирования капитала, свертывающего производство, не обращая внимания на последствия для людей. В этих условиях государство обязано регулировать рынки с тем, чтобы капитал и потребление работали во благо людей. Бедным помощь оказывается за счет репрессивных мер в отношении других слоев и групп.

Христиане, продолжает Сукре, считают, что причина бедности кроется в отсутствии связи каждого индивидуума с Богом. Если бы все были уверены, что можем развивать наши таланты, данные от Бога, мы не чувствовали бы, что теряем время, помогая ближнему, когда он нас об этом просит, тогда было бы меньше бедных. Общество без бедных создать возможно. Это продемонстрировала мать Тереза из Калькутты. По мнению Сукре, социалистическое государство выполняет несвойственные функции, когда препятствует развитию личности и индивидуальных свобод. Регламентации способствуют превращению государства в божество, подавляют инициативу и находчивость, нивелируют различия в талантах, данных от Бога¹⁹.

Подводя итоги, уместно предположить, что, в случае сохранения благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры на мировых рынках, социальная политика может принести хорошие

плоды, принимая во внимание постоянно растущие экономические возможности страны. В то же время следует отметить, что осуществление социальных программ с помощью иностранных специалистов, в частности кубинских учителей и медиков, их засилье в этих сферах, вызывает недовольство в обществе. Венесуэльские учителя и врачи выражают недовольство тем, что предназначенные им рабочие места заняты зарубежными коллегами. Отсюда демонстрации, протестующие против намерения увеличить контингент врачей до 30 тыс. Они проходят под лозунгами: "Нам не нужно больше кубинского присутствия!". Общественность не без оснований опасается идеологического воздействия на рядовых граждан специфически подготовленного контингента. Все это чревато обострением напряженности и может иметь непредсказуемые последствия.

Для подлинного успеха социальной политики необходимо достижение взаимоприемлемого компромисса между различными группами общества, в равной степени заинтересованными в искоренении бедности и готовыми внести свой посильный вклад в это благородное дело.

¹ Латинская Америка. Энциклопедический справочник. М., 1980. Т. 1. С. 395.

² Подробнее об этом см. *Дабагян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. Партия "Демократическое действие": идеология и политика.* М., 1972. С. 205–236.

³ El Universal. Caracas. 7.IX 2005.

⁴ *Carmona Ulloa E. Economía, poder y medios de comunicación en América Latina. Los dueños de Venezuela.* Caracas, 2004. P. 13–24.

⁵ América Latina Hoy. Salamanca. 1999. № 21. P. 25–26.

⁶ *Lander L., Lopez M. Venezuela. La hegemonia amenazada // Nueva sociedad.* Caracas, 2000. № 167. P. 16.

⁷ Mensaje anual de Hugo Chávez Frías, presidente de la República Bolivariana de Venezuela, desde el Palacio Legislativo. El 14 de enero de 2005, "Año de la Alternativa Bolivariana para Las Américas".

⁸ CNN en español. com. /2004/ americas/ 02/22/ caracazo. ap/ index. html

⁹ Латинская Америка. 2004. № 11. С. 55.

¹⁰ El Universal. 27.V 2005.

¹¹ El Universal. 3.VI 2005.

¹² El Universal. 9. VII 2005.

¹³ El Universal. 16.IV 2005.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 181.

¹⁶ Цит. по: El Universal. 3.VII 2005.

¹⁷ El Universal. 7.X 2005.

¹⁸ Excelsior. México. 22.11 1999.

¹⁹ El Universal. 3.VII 2005.

Целенаправленные шаги на борьбу с бедностью со стороны государства были предопределены Мексиканской революцией 1910–1917 гг. Они тесно увязывались с социально-экономической политикой правящей с 30-х годов Институционно-революционной партии (ПРИ), провозгласившей себя общенародной и призванной с помощью реформ проводить в стране перманентную революцию, направленную на достижение идеалов социальной справедливости¹. Уже в ходе самой революции, в 1915 г., была провозглашена аграрная реформа, направленная на улучшение положения самого обездоленного слоя населения – крестьянства, которое, собственно, и являлось главной движущей силой этой революции.

Проведение в жизнь реформы коренным образом изменило социально-экономическую структуру мексиканской деревни, способствовало модернизации архаичной полуфеодальной системы землевладения, росту числа мелких, средних и крупных хозяйств, а также увеличению сельскохозяйственного производства. Крестьянство, которое до революции на 90% являлось безземельным, батрача на плантациях крупных помещиков-латифундистов, получало земельные наделы либо в частное владение, либо в собственность созданных по всей стране многочисленных общин, объединенных в сельскохозяйственные кооперативы – эхидос. В последующие годы государство приняло активное участие в строительстве дорог, ирригационных сооружений, плотин и каналов, систем водоснабжения и электрификации сельских населенных пунктов, стимулировало использование искусственных удобрений и применение современных агротехнических методов, строительство скотобоев, холодильников и зернохранилищ, сельских школ, медпунктов, магазинов и др.

Большое значение имел сложившийся после революции и особенно в результате реформ Л. Карденаса (1934–1940 гг.) комплекс государственных мероприятий в области кредитования, страхования посевов и скота, регулирования цен на сельхозпродукты и т.п.

К концу 70-х годов в сельском и лесном хозяйстве, а также в рыболовстве действовало около 50 государственных предприятий и организаций в виде национальных институтов, специальных фондов, региональных комиссий по развитию, торгово-сбытовых компаний, а также предприятий агроиндустрии.

Прямые закупки у крестьян сельхозпродукции по гарантированным ценам и продажа этой продукции по относительно низким ценам через созданную в начале 60-х годов Национальную

компанию по снабжению низкооплаченного населения (КОНАСУПО), а также широкая сеть магазинов КОНАСУПО, продававших продукты и товары по заниженным ценам, играли немаловажную роль в плане повышения реальных доходов как крестьян, так и низкооплачиваемой части городского населения.

Мексиканская революция коренным образом изменила положение промышленного пролетариата. Конституция 1917 г. устанавливала восьмичасовой рабочий день, минимальный размер заработной платы, признавала права на создание профсоюзов и на забастовки, вводила положение об участии рабочих в распределении прибылей предприятий, а также о порядке увольнений. Все это в известной мере повышало права трудящихся в регулировании трудовых отношений, закрепляло их социальные гарантии.

Проводя национализацию иностранных предприятий, государство взяло под свой контроль ключевые отрасли экономики, создавая новые рабочие места и стимулируя образование подконтрольных ему профсоюзов, что в определенной степени также предопределяло социально ориентированный курс мексиканских властей.

Быстрое экономическое развитие, начавшееся в 40-х годах, в сочетании с патерналистской политикой мексиканского государства по отношению к обществу, способствовало поступательному росту его благосостояния. В 70-е годы Мексика вошла в число наиболее динамично развивающихся стран мира с 8%-ным среднегодовым приростом ВВП². А мощный приток нефтедолларов и внешних кредитов, вызванный открытием новых месторождений нефти, дал возможность в конце десятилетия назвать Мексику наиболее благополучной страной как в экономическом, так и в социальном плане.

Правда, даже в эти годы вопрос преодоления в стране крайней бедности оставался далеким от своего решения. Несмотря на аграрную реформу, остройшей проблемой продолжало оставаться безземельное крестьянство, которое превысило 3 млн человек, составляя около половины сельского самостоятельного населения³. Росла диспропорция в распределении доходов. В 70-е годы Мексика занимала девятое место среди стран мира с самым неравномерным распределением доходов.

И тем не менее подобное положение вещей не шло ни в какое сравнение с тем, что пришлось претерпеть основной массе мексиканского народа в 80-х годах, вошедших в историю как “потерянное десятилетие”. В 1982 г. Мексика вступила в полосу затяжного финансово-экономического и структурного кризиса. В поисках путей выхода из него страна встала на путь неолиберальных реформ. В этот период начался демонтаж традиционной госкапиталистической модели развития, отход от политики государст-

венного патернализма и протекционизма, защиты внутреннего рынка и национального производства. Все это подорвало прежнее относительное благополучие мексиканского общества, предопределило рост безработицы, мощный всплеск инфляции и дороговизны жизни, снижение реальных денежных доходов широких слоев населения.

К концу 1987 г. реальная заработная плата сократилась по сравнению с 1982 г. на 51%, а минимальная – на 48,2%⁴. При этом покупательная способность минимальной заработной платы в 1985 г. была на 40% ниже, чем в 1976 г., и на 25% меньше, чем в 1970 г., упав практически до уровня 1966 г.⁵

Падение уровня доходов усугублялось ростом безработицы городского населения как следствие сокращения производства, государственных инвестиций, субсидий, закрытия и приватизации государственных заводов, фабрик и учреждений. С 1983 по 1988 г. число полностью безработных увеличивалось в среднем на 4,6% в год, опережая среднегодовой прирост (3,5%) экономически активного населения (ЭАН). Всего же за шестилетний период президентского правления Мигеля де ла Мадрида (1982–1988 гг.) полная безработица выросла на 32,6%⁶. Особенно резко возросла частичная безработица, пополнив вдвое только за первые четыре года кризиса неформальный сектор. В 1986 г. при 27,3 млн экономически активного населения полная безработица охватила 3,2 млн, а частичная – 4 млн человек. Вместе же они составили 26,4% ЭАН⁷.

Последующий шестилетний период правления администрации Карлоса Салинаса де Гортари хотя и был отмечен рядом положительных макроэкономических показателей, тем не менее не смог компенсировать в какой-либо мере потери, понесенные основной массой населения за “потерянное десятилетие”.

Надежды на исправление положения в социальной сфере в связи с наметившейся было макроэкономической стабилизацией полностью рухнули в результате финансового кризиса конца 1994 г., приведя практически к катастрофе в данной области. В 1995 г. цены на потребительские товары выросли на 52%, достигнув наивысшей отметки после 1987 г., а цены на продукты основной потребительской корзины – на 61%⁸. Трехкратное в 1995 г. повышение зарплаты (7% в январе, 12% в апреле и 10% в декабре) далеко не компенсировало потери работников наемного труда. В результате реальная минимальная зарплата по стране сократилась на 14,2%, а в обрабатывающей промышленности – на 15,3%, упав до уровня 1980 г.⁹

Значительно обострилась проблема занятости. В конце 1994 г. в стране насчитывалось 7 млн безработных и 10 млн занятых в не-

формальном секторе и лишенных какой-либо социальной защиты¹⁰. На следующий год армия полностью безработного населения увеличилась еще почти на 1 млн человек¹¹. Еще больше вырос неформальный сектор, превратившись в сектор выживания.

Помимо чисто экономических факторов, которые вели к снижению жизненного уровня населения, важную роль сыграл отход мексиканского государства от своей патерналистской роли по отношению к обществу и переход к политике “социального либерализма”, что прежде всего отразилось на резком снижении бюджетных расходов на социальные нужды. Это в свою очередь отрицательно сказалось на деятельности многочисленных, созданных еще начиная с 20-х годов, учреждений и фондов, составлявших систему государственного социального регулирования. Главными из них и по сей день остаются: упомянутая выше Национальная компания по снабжению низкооплачиваемого населения (КОНАСУПО); Мексиканский институт социального обеспечения (ИМСС), бюджет которого формируется взносами работодателей, государства и трудящихся; Институт социального обеспечения и страхования работников государственного сектора (ИСССТЕ), финансируемого на двусторонней основе: государство – рабочие и служащие; Институт национального фонда жилья для трудящихся (ИНФОНАВИТ) и Национальный фонд народного жилья (ФОНАПО), представляющие льготные кредиты на жилищное строительство.

Сократились масштабы, а также и без того невысокое качество бесплатного медицинского обслуживания, школьного образования, субсидирования основных продуктов питания, льготного жилищного кредитования, выплаты пенсий, которые практически не индексировались, и пенсионного обслуживания в целом. Кроме того, рост безработицы и переход огромной массы людей в неформальный сектор экономики лишили их поддержки даже этих структур, поскольку они обслуживают в основном членов официальных профсоюзов базовых отраслей экономики и сферы услуг. Только за один 1995 г. в результате увольнений число лиц, пользовавшихся услугами ИМСС, сократилось на 5,4%¹².

Важно отметить, что неолиберальные реформы сопровождались неуклонным снижением роли профсоюзов, которые лишились прежней поддержки государства как высшего арбитра в решении социальных и трудовых конфликтов, оставшись один на один с предпринимателями. Кроме того, в ряде случаев власти прибегали к подавлению крупнейших профобъединений госсектора, выступавших против рыночных реформ.

В то же время растущее недовольство населения вызывало необходимость социального компромисса. Таковым явился Пакт

экономической солидарности, заключенный в декабре 1987 г. как реакция правительства на беспрецедентную в этом году инфляцию, достигшую 159%, и на более чем 100%-ную девальвацию мексиканского песо¹³. По условиям Пакта, предприниматели и сельхозпроизводители обязывались не повышать цены на производимую продукцию, а все лица наемного труда – не требовать повышения зарплаты сверх официально запланированного уровня инфляции. Пакт заключался на определенный период, по окончании которого вновь продлевался, меняя каждый раз свое название в зависимости от выдвинутых правительством задач. При заключении Пакта за рабочий сектор, входивший в правящую ПРИ, выступали руководители крупнейших национальных и отраслевых профсоюзных объединений, а за предпринимателей – председатели основных промышленных, торговых и сельскохозяйственных палат, конфедераций, ассоциаций и советов. Правительство в данном случае выступало в роли инициатора и посредника.

Что касается макроэкономических задач, поставленных перед Пактом, то они в определенной степени были достигнуты. В 1988 г. инфляция сократилась в 32 раза, а девальвация снизилась с 2,2 раза в 1987 г. до 1,6 раза¹⁴. Что же касается материального положения населения, то его уровень не стабилизировался и тем более не вырос, а продолжал падать, поскольку запланированное в каждом из последующих пактов повышение зарплаты существенно отставало от темпов роста цен. И не последним виновником этого было само правительство. Подняв цены и тарифы госсектора на 80–85%, оно фактически не могло удержать рост цен на товары и услуги частного сектора в пределах предполагаемых 20%¹⁵.

В ноябре 1990 г. правительство К. Салинаса заключило Пакт во имя стабилизации и экономического роста (ПЕСЕ), а в январе 1992 г. – Пакт во имя стабильности, конкурентоспособности и занятости (ПЕКО). Предусматривая некоторое повышение (на 18%) минимальной зарплаты, ПЕСЕ, в частности, полностью упускал упоминание о ее индексации в течение года. Кроме того, это повышение уже не распространялось автоматически на зарплату работников частного сектора.

Отличительной чертой пактов, заключенных в начале 90-х годов, являлось также существенное сокращение перечня государственных субсидий на основные продукты питания, который теперь ограничивался в городах лишь молоком и кукурузными лепешками, заменяющими простому мексиканцу хлеб, а в сельской местности – кукурузой и кукурузной мукой. Кроме того, эти субсидии распространялись теперь только на семьи, чей доход не превышал две минимальные заработные платы.

Таким образом, заключение пактов лишь сдерживало в некоторой степени темпы падения уровня реальной заработной платы, но отнюдь не останавливало это падение. Выступая по этому поводу в конгрессе, депутат от Социалистической народной партии (ПСП) Серхио Карлос Миранда заявил, что с момента подписания первого пакта по 1990 г. реальная зарплата трудящихся сократилась на 34%. Если в 1988 г., отмечал он, на минимальную зарплату можно было купить 9,4 кг фасоли или 10,4 кг риса, то в 1990 г. ее едва хватало для приобретения 3,8 кг фасоли или 4,6 кг риса¹⁶. Депутаты других партий обращали внимание на явный парадокс между снижением инфляции и улучшением общеэкономических показателей, с одной стороны, и продолжающимся обнищанием населения, с другой. В этой связи депутат от Партии демократической революции Пабло Гомес квалифицировал формирующуюся экономическую модель как “модель роста за счет пауперизации” населения¹⁷.

Особого внимания заслуживает объявленная президентом К. Салинасом Национальная программа солидарности (ПРОНАСОЛ), нацеленная исключительно на “ликвидацию крайней нищеты и социального неравенства”, призывавшая в связи с этим все население страны проявить терпение и солидарность с беднейшими слоями мексиканского общества. Программа предусматривала выделение средств как из федеральных, так и местных бюджетов для ремонта старых и строительства новых клиник и больниц, школ, дорог, на электрификацию, телефонизацию и водоснабжение сельских районов и городских кварталов с малообеспеченным населением. Ее важнейшей составляющей являлось активное привлечение местного населения к проведению этих работ. В первые два года действия программы было начато строительство 490 новых клиник, 10 сельских госпиталей, открыто более 1700 новых торговых точек и 38 субсидированных общественных столовых, 3,5 тыс. городских и сельских жилых районов, в 1600 из них велись работы по водоснабжению. За 1990 г. было телефонизировано 1300 населенных пунктов численностью 500 человек и более. Вручено 450 тыс. актов на владение земельными участками, отремонтировано 16 860 школ и построено новых на 12 тыс. парт. Была начата выплата стипендий и различных пособий 250 тыс. учеников начальных классов из наиболее бедных семей. Наполовину увеличено число пунктов выдачи молока по субсидированным ценам (охвачено почти 1 млн детей). Из специально созданного Фонда солидарности для производства были выделены средства для оказания помощи 400 тыс. крестьян, владевших малопродуктивными землями. В рамках программы на места было направлено 115 тыс. молодых специалистов – выпускников различных вузов¹⁸.

Однако при довольно широком и разбросанном спектре программ и более чем скромном их финансировании эффект ПРОНАСОЛ в масштабах страны был незначительным. Достаточно сказать, что суммы, выделенные в рамках ПРОНАСОЛ на здравоохранение, школьное образование и продовольственные субсидии, составляли соответственно всего лишь 1,2; 4,1 и 2,1% бюджета соответствующих министерств и ведомств¹⁹. То же самое можно сказать и о программе занятости в рамках ПРОНАСОЛ, выдвинутой в 1992 г. За полтора года ее действия было создано 42 тыс. рабочих мест, что при безработице в 7 млн и при ежегодном пополнении ЭАН на 1 млн человек являлось каплей в море. Как отмечала профессор мексиканского Столичного автономного университета К. Лаурель, фонды ПРОНАСОЛ в период с 1989 по 1992 г. находились в пределах всего лишь 2,8 и 7,5% от потерь в зарплате, понесенных лицами наемного труда, что не позволяет вообще говорить о какой-либо серьезной компенсации²⁰. Кроме того, ряд намеченных программ вскоре был свернут в результате финансового кризиса 1994–1995 гг.

За годы реформ (1982–1994) покупательная способность минимальной зарплаты сократилась на 45%, заработной платы в промышленности – на 59%, среднего по стране заработка – на 60%²¹. В 1994 г. свыше 24 млн мексиканцев не получали минимального суточного рациона питания²². За период с 1984 по 1996 г. количество бедняков в Мексике увеличилось на 10,5 млн человек, в то время как общая численность населения страны возросла на 3,2 млн человек. При этом в 1996 г. 55% мексиканцев жили в условиях крайней нищеты²³.

Особая ситуация сложилась на селе. Правительство Салинаса, активно проводя в жизнь процесс капитализации сельскохозяйственного производства, рассматривало бедные крестьянские слои, представленные в основном индейским населением, как не имеющих национального значения производителей. Поэтому по аграрному закону 1992 г. им был перекрыт кредитный канал через сельскохозяйственный банк БАНРУРАЛ. Кроме того, данный закон вводил свободную куплю-продажу не только частных участков, но и земель, принадлежащих эхидос.

В результате либерализации внешней торговли импорт более дешевых и субсидированных сельхозпродуктов из США достиг беспрецедентных масштабов – 8,9 млн т²⁴. Это привело к падению конкурентоспособности ряда национальных продуктов, значительному сокращению их производства и соответственно к обнищанию малоземельных крестьян, пополнивших армию батраков. При этом занятие крестьянами пустующих земель сопровождалось небывалым усилением репрессий против них со стороны

крупных землевладельцев и местных властей. Наибольший размах эти репрессии приобрели в штатах Чьяпас, Идальго и Оахака.

Резко возросла диспропорция в распределении национального дохода. Если в 1982 г. на долю владельцев крупного капитала приходилось 40% суммарного дохода, а на долю лиц наемного труда – 42%, то в 1992 г. это соотношение составляло уже соответственно 63 и 27%²⁵. По данным Национального института статистики, географии и информации (ИНЕГИ), в 1994 г. на долю 7,6 млн мексиканцев (10% населения) приходилось 60% годового дохода, в то время как на 59 млн человек (60% населения) лишь 10%. Кроме того, из указанных 10% наиболее богатых мексиканцев 1% сосредоточивал в своих руках 16,29% национального дохода²⁶.

Катализатором социальной напряженности на селе стал вооруженный конфликт, вспыхнувший 1 января 1994 г. в южном штате Чьяпас, когда 600 хорошо вооруженных людей при поддержке 1,5 тыс. крестьян, объявивших себя Сапатистской армией национального освобождения (ЕСЛН), захватили четыре муниципальных центра, арестовали их председателей, а также губернатора штата. Данный конфликт, который не затихает и по сей день, явился прямым ответом мексиканских крестьян самого бедного штата на последствия неолиберальных реформ 80–90-х годов и на угрозу их положению, которую представлял собой Договор о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). Не случайно выступление повстанцев произошло в день вступления данного договора в силу²⁷.

Правительство Эрнесто Седильо, пришедшее к власти в декабре 1994 г., унаследовало финансово-экономический кризис, небывалую социальную и политическую напряженность, а также очаг военных действий в Чьяпасе, угрожавший перекинуться и на другие районы страны. Немаловажным являлось и то обстоятельство, что новое правительство пришло к власти всего за месяц до вступления в силу договора НАФТА, успех которого зависел в немалой степени от политической стабильности.

Очевидность огромных социальных потерь, нанесенных неолиберальными реформами, остро поставила на повестку дня вопрос об их корректировке. В конце 90-х годов повышенное внимание к социальным проблемам стало приобретать не только общенациональный, но и общекоинтентальный масштаб, найдя свое отражение в работе саммита Америка-98 и в принятой им Декларации Сантьяго, а также в подготовленной в 2001 гг. Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и стран Карибского бассейна (ЭКЛАК) программе экономического обновления региона под названием “Равноправие, развитие и общест-

во". В данном документе эксперты ЭКЛАК делали акцент на необходимости повышения роли государства в целях более справедливого распределения доходов и предлагали ряд конкретных мер в этом направлении, ставя перед латиноамериканским сообществом задачу сократить к 2015 г. вдвое число людей, чьи доходы не достигают 1 долл. в день²⁸.

Вскоре после вступления на пост президента Э. Седильо дал "десять обещаний для победы над нищетой", тесно увязывая их с экономическим ростом и занятостью. "Нам нужна действенная экономика, – заявил он, – которая увеличила бы занятость и дала средства для удовлетворения необходимых потребностей семей с наименьшими доходами"²⁹.

Важное значение имел отказ новой администрации от доктрины "социального либерализма" и возврат к провозглашенному в 30-х годах лозунгу "революционного национализма", что было отражено в решениях XVII Ассамблеи ПРИ в сентябре 1996 г. Конкретные шаги нового президента выразились в увеличении государственных расходов на социальные нужды. Если в период с 1990 по 1991 г. они составляли 156 долл. на душу населения, то с 1994 по 1995 г. – 247 долл., а по отношению к ВВП выросли соответственно с 8 до 13%³⁰. По данным Министерства социального развития, в 1998 г. на социальные нужды приходилось около 60% государственного бюджета³¹.

Значительная часть этих средств была направлена на развитие начального образования, что диктовалось потребностями модернизации экономики. С 1994 по 1997 г. в рамках государственной программы развития образования было построено 3600 новых школ, а их общее число возросло до 96 тыс. Контингент охваченных обучением детей в возрасте от 6 до 14 лет вырос до 93%. В 1996 г. 2 млн 650 тыс. школьников получали бесплатные завтраки, что вдвое превосходило показатель 1994 г.³²

Особое внимание было уделено социальной поддержке сельского населения штата Чьяпас. Только в одном 1996 г. там было построено около 1300 школьных помещений, открыто несколько сот медпунктов и госпиталей, проведены новые дороги³³.

С января 1997 г. правительство начало вводить в 11 наиболее отсталых районах пробную программу оказания помощи бедным детям через выделение 400 тыс. семей пособий на приобретение самых необходимых продуктов питания, а также оказание матери и ребенку элементарной медицинской помощи и консультации специально созданными передвижными бригадами. Программа предусматривала также предоставление стипендий ученикам начальных классов, компенсацию затрат на учебники и т.п., чтобы повысить посещаемость. Она так и называлась – Программа

питания, здоровья и образования (ПАСЕ). По замыслу правительства, данная программа к 2000 г. должна была охватить 4 млн самых бедных семей³⁴.

По сведениям генерального директора ИМСС Х. Эстрады, в марте 1999 г. система социального обеспечения охватывала 55% населения страны, или 53 млн человек, из них 11 млн – в рамках программы ИМСС-Солидарность, включающей беднейшие слои сельских жителей³⁵.

Отдавая должное усилиям правительства Э. Седильо, следует признать, что в масштабах страны они оказались малоощутимыми, чтобы компенсировать потери, понесенные за предыдущие годы. Тем более, что в 1998 г. в связи с резким падением мировых цен на нефть правительство Мексики было вынуждено трижды сокращать бюджетные расходы на общую сумму 33 млрд песо³⁶. Эти сокращения затронули прежде всего социальную сферу. Выделение указанных выше средств для беднейшей категории населения сопровождалось повышением для всех остальных категорий тарифов на различные товары и услуги, в том числе на образование и медицинское обслуживание. В 1999 г. около года длилась забастовка студентов главного вуза страны – Национального автономного университета Мексики (УНАМ) – против повышения платы за обучение, что рассматривалось как первый шаг на пути приватизации высшего образования.

В конце января 1999 г. Министерство финансов Мексики объявило о том, что правительство отказывается от участия в продаже кукурузы через систему магазинов КОНАСУПО, передав эти функции полностью частному сектору и сократив тем самым до минимума распределение основных продуктов питания по субсидированным ценам³⁷. Правительство Э. Седильо отменило существовавшие прежде субсидии на кукурузные лепешки (тортильяс), что затронуло не только малообеспеченное, но и все без исключения население страны. А в начале февраля генеральный директор ИМСС Х. Эстрада официально заявил о децентрализации системы социального обеспечения³⁸.

Растущее разочарование в рыночных реформах не могло не отразиться на сужении социальной базы правившей более 70 лет ПРИ. На протяжении всего периода реформ партия постепенно утрачивала свои позиции не только в законодательных, но и в исполнительных органах власти. А на всеобщих выборах 2000 г. она впервые в своей истории лишилась и президентской власти.

Победа на этих выборах кандидата оппозиционной Партии Национальное действие (ПАН) Висенте Фокса Кесады в значительной степени была обеспечена его популистскими обещаниями в кратчайшие сроки решить все социальные проблемы, по-

кончить с коррупцией, поднять доходы населения и т.п. Важную роль сыграло и клятвенное обещание В. Фокса “за 15 минут решить чьяпский конфликт”.

Первым шагом в социальной политике нового президента была объявленная им “Программа новых возможностей” (Programa de oportunidades), которая так же как и предыдущие была ориентирована исключительно на самые бедные слои населения. С этой целью Министерство социального развития определило три приоритетные с точки зрения оказания государственной помощи категории бедности. К первой категории в 2000 г. относились 24% населения, которые не могли обеспечить себя элементарным пропитанием и чей дневной доход не достигал 1,5 долл. на селе и 2 долл. в городе. Ко второй категории принадлежали 32% мексиканцев, чьи доходы не превышали соответственно 2 и 2,5 долл., которых хватало на пропитание, но было недостаточно для получения образования и медицинской помощи. К третьей категории относились 53,7%, получавшие не более 2,8 и 4,2 долл. в день, которых не хватало, кроме перечисленного выше, на приобретение одежды и обуви, на оплату жилья и общественного транспорта³⁹.

“Программа новых возможностей”, по сути, явилась продолжением социальных программ предыдущей администрации с той разницей, что для ее выполнения к 2005 г. планировалось двойное увеличение федеральных средств по сравнению с 2000 г. и применялась монетизация ряда льгот. Приоритетное значение в ней придавалось расширению доступа бедных слоев населения к системе образования, исходя из того, что данная сфера создает необходимую базу и новые возможности для преодоления крайней нищеты. В связи с этим из всех средств, предусмотренных упомянутой программой, на сферу образования выделялось 45,5%, из которых большая часть (63,8%) – на начальное образование, 10,1% – на среднее и 18,6% – на высшее⁴⁰.

По официальным данным, в 2005 г. число школьников, получавших денежные пособия, превысило 5 млн, в то время как в 2001 г. доступ к ним имели лишь 2,8 млн школьников. Это способствовало не только численному увеличению учащихся, но и росту посещаемости занятий. За указанный период было создано 58 новых вузов. В результате число выпускников высших школ увеличилось с 2 млн до 2,4 млн человек⁴¹. В том же 2005 г. было роздано бесплатно 179 наименований учебников на 33 индейских языках⁴². Около 1,3 млн школьников-индейцев получали бесплатные завтраки, что по сравнению с 2000 г. означало 300%-ный рост⁴³.

Для жителей отдаленных уголков страны государство должно было практиковать строительство дорог, водопроводов, электросетей, школ, амбулаторий. Важное значение для определенной категории бедных детей, беременных, кормящих женщин и инвалидов имело получение бесплатного молока, а также выделение некоторым семьям ежемесячных продовольственных пайков приблизительно на 15 долл. или выдача денег на ту же сумму⁴⁴. Только в 2004 г. для улучшения условий жизни индейских общин было потрачено около 2 млрд долл.⁴⁵

По официальным данным, за пять лет правления администрации В. Фокса 25 млн мексиканцев улучшили условия жизни, получив от государства в 2 раза большую помощь по сравнению с 2000 г. на медицинское обслуживание, образование, приобретение продуктов питания, жилья и т.п.⁴⁶

Однако далеко не все наблюдатели разделяют правительственный оптимизм, ставя под сомнение приведенные выше цифры. Отмечаются весьма символические размеры помощи в расчете на человека. В частности, по программе преодоления бедности в 2000 г. приходилось примерно 60 долл. на человека, а в 2005 г. – 129 долл.⁴⁷, т.е. примерно 10 долл. в месяц, или 0,3 долл. день. Ясно, что сама по себе эта сумма, даже без учета инфляции, вряд ли могла существенно изменить положение дел. Но и эта помощь зачастую не доходила до самых отдаленных мест, носила избирательный характер и не всегда предоставлялась наиболее нуждающимся категориям, а тем, кто был больше приближен к местным властям. Кроме того, отмечались многочисленные случаи хищения выделенных средств и другие факты злоупотребления на местах.

О том, что правительственные программы не смогли существенно изменить ситуацию на селе, свидетельствует и тот факт, что В. Фоксу до конца своего мандата так и не удалось решить чьяпский конфликт и заметно сузить социальную базу ЕСЛН. Переговоры с повстанцами зашли в тупик и были полностью прерваны вскоре после его прихода к власти, так и не возобновившись до самого конца его президентского мандата.

Тем не менее следует признать, что упомянутые выше программы способствовали некоторому вспомоществованию самых нищенствующих слоев мексиканского народа, в частности, в плане борьбы с голодом, особенно среди детей. Налицо также определенный прогресс в области образования. По заключению Мирового банка, только за период с 2000 по 2002 г. количество мексиканцев, проживающих в условиях крайней нищеты, сократилось на 16%⁴⁸. А по данным мексиканских властей, с 2000 по 2004 г. число людей, принадлежащих к первой категории бедности, сократилось с 24 до 17,3%, ко второй категории бедности – с

32 до 24,6%, к третьей – с 53,7 до 47%⁴⁹. Нет необходимости доказывать, что без этих программ положение самых обездоленных семей было бы еще хуже.

В то же время данные программы как и при предыдущих двух администрациях осуществлялись за счет сокращения субсидий, пособий, льгот и реальной заработной платы всего остального трудящегося населения страны. Тем более, что по макроэкономическим показателям ситуация при В. Фоксе не только не улучшилась, но и ухудшилась. Так, в связи с падением деловой активности в США и, как следствие, сокращением производства на мексиканских сборочных предприятиях “макиладорас” резко снизился ВВП на душу населения. Если за три года, с 1998 по 2000 г., он вырос на 7,2 %, то за последующие три года, с 2001 по 2003 г., сократился на 2,7%⁵⁰. Соответственно на 2,9% упали и доходы на душу населения, в то время как за предыдущие три года они выросли на 9,2%. Сократился с 7,6 до 3,2% и средний показатель роста реальной заработной платы, хотя и этот рост происходил в основном за счет наиболее обеспеченных граждан, что лишь увеличило пропасть между бедными и богатыми⁵¹.

Несмотря на предпринятые усилия по созданию новых рабочих мест, а также снижение рождаемости до 1,4%⁵², рост безработицы практически остался на прежнем уровне и даже превысил на 0,1% предыдущий трехлетний период, достигнув 2,8%⁵³. И это – без учета частичной безработицы. Следует отметить, что в 1986 г. армия полностью безработных составляла 3,2 млн человек, в 1994 г. – 7 млн, а в 2005 г. – уже 15 млн⁵⁴. То есть за каждые шесть лет президентского правления безработица в Мексике увеличивалась примерно вдвое. Таким образом, с одной стороны, предпринимаются усилия по сокращению числа нищих в стране, с другой – армия нищих ежегодно пополняется за счет новых безработных. И хотя в 2004 г. экономическая ситуация начала выравниваться, восполнить понесенные за первые три года потери правительству В. Фокса вряд ли удастся до конца его правления.

Неолиберальные реформы в Мексике сопровождались неуклонным падением жизненного уровня трудового населения страны не только в моменты спада экономики, но в периоды ее подъема. Это явилось результатом целенаправленной политики властей, сменивших, по рекомендации Международного валютного фонда и Мирового банка, практиковавшуюся более полувека государственную стратегию социальной защиты населения на рыночные отношения в целях экономии бюджетных средств и борьбы с инфляцией.

Различного рода программы, нацеленные на борьбу с крайней нищетой, по объемам выделяемых средств существенно усту-

пали прежним государственным расходам на социальные нужды и являлись не чем иным, как попыткой достичь компромисс с обществом и предотвратить социальный взрыв. Призывая основное население солидаризироваться с самыми бедными, власти ориентируют его на отказ от прежних завоеванных профсоюзами социальных привилегий и на “затягивание собственных поясов”. В то же время данные программы представляют собой паллиатив, не решающий проблему бедности прежде всего в силу проводимой неолиберальной социально-экономической политики и непрекращающегося роста безработицы.

Сегодня, по прошествии почти четверти века с момента начала реформ, мексиканский народ продолжает переживать их тяжелейшие последствия. И “света в конце туннеля” пока не видно. Подавляющая часть мексиканского электората испытывает все большее отчаяние и разочарование в результатах открытого рынка.

Становится все более очевидным, что для ликвидации бедности недостаточно одного лишь повышения производительности труда и роста ВВП. Необходимо активное участие государства в более справедливом распределении национального дохода. Поэтому в политических и общественных кругах Мексики и других стран Латинской Америки, а также в международных организациях усиливается движение за “реформу реформ”. Что же касается политической стороны вопроса, то в Мексике, как и в ряде других стран региона, растут симпатии к левоцентристской альтернативе, пробивающей себе путь во власть.

¹ См. *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1971.

² Подсчитано по: *Reporte de Coyuntura. México*, 1985. N 18–19; *Anuario estadístico de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile*, 1988, 1989, 1991, 1996.

³ М.Т. Де Ла Пеña. *El Pueblo y su Tierra, Mito y Realidad de la Reforma Agraria en México. México*, 1964. P. 24.

⁴ *Martínez I.* Algunos efectos de la crisis en la distribución del ingreso en México. *México*, 1989. P. 46.

⁵ *Ibidem.*

⁶ Подсчитано по: *CEPAL. Estudio económico de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile*, 1989. P. 3, 751.

⁷ *Martínez I.* Op. cit. P. 114.

⁸ *Ibid.* 1996. P. 264.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *El Universal. México*, 30.12 1994.

¹¹ *CEPAL. Estudio económico de América Latina y el Caribe. 1996. P. 264.*

¹² *Ibidem.*

¹³ *IFM. International Financial Statistics. Wash.*, 1991, December. P. 368.

- 14 CEPAL. Estudio económico de América Latina y el Caribe. 1994. P. 355; IMF. International Financial Statistics. 1991, December. P. 368.
- 15 Mattiello Angel. La Verdad del Pacto. México, 1988. P. 68.
- 16 Proceso. México. 4.06 1990. P. 8.
- 17 Ibidem.
- 18 2-o Informe de Gobierno. Presidencia de la República. México, 1.11 1990. P. 38–41.
- 19 Nueva sociedad. Caracas. 1994. N 131. P. 164.
- 20 Ibid. P. 163–164.
- 21 Богатые и бедные в Латинской Америке: неолиберальные реформы и социальные проблемы. Реферативный сб. М., 1996. С. 39, 40.
- 22 El Universal. México, 14.04 1994.
- 23 Латинская Америка. 2000. N 1. С. 34.
- 24 El Universal. 13.03 1994.
- 25 Богатые и бедные в Латинской Америке... С. 39, 40.
- 26 La Jornada, 9.05 1994.
- 27 Подробно о конфликте см.: Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М., 1999. С. 124–142.
- 28 См. подробно: Equidad? Desarrollo y ciudadanía. J.A. Ocampo (coord.). N. III. Agenda económica. CEPAL, Bogotá, Alfaomega, 2001.
- 29 El Universal, 21.12 1994.
- 30 CEPAL. Panorama Social de América Latina. Santiago, 1996.
- 31 La Jornada. 6.12 1998.
- 32 La Gasetta. México. 15.09 1996.
- 33 Ibidem.
- 34 Ibidem.
- 35 El Universal. 11.03 1999.
- 36 Comercio exterior. México. 1998. N 9. P. 745.
- 37 El Financiero. México, 25.01 1999.
- 38 El Universal. 3.02 1999.
- 39 www.jornada.unam.mx/2002/09/04per-texto.html
- 40 5-o Informe de Gobierno. Presidencia de la República. México, 2005
Desarrollo humano y social. P. 8–9.
- 41 México. Donde estamos y hacia donde vamos. México, 2005. P. 4, 5.
- 42 Ibid. P. 10.
- 43 Ibid. P. 11.
- 44 5-o Informe de Gobierno... P. 41.
- 45 México. Donde estamos y hacia donde vamos... P. 4, 5.
- 46 Ibid. P. 12.
- 47 5-o Informe de Gobierno... P. 35.
- 48 Ibid. P. 13.
- 49 Ibid. P. 34.
- 50 CEPAL. Estudio economico de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile, 2004. Panorama social, Anexo. Cuadro N 1.
- 51 Ibidem.
- 52 5-o Informe de Gobierno... Anexo. Estadística. Población. P. 3.
- 53 Ibidem.
- 54 5-o Informe de Godierno...Panorama social. Anexo. P. 221.

Опыт Перу, как и других, так называемых “индейских”, стран Латинской Америки, показывает, что при использовании универсальных моделей борьбы с бедностью необходимо учитывать своеобразные условия страны, пути ее исторического и культурологического развития, особую межэтническую ситуацию, а также вековые традиции и взаимоотношение власти и общества.

Своеобразной чертой Перу является не только полиэтничность (около 40% населения – индейцы, около 60% – метисы), но и ярко выраженная этнокультурная и социально-экономическая специфика географических районов страны. При решении социальных проблем необходим дифференцированный подход в каждом конкретном случае. С одной стороны, приходится учитывать требования крупных и мелких этносов, сильно отличающихся друг от друга по многим параметрам, а с другой – находить возможность уравнивания проблем индейских этносов с интересами неиндейского населения страны на фоне непростой политической и экономической ситуации.

В процессе проводившихся в последние десятилетия структурных реформ, приоритетным направлением которых было достижение высоких макроэкономических показателей, такие вопросы, как социальная структура, здравоохранение, развитие индейских этносов, сохранение окружающей среды и др., оставались на втором плане, им уделялось недостаточное внимание, что привело к росту недовольства прежде всего в беднейших слоях.

Значительно усилилась социальная поляризация, произошло “размывание” среднего класса и существенная маргинализация большей части населения страны. Продолжала увеличиваться дистанция между динамично развивающимися промышленно развитыми районами Тихоокеанского побережья (Косты) и депрессивными, традиционно отсталыми внутренними сельскохозяйственными районами (Сьерра и Сельва).

При населении страны в 27,1 млн человек (2002 г.) объем ВВП оценивался в 54 млрд долл., т.е. составлял в среднем 2070 долл. на душу населения¹. В то же время доля лиц, живущих за чертой бедности, возросла к началу тысячелетия до 54%, а к началу 2005 г. достигла 61% (в 1995 г. этот показатель был равен 43%)². В сельскохозяйственных районах Сьерры и Сельвы в условиях бедности проживает около 80% индейского населения, из них в условиях крайней бедности – около 55%³. Доля социальных расходов в государственном бюджете составила 42% (в 1995 г. – 30%), т.е. социальные расходы на душу населения достигли 150 долл. в год. (в 1995 г. – 69 долл.)⁴.

Избранный в 2001 г. президент А. Толедо объявил, что в ходе своего правления он намерен проводить политику, направленную на смягчение социальных последствий жесткого курса предшествовавшего президента А. Фухимори. В числе первоочередных конкретных мер, намеченных новой администрацией, назывались следующие:

приоритетное финансирование социальной сферы и сокращение расходов на оборону на 15%;

повышение зарплаты госслужащим, что в свою очередь требовало увеличения расходов до 285 млн долл.; в то же время А. Толедо согласился сократить свою личную зарплату с 18 тыс. долл. до 12 тыс. долл., с условием, что разница будет переводиться в фонд обеспечения детей из малоимущих семей;

интенсивный процесс аудиторских проверок госучреждений, включая администрацию президента;

создание Национального совета по децентрализации и Национального совета по вопросам труда;

создание Национального совета по делам крестьянства и индейских общин;

ускорение реализации программы “Мое жилище”, предусматривающее строительство 50 тыс. новых дешевых благоустроенных домов и создание 200 тыс. рабочих мест;

строительство дорог в сельскохозяйственных районах;

пересмотр Конституции 1993 г., принятой после президентского переворота, осуществленного А. Фухимори 5 апреля 1993 г.⁵

Жесткий курс структурных преобразований, осуществлявшийся правительством А. Фухимори в 90-е годы, наиболее болезненно отразился на социальной сфере. Был принят ряд непопулярных законов, таких, например, как закон об отмене госрегулирования в сфере занятости (1992 г.). Согласно новому акту осуществлялась полная либерализация рынка труда, предпринимателям разрешалось проводить увольнения без предварительного разрешения Министерства труда и без согласования с профсоюзами, вносить изменения в график работ в соответствии с потребностями предприятия, что усугубило проблему безработицы в стране. В середине 90-х годов (по данным различных источников) число безработных среди экономически активного населения составляло около 50% частично безработных и 8,6% полностью безработных. В начале тысячелетия ситуация в сфере занятости изменилась в худшую сторону – частично безработных в 2000 г. насчитывалось до 51%, полностью безработных – 9,8%⁶.

Одной из наиболее сложных реформ в социальной сфере являлась реформа пенсионной системы. В соответствии с новой сис-

темой (закон № 28 894 1994 г.), по примеру Чили, было принято решение об учреждении частной системы пенсионного обеспечения. В соответствии с принятой системой были созданы частные компании по управлению пенсионными фондами, с помощью которых правительство А. Фухимори рассчитывало инвестировать в экономику страны около 500 млн долл. ежегодно за счет отчислений пенсионных взносов. Активному проведению пенсионной реформы способствовало то, что в 1994 г. правительству А. Фухимори удалось получить согласие МВФ на использование на социальные нужды, сверх запланированных сумм, четвертой части от всех поступлений в бюджет страны от приватизации госсобственности. Положительный эффект дали меры по сокращению госаппарата. Образованная в середине 90-х годов система Администрации пенсионных фондов охватывала к 2000 г. около 2,3 млн человек. В ее распоряжении находилось до 2,5 млрд долл. Минимальная зарплата возросла с 103 долл. в 1995 г. до 131 долл. в 2000 г., размер минимальной пенсии увеличился с 85 долл. до 115 долл. Возраст выхода на пенсию составляет в Перу 65 лет (один из самых высоких в Латинской Америке), и это при том, что средняя продолжительность жизни в стране равна 63 годам.

За период нахождения у власти президента А. Толедо (с 2001 г.) ситуация в системе пенсионных выплат не претерпела существенных изменений. Принятые в этот период дополнительные законы значительно усложнили выплаты пенсий вдовам и пособий на детей из бедных семей, обучающихся в частных школах.

Несомненным успехом в этой сфере следует считать заключенное в августе 2002 г. соглашение с Чили о признании за гражданами Перу (и Чили), в течение длительного времени проработавших в другой стране (подписавшей документ), права на зачет проработанных лет в пенсионный стаж с соответствующим переводом пенсионных выплат по месту жительства. (Подобное соглашение Чили имеет с 24 странами Америки и Европы.)

В ходе реформ претерпела серьезные изменения система социального страхования. В системе предоставления медицинской помощи были оставлены так называемые Организации (Фонды) медицинских услуг. Таким образом была ликвидирована существовавшая в стране монополия Перуанского института социального страхования в системе предоставления медицинской помощи. Отчисления в эти фонды должны быть обязательными со стороны предпринимателей, а наемные работники должны были выплачивать взносы на добровольной основе.

Жители беднейших районов страны, так же как и население маргинальных районов мегаполисов, как правило, не имеют возможности пользоваться в полном объеме страховой медициной,

тем более услугами частных платных клиник. Сеть государственных медицинских учреждений крайне недостаточна, нуждается в модернизации и дополнительном финансировании. Детская смертность (один из важных критериев при оценке системы здравоохранения в любой стране) в Перу является одной из самых высоких в Латинской Америке, достигая 33 умерших младенца на каждую 1000 новорожденных. Из 1 млн детей в возрасте до двух лет половина страдает от хронического недоедания и анемии. В то же время существенное внимание уделялось ограничению рождаемости, высокие темпы которой в течение последней четверти XX в. – в среднем около 2% в год (от 2,6% в 80-е годы до 1,6 в 2000 г.) – сводят на нет попытку реально улучшить ситуацию в стране, поскольку рост финансовых возможностей страны отстает от темпов рождаемости⁷.

Большое значение уделялось дальнейшему развитию инфраструктуры, сети коммунальных услуг, социальному развитию сельских районов, хотя реальных успехов в этой сфере достичь не удалось. По данным на конец 90-х годов, только 60% жилищ страны имели водопровод и канализацию и только около 70% жилищ имели доступ к электроснабжению. Ситуация в данной сфере мало изменилась за 20 лет. К середине 80-х годов водопровод и канализацию имели около 62% жилищ, доступ к электроснабжению – 56%⁸. Следует иметь в виду, что ситуация в сельских районах, так же как и в районах городских трущоб, значительно отличается даже от этой безрадостной среднестатистической картины, поскольку большинство жилищ индейского населения и городских маргиналов, построенных из различных подручных материалов, вряд ли можно назвать достойным цивилизованного человека домом.

Предвыборные обещания президента А. Толедо так и остались большею частью невыполненными. В силу ряда объективных причин ему не удалось ни повысить уровень жизни беднейших слоев населения страны, ни снизить уровень безработицы. Даже в крупнейшем мегаполисе страны – г. Лима – социальные вопросы еще более обострились.

Выделение отдаленным сельским районам, пострадавшим от действий террористических организаций, помощи в размере 800 млн долл., так же как и закон о ежемесячной дотации в 30 долл. для лиц, живущих за чертой бедности, принятый в начале 2005 г., несколько не ослабили остроты вопроса. Показатель крайней бедности равен в Перу 37 долл. на человека в месяц, но даже по официальным данным около 55% населения страны имеет не более 2 долл. в день на человека⁹.

Неудивительно, что в течение 2004–2005 гг. в сельских районах на юге и юго-востоке страны, где компактно проживает ин-

дейское население, где налицо “крайняя нищета” и число неграмотных превышает 90%, имели место массовые выступления в защиту своих конституционных прав индейцев кечуа и аймара с требованием обеспечения самых необходимых условий для нормальной жизни.

В ряду антиправительственных акций этого периода наибольший резонанс в Перу и за ее пределами получило вооруженное выступление в начале 2005 г. (в г. Андауальяс провинции Апуримак) националистической организации “Этнокасериста” под руководством отставного офицера Антауро Умала¹⁰.

Это движение, основу которого составили отставные офицеры и резервисты индейского и метисного происхождения, пользуется поддержкой значительной части жителей городских маргинальных кварталов и обездоленного индейского населения отдаленных районов страны. По официальным данным, “Этнокасериста”, насчитывая в своих рядах до 4 тыс. человек, выступает против бедности, против коррупции и иностранного засилья. Движение имеет целью создание “новой индейской республики”, в состав которой предполагается включить территории с индейским населением, в настоящее время находящиеся в составе разных государств – Перу, Боливии, Эквадора. Данная республика должна основываться на культурных ценностях и традициях коренных индейских народов.

По мнению перуанского писателя и политического деятеля Марио Варгас Льюса, данное движение заслуживает самого пристального внимания со стороны правительства страны, поскольку имеет шанс в будущем серьезно укрепить свои позиции, получив поддержку значительной части малоимущих, необразованных, живущих за чертой бедности граждан страны¹¹. Этому в значительной степени может способствовать ослабление традиционных политических партий, рост коррупции во всех звеньях исполнительной власти, растущая бедность населения, безработица, особенно, среди молодежи, деятельность наркодельцов и ультра-террористических организаций, рост уголовных преступлений. Если положение в социальной сфере не изменится кардинально в ближайшие годы, то националистическая “Этнокасериста” может получить поддержку недовольной своим положением молодежи, части армии, представителей средних слоев, националистически настроенной интеллигенции, что в конечном итоге может серьезно дестабилизировать ситуацию в стране. Тот факт, что большая часть населения г. Андауальяс поддержала выступление “этнокасеристов”, лишь подтверждает эти опасения.

При изучении особенностей борьбы с бедностью в такой стране, как Перу, следует учитывать, что борьба с производством

наркотических средств затрагивает в той или иной мере интересы значительной части сельского населения, занятой в этой “сфере производства”. Как показали массовые выступления “кокалерос” в 2003–2004 гг., антинаркотические программы правительства в целом способствовали снижению жизненного уровня части крестьян-индейцев, для которых выращивание и потребление коки является не только стабильным источником необходимых для жизни средств, но и элементом культуры, имеющей глубокие исторические корни. По данным различных источников, около 1 млн человек экономически активного населения, прежде всего сельских районов, в той или иной форме связаны с производством, переработкой и распространением наркотиков. Как это не парадоксально, но часть своих прибылей наркодельцы вынуждены вкладывать в инфраструктуру отсталых сельскохозяйственных районов Сьерры и Сельвы, где расположена их “производственно-промышленная база”. Кроме строительства банков, супермаркетов и казино они вынуждены прокладывать дороги, инвестировать капиталы в сферу услуг, строительство объектов социального, культурного, спортивного назначения, тем самым, возможно, сами того не желая, вносят определенный вклад в решение проблемы борьбы с бедностью и безработицей.

Довольно сложная ситуация наблюдается в системе образования. Несмотря на наличие в Конституции статьи о всеобщем обязательном обучении, около 20% населения страны старше 18 лет продолжают оставаться неграмотными. Три четверти всех неграмотных проживают в сельской местности, в то время как показатель грамотности городских жителей составляет около 90%¹².

Закон об образовании, принятый еще в начале 70-х годов, гарантировал также преподавание в школах на индейских языках кечуа и аймара в районах компактного проживания этих этносов. Кечуа и аймара, наряду с испанским, были объявлены государственными языками, предусматривалось применение их в работе государственного аппарата. Но в силу ряда причин экономического порядка (недостаток финансирования сферы образования в целом, нехватка школ, учителей, учебников) благие намерения перуанских правительств на “ниве народного просвещения” так и не были претворены в жизнь в полной мере.

Государственные расходы на образование продолжают составлять всего около 3% бюджета (в 1980 г. – 6%). Соответственно заработная плата школьных учителей продолжает оставаться низкой. Недовольство учителей низкой оплатой труда вылилось в середине 2003 г. в серию крупномасштабных выступлений, серьезно осложнивших положение в южных районах страны. Выступления учителей были поддержаны другими низкооплачи-

ваемыми работниками бюджетной сферы, в результате чего зарплата им была повышена¹³.

Таким образом, недостатки в системе образования и профессионального обучения в перспективе способствуют росту бедности, усилению социального напряжения в стране.

Проблема детей для Перу актуальна, поскольку эта страна является довольно “молодой” по возрастному составу: дети до 15 лет составляют около 35%, в возрасте от 15 до 64 лет – около 62%, старше 65 лет – около 3%. При этом, как уже отмечалось, очень высока детская смертность, особенно во внутренних районах, намного отстающих в социально-экономическом развитии. Около 93% детей, обучающихся в государственных школах, испытывают значительные затруднения при приобретении учебников, школьной формы, школьных принадлежностей. Правительство осуществляет адресную помощь особо нуждающимся, но выделяемых средств явно не хватает на всех.

Правительство А. Толедо предложило в 2002 г. программу “Уаскаран”, предусматривающую “компьютеризацию” государственных и частных школ (с возможностью выхода в Интернет). На эти цели было выделено 22 млн долл. (на покупку аппаратуры), а в 2006 г. эта сумма должна возрасти до 225 млн долл. За этот период планируется компьютеризировать около 5 тыс. школ¹⁴.

Тяжелая экономическая ситуация в семье заставляет детей с самого раннего детства оставить мечты о школе и помогать родителям. По данным Парламентской комиссии по делам женского и детского труда, в период 2000–2003 гг. около 22% детей в возрасте от 6 до 13 лет вынуждены были трудиться. Число работающих детей в Перу в начале третьего тысячелетия составляло 1,9 млн человек. Они заняты уличной торговлей, уходом за автомобилями, торговлей продуктами на рынках, переработкой мусора, используются в работах на шахтах и других физически тяжелых и опасных для здоровья работах, часть из них оказывается вовлеченной в систему порно- и наркобизнеса.

Проблема детей, живущих и зарабатывающих деньги на улицах городов, имеет большое значение не только для Перу или какой-либо другой страны Латинской Америки. Это глобальная общечеловеческая проблема, поскольку именно улица является питательной средой для опаснейших социальных пороков, поражающих общество даже в самых экономически благополучных странах, – насилие, детская проституция, наркомания, экстремистские и криминальные молодежные группировки, банды малолетних воришек и попрошаек.

Социальные программы, осуществлявшиеся правительствами Перу в конце XX – начале XXI в., не могли в силу ряда эконо-

мических и политических причин уделять должного внимания проблемам малоимущих (точнее, нищих) и бездомных детей. Да и нереально было бы ожидать быстрого решения данного вопроса, как и других острых социальных проблем, годами, десятилетиями и даже веками копившихся в перуанском обществе.

Но реалии XXI в. диктуют новые условия. Такие глобальные угрозы, как терроризм и деятельность наркобизнеса (даже если оставить в стороне высокие соображения гуманитарного и религиозного плана), вынуждают исполнительную и законодательную власти страны обращать внимание на проблемы “уличных детей” в интересах безопасности общества.

Ни правительственные, ни международные организации не дают точной информации об их численности. Уличных детей не просто подсчитать, ибо отсутствуют унифицированные критерии подсчетов. Еще в середине 80-х годов Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) предложил систематизировать их по двум категориям: те, кто “на улице”, но сохраняет связь с семьей, и те, кто совершенно одинок. (Понятие “беспризорник”, существующее в русском языке, в данном случае не подходит, поскольку включает в себя обе категории.)

Сведения о численности детей на улицах, как правило, весьма приблизительны, относительная пропорция между ними колеблется – около 30% полностью бездомных от их общего числа. Наиболее юный возраст, когда ребенок способен зарабатывать какие-либо деньги для семьи или выжить в уличной банде, по мнению экспертов ЮНИСЕФ, может быть равен пяти годам, в одиночку он способен выжить в шесть–семь лет, но в основном начало “сознательной жизни” этой части населения приходится на возраст восьми лет¹⁵. Как правило, это мальчики, так как девочки находят возможность заработка в качестве уборщиц в домашнем хозяйстве и нянек.

На рынке труда дети представляют собой самую дешевую рабочую силу, не имеющую никаких прав, не защищенных никакими законами о труде и оплате. Дети, ищущие заработка на улицах, как правило, становятся главными кандидатами для использования в сфере порнобизнеса. “Индустрия секса”, приносящая доходы, сравнимые лишь с доходами наркодельцов и торговцев оружием, основана на слабой законодательной базе, не защищающей права детей в полной мере. Использование в данном “бизнесе” мальчиков становится для Перу столь же обычным явлением, как и девочек.

Продажа наркотиков – один из трех наиболее верных способов надежного быстрого заработка для детей, наряду с воровством и проституцией.

Не менее сложной продолжает оставаться проблема беженцев. Число беженцев в Перу достигает 1 млн человек, это прежде всего жители сельских районов Сьерры и Сельвы¹⁶, принадлежащие в большинстве своем к индейским этносам. В данном контексте социальная проблема тесно связана с межэтническими отношениями – этой крайне болезненной для полиэтнического государства темой. Данная проблема осложнена еще одной весьма актуальной для Перу (и не только для Перу) проблемой – деятельностью террористических организаций. В течение четверти века (80-х годов XX в.) в южных районах страны действуют партизанские отряды террористической организации “Сендеро люминосо”.

Беженцы, покидающие охваченные войной районы, одинаково страдающие как от действий партизан-террористов, так и от антитеррористических акций правительственных силовых структур, так же как и бегущие от нищеты и безработицы жители других безрадостных мест, пополняют ряды маргиналов в пригородах крупных городов.

Многообразие сложных нерешенных проблем, включающих в себя понятие “бедность”, превратилось для Перу, как и для других стран Латинской Америки, в серьезный дестабилизирующий фактор, несущий угрозу для гражданского мира и национальной безопасности страны.

¹ Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe. 2003–2004. Wash., 2004. P. 152–154; Panorama social de América Latina y el Caribe. 2000–2001. Wash., 2002. P. 272; www.eclac.org

² EIR. Internacional. 2004. N 9. P. 52–55.

³ Indignos People and Poverty in Latin America. Wash., 1994. P. 171.

⁴ Panorama social de América Latina y el Caribe. 1999–2000. Evolución de algunos indicadores socioeconómicos 1990–2000. P. 182–184.

⁵ Tiempos del mundo. – Bs.As. 22.–28.X.2003. <http://www.editoraperu.com.pe/edc/2003/10/28/infasp>. ИТАР-ТАСС № 4 X2001 – АМ; Латинская Америка. 2002. № 3. С. 67–70.

⁶ Panorama Laboral 2003. S-go de Chile, 2004. P. 115–130. <http://www.ennespainol.com.2004/econ/01/07/desempleo.latinoamericana.ap/index.html>; Положение детей в мире. Нью-Йорк, 1990. С. 84–90. ЮНИСЕФ. Clarin-Bs-As 25-V-04.

⁷ Panorama social de América Latina y el Caribe. 2001–2002. P. 18; Положение детей в мире. 1990. С. 84–85. ЮНИСЕФ; Garcia L.V. / El Problema social en el Perú. Lima, 1987. P. 32–33; Tiempos del mundo. 3.02; 9.02 2005.

⁸ Garcia L.V. El Problema social en el Perú. P. 32; El Nuevo Herald. 10.05 2004.

⁹ El Nuevo Herald. 10.02 2005.

¹⁰ El Nuevo Herald. 3.01; 5.01; 7.01 2005.

¹¹ Компас. 2005. № 3.

¹² Indignos People and Poverty in Latin America. Wash., 1994. P. 96; Tiempos del mundo. Bs. As. 22.28.2003. Alfabetismo y escolarización básica de los jóvenes en América Latina. Bs. As. 1980–1990. P. 112.

¹³ La Jornada. México. 5.06 2002.

¹⁴ El Mercurio. Internet. 25.X 2003. www.huascan.golpl. Tiempos del mundo. Bs. As. 23.X 2003.

¹⁵ El Tiempo. Quito. 14.VI 2003; 20.VI 2003; La Jornada – Mexico. 5.VI 2003.

¹⁶ Дети улиц. Растущая трагедия городов. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990. С. 32–34.

ЧИЛИ

Чилийская традиция социальной политики по преодолению бедности имеет свою историю, тесно связанную с особенностями политического и культурного развития этой страны. Общественные представления о социальной справедливости и солидарности, о роли государства в социальной защите населения, о позиции “правых” и “левых” неоднократно менялись на протяжении всего XX в., изменяя стратегию и тактику правительств, а также психологию широких слоев населения. Однако неизменной, несмотря на все исторические повороты, оставалась идея об ответственности власти за благополучие и процветание общества. Этика ответственности тех, кто управляет и принимает политические решения, сформировала мировоззрение элиты в отношении бедности и оказала влияние на всю историю социальной политики в Чили.

Острота социальных проблем стала восприниматься в Чили как серьезное препятствие на пути национального развития уже в конце XIX – начале XX в., когда вместе с интенсивным промышленным ростом возникли и “социальные вопросы”, масштаб и драматизм которых был во многом неизвестен обществу середины XIX в. Тогда же появились первые проекты защиты прав рабочих, однако реальный шаг на пути создания системы социального законодательства был сделан только в годы либерального правительства Артуро Алессандри Пальмы (1920–1924). “Законы Алессандри” предусматривали введение восьмичасового рабочего дня и воскресного отдыха, возмещение ущерба за профессиональный риск и травмы на работе, пенсии по болезни, старости или смерти кормильца (т.е. обязательное социальное страхование), а также право заключать трудовые договоры и прибегать к помощи арбитражных судов в случае конфликта с работодателем. Разрешалась организация профсоюзов в городах, на шахтах и в рабочих поселках. Сам Алессандри считал, что “общество не может и не должно бросать на произвол судьбы тех,

кто своими усилиями способствует его прогрессу и развитию”¹. Важнейшим просветительским шагом правительства стал закон об обязательном бесплатном начальном образовании, принятый в 1921 г. и заложивший традицию приоритетного внимания государственной власти к сфере образования. Если в 1915 г. грамотность распространялась только на 46% чилийцев, а половина детей не имела возможности посещать школу, то к 1930 г. практически три четверти населения страны было грамотным, опережая по этому показателю другие латиноамериканские страны².

Таким образом, начиная с деятельности первого правительства А. Алессандри социальные проблемы перестают восприниматься как дело исключительно благотворительных организаций и начинают рассматриваться как сфера государственной заботы и ответственности.

Широкомасштабный социальный проект пыталось реализовать левокоалиционное правительство Народного фронта (1938–1942) под руководством президента Педро Агирре Серды. В своей программе А. Серда заявил: “Мы стремимся дать народу хлеб, жилье и одежду и считаем, что управлять – значит просвещать”³. Проводя в жизнь эти идеи, он увеличил зарплату промышленным рабочим, служащим государственных предприятий, учителям, медицинским работникам, расширил строительство школ, больниц, жилых домов, народных столовых, особенно в отдаленных районах страны. В сфере образования большое внимание уделялось профессиональной подготовке и повышению квалификации взрослых, в удаленных провинциях создавались специализированные технические школы, нуждающимся студентам были предоставлены государственные стипендии, стала востребованной учительская профессия⁴. И, хотя вплоть до начала 60-х годов социальные инициативы носили скорее спорадический, нежели постоянный и систематический характер, они подготовили почву для более масштабных социальных экспериментов.

* * *

Принципиально новым этапом в развитии социальной политики в Чили стал период, связанный с деятельностью правительства Эдуардо Фрея Монтальвы (1964–1970) и идеологией Христианско-демократической партии. Э. Фрей рассматривал политическую власть в условиях демократии как силу, способную творчески конструировать социально-политическую реальность, “подчинять происходящие процессы своей воле”⁵. Необходимым условием дальнейшего развития страны Э. Фрей считал преодоление нищеты, невежества и отсталости беднейших слоев общества, включение крестьянства и маргинальных групп населения в

активную общественно-политическую жизнь. Он был уверен, что приближение к идеалам социальной справедливости возможно только на основе взаимной солидарности и личной ответственности каждого, без ограничения политической и экономической свободы, путем постепенного, продуманного реформирования социально-экономической системы и мировоззрения народа. В связи с поставленной целью – “революция в условиях свободы” – важнейшими направлениями правительственной деятельности стали: аграрная реформа, развитие образования, жилищное строительство, поддержка низовых социальных организаций.

Целью аграрной реформы, предусматривавшей сокращение крупных латифундий (свыше 80 га) и перераспределение освобожденной земельной собственности, была комплексная модернизация всего сельскохозяйственного сектора, повышение его экономических показателей и в конечном счете уменьшение сельской бедности. За годы реформы правительство предполагало изменить условия жизни 100 тыс. крестьян, но к 1970 г. только 20 тыс. сумели воспользоваться результатами реформы, а количество отобранных земель не превышало 15% всего земельного фонда страны⁶. Несмотря на стремление Э. Фрея осуществить аграрную реформу цивилизованным путем, соблюдая интересы мелких земельных собственников и в то же время права крупных землевладельцев, она вызвала недовольство и разочарование и с той, и с другой стороны и была продолжена после 1970 г. правительством С. Альенде уже совершенно иными методами.

С точки зрения христианских демократов, важнейшим шагом на пути модернизации общества и преодоления социальной несправедливости должно было стать развитие образования. Несмотря на то что в 1930 г. практически все взрослое население Чили было грамотным, в начале 60-х годов положение ухудшилось, уровень неграмотности в сельской местности вырос до 36%⁷. Особое внимание уделялось базовому, начальному образованию, его распространению “вширь” и совершенствованию на местах. Если авторитет и качество университетов были традиционно высокими в чилийском обществе, то с доступностью базового начального обучения было связано представление и христианских демократов, и широких слоев населения о социальной справедливости и прогрессе. “Я пришел, чтобы дать образование всем чилийским детям, – говорил президент в своей инаугурационной речи, –...ибо убежден, что народ, победивший невежество, победит нищету и рабство”⁸.

В ходе реформ продолжительность бесплатного базового начального обучения была увеличена с шести до восьми лет, средняя школа стала более специализированной, большее внимание

уделялось подготовке и профессиональному совершенствованию учительских кадров. Было построено около 3 тыс. новых школ в сельской местности и в отдаленных районах страны. В результате этих мер к 1970 г. 95% детей школьного возраста получали образование, неграмотность сократилась с 16,4% до 11%⁹. Кроме того, в 1966 г. был создан Национальный институт профессиональной подготовки (INACAP), где повышали свою квалификацию или получали новую профессию взрослые, не имевшие такой возможности в юности¹⁰. Развивалось университетское образование, была расширена университетская автономия. Особое внимание уделялось профессиональной ориентации молодежи в связи с потребностями развития страны и планами новых реформ. Совершенствование системы образования, повышение его доступности стало одним из самых больших достижений правительства Э. Фрея.

Другим важнейшим направлением социальной политики было жилищное строительство. В своей предвыборной программе Э. Фрей обещал добиться того, “чтобы все чилийские семьи жили пусть в скромном, но собственном доме, чтобы их дети росли в здоровом и достойном окружении”¹¹. В 1965 г. было создано Министерство жилья, а также принята специальная программа для привлечения правительственных структур, бизнеса, низовых социальных организаций к участию в доступном жилищном строительстве. Кроме того, в 1965–1970 гг. многочисленные “*poblaciones marginales*”, бедные городские кварталы и отдаленные поселки были приближены к современным санитарным нормам, обеспечены питьевой водой и системой канализации. Несмотря на то что проблема не была решена окончательно, политика Э. Фрея в этой области оказалась достаточно эффективной: около 2,5 млн человек получили возможность в той или иной степени улучшить условия своей жизни, а дома, построенные правительством христианских демократов – “*viviendas populares*”, сохранились до сих пор¹².

Особую роль в годы президентства Э. Фрея стали играть низовые социальные организации, развитию и поддержке которых уделялось огромное внимание. Э. Фрей считал, что создание всевозможных объединений по инициативе самих жителей – центров взаимопомощи в бедных районах, культурно-просветительских клубов, соседских общин, жилищных кооперативов, микропредприятий и мастерских – приведет к включению беднейших групп населения в сознательную и ответственную общественную жизнь, требующую активности, самостоятельности и солидарности, повысит человеческий потенциал и культуру общества. Следует отметить, что эти низовые организации сыграют впоследст-

вии огромную роль, снижая остроту социальных проблем в годы военного режима, помогая выжить в условиях неолиберальной модернизации.

Однако в конце 60-х годов высокая массовая активность и общественный подъем, вовлекшие в политическую жизнь страны широкие слои населения, в том числе и городские маргинальные низы, привели к неоднозначным последствиям. Обратной стороной процесса общественной активизации стал массовый рост потребительских, патерналистских настроений в отношении власти, жажда сиюминутных краткосрочных результатов, что губительно для любой долговременной программы. Социальная деятельность правительства христианских демократов привела к повышению уровня ожиданий этих слоев населения, к росту давления на правительство с целью увеличения объема предоставляемых государством благ. В своем последнем послании Конгрессу Э. Фрей вынужден был признать, что система социального обеспечения превратилась в невыносимое бремя для чилийской экономики¹³.

Таким образом, в годы президентства Э. Фрея были заложены основы комплексной социальной политики в интересах широких слоев населения, а социальная философия христианских демократов стала примером просвещенного подхода политической элиты, сознающей свою ответственность перед обществом за преодоление отсталости, нищеты и невежества, за дальнейшее развитие страны. С другой стороны, противоречия социальной политики христианских демократов во многом подготовили почву для дальнейших событий чилийской истории.

Правительство Э. Фрея стремилось к решению социальных проблем, делая ставку на просвещенный реформизм власти, на развитие культуры, человеческого потенциала, социальной самодетельности и инициативы всего общества. В мировоззрении христианских демократов и социальной практике Э. Фрея большую роль играли морально-этические принципы, стремление к убеждению оппонентов и поиску взаимопонимания с различными слоями общества и политическими силами. Проблема социальной справедливости также занимала в этом проекте важное место, однако главным было не перераспределение собственности, а акцент на постепенном, долговременном “обустройстве” страны, просветительской функции власти.

Эта социальная философия была рассчитана на длительную, кропотливую работу, требующую преемственности и сознательного диалога между властью и обществом. Однако массовый подъем, во многом сознательно разбуженный христианскими демократами, был несовместим с постепенной реформистской дея-

тельностью, с объективной невозможностью быстро завершить многие серьезные начинания. Все ценности, которые защищал Э. Фрей и как политик, и как идеолог, оказались невостребованными в новый исторический период, связанный с приходом к власти политического блока левых партий “Народное единство” и с избранием С. Альенде президентом страны.

* * *

Социально-политическая деятельность правительства Сальвадора Альенде (1970–1973) была связана с реализацией совершенно иного подхода к общественному развитию.

Подобно многим сторонникам левых взглядов С. Альенде считал, что социальные проблемы, наиболее драматической из которых является бедность, порождены самой экономической системой современного общества, несправедливостью распределения национального богатства. Преодоление бедности было возможно в результате кардинального изменения этой системы, революционной трансформации общества, перераспределения собственности, максимального усиления государственного контроля над экономикой. Народу была обещана мирная социалистическая революция с “хлебом и вином”, а государство, поддержанное политической активностью масс, становилось главным агентом социально-экономических изменений и принимало на себя всю ответственность за реализацию идеи социальной справедливости.

Следует отметить, что к 1970 г. в Чили уже существовал достаточно влиятельный государственный сектор в сфере услуг, транспорта, сельском хозяйстве. Система государственного обеспечения играла ведущую роль и в здравоохранении, где доля частного сектора была достаточно ограниченной, и в сфере образования, где государственное финансирование распространялось на ряд университетов и большинство учреждений начального и среднего уровня. Государственной была также система социального страхования и пенсионного обеспечения, основанная на принципе административного распределения пособий и пенсий.

Традиционно большим влиянием в социально-политической жизни и широкими полномочиями пользовались профсоюзы, защищавшие права рабочих, особенно в случае забастовок и увольнений. Действовала разветвленная сеть низовых социальных организаций, активность которых повысилась в годы президентства Э. Фрея. Таким образом, к моменту прихода к власти правительства С. Альенде чилийское общество пользовалось многими плодами “социального государства”, имело определенную традицию успешного государственного участия в решении социальных проблем.

Однако новое правительство не ставило своей целью улучшение уже существующей системы и преодоление ее недостатков. Лейтмотивом деятельности было принципиальное изменение отношений собственности в чилийском обществе на новых социально-экономических и политических принципах, усиление организаторской роли государства в социальной жизни. Главными направлениями преобразований в 1970–1973 гг. стали: национализация меднодобывающей промышленности, увеличение доли государственного сектора в ведущих отраслях экономики, ускорение темпов и расширение масштабов аграрной реформы, начатой предшествующим правительством Э. Фрея. В социальном плане предполагалось унифицировать и распространить на всех трудящихся систему социального страхования и бесплатного здравоохранения, расширить сеть профсоюзов, демократизировать систему образования, сделав ее более доступной для выходцев из бедных слоев общества. Правительство намеревалось также развивать низовые социальные организации различного профиля, стремясь к политизации широких слоев населения¹⁴.

На первый взгляд, все эти планы были направлены на улучшение условий жизни большинства чилийцев и построение справедливого общества, однако на деле социально-политический реформизм С. Альенде имел трагические последствия.

Огосударствление экономики страны за период 1970–1973 гг. происходило с огромным размахом: доля государства в транспортной отрасли составила 70%, в финансовой сфере – 85%, в СМИ – 70%, в сфере услуг – 100%¹⁵.

Важнейшее место в реализации намеченной программы занимала аграрная реформа. В течение первых шести месяцев проведения аграрной реформы правительство С. Альенде экспроприировало 1,5 млн га земли, т.е. половину того, что успело правительство Э. Фрея за все шесть лет пребывания у власти. Быстрые темпы экспроприации, отказ от выплаты компенсаций землевладельцам и попустительство властей спровоцировали многочисленные самозахваты земли – “*tomas de terreno*”, которые после 1971 г. приобрели массовый характер и во многом оттолкнули от правительственных начинаний не только крупных и средних земельных собственников, но и широкие слои чилийского общества. Основные принципы аграрной реформы, намеченные в годы президентства Э. Фрея, были нарушены, и процесс приобрел радикальный, неуправляемый характер.

В социальном плане правительство предприняло ряд шагов, которые первоначально способствовали улучшению условий жизни бедных слоев и росту популярности “Народного единства”. В 1970 г. была повышена зарплата рабочим, которую прави-

тельство обязывалось индексировать, а также понижены и фиксированы цены на основные продукты питания. В эти годы несколько сократилась безработица – с 5,7% в 1970 г. до 3,3% в 1972 г.¹⁶, а государственный контроль над ценами стал популистской мерой, призванной наглядно продемонстрировать преимущества государственного регулирования экономики. Однако ухудшение экономических показателей с 1972 г., перебои в снабжении основными товарами широкого потребления привели к формированию незнакомого чилийцам дефицита и “черного рынка”, к очередям и невозможности купить за фиксированные государственные цены необходимые продукты питания и быта. В сентябре 1973 г. инфляция составила 605% (по сравнению с 29% в 1969 г.), а цены на некоторые товары, не относящиеся к категории первой необходимости, выросли на черном рынке на 750%¹⁷.

Экономический кризис совпал с ростом массового недовольства действиями правительства, многочисленными забастовками и маршами протеста, в которых приняли участие и рабочие национализированных предприятий, и мелкие собственники (например, владельцы грузовиков), и средние слои чилийского общества. Огромные социальные ожидания населения оказались обмануты, обещание мирной и быстрой революции обернулось политическим хаосом, а идея социальной справедливости – попытками самовольного захвата земельной собственности и промышленных предприятий, а также глубоким экономическим кризисом. Радикал-популистские меры не только не принесли ни большего равенства, ни позитивных экономических изменений, но окончательно оттолкнули от социалистического проекта средние слои. Во многом именно разочарование и недовольство общества, а не вероломство военной верхушки предопределили трагический финал правительства С. Альенде.

Как правило, неудача леворадикальных проектов активизирует силы, стремящиеся во что бы то ни стало утвердить в обществе жесткий порядок. Военный переворот 11 сентября 1973 г. и приход к власти праворауторитарного режима Аугусто Пиночета стали началом нового этапа в отношениях власти и общества в Чили.

* * *

На протяжении 1973–1989 гг. чилийское общество претерпело масштабную модернизацию, неотъемлемой частью которой стали жесткие неолиберальные реформы, проведенные военным режимом. Эти реформы изменили не только экономическую и политическую, но и социальную сферу жизни общества. Помимо

приватизации государственных предприятий, ставки на частный капитал, экономический рост и развитие новый курс предполагал принципиальные изменения в системе государственного протекционизма и социальной защиты населения, которые должны были повлечь за собой глубокие перемены в массовом общественном сознании. Впервые с 1920 г. и принятия “социальных законов” А. Алессандри государство утратило протекционистскую роль в области трудовых отношений, образования, здравоохранения, социального обеспечения, уступив место частным фондам и децентрализованной системе управления. Покровительство бедным слоям населения перестало считаться основой государственной социальной политики и превратилось в вопрос добровольной благотворительности рыночных институтов и частных лиц. В прагматизме, жесткости и рационализме новой модели не осталось ниши для экономически невыгодных проектов и социальных идей.

Новый трудовой кодекс 1979 г. серьезно ослабил в прошлом хорошо организованные и политически активные профсоюзы, существенно ограничив их право на стачки и защиту рабочих в случае увольнений и одновременно расширив возможности предпринимателей. Новые профсоюзы, разрозненные и аполитичные, не могли оказать существенного противодействия жесткой экономической политике властей¹⁸.

Реформы образования (1981) и здравоохранения (1981) усилили роль частного капитала и сократили государственный сектор в этих сферах, традиционно находившихся в Чили под управлением и покровительством государства. Особенно большие изменения коснулись системы образования. На первом этапе, в 1973–1980 гг., военные активно вмешивались в управление университетами, преследовали политическую оппозицию, увольняли недовольных преподавателей и студентов, но не занимались структурными преобразованиями. С 1980 г. начался новый этап, в ходе которого сократилось государственное финансирование образовательных учреждений (с 66% в 1970 г. до 48% в 1987 г.), выросло количество частных школ и университетов, а два крупнейших высших учебных заведения страны – Университет Чили и Католический университет – потеряли свою монополию на высшее образование¹⁹. Если система начального и среднего образования оставалась по-прежнему смешанной, то высшее образование стало по преимуществу платным, а в обществе постепенно утвердился принцип платного образования и признания связанных с ним обязанностей и правил поведения.

Система здравоохранения также была децентрализована и фактически приватизирована, ее финансирование стало осущест-

вляться как государственными, так и крупнейшими частными фондами, а объем и качество обслуживания были поставлены в прямую зависимость от оплаты, размер которой давал право на определенный набор медицинских услуг.

Таким образом, исторически сложившееся в обществе представление о *праве* на базовое образование и здравоохранение, которое гарантирует государство, уступило место представлению о свободе индивидуального выбора и свободе платить за этот выбор, сознавая меру своих возможностей. Образование и здравоохранение стали *продуктами рынка*, приобретение которых не может быть бесплатным и общедоступным.

Реформа системы социального обеспечения (1981 г.), важнейшим элементом которой стала пенсионная реформа, заменила государственное финансирование и распределение пособий и пенсий принципом индивидуальных частных накоплений, управление которыми передавалось в частные фонды. На минимальные государственные пенсии могли рассчитывать только беднейшие категории населения, которые в силу своих низких доходов были неспособны производить регулярные отчисления в пенсионные фонды. Следует отметить, что государство строго контролировало деятельность фондов, распоряжавшихся средствами населения, и брало на себя всю ответственность перед вкладчиками в случае их банкротства.

Социальная политика А. Пиночета, направленная на жесткое структурирование чилийского общества и внедрение неолиберальных ценностей, дополнилась своеобразной городской политикой. Децентрализация власти в крупных городах, повышение роли муниципалитетов, на которые перекладывалась значительная доля обязанностей по финансированию и развитию социальных программ, сопровождалась процессами социальной стратификации. Новый план городского устройства, принятый в 1979 г., предполагал сделать социальный состав городских коммун (прежде всего в Сантьяго) более однородным, что означало переселение бедных кварталов, “вклинившихся” на территорию богатых коммун, в специально отведенные новые районы, где было начато строительство дешевого жилья для “перемещенных”. С 1979 по 1986 г. в Сантьяго было “перемещено” таким образом более 150 тыс. человек²⁰. Помимо этой категории населения, получившей государственное жилье, в конце 80-х годов в Чили насчитывалось около 2,5 млн человек, вытесненных из благополучных городских районов и живших “в гостях” у родственников или знакомых в рабочих поселках и бедных кварталах²¹. Такая политика привела к жесткому разделению крупных городов, и в первую очередь Сантьяго, на бедные, богатые и средние районы (комму-

ны), жители которых практически не соприкасались друг с другом и вели различный образ жизни. Также усилился разрыв между столицей и небольшими городами внутри страны. Поскольку ответственность за развитие социальной сферы была возложена на муниципалитеты, имевшие различные экономические ресурсы, бедные районы и поселки вынуждены были выживать своими собственными силами, в основном опираясь на помощь гражданского общества и низовые социальные связи. Например, за период 1980–1984 гг. процветающие коммуны Сантьяго, в которых проживал 21% городского населения, получили 57% муниципальных инвестиций на развитие своей инфраструктуры, в то время как беднейшие районы, сосредоточившие 36% населения, получили только 9%²².

Таким образом, социальная политика этого периода была направлена на то, чтобы приватизировать важнейшие сферы жизни общества – систему образования, здравоохранения, социального обеспечения, максимально децентрализовать управление этими сферами, передав его в частные фонды, и поставить количество и качество предоставляемых услуг в жесткую зависимость от экономических возможностей каждого. Правительство сделало ставку на частный капитал, на богатый класс, который был заинтересован в интенсивном экономическом росте и развитии. Деньги социальной сферы, вложенные в частные фонды, работали на экономическое развитие и модернизацию страны. Были урезаны или прекращены масштабные социальные программы начала 70-х годов, а государственные расходы на образование, здравоохранение, социальное обеспечение только за период 1984–1989 гг. сократились более чем на 20%²³. Общие социальные затраты государства упали с 4% ВВП в 1975 г. до 2% ВВП в 1989 г.²⁴ В то же время некоторые ограниченные социальные программы, направленные на помощь беднейшим слоям, продолжали действовать. Это – пособия семьям, находящимся в ситуации крайней бедности, дополнительное питание для женщин и детей-дошкольников, школьное питание в государственных школах, что привело к сокращению процента недоедающих детей с 7% в 1977 г. до 5% в 1984 г.²⁵ Предусматривалась минимальная государственная пенсия тем категориям пенсионеров, которые не могли участвовать в новой пенсионной программе (предполагалось, что их количество будет неуклонно сокращаться). Таким образом, военный режим, предельно ограничив масштабные социальные расходы и проекты прежних правительств, оставил некоторые направления целенаправленной, адресной помощи самым бедным группам населения.

Одновременно в обществе утверждались новый стиль жизни и новые ценности, которые принято называть “неолиберальными”, это – экономическая свобода, индивидуализм, культ работы и успеха, прагматизм, рационализм, личная ответственность человека за свои достижения и неудачи. Постепенно устойчивая ориентация определенных общественных групп на поддержку государства уступила место расчету только на свои силы, упорный труд и личную предприимчивость. Тем не менее обратной стороной чилийских экономических реформ, действительно приведших к оздоровлению экономики и давших стране новые ориентиры развития, стала удручающая бедность значительной части (около 40%) населения страны, за счет которых и были достигнуты макроэкономические успехи.

* * *

Важнейшей составляющей процесса демократизации, начавшегося в 1989 г. с завершением военного правления А. Пиночета, стали не только политические, но и социальные проблемы. Первое демократическое правительство возглавил видный деятель коалиции демократических партий (“Консертасьон”)²⁶, лидер Христианско-демократической партии Патрисио Эйльвин (1990–1994). Следующим президентом страны стал также христианский демократ Эдуардо Фрей Руис-Тагле (1994–2000). Перед этими коалиционными правительствами, в состав которых вошли социалисты и христианские демократы, встали сложные задачи, от решения которых во многом зависел не только успех всего процесса демократизации, но и качество новой демократии. При этом самым серьезным социальным вызовом на протяжении всех 90-х годов оставалась проблема бедности.

В конце 80-х годов Чили была страной с одним из самых высоких даже для Латинской Америки уровней бедности и социального неравенства. По данным ЭКЛА, население, живущее за чертой бедности, в 1990 г. составляло 38,6%, а в условиях крайней нищеты, т.е. ниже черты прожиточного минимума (доход на человека менее 1 долл. в день), – 12,9%²⁷. В то же время 10% населения, представляющего наиболее богатый слой общества, владели 40,8% национального дохода. Что касается 10% наиболее бедных, то они располагали 1,4% национального дохода, что по уровню социального неравенства ставило Чили на 54 место в мире²⁸. Таким образом, на момент 1989–1990 гг., несмотря на признаки устойчивого макроэкономического развития, практически половина населения страны оказалась на грани выживания.

В начале периода демократизации эта часть общества ожидала от нового правительства в первую очередь улучшения своего

экономического положения и компенсации высокой социальной цены рыночных преобразований. В то же время предпринимательские круги и связанный с бизнесом новый средний класс выступали за экономический рост и продолжение неолиберального курса, начатого при Пиночете. Жесткие установки бизнес-элиты, опирающейся на мощный экономический ресурс, поддержку влиятельных политических сил и армии, являлись фактором, препятствующим любым социальным начинаниям. Реализация социальной политики по преодолению бедности была бы невозможна без определенного идеологического обоснования в глазах высшего слоя общества.

В этих условиях правительства христианских демократов и социалистов предложили свою идеологию “рыночных реформ, но не рыночного общества”, которая должна была способствовать проведению эффективных социальных преобразований без ущерба для экономического развития. Бизнесу было гарантировано соблюдение экономических правил, установленных в период правления военных. При этом конкретной деятельности предшествовало серьезное обсуждение проблемы бедности. Уже в предвыборной программе Консертасьон бедность рассматривалась как главная и наиболее острая проблема страны, как свидетельство отсталости, для преодоления которой необходима общественная солидарность, согласие и диалог всех социально-политических сил. “Мы стремимся к динамичной экономике и к обществу, в котором господствует принцип социального равенства, в котором результаты производительного труда направлены на удовлетворение насущных потребностей беднейших слоев населения, таких, как питание, здоровье, образование, жилье и общественная безопасность”, — отмечалось в этом документе²⁹.

Переходное правительство 1990–1994 гг., возглавляемое президентом Патрисио Эйльвином, возлагало ответственность за ситуацию, при которой широкие слои населения живут в нищете, лишены образования, работы и медицинской помощи, не на какой-то конкретный класс, а на все общество в целом и его политическую элиту, призванную гармонизировать социальные отношения. Необходимо отметить, что личность и взгляды самого П. Эйльвина сыграли огромную роль в формировании ответственной позиции по отношению к бедности. Он считал, что вопиющее социальное неравенство является показателем незрелости, отсталости всего общества, а не отдельных его групп, и может превратиться в основной тормоз модернизации и демократизации. П. Эйльвин понимал, что судьба демократии во многом зависит от успешности и эффективности социальной политики, которая не должна в то же время препятствовать росту чилийской

экономики и подвергать опасности непрочный политический компромисс между различными общественными силами. Таким образом, никакая политическая или социальная группа не были названы виновными в жесткости неолиберальных реформ, проведенных за счет широких слоев населения. Напротив, акцент был сделан на новых надеждах по преодолению бедности в условиях современного высокоразвитого общества, основанного на принципах всеобщего благосостояния и равных возможностей.

Правительство П. Эйлвина определило стратегический подход к проблеме бедности исходя из христианской этики солидарности и взаимной ответственности различных слоев общества. Его важнейшим достижением стало проведение налоговой реформы (утвержденной Конгрессом в начале 1990 г.), в результате которой бюджетные поступления увеличились на сумму, эквивалентную 2% ВВП (700 млн долл. в год)³⁰. Этот экономический ресурс позволил приступить к постепенному улучшению жизни беднейших слоев. В 1990–1994 гг. были начаты многие социальные программы, но их реализация и интенсивный рост капиталовложений в социальную сферу пришлось на середину 90-х годов, когда президентские полномочия П. Эйлвина уже закончились.

В начале президентства Э. Фрея Руиса-Тагле (1994–2000) была утверждена Национальная программа по преодолению бедности (*Programa Nacional para la Superación de la Pobreza*), основанная на многочисленных социальных инициативах и предложениях как правительственных комиссий, так и общественных организаций. Программа включала несколько базовых направлений:

- обеспечение всего населения страны жизненно важными услугами за доступные цены – питьевой водой, электроэнергией, канализацией и телефонной связью;
- создание в малодоступных и отдаленных областях страны дорог, образовательных и медицинских учреждений, преодоление изолированности от городских центров;
- развитие самостоятельности и инициативы муниципалитетов бедных районов, финансовое содействие их деятельности по поддержке нуждающихся домохозяйств;
- разработка специальной программы по поддержке женщин – глав домохозяйств, находящихся в ситуации крайней бедности;
- повышение профессионализма управленческих кадров, ответственных за осуществление программ на местах;
- пересмотр устаревших и неэффективных социальных программ³¹.

Реализация намеченной социальной политики предполагала серьезное увеличение капиталовложений. На протяжении 1990–2000 гг. возрастали государственные расходы на социаль-

ную сферу. Если в начале 90-х годов они составляли в среднем 12,5% от ВВП, в 1996–1997 гг. – 13%, то в 2000 г. – 15,6% от ВВП³². Выросли и среднестатистические показатели государственных социальных расходов на душу населения: в 1996–1997 гг. они составили 718 долл., в 1998–1999 гг. – 838 долл., а в 2000 г. – 936 долл. в год. Такие же показатели в 2000 г. были только в Бразилии, а выше этого уровня в конце 90-х годов – в Аргентине (1650 долл.) и Уругвае (1494 долл.). Для сравнения, в Колумбии расходы на душу населения в год в 2000 г. составили 337 долл., в Мексике – 456 долл., в Венесуэле – 402 долл., в Перу – 187 долл. и в Боливии – 183 долл.³³

Политика государства была сосредоточена на нескольких приоритетных направлениях – образовании, здравоохранении, совершенствовании системы социального обеспечения.

Повышение доступности образования для беднейших слоев населения всегда играло существенную роль в политике, направленной на преодоление бедности. После реформы 1981 г. система образования в Чили стала смешанной – в ней сосуществуют частные (их всего 8%) и государственные (“публичные”) школы, а также школы, имеющие “двойное” (государственное и частное) финансирование. В бедных районах работают в основном государственные (муниципальные) школы. Поскольку школа, особенно начальная, для детей из бедных слоев является незаменимым культурным и психологическим центром, выполняющим функцию социализации и развития личности, еще правительство П. Эйльвина поставило задачу не только поднять уровень образования в муниципальных школах, но также качественно изменить всю систему школьной жизни. Предполагалось увеличить время пребывания детей в школе, улучшить их питание, привлечь молодых и квалифицированных специалистов. В связи с этим в 1990 г. была разработана и вступила в действие специальная долгосрочная программа П-900, которая предусматривала ежегодную помощь 900 школам, большинство из которых находилось в удаленных сельских районах и в бедных кварталах городов³⁴. Помимо денежных субсидий в эти школы направлялось современное оборудование, учебники и пособия. Эти меры привели к улучшению ситуации в большинстве школ – участников программы. За 1990–1996 гг. в проект были вовлечены более 2100 школ³⁵.

В совершенствовании системы здравоохранения основным акцент был сделан на достижении равных возможностей в оказании медицинской помощи, на повышении уровня медицинского обслуживания беднейших категорий населения. После 1981 г. эта система в Чили финансируется как государственными, так и ча-

стными фондами, а объем и качество обслуживания напрямую зависят от оплаты, размер которой дает право на определенный набор медицинских услуг. В связи с этим важным моментом социальной политики стало дополнительное финансирование государственных медицинских учреждений, обслуживающих наименее обеспеченную часть общества. Несмотря на серьезные общие достижения (увеличение средней продолжительности жизни и сокращение детской смертности), самой острой проблемой продолжает оставаться социальное неравенство, недоступность квалифицированного медобслуживания для населения удаленных территорий, неспособность беднейших категорий населения оплачивать даже тот минимум, который необходим для самого примитивного набора услуг, недостаточное внимание заботе о пожилom населении, и т.д. За 90-е годы эти проблемы не были решены, что дало основание Всемирной организации здравоохранения в 2000 г. поставить Чили на 103 место в мире по уровню доступности медицинского обслуживания для бедных групп населения, в то время как по общим успехам в области здравоохранения – на 45 место³⁶. Таким образом, система здравоохранения стала более модернизированной, но утратила принцип социальной направленности в обслуживании низших слоев общества.

В системе социальной защиты и пенсионного обеспечения были продолжены преобразования, предпринятые еще в годы военного правления А. Пиночета. Смысл этих изменений сводился к тому, чтобы определить наиболее нуждающиеся категории населения и усилить в их отношении государственную поддержку, а также содействовать индивидуальным усилиям человека, стремящегося самостоятельно выйти из бедности. Все эти годы инструментом социальной защиты беднейшего населения служили денежные субсидии государства, которые направлялись в самые незащищенные и нуждающиеся слои населения, представляющие 1/5 часть общества (“нижние” 20% – “quintil I”). Государственные субсидии включали дополнительные пенсии, пособия в случае крайней нищеты, семейные пособия и прочие выплаты. Все эти затраты в 2000 г. составляли всего 8,6% семейного дохода беднейшего слоя. В денежном исчислении это были небольшие, но постоянные суммы, которые все же позволяли тем, кто находился в ситуации крайней бедности, несколько улучшить свое положение.

В то же время, помимо прямой денежной поддержки, большое значение имела и целенаправленная социальная помощь, предоставляемая в виде услуг и льгот (в первую очередь они касались образования и здравоохранения, а также дешевого жилья). Пособия “льготами и услугами” составляли в 2000 г. в сред-

нем 37,2% бюджета бедного домохозяйства и являлись важнейшим элементом улучшения их жизни³⁷.

Таким образом, адресность и конкретность социальной помощи в определенных условиях и при продуманной политике может частично скомпенсировать ее недостаточный объем и в некоторой мере поддержать жизнеспособность беднейших слоев.

Общие результаты социальной политики этого десятилетия были заметными. Деятельность первых демократических правительств развивалась на фоне благоприятной экономической конъюнктуры 1990–1997 гг., которая позволила продолжить экономические реформы, сохранить высокие темпы экономического роста (в среднем – 8% в год)³⁸ и одновременно сократить абсолютную бедность.

По данным ЭКЛА, общая бедность сократилась практически в 2 раза – с 38,6% в 1990 г. до 20,6% в 2000 г., а крайняя нищета уменьшилась с 12,9% до уровня 5,7% соответственно. Доля бедных домохозяйств сократилась за период 1990–2000 гг. с 33,3% до 16,6%³⁹. Существенно снизилась безработица (с 20% в 1985 г. до 5% в 1997 г.)⁴⁰. Кроме того, к 2000 г. недоедающее население в Чили составляло не более 4%, что является низким показателем для Латинской Америки, меньше только в Аргентине (2%) и Уругвае (3%)⁴¹.

Достижения в преодолении бедности, так же как и политическая стабилизация общества, создали Чили международный имидж “страны-успеха”, “витрины латиноамериканской демократии”. Можно сказать, что социальный контракт между политиками блока Консертасьон, бизнесом и средним классом был выполнен. Тем не менее ни правительству П. Эйльвина, ни правительству Э. Фрея не удалось преодолеть самую острую и болезненную проблему страны – глубокое социальное неравенство, которое осталось практически прежним. Значительные инвестиции в социальную сферу привели к сокращению абсолютной, но не относительной бедности, поскольку улучшение качества жизни бедных слоев происходило одновременно с увеличением доходов наиболее богатых. В итоге самая преуспевающая часть общества – верхние 10% – владела 42,3% национального дохода, несколько увеличив свою долю за прошедшие 10 лет, а нижние 10% получали 1,1% (еще меньше, чем в 1989 г.)⁴².

Эта ситуация, казавшаяся вполне закономерной и терпимой при А. Пиночете, в конце президентства Э. Фрея Руиса-Тагле вызвала массовое недовольство, сопряженное с разочарованием и в социальной политике правительства, и в деятельности самой коалиции демократических партий – Консертасьон. Уже в середине 90-х годов, несмотря на очевидные экономические успехи и улуч-

шения на рынке труда, опросы общественного мнения фиксировали нарастание пессимистических настроений. Серьезное ухудшение экономических показателей в 1999–2000 гг. многократно усилило эти настроения. Если в 1997 г. общим положением дел в стране были удовлетворены 21% чилийцев, то в 1999 г. – только 3%. Собственное благополучие устраивало в 1993 г. 35%, а в 1999 г. – лишь 15% населения⁴³. В результате на основной вопрос, являющийся индикатором удовлетворенности качеством жизни: “Кто выиграл от экономических реформ?”, в 1999 г. 79% чилийцев ответило: “В основном богатые”⁴⁴.

Таким образом, политику по преодолению бедности на этапе 90-х годов трудно охарактеризовать однозначно. Она имела серьезные положительные результаты в том, что касалось повышения общего уровня жизни беднейших слоев населения, сокращения масштабов абсолютной бедности. Успехи в социальной сфере стали важной частью политической консолидации чилийского общества. Однако в целом эта политика носила характер продуманной, но ограниченной социальной компенсации, призванной несколько улучшить бедственное положение обездоленных групп населения, не меняя утвердившихся правил игры и не решая при этом самую драматическую из общественных проблем – проблему социального неравенства.

* * *

Правительство социалиста Рикардо Лагоса (одного из ведущих лидеров Консертасьон), пришедшее к власти в 2000 г., столкнулось с необходимостью не только продолжения, но развития и совершенствования социальной политики, начатой его предшественниками. По-прежнему самыми острыми вопросами в этом направлении оставались бедность и неравенство. В 2000 г. из 20,6% бедного населения 5,7% (т.е. 850 тыс. человек) составляли те, кто жил в условиях крайней бедности и чей месячный доход на душу населения составлял менее 32,5 долл. в месяц, т.е. 1 долл. в день⁴⁵. Помимо задачи повышения уровня доходов этих слоев и сокращения абсолютной бедности, используя уже применявшуюся тактику адресных денежных пособий и льгот, правительство поставило цель уменьшить и социальную эксклюзию, смягчить остроту социального неравенства, включив наиболее проблемную часть населения в полноценную общественную жизнь. Можно сказать, что основное направление социальной политики стало постепенно меняться, ориентируясь на преодоление не только абсолютной, но и относительной бедности.

В 2002 г. под руководством Министерства планирования и кооперации (MIDEPLAN) была принята масштабная программа со-

циальной защиты “Солидарная Чили”, ответственность за реализацию которой была возложена на Национальный фонд по преодолению бедности⁴⁶. В отличие от прежних программ эта стратегия направлена преимущественно на помощь семье, а не индивиду, а также на комплексное повышение качества жизни самых беднейших из бедных домохозяйств, особенно тех, которые возглавляют одинокие женщины с детьми. В основе этого подхода лежит более сложное, многостороннее понимание бедности как особого образа жизни, воздействующего не только на отдельного человека, но и на все его окружение, в первую очередь семью, лишенную возможности нормально адаптироваться в современном обществе успеха.

Программа “Солидарная Чили” ставит своей целью обеспечить реализацию экономических, социальных и культурных прав самых обездоленных слоев населения. Эта программа предполагала, что 225 тыс. семей, живущих в условиях крайней бедности, будут полностью вовлечены в социальные сети⁴⁷. Для выполнения поставленной задачи предусматривалась выплата ежемесячных денежных пособий на образование, повышение трудовой квалификации, охрану здоровья каждой семье. Со своей стороны семья должна подписать конкретные обязательства, предполагающие самостоятельную активность по улучшению качества своей жизни⁴⁸. Денежная помощь не является значительной в долларовом эквиваленте, однако ее цель – не столько прямое повышение доходов, сколько психологическая ориентация низшего слоя общества на участие в социальной жизни, поиск работы, продолжение учебы, и т.д. Этот проект является долгосрочным и будет продолжен после президентских выборов 2006 г., независимо от политических предпочтений избирателей.

Другой важный проект 2000–2006 гг. – образовательная программа “Средняя школа для всех” (“Liceo para todos”). Ее цель – обеспечить возможность получения 12-летнего образования для всей молодежи страны, независимо от уровня дохода семьи, сократить процент раннего ухода из школы, улучшить здоровье учащихся, уменьшить отставание сельских областей, т.е. в итоге повысить культурный потенциал и качество жизни общества в целом. “Средняя школа для всех” предусматривает выплату стипендий учащимся, которые стремятся продолжить обучение, проведение психологической работы с родителями, нередко настроенными против школьного образования, создание более благоприятной психологической атмосферы в учебных заведениях, улучшение школьной инфраструктуры.

По данным на 2000 г. среди молодых людей в возрасте от 15 до 19 лет, покинувших школу раньше времени, 57% составляют

выходцы из беднейшего слоя⁴⁹. Причины ухода из школы после начального цикла различны, однако очевидна негативная роль низкого уровня жизни молодежи из бедных слоев. Так, 50% юношей в Чили отмечают отсутствие средств в семье для продолжения образования⁵⁰. Это означает, что они вынуждены включиться во взрослую жизнь, не получив даже среднего образования, и пополнить рынок труда в качестве низкоквалифицированной и дешевой рабочей силы.

Для девочек наиболее популярный ответ – “семейные проблемы” (на него указывают 50% опрошенных девочек от 15 до 19 лет)⁵¹. В реальности это объяснение включает раннюю беременность и материнство, а также необходимость помогать по дому, так как хозяйство в бедных семьях, как правило, ложится на плечи девочек и плохо совмещается с продолжением учебы.

Таким образом, формирование “культуры бедности”, которая воспроизводится из поколения в поколение, начинается еще за школьной партой и сопровождается не только материальными лишениями, но и тяжелыми психологическими испытаниями. Социальная эксклюзия беднейшего слоя заключается также в отсутствии шанса вырваться из этого круга, предоставив образование своим детям. Это, возможно, самая трагическая сторона бедности, по сравнению с которой даже плохое жилье и низкий доход теряют свою значимость.

Поэтому, помимо прямого повышения доходов беднейших слоев общества с помощью пособий, приоритетным направлением современной социальной политики в Чили является также нацеленность на включение в общественную жизнь представителей беднейших слоев населения, особенно молодежи. Адаптация образовательных программ и школ к потребностям этой социальной группы, создание новой сети социальных связей вокруг различных центров переподготовки и повышения квалификации, курсов для молодежи и взрослых, психологических служб, и т.д. является важнейшей задачей социальной политики не в меньшей степени, чем увеличение денежных пособий и материальных льгот.

В настоящее время в Чили действует около 400 социальных программ, в которых задействовано более 80 различных фондов, институтов и организаций. Основная цель этих программ – расширить доступ беднейших слоев населения на всей территории страны к материальным и общественным благам, поднять уровень жизни, обеспечить занятость и профессиональную подготовку. Кроме того, помимо повышения эффективности так называемых “макродействий” предполагается развитие таких программ, которые имеют дело непосредственно с отдельным чело-

веком, его проблемами, его конкретной ситуацией. Это – создание центров психологической и социальной помощи женщинам, содействие их профессиональной подготовке и трудоустройству, работа с детьми из бедных семей, с “трудными” подростками, с молодежью в районах повышенного социального риска. Необходимо отметить, что большую роль в этой работе играют всевозможные организации и структуры гражданского общества, основанные на принципах добровольности и солидарности.

Деятельность этих многочисленных негосударственных образований и низовых организаций прагматична и многофункциональна. Она тесно связана с конкретными практическими делами, с четкой постановкой целей и задач. В ней нет места для озбоченности “большими” и “вечными” проблемами, однако практика постепенного улучшения реальной жизни “снизу”, с помощью постоянного труда, солидаризма, экономии, активности является лучшим доказательством жизнеспособности этого общества, его соответствия современным задачам и национально-исторической специфике Чили. Без этой “низовой”, самостоятельной активности была бы невозможна реализация никаких социальных программ.

Одной из важнейших задач социальной политики по преодолению бедности в настоящее время становится применение дифференцированного, прагматичного подхода к бедным слоям, которые перестают восприниматься как единая гомогенная группа. Необходимо различать наиболее нуждающиеся категории населения, которые не могут существовать без непосредственной государственной поддержки, и те категории, которые в состоянии работать и выходить из бедности своими собственными усилиями. Кроме того, бедность не может быть одинаковой в столице страны и в отдаленных от развитого “центра” сельских районах. Политика в данном случае должна учитывать региональные особенности бедности. Важнейшим моментом является также контроль за качеством и эффективностью выполнения социальных программ, за деятельностью чиновников, использованием финансовых средств. Механизмы этого контроля еще не окончательно разработаны в Чили.

Несмотря на то что период президентства Р. Лагоса не закончен, а деятельность многих социальных программ только разворачивается, можно подвести некоторые предварительные итоги этих лет. По данным социологического исследования, которое проводится в Чили каждые три года (CASEN), бедность за 2000–2003 гг. сократилась на 1,8% (с 20,6 до 18,8%), нищета – с 5,7 до 4,7%⁵². В абсолютных цифрах это означает, что примерно 173 тыс. человек вышло из бедности за этот период⁵³.

Кроме того, в 2000–2004 гг. стали очевидны результаты общего социального прогресса чилийского общества, достигнутого за весь период 90-х годов. Строительство в бедных районах жилья, дорог, вокзалов, школ несколько сократили неравномерность экономического развития страны. Доля грамотного населения составила в 2002 г. 96% (поднявшись на 1,2%). Увеличилась доля городского населения до 86,6% против 83,5% в 1992 г. Повысилось участие женщин в рынке труда (35,6% против 29,5% в 1992 г.), выросло число нуклеарных семей (в среднем – из трех человек), улучшилась материально-бытовая жизнь широких слоев населения. Так, в 2002 г. почти 80% чилийцев имели стиральную машину (против 48% в 1992 г.); 82% – холодильник (54% в 1992 г.); 87% – телевизор (52% в 1992 г.); 51% – домашний телефон (23% в 1992 г.). В 2002 г. 20% населения имели персональный компьютер и 10% подключение к Интернет⁵⁴. Общество стало более современным, мобильным, образованным.

В то же время за истекший период обострились и стали более явными некоторые серьезные проблемы. Прежде всего экономический рост (в среднем 3% в год) и связанные с ним преимущества не распространяются на всю страну. Если в столичном регионе и в самом Сантьяго экономическое развитие демонстрирует наибольшие результаты, а уровень бедности и нищеты ниже, чем в целом по стране (11,8 и 4,3% соответственно), то в некоторых наименее благополучных, удаленных от центра областях бедность превышает средние 18,8%, причем ситуация ухудшилась за последние годы⁵⁵. Следовательно, необходима разработка, а главное – реализация специальных программ, учитывающих экономическую и социальную ситуацию отстающих регионов, а также повышение адресности и результативности уже действующих проектов.

Другим важнейшим моментом является создание достаточно-го количества новых рабочих мест и понижение уровня безработицы, так как в конечном счете только получение работы остается единственным действительно эффективным способом выхода из бедности. В то же время безработица в Чили не сократилась, а выросла за последние годы, составив 9,7% на фоне стабильного экономического роста. Самыми уязвимыми категориями среди потенциальных жертв безработицы являются женщины (в основном с детьми) и молодежь, особенно те, кто не имеет высшего образования.

Важнейший момент, тесно связанный с проблемой безработицы, – это вопрос о пересмотре жесткого трудового законодательства, действующего в Чили еще с 1979 г. Реформа трудового законодательства в интересах всего общества, а также малых и

средних предприятий, заинтересованных в найме работников, стала насущным требованием современного социального развития. Пока эта проблема остается нерешенной.

В принципе, несмотря на действительно значительные результаты социальной политики, преувеличение этих результатов является серьезной ошибкой в анализе того, что сделано за 1990–2004 гг. Прежде всего необходимо иметь в виду, что формальные цифры не всегда отражают более сложную социальную реальность, в частности, они ничего не говорят о текучести и мобильности бедных слоев общества. Устарело и понятие потребительской корзины, не обновлявшееся 16 лет (в то время как социальное и экономическое развитие страны все эти годы шло быстрыми темпами). Не учитывается, как правило, конкретная специфика тех категорий населения, которые пополняют бедные слои, а также плохо изучены и практически не отражены в литературе механизмы реального выхода из бедности.

Таким образом, между эффектом абсолютных цифр и реальной социальной практикой существует если не разрыв, то серьезные расхождения. Эти расхождения связаны не только с издержками официальной статистики, но и с особенностями разных подходов и к анализу ситуации бедности, и к реальной работе в этом направлении. Абсолютный подход, акцентирующий внимание на уровнях дохода, не исчерпывает всей многогранности проблемы, которая не сводится только к возможности приобрести основные продукты потребления. Драма бедности значительно глубже, и ее преодоление связано не только с удовлетворением базовых потребностей человека (хотя это также необходимо), но и с созданием условий для социальной реализации, для полноценной общественной жизни.

* * *

Заканчивая обзор основных направлений и итогов социальной политики по преодолению бедности в Чили, необходимо выделить ряд принципиальных моментов.

Прежде всего опыт Чили демонстрирует, что основная ответственность за разработку и эффективность социальных программ ложится в первую очередь на политическую элиту страны и государственные институты. В Чили важнейшую роль в этом плане сыграли именно государство и политическая элита, ставшая основным инициатором и агентом социальной политики. Мировоззрение и психология элиты, ее готовность воспринимать нищету и отсталость как отрицательное и опасное для общества явление, требующее приоритетного внимания и комплексного подхода, оказали решающее влияние на формирование и реали-

зацию соответствующей социальной политики. Результаты этой политики нельзя оценить однозначно: наряду с абсолютными цифрами, свидетельствующими о значительном (в 2 раза!) сокращении бедности за период 1990–2004 гг., существует, как уже было отмечено, много серьезных проблем, которые не всегда отражаются статистически.

Размышляя о возможных уроках чилийского опыта, необходимо иметь в виду, что психология элиты не формируется за год или даже за несколько лет: здесь важна историческая традиция, сложившаяся на протяжении десятилетий. В Чили эта традиция включала в себя устойчивое общественное представление об особой роли и ответственности той группы, которая находится у власти, за совершенствование и развитие социально-политической реальности.

В то же время, помимо разработки правительственных мер, огромную роль в преодолении бедности и особенно психологических последствий социального неравенства играют различные организации гражданского общества. Гражданское общество – не панацея в преодолении бедности. Его объединения и структуры не могут подменить собой систему образования, социальной защиты, здравоохранения, занятости, но они способны сгладить недостатки правительственных программ, сделать более человеческой реальную жизнь. В тех странах, где гражданское общество достаточно развито – Чили относится к их числу – соседские общины, всевозможные группы взаимопомощи, клубы по интересам создают разветвленную сеть социальных связей, которые не только помогают выживать, но и активно решают бытовые, хозяйственные, психологические вопросы жителей своего района. Взаимодействие этих организаций с властью, с государственными учреждениями на всех уровнях является необходимым условием успешной реализации социальных программ.

В заключение необходимо отметить, что социальная политика не сводится к сумме отдельных, даже эффективных, мер. Социальная политика – это продуманная долгосрочная стратегия, требующая, чтобы быть успешной, выработки соответствующей политической философии. Какая идея станет краеугольным камнем этой философии, зависит от каждой конкретной страны, ее политических и национальных традиций, ее истории. Но только глубокое и осознанное понимание взаимосвязи богатых и бедных слоев в рамках социально-политической системы и тех рисков, которые связаны с нарушением социальной устойчивости, способно привести к формированию действительно новой политики в этом направлении.

¹ *Cannobbio M.* Cronicón Histórico. Testimonios de la Historia Política 1920–1994. Santiago de Chile, 1995. P. 9.

² *Sosa I.* Conciencia y proyecto nacional en Chile (1891–1973). México, 1981. P. 84. *Kirkendall A.J.* Paulo Freire, Eduardo Frei, Literacy Training and the Politics of Consciousness Raising in Chile, 1964 to 1970 // *Journal of Latin American Studies*. 2004. N 36. P. 694.

³ *Cannobbio M.* Op. cit. P. 123.

⁴ *Ibid.* P. 128.

⁵ *Фрей Э. Монтальва.* Будущее Чили внушает мне надежду. М., 1995. С. 175.

⁶ *Oppenheim L.H.* Politics in Chile. Democracy, Authoritarianism, and the search for development. Boulder, 1993. P. 26.

⁷ *Kirkendall A.J.* Paulo Freire, Eduardo Frei, Literacy Training and the Politics of Consciousness Raising in Chile, 1964 to 1970 // *Journal of Latin American Studies*. 2004. N 36. P. 694.

⁸ *Фрей Э. Монтальва.* Указ. соч. С. 160.

⁹ *Cannobbio M.* Op. cit. P. 206–207.

¹⁰ *Ibid.* P. 207.

¹¹ *Фрей Э. Монтальва.* Указ. соч. С. 161.

¹² *Cannobbio M.* Op. cit. P. 205.

¹³ *Фрей Э. Монтальва.* Указ. соч. С. 174.

¹⁴ *Sosa I.* Op. cit. P. 231.

¹⁵ *Morandé F.* Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. B.-A., 1993. P. 11.

¹⁶ *Ibid.* P. 9.

¹⁷ *Ibid.* P. 7.

¹⁸ *Oppenheim L.H.* Op. cit. P. 156.

¹⁹ *Ibid.* P. 160.

²⁰ *Ibid.* P. 161.

²¹ *Ibid.* P. 162.

²² *Ibidem.*

²³ *Morandé F.* Op. cit. P. 51.

²⁴ *Ranis G., Stewart F.* Crecimiento económico y desarrollo humano en América Latina. // *Revista de la CEPAL*. 2002. N 78. P. 18.

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ Concertación de Partidos por la Democracia, “Объединение партий за демократию”, далее в тексте – Консертасьон.

²⁷ Panorama social de América Latina. 2001–2002. Santiago de Chile, 2003. P. 211; *Arenas de Mesa A., Gusman Cox J.* Política fiscal y protección social en Chile // *Revista de la CEPAL*. 2003. N 81. P. 131–132.

²⁸ *Moulian T.* Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile, 2002. P. 95–96.

²⁹ *Cavieres E.F.* Modernidad económica y atraso social. Los dilemmas de la experiencia chilena, 1960–2003 // *L’Ordinaire Latino-américain*. 2003. N 193. P. 84.

³⁰ *Morandé F.* El Caso Chileno. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. B.-A., 1993. P. 53.

³¹ *Maira L.* Las políticas sociales en América Latina: enseñanzas recientes para tiempos difíciles // *Comercio Exterior*. 2003. Vol. 53. N 7. P. 645.

³² *Arenas de Mesa A., Gusman Cox J.* Política fiscal y protección social en Chile // *Revista de la CEPAL*. 2003. N 81. P. 131.

³³ Panorama social de América Latina, 2002–2003. Santiago de Chile, 2004. P. 175.

³⁴ *Carlson B.A.* Qué nos enseñan las escuelas sobre la educación de los niños pobres en Chile? // Revista de la CEPAL. 2000. N 72. P. 169.

³⁵ *Ibid.* P. 168–170.

³⁶ *Wallace St.P.* Equidad en la atención médica del adulto mayor en Chile: papel de la previsión // Revista de la CEPAL. 2002. N 78. P. 128.

³⁷ *Arenas de Mesa A., Gusman Cox J.* Op. cit. P. 134.

³⁸ Movilidad de la Pobreza en Chile. Libertad and desarrollo, 2004.

³⁹ *Ibid.* P. 132.

⁴⁰ *Frank V.* The Elusive Goal in Democratic Chile: Reforming The Pinochet Labor Legislation // Latin American Politics and Society. 2002. Vol. 44. N 1. P. 36, 37.

⁴¹ Panorama social de América Latina, 2002–2003. P. 85.

⁴² *Arenas de Mesa A., Gusman Cox J.* Op. cit. P. 133.

⁴³ *Ibid.* P. 37, 38.

⁴⁴ *Frank V.* Op. cit. P. 38.

⁴⁵ Tiempos del Mundo. 21.05 2004.

⁴⁶ El Mercurio. 31.08 2004.

⁴⁷ El Mercurio. 18.05 2004.

⁴⁸ Tiempos del Mundo. 21.05 2004.

⁴⁹ Panorama social de América Latina, 2001–2002. P. 114.

⁵⁰ *Ibid.* P. 122.

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² El Mercurio. 7.09 2004.

⁵³ El Mercurio. 22.08 2004.

⁵⁴ *Hernández J.R.* Chile. El difícil y truncado camino hacia el desarrollo // Nueva Sociedad. 2004. N 185. P. 54–55.

⁵⁵ El Mercurio. 7.09 2004; 13.09 2004.

БЕДНОСТЬ – ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДРАМА И ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Принято считать, что задача заключения в том, чтобы каким-то образом обобщить основные выводы исследования, так сказать “подвести итоги”. Однако чаще всего дело сводится к скучному повтору сказанного, поскольку основные аргументы и умозаключения уже сформулированы в ходе анализа.

В первой части работы мы постарались наметить “скелетные” контуры метафизики (философии) бедности, включая как теологические, так и светские (социетальные) представления о ней. Во второй и третьей более или менее подробно описали реальную ситуацию в Латинской Америке, раскрыли, если так можно выразиться, действительную органику бедности, ее объективные параметры, а также социальную политику государства, бизнеса и гражданского общества.

Надо признаться, картина в целом получилась удручающая и ни в малейшей степени не соответствующая ни религиозно-этическим принципам христианства, ни идеалу социальной справедливости, ни официальным декларациям властей по поводу “народного благоденствия”. Оказалось, что бедность и нищета большинства человечества – это явление не случайное, а детерминированное глубинными закономерностями социальной эволюции.

Ложная эволюция бедности вовсе не исключает шансов для восходящей социальной мобильности отдельных наиболее активных и способных индивидуумов. И тем не менее общая численность бедных слоев при этом может расти. Этот процесс испытывает воздействие трех факторов: первый и основной состоит в естественной тенденции к усложнению и стратификации членов общества в их иерархическом ранге. В экономическом смысле сохраняется и даже увеличивается площадь материального и имущественного неравенства. “Общество равных”, даже если оно определено конституционно, оказывается химерой и обманом. Никакие этикетки, вывески, декларации о “всеобщем благоденствии” не в состоянии затушевать несправедливость, которая выражается в различии уровня жизни богатых и бедных слоев населения.

Второй фактор таится в недрах собственной сущности бедности. Ей повсеместно свойственен чрезмерный уровень рождаемости и, как следствие, расширенное воспроизводство самой себя по численности и социальному положению.

Третий фактор истекает из первого и сводится к постоянному людскому пополнению извне. Это и сельские мигранты (основная масса), и опустившиеся вниз элементы средних страт, и даже отдельные лица из так называемых “высших классов” (разорение, алкоголизм, наркомания и проч.). Нередко такое “опускание” (пауперизация) носит временный характер, но приток “новых бедняков” не иссякает. В итоге материальное неравенство на макросоциальном уровне никуда не девается и даже растет в объеме.

В Латинской Америке только за последние годы, как уже говорилось, прирост бедного населения превысил цифру в 15 млн человек. Можно предположить, что за это время какая-то часть прежних бедняков и нищих все же выбилась в люди. Точную цифру никто указать не может. Видимо, она колеблется в пределах до 10% от общего числа бедных. Горизонтальное, т.е. территориально-пространственное, “перетекание” бедности суть дела не меняет. Что же касается стратификационных перемен, то они имеют качественное значение.

В свое время Питирим Сорокин провел сравнение флуктуации (колебаний) экономического статуса социальных групп в ряде стран Европы со времен Древнего Рима до США (XIX–XX вв.) и России 1913–1924 гг. В итоге он пришел к следующим выводам:

“1. Благосостояние и доход различных обществ существенно меняется от одной страны к другой, от одной группы к другой...

2. Средний уровень благосостояния и дохода в одном и том же обществе не постоянный, а меняется во времени. Будь то семья или корпорация, население округа или вся нация, средний уровень благосостояния и дохода колеблется с течением времени то вверх, то вниз...

3. В истории семьи, нации или любой группы не существует устойчивой тенденции ни к обогащению, ни к обнищанию... История не дает достаточного основания утверждать ни тенденцию в направлении к раю процветания, ни к аду нищеты... Все направления – вниз или вверх – могут быть “направлениями” только в очень относительном смысле (темпоральном и локальном)... В любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, последние – стихийно, импульсивно, используя насильственные методы”¹.

Не со всеми мнениями великого социолога можно согласиться, особенно с его отрицанием каких-либо “устойчивых

тенденций ни к обогащению, ни к обнищанию”, но общий тон и смысл всех рассуждений Питирима Сорокина представляется верным.

Объективное положение “массового человека” и его субъективно-эмоциональное и психологическое состояние естественным образом вызывает определенную социальную реакцию. В поведении бедных и нищих слоев по преимуществу преобладает фактор стихийности. Сознательный элемент развит слабее эмоций. Это не минус, а нормальное качество их психического и ментального потенциала. Массы не разумом, а инстинктом и чувством *Ressentiment* ощущают цель своего “прямого действия” против существующей несправедливости. Инстинкт самосохранения сильнее всяких теорий и организаций. Конечно, большинство взрослых людей участвуют в обычной гражданской жизни – участвуют в выборах, записываются в партии и профсоюзы, создают собственные ячейки самозащиты и т.д. Самые отсталые группы ведут себя пассивно и часто склонны втягиваться в стихийные массовые бунты или попадают под влияние всякого рода демагогических или популистских сил. Особенно активно и самоотверженно они участвуют в различных формах народного протестного активизма (“спонтанный революционаризм”), в движениях леворадикального или праворадикального типа, в популистских патриотических движениях. Часть низших слоев в целях выживания переходит на позиции порока и преступлений, пополняет собой армию бандитов и террористов.

Все эти моменты входят в сферу анализа социальной антропологии бедности, но образуют все же ее особую часть. Проблема политической антропологии бедности столь сложна и обширна, что требует специального анализа. Возможно, в будущем нам удастся его осуществить.

Остается коснуться еще одной и, может быть, самой деликатной темы общеполитического характера, а именно – общеисторического значения бедности и нищеты в цивилизационном процессе в целом. Некоторые отрывочные суждения на этот счет нами уже высказывались, но важно окончательно определиться с вопросом: является ли бедность мировым и неустранимым злым роком или, отвлекаясь от всякого морализаторства, ее следует считать объективно позитивным и необходимым фактором в развитии цивилизации? Не лучше ли освободиться от “пут” гуманизма и общечеловеческой морали, прямо признать прагматическую целесообразность и неизбежность социального неравенства и имущественной дифференциации? Такой вывод успокоит нашу излишне сентиментальную совесть и тревогу о горе и страданиях несчастных маргиналов, а добровольная благотворительность и

государственный патернализм в чем-то облегчат их тяжелую участь. Жить всем станет “проще и веселее”. Разве это плохо? Таков проект, так сказать, “разумного” практического либерализма и текущей модернизации. И в нем есть своя прелесть. Более того, на пути минимизации бедности и нищеты сделано немало. И этот факт следует только приветствовать.

Реальное “благо”, правда, переносится в будущее, которое по замыслу ООН будет достигнуто уже к 2015 г. Остается ждать всего десяток лет. Но что же делать с сегодняшней бедностью? Терпеливо с ней “бороться”. Только и всего. Пороки цивилизации изживаются медленно.

Однако “...цель, бесконечно далекая, – как писал А.И. Герцен, – это не цель, а, если хотите, уловка... Цель для каждого поколения – оно само”². Точнее, – для каждого человека каждого поколения.

Как бы то ни было, сегодняшняя относительная бедность и абсолютная нищета миллионов и миллионов людей есть не что иное, как квинтэссенция того земного зла, которое переполняет мир. Это и болезни, и страдания, и голод, и укороченная жизнь, и бесправие, и разложение личности и все другое, что никак нельзя отнести к благу и добру. Это не позитивные факторы цивилизации, а ее ужасные пороки и раны. По существу, перед нами огромная всемирная экзистенциальная драма. Некоторые религии и философы утверждают, что горе и страдания – это своего рода благо, научение добру и смирению, которые освобождают человека от “пустых” земных забот, очищают его душу и помыслы, способствуют совершенствованию личности и тем приближают человека к идеалу и Богу.

Но даже самые святые отшельники-аскеты что-то ели и пили, имели какие-то одежды, нуждались в крове, т.е. не брезговали полностью обычными житейскими заботами, предпочитая просто перелagать их обеспечение на других – “не святых”, а простых и грешных людей. Эти самые грубые, самые невежественные и трудолюбивые люди терпели постоянную нужду и страдания, не зная ни малейшего просвета радостной и сытой жизни.

Великий пессимист А. Шопенгауэр (1788–1860) образно писал: “Счастье всегда находится в будущем или в прошлом, а настоящее подобно маленькому темному облаку, которое ветер гонит над освещенной солнцем местностью: перед ним и за ним все светло, лишь оно само постоянно отбрасывает тень. Поэтому настоящее никогда не дает удовлетворения, будущее же неопределенно, а прошлое невозвратимо”³.

Хорошо бы, если бы было только пролетное “маленькое темное облако”, но, увы, для нищего страдальца вся жизнь – это

не “тень”, а постоянная темень, драма медленного умирания. Никакое реальное страдание не устраняется будущими радостями или воспоминаниями о лучших днях. Согласимся с А. Шопенгауэром, что несчастным остается лишь утешаться “в страданиях жизни мыслью о смерти, а при мысли о смерти – страданиями жизни”⁴. Таким образом, следуя логике европейского религиозного и светского гуманистического сознания, мы видим в бедности и нищете только некое извечное экзистенциальное зло, а не добро, некий порок и драму мировой цивилизации.

Тот факт, что масштабы этой болезни в разных частях мира неравномерны, сути дела не меняют. Но это лишь одна сторона медали.

Бедность и нищета большинства человечества – важнейший исторический фактор. Труд рабов воздвиг величие Древнего мира. Торговля африканскими невольниками и “огораживание” дали толчок первоначальному накоплению. Использование дешевого наемного труда пролетариев стало фундаментом современного капитализма. Внеэкономическая система государственной эксплуатации неоплачиваемого труда политзаключенных, солдат и колхозников, трудовой энтузиазм рабочих и служащих сделали Советский Союз мировой державой.

И сейчас счастье “золотого миллиарда” опирается на несчастье пяти миллиардов бедного и нищего населения мира.

В первой главе книги мы привели сравнительные данные о среднедушевом доходе в разных районах мира. Его размер в Латинской Америке ныне в 11 раз меньше, чем в США, и в 7 раз ниже, чем в Германии, Великобритании и Франции. О чем это говорит? Только о том, что и сегодня, как в прежние столетия, относительная латиноамериканская бедность выражает весь смысл того, что мы именуем “экономической зависимостью”. По сути дела, зависимость и бедность – это синонимы: богатые ни от кого не зависят. Но именно ввиду такой вселенской социальной дифференциации и происходит цивилизационное развитие. Оно не знает никаких моральных ограничений, насквозь прагматично и подчиняется железному закону выгоды.

В этом контексте вся Латинская Америка выступает сегодня в роли многомиллионного бедняка, который выбивается из сил, но не может догнать “передовые” державы. Отставание лишь консервирует относительную бедность, хотя постепенно ее “физические параметры” становятся менее ужасными. Латинская Америка это уже не отсталая и забытая периферия мирового хозяйства, а активный участник общей эволюции – экономики, политики, культуры. И все же континент нуждается в поддержке со стороны мирового сообщества, ибо слишком много отдает ему

своей человеческой энергии, не получая взамен адекватной материальной компенсации. Отчасти этот недостаток смягчается при помощи международных программ помощи “бедным странам”. В определенном смысле благотворительность богатых государств есть лишь возвращение Латинской Америке части “исторического долга” за ее усиленную эксплуатацию.

Ясно, что будущее континента зависит не от внешней помощи, а от мобилизации собственных природных ресурсов и человеческой творческой энергии. Можно надеяться, что новые поколения постараются справиться с этой задачей. Некоторые возможности для этого имеются.

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 308–315, 334.

² Герцен А.И. Избранные философские произведения. М., 1946. Т. 2. С. 30–31.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1993. Т. 2. С. 567.

⁴ Там же. С. 572.

América Latina del siglo XX: Antropología social de la pobreza
Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia Moscú: Nauka, 2006. – 287 p.

Esta monografía colectiva es el primer estudio integral, dedicado netamente al análisis de distintos aspectos teóricos y prácticos de la pobreza. La peculiaridad de la concepción que profesa el colectivo de autores consiste en que todo el análisis se realiza desde la óptica de la antropología social de la pobreza y miseria. La combinación de los enfoques filosóficos, éticos, sociales y existenciales de revelación de lo que es la pobreza, como un fenómeno universal del desarrollo de las civilizaciones, atribuye a este estudio un carácter interdisciplinario. A muchos aspectos del tema se les aplica el método comparativo, lo que resulta especialmente importante para determinar la posición con respecto a la estrategia y táctica de superación de la pobreza.

En la primera parte del libro se explica la idea y la metodología de investigaciones, se dan las características a las principales evaluaciones éticoreligiosas de las nociones de pobreza y riqueza. En la segunda parte los autores presentan la dinámica de la pobreza por países, analizan la estructura de ocupación y del desempleo, la situación de las mujeres y de los jóvenes pertenecientes a los grupos más bajos y medios de la población. En la tercera parte se estudian los modelos nacionales de la lucha contra la pobreza en Brasil, Chile, México, Argentina, Venezuela, Perú y otros países.

Научное издание

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
XX ВЕКА:
СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
БЕДНОСТИ**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института Латинской Америки РАН*

Зав. редакцией *Г.И. Чертова*
Редактор *В.С. Баковецкая*
Художник *Т.В. Болотина*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Р.В. Молоканова,
Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 10.05.2006
Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,5. Уч.-изд.л. 18,1
Тираж 500 экз. Тип. зак. 3340

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**Латинская
АМЕРИКА XX ВЕКА**

**СОЦИАЛЬНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ
БЕДНОСТИ**

ISBN 5-02-035134-2

9 785020 351349 >

НАУКА